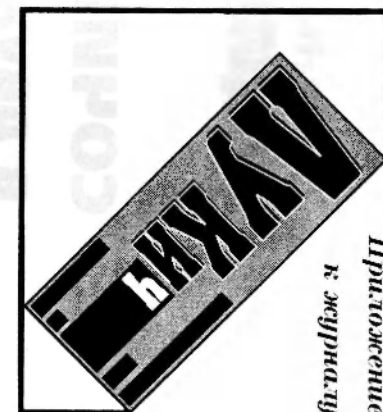

Тюмень: Библиотека краеведа

Пётр Никитъевич
БУЦИНСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ
в двух томах

Под редакцией С. Г. Пархимовича
Составитель Ю. Л. Мандрика

Петр Никитьевич
БУЦИНСКИЙ

том 2

**Мангазея.
Сургут, Нарым
и Кетск**

Издательство Ю. Мандрыки
Тюмень, 1999

ББК 63.3
Б 94

Б 94 БУЦИНСКИЙ Петр Никитьевич
Сочинения в двух томах: Т. 2. Мангазея.
Сургут, Нарым и Кетск/Под ред. С.Г. Пархи-
мовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. — Тюмень:
Издательство Ю.Мандрика, 1999. — 328 с.
— [Приложение к журналу «Лукич»].

В данном томе помещены работы профессора Харь-
ковского университета П.Н. Буцинского (1853-1916) по
истории Тобольской епархии, а также «Мангазея и
Мангазейский уезд», «Сургут, Нарым и Кетск», кото-
рые сегодня практически недоступны массовому чита-
телю.

Книга адресована тем, кто интересуется историей
края, Сибири.

© Издательство Ю. Мандрика (издание). 1999.

ISBN 5-98030-025-4
ISBN 5-98020-027-0 (том 2)

**Мангазея и Мангазейский уезд
(1601 г.-1645 г.)**

Крайний север Сибири — Обдорин¹ и Мангазея² — был известен русским людям гораздо ранее, чем средняя или южная полосы этого края. А между тем в историческом отношении упомянутая местность для многих и очень многих — *tahta pisorpina* — неведомая земля, покрытая мраком глубокой старины. И неудивительно! Обдорю по крайней мере напоминает ныне существующий город Обдорск³, а Мангазея давным-давно сошла с географических карт, и на последних не осталось ничего, что указывало бы на историческое ее существование. Та часть Сибири, которая в XVI и XVII вв. известна была под именем Мангазеи, ныне ничем не обращает на себя внимания; по этому глухому, неориентированному краю в настоящее время только бродят со своими оленями и собаками самолюбивые самоходы. А в старину? Было время, когда в этом крае кипела жизнь, процветали торговля и промышленность, доставлявшие большие выгоды и московским царям, и их подданным; о нем когда-то говорили, как говорят о стране, текущей медом и млеком! Ведь Мангазея в старину — это золотое дно, своего рода Калифорния, куда жадно стремились за добычей драгоценного пушного зверя жители внешних северных губерний: Архангельской, Вологодской, Пермской и др. Поймать десятка два соболей ценной рубль по пяти каждый или штуки две черных лисиц рубль по 50 — разве такая добыча не привлекательна? А попадались соболи по 10 и по 20 рублей каждый и черные лисицы по 100 и по 300 рублей по московской цене. После такой добычи совершенно нищий сразу делался богачом! И такие счастливицы бывали. Например, в 1624 году один сибирский воевода писал в Москву, что Иван Афанасьев в прошлом 1623 году «утонял» две черные лисицы — одну в 30 рублей, а другую в 80 рублей*. Допустим, что Афанасьев был челове-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1, л. 27.

ком совершенно бедным, не имел никакого пристанища, шатался, по тогдашнему выражению, между дворами и питался Христовым именем. А продав черных дидеи за 110 рублей, чем он стал? На вырученные деньги он мог купить по тогдашней средней цене: двадцать десятин земли (20 р.), прекрасную хату (10 р.), пять добрых лошадей (10 р.), десять штук рогатого скота (15 р.), два десятка овец (2 р.), несколько десятков штук разной домашней птицы (3 р.) — словом, полное хозяйство. Если же имел право, то в Сибири мог еще купить пар пять рабов (20 р.). Да у него еще оставался бы капитал про черный день в 30 р., а эта сумма порядочная, если возьмем во внимание, что в то время деньги были дороже нынешних по крайней мере в десять раз. Конечно, такие счастливицы, как Иван Афанасьев, были редки, но попытать счастья каждый стремился, кому были известны богатства Мангазеи, да хоть половину иметь добычи его — и то хорошо. Мы упомянули о добыче Афанасьева не даром, а чтоб наглядно показать, что наше сравнение Мангазеи с Калифорнией не есть преувеличение, а соответствует исторической правде. Только к половине XVII века источник богатства в Мангазее истощился и местность эта была скоро совершенно забыта.

Мы намерены воскресить жизнь в забытой стране, осветить ее историческое прошлое, насколько позволяет это сделать известные нам документы. Настоящий наш исторический очерк Мангазеи касается этой местности с того времени, когда в ней был построен город Тазовский, или Мангазея, и до 1645 года, т.е. до начала ее падения.

Прежде всего остановимся на вопросе: откуда произошло название *Мангазеи*? Во втором томе Р.И. Библиотеки напечатана рукопись покойного князя М.А. Оболенского, в которой поставленный нами вопрос разрешается таким образом. «После того, как устроился Березов, постоянно посылались из него далее на восток разного звания люди, как для приобретения новых земель державе русской, так и для обогащения казны новым исаком. Прежде многих других были отысканы тазовские самоседы. Чтобы сделать для них более приятным новое подданство, березовские служилые

люди построили на реке Таа магазин, куда ежегодно привозился провиант из Тобольска чрез Березов. Провиант этот раздавался диким самоседам бесплатно, но и не даром, именно: они должны были давать в обмен разные меха, как единственные и исключительные продукты их промыслов. По-знакомившись с употреблением хлеба, которого прежде не знали, самоседы научили тому и других дикарей, так что вскоре целые орды стали приходить к магазину и приносить меха. Когда таким образом постоянно сосредоточивалось у магазина большее и большее народонаселение, оказалось необходимым построить город; он был построен на реке Тае... и получил название *Мангазеи*, конечно, потому же, почему и теперь еще в простонародии все возможные магазины крестятся именно этим названием. По крайней мере мы нисколько не сомневаемся, что Мангазея есть перефразированный «магазин»*.

Такое мнение о происхождении названия Мангазеи совершенно ложно. Слово «магазин» не было в употреблении на Руси ни в XVI, ни XVII веках; оно появилось только в XVIII веке, а для обозначения таковых помещений употреблялись названия «амбар» и «житница». Уже из этого видно, что название Мангазея нельзя производить от слова «магазин». В данном случае Миллер ближе подходит к истине. Он говорит: «Из Березова старались проедмывать лежащие оттуда к востоку места при реках Пури, Тае и Енисее и поиме при реке Тае нашли некоторый род самоседа, называемой *Мокасе*, то сие подало повод к названию тамошней страны по российскому произношению «*Мангазея*»**. Но предположение Миллера справедливо только в том отношении, что действительно название Мангазея происходит именно от одного самоедского рода, только род этот назывался не *Мокасе*, а *Мангазея*. Он встречается в ясачных книгах Мангазейского уезда под этим именем и существовал еще в XVII веке. В 1629 году этот род состоял из 50 ясачных людей, а в 1632 году осталось таковых только 19 человек***.

* Р. И. Б., т. 11, стр. 1126–1128.

** Описание Сиб. царства, стр. 289.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 19, и. 1; ibid. кн. 58, с. 254. Считаем нужным исправить здесь свою ошибку, допущенную нами в своем ис-

Таким образом, мы теперь знаем настоящее происхождение названия Мангазеи. Но вот другой, более интересный вопрос: когда эта местность стала известна русским? На этот вопрос мы не можем дать прямого ответа и для решения этого позволим себе высказать только некоторые соображения. Несомненно, что Мангазея, хотя, может быть, и не под своим настоящим именем*, стала известна по сю сторону Уральского хребта прежде всего самоедам, жившим около устья рек Печоры и Мезени, а чрез них и новгородцам. Но когда? Обратимся к исторической географии. Север Российской и Сибирской низменностей от устья Мезени и до устья Лены искони был населен самоедскими племенами, известными под разными народными названиями; самую западную ветвь самоедов представляла югра, или самоеды, жившие около устья Мезени, далее на восток от югры — терская самоедь, печорская самоедь, на границе Европы с Азией — ямальская самоедь, занимавшая полуостров Ямал, затем обдорская самоедь, мангазейская самоедь, юрдская и, наконец, енисейская самоедь. А мы знаем, что новгородцы собирали дань с самоедов, живших по сю сторону Уральского хребта еще в глубокой древности. Есть летописное известие, относящееся к XI веку, о сборе дани новгородцами в области реки Печоры, а если предприимчивые новгородцы еще в конце XI века добрались до реки Печоры, то мы должны предположить, что на западе от этой реки они бывали гораздо ранее. Нашему предположению несколько не могут противоречить сохранившиеся в летописях извест-

свед. «Заселение Сибири...», где в примеч. к 174 стр. Мангазея названа *Мулагазея* и *Молгазея*; нас звели в заблуждение некоторые документы, неправильно списанные для Миллера. Но когда мы нашли те же самые документы в подлинном виде, то везде прочли в них *Мангазею*.

* Впрочем, в известном сказании «О человеках незнаемых в восточной стране», древнейший список которого относится к XV веку, есть упоминание о названии Мангазеи. Там сказано: «На восточной стране за Югорскою землею над морем живут люди Самоедь, зовомыи *Магольми*; а едят их мясо оленье, да рыба, да мекки собою друг друга едят, и гостя к ним спудра приидеть, и они дети свои закупают на гостей, да тем кормят, а который гость у них умрет, и они того съедают, и в землю не кладут, а едят их тельце». Сидят же люди не великим возрастом, бледнолицы, носы малы, но резвы телом и стрелы скоры и горячи, а едят их олених и на собаках. А платие носят соболье и оленье, а товар их собольи». Г. Анушин соправедливо называет это сказание новгородским.

тия о сборе дани новгородцами с Терского берега только в начале XIII века и с югры* в XII веке; ведь это значит только, что летописцы не записали более ранних фактов. Эти данные еще не решают вопрос о скотских новгородцах с мангазейского самодья; они касаются только самоедов, живших по сю сторону Уральского хребта. Но в 1364 году новгородцы ходили на реку Обь и воевали тамошних инородцев. Мы не знаем, каким путем в этом году новгородцы достигли упомянутой реки. Профессор Замысловский высказывает предположение, что этот путь лежал чрез Уральский хребет, но доказательства он никаких не приводит; он говорит только, что можно предполагать «на основании позднейших данных», т.е. судя по позднейшим походам войск Ивана III в 1484 и 1499—1500 гг., которые, несомненно, совершались по рекам чрез Уральский хребет. Но ведь позднейшие данные показывают нам и другой путь — морской, которым русские люди проникали на реку Обь и в Мангазею. Почему же не предположить, что и поход новгородцев в 1364 году совершен морем именно из устьев Двины в Белое море, Карское море и чрез речни полуострова Ямал в Обскую губу? В «Историческом Описании Российской коммерции» Чулкова читаем: «Жители северной страны для получения мягкой рухляди как прежде, так и по построении города Архангельска, ездили на реку Обь и до Мангазеи. Кочи свои, приехав из двинского устья в реку Капу, оставляли обыкновенно на сей реке, а по ней камикали сухим путем до другой реки, впадающей в Обскую губу, при которой, построив новые суда, на оных далее отправля-

* Считаю нужным заметить, что мы под югрой, о которой упоминается в летописях и в договорах новгородцев с князьями, разумеем самоедск. жилища около устья реки Мезени. О местоположении этой югры высказывались довольно различные мнения, но мы полагаем, что она там, где место ей указано в чертежной книге Сибири, составл. Рамезовым в 1761 г.: на первом общем листе этой книги около устья Мезени мы находим — «югорская земля», а на 29 листе в том же самом месте — «югорское царство». А так как в данной местности жили самоеды, то поэтому под югорскою «югрой» только их и можно разуметь. Заметим тоже, что сменяет различия югрой от югров: последние жили по западным склонам Уральских гор в области, которая в «Черт. книге Сибири» называется Югорией или Удорией и которую, несомненно, населяли остяки. Впоследствии, когда остяки перекочевались к своей братии на Соську (XV в.), за Уральский хребет, то и местность, зная ими, в книге «Большой Чертеж» стала называться «Югорией».

лись...^{***}. Мы думаем, что этот морской путь в Мангазею известен был новгородцам и новгородским и суздальским колонистам задолго до основания Архангельска. В Никоновской летописи упоминается о неудачном походе 1032 года новгородца Улеба на Железные Ворота. Последнее название, как известно, имеют многие местности, но Лерберг в своем исследовании о югорской земле утверждает, что в данном случае под Железными Воротами нужно разуметь пролив или на Белом море между островами Соловецким и Муксом, или на Ледовитом океане между Новой Землей и Вайгачем, и что поход новгородца Улеба совершен морским путем на реку Обь^{***}. Позднейшие исследователи (например, Барсов) не соглашались с мнением Лерберга, но мы не видим к тому оснований. Разве г. Барсов имеет более оснований относить Железные Ворота, о которых упоминается в летописи под 1032 годом, к урочищу Железные Ворота на правом берегу Сиссола (в 80 верстах от Усть-Сысольска)^{****}, чем Лерберг, видящий в них какой-нибудь из указанных проливов? Нисколько! Мы вполне присоединяемся к последнему мнению и постараемся здесь показать, что оно гораздо вероятнее, более соответствует исторической правде. Татищев был прав, когда говорил, что поход на Железные Ворота предпринят был новгородцами именно против югры и что последняя победила их. Если взять во внимание, что этот историк, как известно, относит местоположение югорской земли к реке Югу, то с первого взгляда покажется странным его прибавление к летописному известию, что поход Улеба в 1032 году на Железные Ворота был против югры; ведь на реке Юге и близко к ней таковых ворот не существовало, и об этом Татищев знал. Эту странность мы объясняем себе таким образом: Татищев имел под руками такой летописный список, где говорилось, что *новгородцы ходили на Железные Ворота против юзров*, и он вписал это место в свою историю, а что у Татищева были такие списки, которых не дошло до нас, в этом нет сомнения^{*****}.

^{***} Т. I, кн. I, стр. 92, изд. 1781 г.

^{****} Исследования... Дрв. Р. истории, стр. 80–81, изд. 1819 г.

^{****} Очерки Р. И. Геогр., стр. 62–63.

^{*****} О походе Улеба на Железные Ворота так передается в дошедших до нас летописях. Воскресенской: «В лето 1032 Великим князь Ярослав

Теперь спрашивается, где же жила та югра, к которой нужно идти через Железные Ворота? Мы думаем, что это самоеды, жившие в Лукоморье и на полуострове Ямал, и к ним-то новгородцы плавали через пролив, отделяющий остров Вайгач от Новой Земли, т. е. через Железные Ворота, как тогда назывался и теперь называется этот пролив. Что лукоморские и ямалские самоеды назывались новгородцами югрой, в этом нельзя сомневаться⁴. «Вся северная часть Уральского хребта, — пишет Лерберг, — еще и теперь известна под названием Югорских гор, южный берег Карского моря называется Югорским берегом, а пролив между Вайгачем и твердой землей — Югорским Шаром»⁵. Почему же эти места называются югорскими? Происхождение этих названий мы таким образом объясняем. Новгородцы знали югру, или самоедов, около Мезени, а добравшись морским путем до Лукоморья и полуострова Ямал, и здесь они встретили тот же народ, который они видели у устья реки Мезени, и назвали онный тем же именем, т. е. югрою. Те исследователи, которые под новгородскою югрою разумеют остяков, не в состоянии объяснить происхождение названий — Югорские горы, Югорский Шар, Югорский берег. Остяки никогда не жили в упомянутых местах, а там всегда кочевали самоеды, и они преимущественно нуждались в этих тундрах для прокормления зимой своих оленей. После этого нам становится понятен известный рассказ новгородца Гюрты Роговича: послал он, передает Гюрта летописцу, отрока своего в Печору к людям, которые дают дань Новгороду... А *оттуда* отрок пошел в югру, а югра говорит непонятным языком и соседит с самоедью на попоча города ставити и по Руси и тогда же Улеб изиде из Новгорода на Железные врата и опять мало их прииде. То же читаем и в Софийской, в Никеевской: «Того же лета (1032) Улеб иде на Железные Врата из Новгорода, и встать мало их наизратишиса, но много тамо погыбаша». Но в «Истории» Тютчева под 1032 г. читается следующее: «Ярослав строил города по Руси и за Днепром. Сего же году родилась Ярославу ашеръ. Новгородцы с Улебим кохили на Железные врата, но бысть несчастье, побеждены были Новгородцы от Югра». С первого же взгляда на это место у Тютчева можно убедиться, что он буквально передает, что нашла в летописи; он же упоминает под этими годами и о рождении дочери Ярослава, чего нет ни в Воскресенской, ни Никеевской, ни Софийской летописях.

⁴ Исслед., стр. 19—20.

луночных странах⁴. Под печорскими данными следует разумеать пустоозерскую самодью, которая действительно жила в соседстве с югрой, кочевавшей в луночных странах — в Лукоморье и на полуострове Ямал. Если же в этом рассказе югра упоминается наряду с самодью, то это нисколько не противоречит нашему мнению: в источниках, касающихся Сибири, нам не раз попадались разные названия одного и того же народа; мы также знаем, что самоедов, живших около Мезени, русские называли югрой, а то же племя по Терскому берегу называли терской самодью. Выражение в рассказе Рогович «Югра людье есть язык нем», т.е. говорит на особом языке, не может также служить возражением против нас. Отрок-новгородец, однако, понимал, что говорила ему югра, и в языке мезенской и пустоозерской самодьи могли быть особенности против языка, на котором говорила самодья лукоморская. Итак, на основании приведенных соображений мы думаем, что поход новгородцев в 1032 году совершен морским путем из устья какой-нибудь реки — Двины или Мезени — чрез Карские Ворота на полуостров Ямал. Мы сознаемся, что наши соображения относительно упомянутого морского плавания новгородцев мало убедительны; мы не можем основать свое предположение на несомненных исторических данных. Но отсутствие таких еще ничего не доказывает: скудость исторического материала относительно древнейшей русской истории всем известна; в дошедших до нас памятниках часто мы не находим сведений о таких предметах, в существовании которых мы нисколько не сомневаемся. Ведь трудно допустить, чтобы предприимчивые новгородцы, плававшие по Двине, Мезени и Печоре, не добрались до устьев этих рек и не выплыли из них в море? Мы знаем положительно, что как только русские проникли на Енисей и Лену, то скоро видим их и в устьях этих рек и затем плавающих в разных направлениях по Ледовитому океану. Тогдашний русский человек не любил останавливаться на полпути: едва только он познакомился с устьем реки Енисея, как употребляет все усилия, чтобы проникнуть далее в Ле-

⁴ Лаврентьевская летопись изд. 1872 г., стр. 226—227.

довитый океан; то же самое наблюдаем мы, когда видим его в устьях рек Лены, Колымы и пр. Все это совершается очень скоро, промежутки времени самые ничтожные: в 1610 году русские промышленники добрались до устья Енисея и в том же году выплыли в Ледовитый океан, а из океана вошли в реку Пясиду; в 1644 году русские добрались до Амура, и в следующем году видим их уже в Охотском море. Наконец, они проникли на Курильские острова и там не остановились, и оттуда переплыли в Америку.

Как же можно думать, что новгородцы, несомненно, плававшие еще в XI и XII веках по рекам Двине, Мезени и Печоре, не проникли из них далее! Ведь из устьев этих рек гораздо легче проникнуть в море, чем, например, из реки Енисей, устья которой иногда половину лета бывали загромождены ледяными горами, так что русским промышленникам приходилось здесь сидеть очень долгое время, пока полуденный ветер провесет льды. И все-таки они сидели, дожидаясь очищения устьев Енисея и выплывали в Ледовитый океан. Один торговый человек, двинянин Куркин, рассказывал тобольским новикам. В 1610 году был он с товарищами своими в Турухане, и там они говорились через Енисей проникнуть в Ледовитый океан, а оттуда в реку Пясиду на промысел. Сказано — сделано! На кочках они поплыли вниз по Енисею и чрез четыре недели плаванья достигли енисейского устья. Но последнее оказалось загроможденным ледяными горами в толщину сажен по тридцати и больше и проехать в море было невозможно, тем более что ветер дул северный, непопутный. Промышленники еще заметили, что «лед давний, ни в которую пору не изводится». Ввиду таких неприятностей, казалось бы, следовало оставить попытку пробраться из Енисея в Ледовитый океан и возвратиться назад; к тому же в Пясиду был известен другой путь, и им уже пользовались промышленники. Но русский человек был настойчив и упорно преследовал намеченную цель: «авось» подует южный ветер и поможет выплыть в море. Рассчитывая на «авось», промышленники решились дожидаться благоприятного случая. Ждут неделю, другую, третью и, просидевши в устьях Енисея целых пять недель, они хотели было уже плыть назад. «Да как потянул полуденный ветер, —

рассказывал Куркин, — и тем ветром лед из устья отнесло в море одним днем». И так, терпение русского человека победило, казалось, непреодолимое препятствие! Когда устье Енисея очистилось, наши промышленники выплыли в море, взяли курс на восток и чрез два дня плавания благополучно добрались до устья реки Пясиды*.

Такова была предприимчивость русского человека в XVII веке, такова она была и у новгородцев; ведь разные движения, важнее, вымичи и прочие, которых мы видим бороздящими Сибирь в разных направлениях сухим и водным путем, — это кость от кости, плоть от плоти тех же знаменитых новгородцев⁶. И последние из устьев Двины и Мезени выплывали в Белое и Карское моря, посещали полуостров Ямал и следы этих посещений оставили в названиях — *Югорский берег*, *Югорский Шар*⁷. Но новгородцы не могли остановиться на полуострове Ямал, на нем находились реки Мутная и Зеленая, которые вели в Обскую губу, затем в Тазовскую и в Мангазею. Сам по себе полуостров Ямал не представлял для новгородцев особенного интереса, и ради него они не могли предпринимать такого отдаленного плавания. На этом полуострове в период навигации, т.е. летом, новгородцы могли встретить только самую незначительную часть самоедов, так как последние имели обыкновение, или скорее нужду, ранней весной оставлять свои тундры и перекочевывать в более южные местности. По крайней мере в XVII веке, как видно из документов, ямальские самоеды целое лето жили по рекам Соби и даже Войкару. Здесь они кормили своих оленей, ловили рыбу, птиц и «сѣстных зверя», заготавливали из этого «юколу» и «порсу» — зимний корм для собак и самих себя. А как только начнет падать снег и является нужда во мхе, они собирают свои чумы и переселяются в тундры. Отсюда произошла известная басня о замирании на зиму людей Лукоморья⁸. «Сказывают, — пишет Герберштейн, — что с людьми Лукоморья происходит нечто удивительное и невероятное, весьма похожее на басню: как носится слух, они каждый год умирают, именно 27 ноября, когда у русских празднуется память св. Георгия, и потом оживают, как лягушки, на следующую весну,

* Р. И. В., т. II, стр. 1050–1051.

большей частью около 24 апреля»*. Эта басня указывает на временное появление самоедов в южных местах, где их могли видеть другие народы, и на удаление в тундры. И если Барсов поселения югры нашей летописи относит к более южным местам — к речкам Вычегде, Сухоне и Ваге — и в доказательство, между прочим, приводит сохранившиеся там югорские названия: *Угранька*, приток Ваги, *Угринская* деревня на Ваге, *Югорская* и *Юзрина* в Тотемском уезде и пр., то эти доказательства несколько не противоречат нашему мнению о местоположении новгородской югры: упомянутые названия указывают только на временные, летние стоянки самоедов.

Говоря об оставлении самоедами на летнее время полуострова Ямал, мы имели целью показать, что новгородцам там нечего было делать, и если они туда совершали морские плаванья, то главным образом потому, что чрез него лежал путь в Обскую губу и Тазовскую губу, совершали плаванья ради обдорских и тазовских, или мангазейских, самоедов, у которых был в изобилии драгоценный пушной товар. Лерберг, имея в виду известные попытки голландцев и англичан в XVI и XVII веках** пробраться в северный океан чрез Карское море, замечает: «Каких трудов и несчастий извзялись бы голландские и английские мореплаватели, отыскивая северо-восточный путь в Индию, если бы могли пользоваться гидрографическими познаниями, которые в Великом Новгороде известны были за несколько сот лет до того»***. Несомненно! Как и несомненно то, что если бы мы более были внимательны к морским открытиям русских людей, то назвали бы пролив, отделяющий Азию от Америки, не Беринговым, а Дежневым, так как казанец Дежнев «с товарищи» проплыли этот пролив ранее капитана Беринга на 80 лет.

Мы сказали, что Мангазея давно была известна русским и иноземцам Северной Руси, торговля и промыслы

* Герберштейн. «Записки о Московии» перев. Анисимова, стр. 25. Спб. 1866 г.

** Экспедиции — 1580 г. под командою Петра и Дотскмана — 2 судна; 1584 г. под ком. Варенца, Ная и Вранга — 3 судна; 1586 г. под ком. Рюка и Темска; 1608 г. под ком. Гудкова; 1625 г. под ком. Босмана — далее Карского моря не могли пробраться.

*** Лерберг, стр. 30.

в тамоснем краю давно привлекали туда предприимчивых людей; там были даже городки, основанные промышленниками. Но московское правительство долгое время ничего об этом не знало или очень мало, и только в самом конце XVI века до него начали доходить на этот счет разные сведения. Есть летописное известие, что в 1598 году царь Федор Иванович на основании этих сведений отправил в Мангазею и Енисею Федора Дьякова с товарищами для проведения этих стран и для обложения тамошних инородцев ясаком. Дьяков возвратился в Москву в 1600 году. Он же, вероятно, первый сообщил правительству, что пустоозерцы, вымичи и другие торговые люди московских городов уже наложили руку на мангазейскую и енисейскую «самоядь» и собирали с них в свою пользу дань, а сказывали, что собирают ясак на государя. Конечно, торговые люди проводили о посылке Дьякова и знали, чем она должна кончиться: правительство построит город в Мангазее, и тогда их вольной торговле в том краю настанет конец. И вот одви, забегая вперед, в 1599 году просят царя Бориса пожаловать их, разрешить им ездить для торговли и промыслов в Мангазею морем и рекою Обью на реки Пур, Таз и Енисей и торговать «повольно» с самоедами, которые живут по тем рекам, а другие, как увидим сейчас, стараются помешать намерениям своего правительства. Борис Федорович пожаловал челобитников, разрешил им вольную торговлю в тех местах, но с тем, чтобы они выплачивали в государеву казну обыкновенную десятинную пошлину и не торговали заповедными товарами*. Эта грамота дана в январе 1600 года, и в том же году московское правительство решилось снарядить экспедицию в Мангазею для подчинения тамошних самоедов и для основания в устьях реки Таза острога. Летом 1600 года из Тобольска отправились на коче и трех коломенках³ князь Мирон Шаховской и Данило Хрипунов, а с ними сын боярский, атаман и служилых рядовых людей 100 человек. По реке Иртышу они спустились в Обь, а с Оби прибыли в г. Березов. Здесь по указу государя уже было приготовлено новых четыре морских коча и

* А. И., т. II, № 30.

вприбавку к тобольским людям 50 человек березовских казаков. Из Березова экспедиция двинулась вполне снаряженной: в Мангазею поплыли пять морских кочей и пять новых судов-коломенок, а в них, кроме начальных людей, находилось 150 человек войска, а также съестные припасы и товары.

Эта экспедиция добралась до места назначения не скоро и не совсем благополучно. Едва только она vyplыла из Оби в Обскую губу, как потерпела жестокое крушение: три коча были совсем разбиты, две коломенки, прибитые к берегу, затоплены водой, мука и толокно в них подмочены, а крупа и соль потонули. Далее продолжать путь водою оказалось невозможным, тем более что начались уже заморозки, а до Мангазеи было еще слишком далеко. Участники экспедиции повернули назад и, добравшись до Пантуева городка⁹, решились здесь остановиться. Что это за городок, сказать трудно; в книге «Вольшой Чертеж» о нем не упоминается. Вероятно, Пантуев — один из тех городков, которые русские промышленники и зыряне строили в Сибири в местах своих промыслов и торговли, — это временные приюты. Положение в нем экспедиции было довольно опасное: каждую минуту она могла ожидать нападения здешних самоедов и обдорских остяков. Отсюда князь Мирон Шаховской и Данило Хрипунов писали царю, что они в 1600 году дойти до Мангазеи не успели, так как их отпустили из Тобольска поздно, а дошли до Пантуева городка и тут стали. Затем они еще сообщили о постигнувшем их крушении и о невозможности продолжать путь морем. «Осталось у нас, — пишут они, — два коча и пять коломенок, и те кочи малы и некрепки, а в коломенках морем не ходят; да к тем кочам в Тобольске и Березове дано десять якорей и десять малых парусов, да с ними же пошло 180 с. канатов и всяких веревок 250 саж., но тех парусов, канатов и веревок мало и для морского хода надобно вприбавку 75 саж. канатов, 500 саж. веревок, 1250 аршин холста для парусов, 400 аршин тонких бечевок для обшивки парусов и еще пять якорей». Писали также, что они послали казаков в Обдор к остякам и самоедам с просьбой отвезти их в Мангазею сухим путем на оленях, и если подводы

будут, то они той же зимою достигнут Мангазеи, а если самоеды и остатки не явятся с оленями, то им придется дожидаться в Пантуеве парусов и якорей из Тобольска*.

Надежда начальников экспедиции оказалась напрасной: действительно, к Пантуеву городку явились самоеды с оленями, и благодаря последним экспедиция двинулась далее — в Мангазею; причем войско шло на лыжах** . Но на пути на экспедицию напали мангазейские самоеды и разгромили ее. Где случился этот погром, мы не знаем. Единственное свидетельство об этом мы находим в наказе Б. Мосальскому и Савлуку Пушкину, но, к сожалению, начала наказа не сохранилось, а там-то и приводилось донесение березовского воеводы о погроме упомянутой экспедиции. В этом наказе читаем: «...Солени Нилиными при нужде убили 30 человек казаков, а князь де Мирон ушел ранен, а с ним 60 человек казаков, падчи на оленей душою, да телом, а про Данила не знают ранен ли, или не ранен; и посылал де с теми вестми князя Василия Обдорского¹⁰ и он на Березов не поехал: еду де я, как располитца вода. Преж де того посылали они проводывать про князя Мирона и про Данила в Мангазею и Енисею дву человек казаков, и князь Василий де не дал им проводников и им видетца, что и в остатках шатость за одно с самолюдью, и они на Березове живут с великим береженьем»***.

Из того же наказа видно, что мангазейские самоеды напали на экспедицию не сами по себе, а по научению торговых людей и промышленников. «А будет пустозерцы, вымичи, зыряне, пермичи или иных каких городов торговые люди станут воровать по прежнему, и мангазейской и енисейской самояди будут говорить, чтоб государеву острогу у них в Мангазее впредь не быть, чтоб торговать им в Мангазее и Енисее всякими заповедными товарами с самолюдью по прежнему, то князю Василию и Савлуку о тех замыслах воров сыскивать, а сыскав, отсылать их в Березов». Этого мало: тобольские воеводы даже высказывают подо-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 2, л. 28.

** Опис. Сиб. цар. Миллера, стр. 300. См. гр. Бориса от 9 апреля 1601 г. к Б р "оца, дозвочити.

*** Р. И. Биб., т. 11, стр. 824.

зрение — не участвовали ли в упомянутом погроме и русские торговые люди?⁴.

После доведения Шаховского и Хрипунова из Пантуева городка в Москве долгое время ничего не знали о судьбе посланной в Мангазею экспедиции. Наконец, весной 1601 года московское правительство решилось отправить туда же вторую экспедицию под начальством упомянутых князя В. Мосальского и Савлука Пушкина. На этот раз поход в Мангазею обещался быть более надежным. Верхотурскому воеводе дан был указ приготовить «для мангазейского хода» 15 кочей, а из Перми велено отправить в Верхотурье шесть якорей; воеводам, отправляющимся в Тобольск на смену прежних, Федору Ив. Шереметьеву и Остафию М. Пушкину велено в Ярославле и Вологде купить все необходимое для мангазейской экспедиции, как-то: канаты, бечевки, холст для парусов и пр. Этим воеводам правительство наказывало прибыть в Верхотурье еще зимним путем, пересмотреть кочи, чтобы были крепки, а как вскрыется лед, взять их с собой и отправиться в Тобольск. «А прибыв в Тобольск, им наперед всех дал вычьсть указ о мангазейской посылке и по тому указу на место князя Мирона и Давида отпустить тотчас в Мангазею князя В. Мосальского да Сав. Пушкина и наказ им дать от себя и служилых людей отпустить с ними на перемену тем, которые посланы с кн. Мироном и Давидом». В наказе Мосальскому велено написать, чтоб они шли к Пантуеву городку и, если там застанут Мирона и Давиду, то отпустить их в Москву, а служилых людей, бывших с ними, распустить по городам; если же самоседы и отяжи отнюдзи зимью ступили их в Мангазею, то все-таки идти им туда же на смену Мирона и Давиды⁵.

Летом 1601 года в Мангазею двинулась новая экспедиция: из Тобольска отправились по Иртышу 9 кочей, две морские лодки и два дощаника, а на них, кроме начальных

⁴ Ibid., стр. 826. Нужно заметить, что документ, напечатанный в Р. И. Б., т. 11, № 188 под именем наказа кн. В. Мосальскому и Савлуку Пушкину, на самом деле есть не что иное, как отписка в Москву тобольских воевод Федора Шереметьева и Остафия Пушкина, но в этой отписке сообщается: а) донесение в Тобольск беремосским воеводам о погроме самоседами первой экспедиции и б) наказ, данный этими воеводами начальникам второй экспедиции.

⁵ А. М. Ю. Сиб. пр., кн. 2. См. Память тоб. воеводам от 1601 г. фев.

людей, 200 человек литвы, казаков и стрельцов, пипаль скорострельная и три пипали затинных с соответственным количеством ядер, пороха и свинца, а также несколько тысяч пудов всяких съестных запасов. По наказу эта экспедиция должна была захватить в Березов и взять там березовских служилых людей 70 человек, сургутских 30 человек, проводников и толмачей, пипаль скорострельную, три пипали затинных и 400 к ним ядер. «А из Березова идти в Мангазею и Енисею рекою Обью и морем наспех — днем и ночью, чтоб прийти туда водяным путем до заморозков, останавливаясь на крепких местах бережно и не у берега; идучи в Мангазею разведывать про князя Мирона и Данилу, где они находятся и от кого потерпели погром».

Отписки Мосальского и Пущкина до нас не дошли, а потому мы не знаем, в каком виде они нашли первую мангазейскую экспедицию и что осталось от нее вследствие погрома самоедского. Но из грамоты царя Бориса в Березов, данной по поводу челобитья березовских служилых людей, участвовавших в первой экспедиции, видно, что последняя зимою 1600—1601 гг. добралась до Мангазеи. По этому докладу Миллера, что строителями Тазовского города были Шаховской и Хрипунов, имеет основание: ведь вторая экспедиция могла прибыть на реку Таз не ранее конца июля 1601 года, а к этому времени Шаховской и Хрипунов наверно должны были исполнить наказ относительно постройки города в Мангазее, тем более что им предписывалось, если они найдут удобным, обратить в острог какой-нибудь городок, построенный на реке Таз торговыми и промышленными людьми. Но Миллер не прав, относя заложение этого острога к 1600 году: к его основанию начальники первой экспедиции могли приступить только весной 1601 года. Таким образом, несомненно, что вторая мангазейская экспедиция прибыла уже в готовый город. Он стоял при реке Таз (а 200 верстах от устья) между впадающими в нее реками Осетровкой и Ретилхой. Наказ предписывал новым мангазейским воеводам, укрепившись в Тазовском городе, прежде всего «учесть по книгам» Мирона и Данилу и отпустить их в Москву, а служилых людей, бывших с ними, по городам, откуда последние взяты, и если не будет надобности, то из всего войска, прибывшего с ними в Мангазею,

оставить у себя только 100 человек. Затем велено им пригласить в острог лучших из самоедов и сказать им жалованное слово: «что прежде сего приходили к ним в Мангазею и Енисею вымичи, пустозерцы и многих государевых городов торговые люди, дань с них брали воровством на себя, а сказывали на государя, обиды, насильства и продажи от них были им великие, а теперь государь и сын его царевич, жалую мангазейскую и енисейскую самоедь, велели в их земле поставить острог и от торговых людей их беречь, чтобы они жили в тишине и покое... и ясак платили в государеву казну без ослушания, и быть им под высокою государевой рукой неотступно...». Потом наказ предписывал послать служилых людей по городам и волостям, чтоб они переписали самоедов, взяли в острог заложников¹¹ и обложили новых подданных ясаком — кому сколько можно платить. Велено также собрать в острог и торговых, и промышленных людей, расспросить о тех путях, которыми они ходят в Мангазею и Енисею, сколько бывает их там в год и какими товарами торгуют с самоедами; все записать и отписку прислать в Москву; объявить им, чтоб они не смели торговать заповедными товарами: панширами, шеломами, копыями, саблями, топорами, ножами или иным каким железом и вином, а другими предметами они могут торговать нолью, платя десятинную пошлину в государеву казну с торговли, промыслов и всяких запасов.

Воеводы Мосальский и Пушкин пробыли в Мангазее два года; что они в это время сделали в новой вотчине государевой, мы не знаем, так как отписок их до нас не дошло. В январе 1663 года уже новые лица — Федор Булгаков и Никифор Елчанников — получили наказ ехать на службу в Мангазею и сменить прежних воевод. При Булгакове и Елчанинове в Тазовском городе построены гостинный двор и церковь во имя св. Троицы; с ними прибыл поп Яков с женой и детьми*. По «росписному списку 1625 г.» город Мангазея снаружи имел следующий вид. С приезде в стене — башня Спасская, проезжая четырехугольная, а под ней двое ворот — внешние и внутренние, башня Успенская угловая от речки Осетровки, башня Ратилевская угло-

* Р. И. Б., т. II, стр. 833—845.

вая, башня Давыдовская от реки Таа угловая четырехугольная и башня Зубцовская тоже от реки Таа. Всех башен было пять, высота их разная — от трех до четырех сажен, а между ними городские стены в высоту по $1\frac{1}{2}$ сажени. Вокруг всего города — 131 сажень*. Внутри города находились две церкви — Троицкая и Успенская, воеводский двор, съезжая изба, таможенная изба, гостинный двор, торговая баня, амбары и лавки, тюрьма, а в стенах ютились хаты мангазейского населения. Для защиты города на башнях стояли 9 латинных железных пищалей. Население города в этом году: поп, дьячок, дьячок, пономарь, два подъячих съезжей избы, подъячий таможенный, голова таможенный, несколько человек торговых людей, палач, сторожа, пять человек толмачей и служилых людей 53 человека**. Это постоянное население Мангазеи, а кроме того, в Тазовский город присылались из Березова годовальщики — 50 человек казаков и стрельцов. Но последние почти не жили в городе, а бродили по зимовьям Мангазейского уезда за сбором ясака и переменились то ежегодно, то чрез два года. С распространением Мангазейского уезда явилась нужда увеличить число служилых людей в Мангазее. Так, в 1626 году прибавлены в Тобольске 50 человек казаков и стрельцов и отправлены на житье в этот город; прибавлен один подъячий в съезжую избу и один подъячий в таможенную; видим также увеличение толмачей до 15 человек. Хотя в Мангазее было две церкви, но поп всегда был один, и только в 1635 году мы встречаем двух попов, и оба они назывались троичниками***. Но торговых и промышленных людей, временно проживающих в Мангазее, было очень много — от 600 и до 1000 человек ежегодно. Эти гости разделялись на летних и зимних и за проживание в городе платили по 60 копеек с человека как летом, так и зимою. Они, собственно, не жили в городе, а имели только временный приют и держали здесь склады товаров и промышленной добычи, сами же почти круглый год бродили по Мангазейскому уезду ради торгони промыслов.

* Ibid, № 135.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 14, л. 402; ст. № 24, л. 34.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 78, л. 93, 1006.

Уезд Мангазейский имел границы со стороны уездов: Березовского, Сургутского, Нарымского, Кетского; с 1619 года — со стороны уезда Енисейского, а на восток территория его простиралась до водораздела бассейнов Енисея и Лены и до устьев последней реки. Распространение московской власти в этом уезде шло очень быстро. Поставивши острог на среднем течении реки Таз, мангазейские воеводы прежде всего обложили ясаком самоедов по рекам Пур и Таз и затем начали посылать служилых людей «для отыскания новых земель» и приведения их «под высокую руку государя»; притом одни партии казаков посылались в тундры, а другие чрез речку Турухан (иначе Туруктап) на Енисей и его притоки; отыскивать новые земли служилым мангазейским людям было легко, потому что река Енисей была известна русским промышленникам еще до основания Мангазеи. Да и после основания этого Тазовского острога служилые люди подвигались в глубь Сибири, главным образом, по следам торговых и промышленных людей, и последние всегда были далеко впереди. Вот почему уже в первое десятилетие существования Мангазеи обложены были ясаком «тундрная самовадь», туруханская и енисейская самовадь, остяки, жившие по среднему течению Енисея и его притокам: Елогую, Сыму и Касу, — и тунгусы по нижнему течению реки Нижней Тунгуски и нижним притокам последней. А к концу первой четверти XVII века мангазейские служилые люди уже собирали ясак с инородцев в верхних местах реки Нижней Тунгуски, по всей Средней, или Подкаменной, Тунгуске, перебрались чрез хребет, составляющий водораздел рек Енисея и Лены, и обложили ясаком инородцев по рекам Вилую и Чане. Как отдаленны были эти места от города Мангазеи, можно судить по тому, что ясачные сборщики, отправляясь весной в верхние части Тунгусок, возвращались обратно только чрез год. С другой стороны, мангазейские служилые люди, подвигаясь по тундрам все далее и далее на восток, к концу первой четверти XVII века добрались до устьев реки Хотанги и обложили ясаком всех хатангских самоедов, а в 1644 году они появились и на реке Авабаре. Но в устьях реки Лены мангазейцы были еще около 1630 года, только дошли они туда другим путем: именно из реки Вилуй, западного притока Лены.

В 1633 году бывший мангазейский воевода Андрей Палицын подал в Казанский приказ роспись и чертеж «великой реки Лены и разных земель людям, которые живут по той реке Лене и по иным рекам». В этом документе уже довольно подробно описан путь из Мангазеи на реку Лену до самых ее устьев. «Идти на ту великую реку Лену из Мангазеи судами Тазом и Волчанскою вверх, озерами и режмами¹² на кочах и каяках¹³ до енисейского волока десять дней, а волока немного больше полуверсты, затем окраинами и режмами до реки Турухана ходу два дня, а Туруханом и Шаром вниз до Туруханского зимовья ходу десять дней и чрез Енисей до устья Нижней Тунгуски ходу два дня; Тунгускою рекою идти вверх до устья реки Тетей, а оттуда волоком на реку Чону ходу два дня. В том месте зимовать и весною идти рекою Човою на Вилую десять дней, а Вилуюю до реки Лены ходу три недели... А по великой реке Лене вниз идти греблею до полунощного океана два месяца и более, а парусною погодою можно добежать и в одну неделю». Эта роспись, как мы упомянули, подана в 1633 году, а потом мы можем заключить, что мангазейские служилые люди добрались впервые до устья Лены на несколько лет ранее этого года. Из того же документа мы видим, что мангазейцы в это время были уже знакомы и с восточными притоками реки Лены, и даже Байкальским озером*. Но на Лене мангазейским служилым людям не удалось утвердиться: там они встретились со служилыми людьми Енисейского острога и должны были уступить последним. Впрочем, из Мангазеи некоторое время собирали асяк с ленских инородцев, но так как путь на Лену из Енисейска был ближе, то московское правительство приписало последних к Енисейскому уезду.

Что же касается количества асячного инородческого населения в Мангазейском уезде, то об этом мы ничего не можем сказать определенного. Воеводы отписывали в Москву, что «в Мангазейском уезде люди кочевные и не сидячие, а живут, переходя с места на место и с реки на реку». Поэтому мангазейским асячным сборщикам невозможно было доставить воеводам определенных сведений о количе-

* Р. И. Б., т. 11, № 213.

стве ясачных людей в уезде. Да и самый способ собирания ясака здесь был несколько иной, чем с инородцев других сибирских уездов. Не имея постоянной оседлости, мангазейские инородцы не делились на волости, как это мы видим в других уездах, а жили родами, и каждый род платил ясак за себя или, вернее, за своих заложников (аманатов), и притом не «по окладу», а сколько заблагорассудится или смотря по государствену жалованью. «А без государствену жалованья — без олова и одекуи⁴ ясаку не дают», — отписывают мангазейские воеводы. Самое покорение инородцев состояло в том, что служилые люди захватывали у них аманатов, держали последних в Мангазее или Туруханском зимовье и за них получали ясак. И чем знатнее был аманат, тем более род, к которому он принадлежал, платил соболей; местом для сбора ясака служили зимовья, разбросанные по всему Мангазейскому уезду. Эти зимовья были признаками московской власти в том крае и служили временным приютом для ясачных сборщиков и торговых и промышленных людей. В известное время года к этим зимовьям приходили инородцы и за своих заложников приносили ясак. Вместе с тем эти зимовья были административными единицами, на которые разделялся Мангазейский уезд с инородческим населением, подобно волостям в других сибирских уездах. И ясачные книги Мангазейского уезда составлялись на основании сбора ясака по зимовьям, и по зимовьям же в этих ясачных книгах распределялось и инородческое население этого уезда. Древнейшая мангазейская ясачная книга, дошедшая до нас, относится к 1629 году, и по ней мы можем судить о числе инородцев, плативших ясак в этом году, и о количестве ясака*.

Зимовья, в которых платили ясак самоеды:

1) Хонтайское, или Хонтайское, зимовье при р. Хонтайге:

а) род Кислой Шапки — 11 человек заплатили 21 соболей;

б) род Выруй — 12 человек заплатили 24 соболя;

в) род Тырсики Тягоров — 33 человека заплатили 72 соболя;

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 19.

- d) род Тырендин Хыроз — 6 человек заплатили 12 соболей;
- e) род Савита — 17 человек заплатили 36 соболей;
- f) род Сыруев — 20 человек заплатили 48 соболей;
- g) род Парасиен — 16 человек заплатили 16 соболей;
- h) род Быкутин — 7 человек заплатили 14 соболей;
- i) род Селякин — 4 человека заплатили 9 соболей;
- k) род Мундукуй — 1 человек заплатил 2 соболя.
- 2) Есейское зимовье при озере Есей:
- a) род Тыдирсин — 7 человек заплатили 14 соболей;
- b) род Саксез — 10 человек заплатили 20 соболей;
- c) род Хорув — 2 человека заплатили 4 соболя.
- 3) Пясидское зимовье:
- a) род Пясидской — 2 человека заплатили 4 соболя;
- b) род Савитской — 3 человека заплатили 6 соболей;
- c) род Тереев — 1 человек заплатил 2 соболя;
- d) род Топеев — 1 человек заплатил 2 соболя.
- 4) Леденкин Шар, а в нем платят тундряная и кровавая самоедь:
- a) род Нантынгин — 13 человек заплатили 26 соболей;
- b) род Тарусидин — 2 человека заплатили 4 соболя;
- c) род Пыдуев — 1 человек заплатил 2 соболя.
- 5) Верхотавское при реке Таза:
- a) род Селирта — 62 человека заплатили 187 соболей;
- b) род Ючейской — 55 человек заплатили 157 соболей;
- c) род Асидукой — 26 человек заплатили 74 соболя;
- d) род Асидукой-Алиев — 43 человека заплатили 127 соболей.
- 6) Худасейское зимовье при р. Худасее, восточный приток Таза:
- a) род Мангазья — 50 человек заплатили 155 соболей;
- b) род Селирт — 2 человека заплатили 6 соболей;
- c) род Харасидин — 15 человек заплатили 45 соболей.
- Тазовская самоедь (вероятно, подгородная):
- a) род Селирта — 9 человек заплатили 27 соболей;
- b) род Муйдугтин — 3 человека заплатили 9 соболей.
- 7) Туруханское зимовье при р. Турухане:
- a) род Вайнгутин — 28 человек заплатили 65 соболей;
- b) род Пьяков — 4 человека заплатили 11 соболей;
- c) род Красной — 2 человека заплатили 6 соболей;

- d) род Харасидин — 18 человек заплатили 56 соболей;
 - e) род Бай — 25 человек заплатили 67 соболей;
 - f) род Хурев — 5 человек заплатили 13 соболей.
- Всего самоедов, плативших ясак в 1629 году, было 520 человек, а соболей они принесли в государеву казну 1333.
- Зимовья, в которых платили ясак остяки енисейские:
- 1) Имбашское при Енисее и речке Имбаше:
 - a) род Имбашской — 83 человека заплатили 417 соболей;
 - b) род Богденской — 20 человек заплатили 113 соболей;
 - c) род Зешайцкой — 44 человека заплатили 186 соболей.
 - 2) Закамешное при Енисее:
 - a) род Бискиев — 16 человек заплатили 85 соболей;
 - b) род Илипчиев — 82 человека заплатили 373 соболя;
 - c) род Товар — 4 человека заплатили 18 соболей;
 - d) захребетные остяки — 2 человека заплатили 10 соболей.

Итого енисейских остяков, плативших ясак в 1629 году, был 251 человек, а ясака принесли 1200 соболей.

Самоеды и остяки при уплате ясака говорили свои имена ясачным сборщикам, и последние записывали их в книги. Но тунгусы Мангазейского уезда почему-то считали нужным скрывать свои имена и число людей в роде, а потому они относились ясачным сборщикам к тем ясачным людям, которые платят ясак «без имени».

Зимовья, в которых платили ясак тунгусы:

1) *Усть-Нелское* зимовье. Оно находилось в Нижней Тунгуске при впадении в последнюю речку Непы и было самым крайним, дальним по этой Тунгуске: из Туруханского зимовья доходило до него только в 13 недель. В 1629 году в это зимовье привесли ясак: Шилиг Довгуша со своего рода 193 соболя и Шилиг Инкизда — 495 соболей, «а с кого именем, того не сказали».

2) *Пайраново* зимовье при впадении в Нижнюю Тунгуску речки Тетей. Здесь уплатили ясак два тунгусских рода: один — 94 соболя, а другой — 11 соболей.

3) *Усть-Тетерское* зимовье на Средней, или Подкаменной, Тунгуске при впадении в последнюю речку Тей. Здесь уплатили ясак в 1629 году три тунгусских рода: Кундугореин Бароя со своего рода — 186 соболей; Чангирды со своего рода — 300 соболей, Чипкан со своего рода — 200 соболей.

4) Усть-Чуионское на Средней Тунгуске при речке Чуионке. Здесь уплатили ясак два рода: Муган — 200 соборей, Чамдянской — 10 соборей.

Итого тунгусы уплатили 1690 соборей, а всего ясака в Мангазейском уезде собрано почти 4500 соборей.

В упомянутой ясачной книге не означена цена этой мягкой рухляди¹⁴, но из приходной книги Казанского дворца 1629 года видно, что из Мангазеи в этом году прислано всей рухляди (десятиной и ясачной) по московской оценке на 15762 рубля, и если из этой суммы исключить десятинный сбор, то в остатке будет цена ясачного сбора рухляди, именно около 5000 рублей*.

Из количества ясака, собранного в 1629 году, видно, что инородцы Мангазейского уезда платили соборей гораздо менее, чем ясачные люди других сибирских уездов: везде полагалось платить пять соборей с человека, а иные платили ясака по 10 и по 12 соборей, между тем как с инородцев Мангазейского уезда на человека приходилось в среднем не более трех соборей, и только енисейские остяки уплатили в 1629 году почти по пяти соборей с человека. Притом мангазейские инородцы, хотя и платили ясак за аманатов, но в то же время получали государево жалованье — олово и одекуй, и если этого жалованья, отписывают мангазейские воеводы, «дать им слишком, тогда и ясака они принесут больше, а без жалованья платят мало, а иные и совсем ничего не дают». Да и самый платеж ясака, по словам воевод, у мангазейских инородцев иной, чем в других сибирских городах. «Мангазейские ясачные люди платят ясак не окладом и положить на них оклад нельзя для того, что люди кочевные, юрт и волостей у них нет; один год они на одном месте живут, а в другой — на другом, уходят в дальние места безвестно». Приходят в зимовья для платежа ясака за аманатов человека по 2 и по 3 из рода, и если аманат добрый, то за него платит вся его родня, и дают соборей больше, а если аманат худой, то мало или совсем ничего. Когда же приходят к зимовьям, то бросают ясак чрез окно в избу и чрез окно же ясачные сборщики отдаривают инородцев одекуем, оловом и хлебом. «Манга-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 20.

зейские инородцы, — пишут воеводы, — боятся входить в избы, чтоб их ясачные сборщики не захватили в аманаты, а сами сборщики не выйдут к ним из избы, опасаясь от них смертных убийств, и потому сидят с аманатами запершись»⁸.

Аманаты жили в Мангазее в тюрьме, а когда ясачные сборщики отправлялись за сбором ясака, то брали с собой аманатов и держали их в зимовьях до тех пор, пока за них не получали ясак, а затем снова привозили в Мангазею. Этих аманатов кормили отчасти хлебом, а большей частью падалью и собачьим кормом «юколой»¹⁴. Юкола состояла из сушеной перетнутой рыбы. Сибирские инородцы — самоеды, остяки и тунгусы на зиму заготавливали для себя и для собак пищу из рыбы, то из мяса зверей; первая пища называлась юколой, и ею преимущественно кормили нарятных и промысловых собак, а вторая — «поросою»¹⁵, которая преимущественно назначалась для людей. Та и другая пища хранилась в ямах в бураках, сделанных из древесной коры, и, конечно, переживала; юкола представляла даже густую жидкость. Хотя эта пища и нероскопная, но тем не менее ценилась иногда довольно дорого: пуд порсы зимою стоил рубль, а пуд юколы — около 70 копеек. Русские промышленные люди также заготавливали для своих собак юколу и за провоз ее также платили натурой десятинную пошлину в государеву казну, как и со всякого товара. И вот этой-то сборной юколой в Мангазее кормили аманатов. Правда, им давали и хлеб, но в ничтожном количестве, например, в 1635 году «на мангазейских тюремных сидельцев — аманатов и приезжую самоедь» — израсходовано хлеба только 11 четвертей. Но в зимовьях во время ясачного сбора аманатов кормили преимущественно хлебом: в упомянутом году для прокормления одних тунгусских аманатов в зимовьях отпущено из Мангазеи 70 четвертей. Но не всегда аманаты обеспечивали ясачный сбор с их родов; об этом можно судить по ясачным книгам разных годов. Так, в 1629 году, как мы видели, самоедов платило ясак 520 человек, а в 1634 г. — только 191 человек, а ясака принесли только 510 соболей; остяков в 1629 году платил 251 человек, а в 1634 г. — только 173 человека, принесли 830 соболей. Притом

⁸ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 58, л. 375, 420; *ibid.*, кн. № 204, л. 150.

некоторые роды, платившие ясак в 1629 году, совсем не упоминаются в ясачной книге 1634 года, другие — в уменьшенном числе, например, род Мангазея в 1629 году состоял из 50 человек, а в 1634 году — только из 19 человек. В Хонтангском зимовье в первом году платило ясак 136 человек, а во втором — только 66 человек*.

Это уменьшение ясачных людей иногда зависело от чрезвычайной смертности, а большей частью от нежелания инородцев уплачивать ясак. Так, относительно Хонтангского зимовья ясачные сборщики говорили мангазейскому воеводе, что в 1634 году «многие ясачные люди этого зимовья померли, а иные не платят государев ясак, боясь голодной смерти, отошли от зимовья неведомо куда и к ним в зимовья не приходили и ясаку взять было не на ком»**.

Мы выше упомянули, что мангазейские ясачные сборщики еще около 1630 года проникли на реку Лену, но сведений о количестве ясачного сбора с этой реки в мангазейских ясачных книгах не находим. Воеводы отписывали, что они на реку Лену для сбора ясака начали посылать с 1632 года, но служилые люди «сбирают ясак не помногу, а мною многою мяткою рухлядью, собираючи на реке Лене сами корыстуются». В ясачной книге Мангазейского уезда за 1632 год совсем нет ясачного сбора не только с реки Лены, но даже и с реки Вилюй, а в книге за 1634 год сказано, что ясачные сборщики еще не приходили с ясаком. А из одной отписки енисейского воеводы видно, что в 1634 году служилые мангазейские люди были на реках Лене, Алдане и Амге и собрали там большой ясак, но атаман Иван Галкин с енисейскими ясачными сборщиками напал на них при устье Вилюя, вступил в бой, несколько человек убил до смерти и весь ясак отнял***. По поводу борьбы на реке Лене между мангазейскими и енисейскими служилыми людьми возникло дело, которое повело к приписки инородцев Лены к уезду Енисейскому. Но по р. Вилюю мангазейские сборщики собирали ясак еще в 1638 году, после же этого года и река Вилюй была приписана к Енисейску; несколько ранее — около 1632 года — к Енисейскому же уезду отошла часть

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 58, л. 368.

** Ibid. и 375.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 40, л. 403—411.

остяков, живших по рекам Сыму и Касу и плативших прежде ясак в Закамское зимовье. Так что Мангазейский уезд к концу царствования Михаила Федоровича простирался по Енисею на юг до реки Сыма, на востоке границей служил хребет, составляющий водораздел бассейнов реки Енисей и Лены, а на севере — река Анябара. С ограничением территории Мангазейского уезда, конечно, уменьшилось и число ясачных людей, но сбор ясака значительно увеличился. Последнее зависело от того, что инородцы этого уезда стали менее дичиться русских, и ясачным сборщикам стало легче собирать с них ясак. Чтобы судить о количестве ясачного сбора, а по нему и о числе ясачных людей в Мангазейском уезде, мы приведем здесь сведения из ясачных книг за несколько лет.

	1636 г.	1638 г.	1642 г.	1646 г.
В Хонганском зимовье взято на 150 р.	238 р.	163 р.	—	—
В Пасадском и Хетском	134 р.	—	—	—
В Ладенкином Шаре	5 р.	69 р.	8 р.	—
В Бейском	354 р.	—	—	—
В Верхотазском и Худасейском	148 р.	237 г.	244 р.	—
В Туруханском	312 р.	398 г.	302 р.	—
В Имбацком	333 р.	582 г.	386 р.	—
В Закамском	404 р.	524 г.	598 р.	—
В Усть-Нелском	762 р.	928 г.	685 р.	—
В Усть-Эбенином (Пайроково)	684 р.	1088 р.	766 р.	—
В Усть-Тетейском	1304 р.	1824 р.	1517 р.	—
В Илимпейском (р. Илимпей)	620 р.	1210 р.	342 р.	—
В Лятном	273 р.	—	338 р.	—
В Усть-Тетерском (Тел р.)	215 р.	—	223 р.	—
В Усть-Чукинском	102 р.	263 р.	203 р.	—
В хребтовой р. Вился	188 р.	42 р.	—	—
Итого, включая и поминки	7143 р *	9376 р **	6458 р ***	7234 р ***

Здесь указана цена мягкой рухляди мангазейская, но московская оценка была гораздо выше — рублей по 200 на каждую тысячу.

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 52, л. 93.

** Там же, ст. № 73, л. 43.

*** Там же, ст. № 111, л. 124.

**** Там же, кн. № 204, л. 143.

В ясачных книгах за 1636, 1638, 1642 гг. не упоминается о числе инородцев, плативших ясак в эти годы, но, судя по вышеприведенным итогам ясака в рублях, можно предположить, что ясачных людей тогда было от 1500—3000 человек. В ясачной же книге 1643 года мы находим сведения и о числе ясачных людей, плативших ясак в каждом зимовье: мы здесь приведем только итог — всех самоедов, остяков и тунгусов платило ясак в этом году 1234 человека, а цена их ясака определена в Мангазее в 4100 рублей*.

Цифры ясачного сбора показывают нам, что инородцы Мангазейского уезда доставляли в государствену казну значительный доход; таких сборов мягкой рухляди не было ни в одном сибирском городе. Но в Мангазее были и другие разнообразные доходы, которые можно разделять на три разряда — городские, чрезвычайные и десятинные; мы делаем такое разделение на том основании, что для записи оных существовали особые книги. Доходы первого разряда — денежные; они хотя и незначительные, но тем не менее с излишком покрывали местные денежные расходы. Чтобы иметь понятие о статьях денежных доходов, собираемых в Мангазее и Туруханском зимовье, мы приведем здесь данные из приходных книг**.

	1626 г.	1627 г.
1) С двух бань — мангазейской и туруханской — откупных денег	30 р.	31 р.
2) Зернового, карточного и всякой закладной игры	64 р.	68 р.
3) Княского и сусленного	19 р.	21 р.
4) С площадного п ^{кн} ыма	5 р.	11 р.
5) Судных пошлин	91 р.	192 р.
6) С зерновых судных дел	28 р.	43 р.
7) Таможенных всяких пошлин	490 р.	646 р.
8) Ячей пошлины с меда, пива и браги	6 р.	15 р.
9) С рыбных ловель откупных денег	27 р.	53 р.
10) Заповедных денег (за недозволённую торговлю)		
доставлено	11 р.	—
11) За пользование государственными судами	20 р.	21 р.
12) Продажи мягкой рухляди	22 р.	13 р.

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 144 и 901.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 4.

Здесь мы приводим круглые цифры в рублях, отбрасывая копейки, если последних было менее 60; всех же денежных сборов в 1626 году было 787 рублей, а в 1627 году — 1114 рублей. Между тем денежные расходы были значительно менее доходов, и в мангазейской государственной казне был ежегодный излишек. Главная статья денежных расходов — это жалование служилым людям, ружникам и оброчникам — около 500 рублей — да неокладных расходов в упомянутые годы рублей 100. Излишек, остававшийся от расходов, не посылался в Москву, а сохранялся на всякий случай в Мангазее и ежегодно возрастал: от 1625 года был остаток 369 р., от 1626 г. — 574 р., от 1627 г. — 1158 р. и т.д. Окладные и неокладные денежные расходы в Мангазее увеличивались, но зато мы замечаем и увеличение доходов: так, с 1 сентября 1634 года по то же число 1635 года денежных расходов было 1751 рубль, а дохода — 2681 рубль и на 1636 год с остатком от прошлых лет было в мангазейской казне уже 1559 рублей*, а на 1637 год остаток был 2187 рублей**.

Увеличение доходов происходило, главным образом, от налогов чрезвычайных. К таким налогам мы относим те пошлыны, которые собирались не ежегодно и не в одинаковом размере, как «поголовное», «поживотное» и «сороковое»; эти налоги составляли особую статью доходов на земские нужды. Поголовный налог был тройного рода: а) поголовное взималось с торговых и промышленных людей по 20 алтын за зиму и по 20 алтын за лето за проживание в Мангазее и Туруханском зимовье; б) поголовное по одной деньге с торговых и промышленных людей, когда они отправлялись на промыслы, и по гривне с тех лиц, которые без товаров возвращались на Русь. Эти налоги были постоянными и собирались ежегодно и в одинаковом размере. Но было «поголовное» (головщина) как чрезвычайный налог на земские расходы. Так, в 1630 году «поголовное» собиралось по 10 алтын с человека, в 1634 году — по 20 алтын с человека. В те же годы взималось с торговых и промышленных людей «сороковое», т.е. с 40 соболей по 10 алтын и

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 46, л. 61—92.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 78, л. 166.

по 20 алтын. Поголовное и сороковое то увеличивалось, то уменьшалось, смотря по промыслам и по земским пуждам. Так, в отписке тобольского воеводы от 1634 года читаем, что в этом году «поголовное и сороковое собиралось по самой меньшей статье... а в прошлых годах земские люди меж себя собирали деньги на земские расходы на Турухане сорокового и головного с человека по рублю, по полтора и по два рубли». Как велики были эти доходы, можно судить по тому, что в 1630 году в Мангазее поголовного с 436 человек взято почти 131 рубль и сорокового с 848 сороков — 254 рубля, а в 1634 году того и другого дохода собрано в Туруханском зимовье 1163 рублей*.

К чрезвычайным же налогам относится и «поживотное». Так, в 1629 году в Мангазее собиралось поживотное с торговых и промышленных людей на государевы расходы и на всякие издержки с рубля по 5 денег; всего таких денег с 27 копей взято в этом году 674 рубля с копейками**. Но в 1635 году прислана в Мангазею государева серебряная печать, и истрево собирать печатную пошлину с рубля по деньге, а с «бесоварных» с человека по гривне. И таких денег в этом году собрано 565 рублей***.

Самой выгодной статьей денежных доходов в Мангазее была продажа вина и меда. В мангазейских приходных книгах кабацкие доходы не писались, потому что вино и мед продавались там особыми лицами, присланными из Tobolska, и вырученные ими деньги отвозились в Tobolsk. До 1620 года продажа вина и меда в Мангазее и Туруханском зимовье былавольная, и этой торговлей занимались торговые, промышленные и служилые люди и даже воеводы и, конечно, очень наживались от продажи напитков. Но в 1620 году на эту торговлю обратил внимание тобольский воевода князь Иван Куракин и по поводу нее послал в Москву отписку, в которой писал: «Сказывали служилые люди, которые бывали в Мангазее, что Иван Баркин посмал в Турухан на продажу свое вино и мед и взял за то вино и мед больше восьми тысяч рублей. Да и прежние воеводы тем же

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 26, л. 220; ibid, ст. № 656 (некумеров.).

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 26, л. 68.

*** Ibid. № 78, л. 60.

кормывались, и торговые и всякие люди меж себя вино и мед продают... И если из Тобольска послать в Мангазею и на Турухан 150 ведер вина и 50 пудов меду, то можно там продавать вино по 15 рублей ведро и за 150 ведер будет денег 2250 р., а прибыли — 2070 р., за 50 пудов меду денег будет 200 р. и прибыли с того меду будет 140 рублей. А если продавать вино и мед на мягкую рухлядь, то можно ожидать прибыли вдвое...». Московское правительство не преминуло воспользоваться этим сообщением и немедленно решилось запретить торговым и всяким другим людям продавать вино и мед в Мангазее и Туруханском зимовье и открыть там государев кабак. Тобольскому воеводе велено послать в Мангазею тобольского подьячего Чаплина и с ним 200 ведер вина горячего, 100 пудов меду, а мангазейскому воеводе приказать дать тому Чаплину избу и амбар, и целовальника из торговых или промышленных людей. Этому Чаплину велено наказать, чтоб он с целовальником продавал вино по 15 р. за ведро, а мед вдвое против Тобольска, за ставку 26 алтын и 4 деньги, продавать на деньги или на мягкую рухлядь, смотря по тамошнему делу, как будет прибыльнее государственной казне, а в долг вина и меду не давать. Кроме того, наказывалось Чаплину, чтоб он открывал торговлю в кабаке для торговых и промышленных людей, как они уплатят десятинную пошлину; иногородцам — как они заплатят ясы, но служилым людям ни вина, ни меду продавать не велено, чтоб они не пропились. В Мангазее ежегодно бывала ярмарка, когда торговые и промышленные люди с торгов и промыслов возвращались на Русь, а потому Чаплину предписывалось самому торговать в Мангазее, «как будет большой своз людей»; по окончании же ярмарки велено ему оставлять в Мангазее для продажи питьих целовальника, а самому ехать в Туруханское зимовье и там устроить кабак. Если же присланных запасов вина и меду не станет до весны, то завести приготовление вина и меду на месте, а материал для того покупать у торговых людей. Вырученные деньги от продажи питьих велено записывать в особые книги и класть в запечатанный ящик, а как настанет весна — водный путь, то деньги кабакские пересылать со служилыми людьми в Тобольск. В то же время сделаво распоряжение, чтоб в Мангазее и Турухане «никто продаж-

ного питья у себя не держал и не продавал», в противном случае велено отбирать питье в государеву казну, штрафовать таких людей и даже наказывать. Самим кабатчикам наказывалось не бражничать и не воровать, не брать «с питухов лишнего и в вино и мед воды и квасу не прибавлять»^{*}. Как велики были кабацкие доходы в Мангазее, об этом мы не нашли данных, но надо думать, что они были довольно значительны, если воевода Иван Биркин мог выручить от продажи вина в Туруханском зимовье более восьми тысяч рублей. Чтобы не иметь конкуренции, правительство, как мы видели, запретило частным лицам курение вина в Мангазее и даже ввоз туда меда. Это последнее распоряжение оказалось особенно тяжелым для торговых и промышленных людей: они посылают в Москву одну челобитную за другой, в которой пишут, что им на промыслах «без зайцев и меду никак пробыть нельзя», потому что «ценыжают»¹⁴. Вследствие этих жалоб государь в 1639 году указал: для торгу и для собольих промыслов пропускать в сибирские города меду пресного до 200 пудов человеку с уплатой десятиной пошлины в государеву казну^{**}.

Благодаря разным постоянным и чрезвычайным денежным доходам государственной казне не приходилось посылать денег в Мангазею: вышеупомянутыми сборами не только покрывались все денежные расходы, но и в значительной степени хлебные. Хлебное жалование служилым людям, ружникам и оброчникам, прокормление аманатов и приезжих ясачных людей — это самая тяжелая для казны статья расходов. Тяжелая не столько по количеству, необходимому на это жалование хлеба, сколько по трудности доставки последнего. Сначала хлеб в Мангазею привозился из Руси, но со времени развития хлебопашества на государевых пашнях в Верхотурском, Туринском и Тюменском уездах, приблизительно с 1624—1625 гг., казне не было надобности покупать хлеб, а последний доставлялся в «непашенные» сибирские города из государевых жилищ этих уездов. Но доставка его сопряжена была с большими затруднениями. Путь был далекий — по Туре, Тобо-

^{*} А. М. И. Д. Порт. Малаера, № 477.

^{**} А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 81, п. 430.

лу, Иртышу, Оби, чрез Обскую губу, Тазовскую губу и по реке Таа в Мангазею; этот путь даже при самой благоприятной погоде совершался только в два с половиной месяца. Но проплыть Обскую губу было чрезвычайно трудно: если дул северный ветер, то кочи прибывало к южному берегу, выбрасывало и разбивало их. Особенно часто крушения происходили где-то под Черными горами: погибали суда, хлеб и другие запасы и даже люди. Притом редкое крушение обходилось без того, чтобы в это время не появлялись самороды, не разграбляли оставшиеся хлебные запасы и не убивали спасшихся от крушения служилых и торговых людей. Так, в 1621 году буря разбила в Обской губе 8 кочей, но крушение не имело серьезных последствий: погибли только 27 ч. муки, 75 ведер вина, 13 пудов меду, немного круп, толочна и хмелю⁴.

Но крушение в 1642 году кончилось совершенным истреблением судов, хлеба и гибелью массы людей. Об этом несчастном случае мангазейский воевода сообщал в Москву следующее: «В прошлом, государь, в 1642 г. авг. 18 на море под Черными горами волею Божьей твои государевы и торговых людей кочи с хлебными запасами и на котором коче я холоп твой шел — все разбито без остатку, и в Мангазее твоих государевых и торговых людей запасов нет ни одной четверти. А которые, государь, торговые и промышленные люди после моего отъезду с морского разбоя остались и они приплыли портяным ходом в Мангазею не все и сказали они мне холопу твоему: зимовали де они на реке Пуре и зимою ходили на тот морской разбой ради хлебных запасов и своих товаров, но на том походе погибло их больше 70 человек, а оставшиеся люди в избушке на реке Пуре частью перебиты самостодами, частью погибли от цыгиги». Тот же воевода сообщил, что и в 1643 году государевы кочи с хлебными запасами и кочи торговых людей по 14 октября еще не приходили в Мангазею, и вестей от них нет. Он высказывает предположение, что, вероятно, и эти кочи также волею Божьей разбило на море, как и в прошлом, 1642 году, так как в то время, когда кочи должны быть по расчету в море, были «две великие погоды» — одна после Успеньева

⁴ А. М. И. Д. Порт. Миллера, № 477.

дня, а другая на Рождество Богородицы^{*}. Хотя мы и не нашли документального подтверждения этого печального предположения мангазейского воеводы, но несомненно, что упомянутые кочи погибли в море. Нам известно, что самый поздний приход в Мангазею судов с моря возможен только в половине сентября, потому что река Таз к этому времени замерзает и ход судов прекращается. А если кочи, отправленные летом 1644 года, еще не прибыли в Мангазею, как пишет воевода, в половине октября, то гибель их очевидна. Та же участь постигла и хлебные запасы, отправленные в Мангазею в 1643 году. В этом году 13 июля послано из Тобольска на двух дощаниках в мехах 2237 пудов ржаной муки. Посланные с хлебом благополучно добрались до Обдорска: выгрузив здесь хлеб в морской коч, они отправились в Мангазею. Но едва только коч вышел в Обскую губу, как его поломало льдом и дальнейшее плавание оказалось невозможным, пришлось возвратиться в Обдорск. Здесь служилые люди выгрузили хлеб в амбары и остались караулить его до следующей весны. Но тут явилась новая беда: в то время, как служилые люди однажды пошли в избу ужинать, пришли самоеды, заперли сени этой избы и завалили последнюю щитами и снегом. Пока служилые люди выби-
рались из избы, соседы успели выбить дверь в амбаре и похитить до 10 четвертей муки. Преследование воров было безуспешным: самоеды приходили в значительном числе и, будучи настигнуты служилыми людьми, вступили с ними в бой, ранили четырех человек и благополучно ушли с похищенным хлебом. Из одной отписки тобольского воеводы видно, что весной 1644 года хлеб, хранившийся в Обдорске, был отправлен в Мангазею, но до места своего назначения он не дошел; мангазейский воевода писал в Москву (14 окт. 1644 г.), что уже в течение трех лет — 1642, 1643 и 1644 — в Мангазею не доставлено ни одной чети хлеба и что служилые и жилецкие люди умирают от голода^{**}. Слу-
чай крушения судов с хлебными запасами были и прежде; так, из расходной книги города Мангазеи за 1627 год видно, что в этом году хлебное жалование служилым людям

^{*} А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 134, л. 440—444.

^{**} А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 134, л. 175—182; ст. № 139, л. 162.

давалось «теплою морейбою» мукою^{*}; в 1634 году потонул коч с солью и пр.^{**}

Эти крушения причиняли большие убытки казне, и их нужно иметь в виду, чтобы определить чистый доход, который получался из «заморской вотчины» государевой, как в то время называлась Мангазея. К сожалению, нам неизвестно, сколько погибало государевых хлебных и других запасов во время крушения судов, а потому мы не можем эти убытки перевести на деньги; да к тому же и цена хлеба в разные годы была слишком неодинакова. Что же касается обыкновенных ежегодных расходов хлеба в Мангазее на жалование ружникам, оброчникам и служилым людям, на варку сусла, брати и пива, на прокормление аманатов и приезжих инородцев, то этих хлебных расходов было около четырех тысяч пудов; к этому еще нужно добавить жалованье соли, круп и толокна.

Мангазея принадлежала к «непашенным городам», и всякие хлебные запасы, как мы выше упомянули, доставлялись туда из других сибирских уездов. Но правительство московское стремилось и в Мангазейском уезде развить хлебопашество: в конце царствования Михаила Федоровича основана слобода Дыбчасская, которая и доныне существует (Дубченское). Основателем ее был крестьянин Осип Григорьев Цыпанин-Голубцов. Еще в 1636 году он поселился при впадении речки Дыбчасы в Енисей и начал заниматься хлебопашеством, а в 1638 году на эту заимку получил от Михаила Федоровича жалованную грамоту со льготой на 10 лет «пашню распахать и вольных людей с Руси призывать и слободу строить». В эти льготные годы насельники слободы освобождались от всяких податей и повинностей, а по окончании оных должны были доставлять хлеб в Туруханское зимовье на прокормление аманатов. Продолжительная льгота, каковой не давалось в других сибирских уездах, обилие здесь пушного зверя и рыбы скоро к устью Дыбчасы привлекли вольных людей, и чрез несколько лет в слободе Дыбчасской было уже 16 дворов крестьян и церковь во имя Св. Троицы с приделом Николая Чудотворца.

^{*} Ibid, № 4, л. 441.

^{**} Ibid, № 78, л. 36.

Считаем нелишним привести здесь некоторые сведения о самом основателе упомянутой слободы, человеке, несомненно, смелом и энергичном. Он был родом с реки Мезени, но оставил родину, чтобы за несколько тысяч верст от нее, в глубине Сибири, основать себе новое гнездо. Мы не знаем, каким образом Цыпаня попал на реку Енисей — вероятно, в обществе своих земляков промышленников, бороздивших Сибирь в самых разнообразных направлениях, но, несомненно, он некоторое время проживал в Имбацком зимовье, прежде чем решился навсегда поселиться на этой реке. Выбор его пал на урочище Дыбчас около небольшой речки того же имени и при впадении ее в Енисей. Здесь жили только одни остяки¹⁹, и если не считать находящегося в нескольких десятках верст Явакаменного зимовья как только временного приюта мангазейских ясачных сборщиков, то самым близким русским поселением был Енисейский острог, отстоявший от Дыбчаса по реке Енисею почти на 400 верст. Облюбовав упомянутое местечко и найдя возможным здесь заняться земледелием, наш герой отправился на Русь, получил от царя на него жалованную грамоту и соблазнил несколько своих земляков ехать с ним в Сибирь для поселения на реке Енисее. Да ведь это целый подвиг! И нельзя сказать, чтобы Григория Цыпаню вела в такую даль от родины горькая нужда; нет, он был человеком не только зажиточным, но и богатым. В одной своей челобитной к царю Цыпаня говорит, что он на свои средства «поднимал крестьян» в Дыбчасскую слободу и, «снабжав их своими животными», на свои средства построил церковь, которая стоила ему 1500 рублей. И хотя он в челобитной к царю жалуется, что вследствие таких расходов «обнищал и великими долгами одолжал», но это только фразы, которыми обыкновенно челобитники стараются разжалобить царя; к тому же бедному человеку и в долг никто не дал бы таких средств. Между тем мы видим, что Цыпаня, поселившись на Енисее, стал заниматься ростовщичеством, и должников у него было много; для этого тоже нужны хорошие средства. Но в нравственном отношении Цыпаня был не безупречен и для местного остяцкого населения: если верить жалобам остяков, был настоящим разбойником. Еще проживая в Имбацком зимовье, он занимался романческими делами, и при-

гом довольно некрасивого свойства. В него влюбилась одна остячка, невестка остяка Закаменного зимовья Хайгунка, Цыпаня уговорил ее бежать к нему, предварительно оборавав брата своего мужа. Остячка так и поступила: она украла 20 собелей и 20 рублей, два бобра и три рубля, два английского сукна зипуна — красный и синий — и 8 рублей и с этим имуществом убежала к своему возлюбленному Хайгунку, узнав о бегстве своей невестки и о том, что она проживает в Имбацком зимовье у Цыпани, послал туда своего племянника и еще двух человек, чтобы возвратить невестку и украденное ею имущество, но посланные возвратились ни с чем. Тогда Хайгунка сам отправился в Туруханское зимовье бить челом на Цыпаню тамошнему государственному приказному десятнику. Однако успех челобитной был еполный. «Десятник, — жаловался царю Хайгунко, — у него Цыпани невестку мою взял и мне отдал, а живота сносного с нею не отдал». В той же челобитной сумароковские и закаменные остяки писали, что Цыпаня в своей челобитной к Михаилу Федоровичу «написал воровски, будто де то есто у Дыбчаса пусто и не владеет тем местом никто... а го, государь, место не пустое и владели тем местом искони ека люди наши и прадеды... и мы сироты твои и отцы наши там собелей, всякого съестного зверя и рыбу промышленяли и теми собелями тебе, государю, ясак платили еполна, а от съестного зверя и от рыбы смты были и тем головы свои кормили; а теперь от того Цыпани и от его ярыжек згоня, утеснения и всякая обида — жен и детишек наших асылничают и во всем стесняют нас». Далее те же остяки адовались, что Цыпаня пограбил у них из ям запасный зимний корм — бурак порсы в 5 пудов, 26 бураков юколы в 38 пудов, а цена этому корму 29 $\frac{1}{2}$ рубля, да украл четыре оробицы рыбьего жира: 6 пудов на 12 рублей. Когда же остяки пришли к грабителю, чтобы выручить свое добро, то и бранил и бил их, а одного остяка раздел и бил батогами, а имущество все-таки не возвратил. За отсутствием юколы четыре промышленные собаки погибли от голода, а цена им 20 рублей. Один остяк еще жаловался, что мать его однажды тащила чрез заимку Цыпани, мимо его двора, запасы свои — 5 пудов порсы, 5 пудов юколы и рыбьего жира, о на нее напал Цыпаня, захватил все это добро, а остячку

так побил, что она на третий день умерла от тех побоев. Оказывается еще, что тот же самый Цыпаня грабил не только живых остяков, но и мертвых: в 1639 году — жаловались остяки, — он выкопал из земли кудесника и что с ним было — платье, стрел, рогатин и соболей — и то все пограбил*. Мы не можем сказать, насколько справедливы были жалобы остяков на основателя Дыбчасской слободы; следственного дела по поводу вышеприведенной челобитной этих инородцев нам не удалось найти в архиве, а без такого дела трудно судить о достоверности фактов, которые находятся в челобитной. Но если даже и отравичить в значительной степени справедливость жалоб остяков на Цыпаню, то все таки остается достаточно материала для суждения о ненормальных отношениях его к местному населению. В большинстве случаев нам везде приходилось наблюдать, что сельское русское население в Сибири легко и скоро обживается с инородцами, среди которых селится, и отношения между пришлым русским и местным населением устанавливались довольно мирные. Тем более такого мира можно ожидать между насельниками Дыбчасской слободы и тамошними остяками, так как последние отличались очень мирным характером сравнительно с другими инородцами Мангазейского уезда — самоедами и тунгусами²⁶. Но пословица русская говорит, что в семье не без урода, так и Цыпаня был незаурядным явлением между русским сельским населением Сибири, и если он вел себя в отношении остяков как разбойник, то это зависело от его личного алчного характера; ростовничество, которым он занимался, указывает на то же самое. Следует при этом заметить, что остяки жалуются только на Цыпаню и его работников, но ведь в Дыбчасской слободе было 16 крестьянских дворов, и на других крестьян мы не встречаем с их стороны жалоб. Впрочем, и сам Цыпаня испытывал обиды, если не от местных инородцев, то от русских служилых людей. В 1651 году он послал Алексею Михайловичу челобитную на стрелецкого сотника Дементия Титова следующего содержания: «В нынешнем году осенью водяным путем по твоему государеву указу послал тот Дементий из Тазовского города вверх по Енисею

* А. М. Ю. Сиб. пр., стр. № 139, а. 142—144.

в Закаменное ясное зимовье собирать ясак и тот Дементий в зимовье не пошел, а пошел в Дыбчасскую слободу и стал ко мне на подворье силою и стал собирать ясак с остатков. Да у меня на подворье начал курить вино и прожил целую зиму до весеннего водного пути. И от того курения двор мой со всеми хлебными запасами и со всяким деревенским заводом и с животом сожжен, и он Дементий разорил меня до основания: остался я с женишкой и сынишкой душею да телом, и пашни пахать нечем, из огня ничего не вынесли. Затем Цыпани насчитывает убытков от пожара рублей на триста и больше; не включая сюда дворовых построек, как-то: двух горниц, амбаров, хлева и т.п. Не от одних только мангазейских служилых людей Цыпани терпел притеснения и обиды; Дыбчасскую слободу посещали и енисейские служилые люди, и эти посещения стоили дорого ее жителям. В одной челобитной мы находим следующие жалобы Цыпани на енисейских воевод и служилых людей. «Еще в льготные годы, — жаловался Алексею Михайловичу Цыпани, — из Енисейского острога воеводы присылали служилых людей ко мне в заимку, будто на заставу, чтоб промышленные, торговые и ссыльные люди не проходили рекою Елогудем на Русь, а река, государь, Елогуд от моей заимки вниз по Енисею больше для плыть. И от тех служилых людей теснота, пропаша и убытки великие были. А как льготные годы отошли, то воеводы енисейские стали присылать для сбора пятого снона и ту заимку приписывают к Березовскому острогу неведомо почему, а та заимка Мангазейского уезда у Закаменного зимовья. Да мы же, государь, сироты твои волочимся в Енисейский острог покупать всякие деревенские заводы, потому что Мангазей город непашенный и деревенских заводов там нет никаких; а воеводы енисейские нас, сирот твоих, приставляют ко всяким делам — велят нас выбирать в городские службы, а наемных наших людей берут на всякие твои государевы и на свои дворовые изделия и в том нам чинятся убытки великие и нашим пашням от того задержанья помещка и недопашка ежегодно». В заключение челобитной Цыпани просил государя, чтоб Дыбчасскую слободу к Енисейскому острогу не приписывали, чтобы насельников ее к службам и разным изделиям в Енисейске не приставляли и воеводы

служилых людей в слободу на заставу не присылали. «А наша зимка, государь, хлебными запасами будет прибыльна тебе государю в Мангазейском городе, потому что Мангазейский город непашенный и хлебные запасы служилым людям и аманатам на корм посылаются из Сибири, а во многие годы они не приходят от морского разбоя». Челобитная была уважена по всем пунктам, и государь велел, чтоб выделной хлеб Дыбчасской слободы брать в Турухане и употреблять на прокормление аманатов*.

Кроме Дыбчасской слободы, в описываемое нами время в Мангазейском уезде не было других крестьянских поселений; эта слобода была оазисом среди инородческого населения, которое совсем не занималось хлебопашеством. Но и Дыбчасская слобода, хотя ее основание относится к 1638 году, в силу льготной грамоты не давала еще выделного снопа, и весь хлеб, необходимый для прокормления мангазейских служилых людей, ружников, оброчников и инородцев доставлялся водным путем из других сибирских уездов. Но мы видели, с какими трудностями сопряжена была доставка хлеба в Мангазею и какие убытки терпела государственная казна. Это обстоятельство, как мы увидим ниже, было одною из главных причин упадка Мангазеи и заставило правительство переместить этот город в другое место. Уже в 1644 году мангазейский воевода писал, что за отсутствием хлеба нельзя послать служилых людей в зимовья для сбора ясака, а равным образом и нельзя ожидать прихода торговых и промышленных людей, которые с промышленных мест будут возвращаться другими дорогами. Значит, в следующем году нельзя было взять десятинной пошрины, а эта статья доставляла казне самый обильный доход, как это мы сейчас увидим.

Мы выше упомянули, что в Мангазее процветали торговля и промышленность, которые не только обогащали торговых и промышленных людей, но и государеву казну. Русские люди давно там вели меновую торговлю и занимались промыслами; начало этому (в чем мы не сомневаемся) положили еще новгородцы, как этим же смелым мореходам и принадлежит честь открытия морского пути в Мангазею.

* А. М. Ю. Сиб. арх., стр. № 408 (нумер.).

Этот путь шел из устья Двины «Колум, на Кавин Нос, на Тресковую, на два острова, что у Верендеевских мелей, на Мержевик, малыми реками и большим морем, на Югорский Шар, на Карскую губу и на Мутную и Зеленую реки», которые вели чрез полуостров Ямал в Обскую губу — так описан морской путь в Мангазею в грамоте Михаила Федоровича от 1626 года*. Из устья же реки Зеленой мореплаватели, перерезав почти в прямом направлении с запада на восток Обскую губу, входили в Тазовскую губу и затем спускались в реку Таз. Весь этот путь, т.е. из устья Двины на реку Таз, при благоприятной погоде совершался в один месяц, а если выплывали из Мезени, Пинеги и Печоры, то достигали Мангазеи гораздо скорее. Московскому правительству этот путь, который называется *старым*, был долгое время мало ведом, или, вернее, оно не имело о нем точных, определенных сведений, хотя и знало, что торговые и промышленные люди плавают морем в Мангазею и в Енисей**. Точные сведения о морском пути правительство получило только в начале 1616 года от тобольского воеводы Куракина; последний писал в Москву, «что торговые и промышленные люди ходят кочами от Архангельского города на Карскую губу и на волок в Мангазею, а *другая дорога с моря в енисейское устье большими судами*, и что немцы нанимали русских людей, чтобы их от Архангельского города провели в Мангазею». Сообщая в Москву сведения о морском пути в Мангазею, воевода Куракин в то же время высказал опасение, что они могут воспользоваться немцы для торговли с сибирскими инородцами, как уже и были с их стороны попытки, по рассказам торговых и промышленных людей. «А по-здешнему, государь, — писал этот воевода, — по сибирскому смотря делу, некоторыми обычаями немцам в Мангазею торговать ездити поволять не можно; да не токмо им ездити, ино б, государь, и русским людям морем в Мангазею от Архангельского города для немец ездити не велеть, чтоб на них смотря немцы дороги не узнали, и приехав бы воинские многие люди сибирским городам какие поруки не учинили». Тем более, замечает Куракин, что если

* Р. И. Биб., т. 8, стр. 363.

** А. И., т. 11, № 30.

явятся в Мангазею какие воинские люди, то помощь подать туда из Тобольска или других сибирских городов скоро невозможно, так как Мангазея от Тобольска и других сибирских городов отдалена... а от Архангельского города ход к Мангазее близок...⁴. Это сообщение так напугало правительство Михаила Федоровича, что оно в том же году запретило под страхом оштрафовки и казни плавать тем путем в Мангазею и обратно. В царской грамоте тобольским воеводам от 25 июня 1616 года читаем следующее: «Торговым и промышленным людям всех городов и ясачным самоседам и татарам велели сделать заказ крепкий, чтобы немецких людей на Енисей и в Мангазею отнюдь никого не пропускали и с ними не торговали и дорог им ни на какие места не указывали, а также и торговых и промышленных людей из Мангазеи на Карскую губу, на Пустоозеро и к Архангельскому городу пропускать не велели, а велели их отпускать из Мангазеи на Березов и на Тобольск...». В то же время тобольским воеводам предписывалось получить расспросить торговых и промышленных людей: «немецкие люди с моря на Енисею кораблями или кочами наперед сего прихаживали ль торговати? И будет прихаживали, и с какими товарами и многие ль люди приезжали?»⁵.

Те торговые и промышленные люди, которые рассказывали Куракину о попытках немцев пробраться в Сибирь, и не подозревали, что эти рассказы им же принесут великое горе. Поэтому они, узнав о правительственном распоряжении относительно морского пути, запели уже иную песню. «В сыску в Мангазее многих городов торговые и промышленные люди сказали, что из двинского устья морем в енисейское устье большими и малыми кочами сами не бывали и изначала про ходоков русских и никаких иных людей не слышали, а то де они слышали, что от Мутные реки и до обского устья непроходимы злыя места от неликих льдов и всякие нужи, а у Карские де губы кораблей немецких не вжидали, а с моря по Енисею кораблями или кочами про проход немецких людей не слышали и на Карскую губу за большим льдом ездить не можно». Но в то же время торго-

⁴ Р. И. Виб., т. 11, стр. 1055–1056.

⁵ Р. И. Виб., т. 11, стр. 1058–1059.

вые и промышленные люди били челом, чтоб им разрешили ездить в Мангазею и обратно прежним путем «большим морем». Несмотря на резко бросающееся в глаза противоречие между «показаниями на сыску» относительно морского пути и упомянутой просьбой, правительство забыло свой страх и в начале 1618 года писало тобольскому воеводе: «Из Мангазеи торговых и промышленных людей всех городов отпускать на Русь большим морем и чрез камень, а с Руси в Мангазею вельет ходить со всякими товарами тоже большим морем и чрез камень, как наперед того ходили». А одного из рассказчиков про немецких людей, так напугавших московское правительство, Еремку Савина, даже велено «за то бити нещадно, чтоб на то смотря иным было неповадно воровством смуту затевать»^{*}. Однако русские люди, по крайней мере открыто, недолго пользовались морским путем в Мангазею. Тобольский воевода, получивши грамоту о разрешении этого пути, сделал на этот предмет столь существенные замечания, что правительство снова изменило свое решение. В следующем году он писал в Москву, что если дозволить торговым и промышленным людям ездить в Мангазею «большим морем», то: а) невозможно будет с них посплину собирать и б) немецкие люди по следам русских могут пробраться в Мангазею и Енисей, и тогда государственной казне наверно будет ущерб^{**}. Эти заключения приняты во внимание, и в конце 1619 года издан указ, которым снова строжайше запрещалось торговым, промышленным и всяким людям плавать морем в Мангазею^{***}. А чтобы это запрещение не нарушалось, в 1620 году велено было построить острожек на волоке между реками Мутной и Зеленой и посылать туда из Везезова и Тобольска служилых людей человек по 50, чтобы они следили за русскими и немецкими людьми и никого не пропускали тем путем в Мангазею и обратно^{****}. Но тобольский воевода в том же 1620 году сменил, на его место послан Матвей Годунов, а этот последний на основании отписки мангазейского воеводы, что «никоими мерами немецких людей в Мангазею не

^{*} Р. И. Биб., т. 11, стр. 1066—1067.

^{**} Р. И. Биб., т. 11, стр. 1071—1072.

^{***} *Ibid.*, стр. 1075.

^{****} *Ibid.*, стр. 1077.

части... и что торговые и промышленные люди после государева указа из поморских городов... большим морем на Югорский Шар... в Мангазею для промыслов не ходят», счел лишним послать служилых людей для постановки острога на волоке между Мутной и Зеленой*. Узнав об этом, правительство сделало замечание Годунову и требовало немедленного исполнения своего распоряжения. Но ни Годунов, ни последующие тобольские воеводы не построили острожка на волоке между реками Мутной и Зеленой, и все дело ограничилось только тем, что на указанное место были посылаемы служилые люди, которые там жили во весь период навигации — до 1 сентября**. Между тем в 1625 году в Карской губе снова появились немецкие люди — это экспедиция под командою Кори. Босмана, и московское правительство, получив об этом сведения, снова требовало от тобольских воевод постройки острожка на упомянутом волоке и снова издало указ, запрещающий под страхом смертной казни торговым и промышленным людям пользоваться морским путем для проезда в Мангазею. Однако построить острог между Мутной и Зеленой оказалось очень трудно. Tobольские воеводы в ответ на царскую грамоту в 1627 году послали в Москву следующую отписку: «В прошлом году, государь, посылали мы итамина И. Баборыкина с 43 служилыми людьми и двумя проводниками на волок и недели там поставить острожек. Они возвратились назад в сентябре 1626 года и в разпросе сказали: вышел из Оби они плыли парусным ходом по Мангазейскому морю левою стороною до русского заворота двое суток; и против русского заворота пришла на них с севера туча с дождем и ветром — парус на коче изодрала, сапед[†] у кочи выломало, павозок разбило, коч с якорей сбило и прибило за кошку. Тут они стояли 6 недель, дожидаясь пособных ветров, но до Оспожина дня таких ветров не было, а треблю дойти было невозможно; до реки Зеленой не дошли за три дня и две ночи пути парусным ходом. Поэтому они с Оспожина дня поплыли назад»***. В следующем году тобольские воеводы опять послали 45 человек под начальством того же И. Баборыки-

* Ibid, стр. 1084—1085.

** Ibid, стр. 1084—1085.

*** Р. И. Б., т. 8, от 263 стр.

на и с тою же целью, но мы знаем, что еще в 1637 году на волоке между Мутной и Зеленой не было поставлено острожка. Но служилые люди ежегодно жили до первого сентября на этом волоке, и торговым и промышленным людям совершенно был прегражден морской путь в Мангазею. Это, как увидим ниже, самым гибельным образом отразилось на городе Мангазее, или Тазовском остроге. До построения Тазовского острога в Мангазее русские и зыряне вели здесь вольную торговлю с инородцами, не стесняясь ни предметом торговли, ни пошлинами с них. Они привозили на Таз и Енисей разные железные, медные, оловянные и деревянные изделия, мужские и женские рубахи, поношенные и новые, разноцветные зипуны английского и сермяжного сукна и пр.*. Иной читатель, пожалуй, удивится и не поверит нам, что самоеды и остяки носили такие дорогие одежды, но это несомненно, и сведения наши взяты из подлинных документов; напомним только здесь о грабеже Григория Цыпани, о чем мы упоминали выше, у енисейского остяка двух английских зипунов — красного и синего. Свои товары русские и зыряне променявали инородцам на шкуры драгоценных пушных зверей и от этоймены, конечно, имели большие барыши. Не менее они обогащались и от собственных промыслов соболей, бобров и прочего пушного зверя. Но с основанием Мангазеи вольной торговле и вольным промыслам положен конец, т.е. ограничены предметы торговли и установлены разные казенные пошлины. Самый древнейший документ, касающийся торговли и промыслов в Мангазейском и Енисейском краях, относится к 1600 году. Некоторые торговые и промышленные люди, узнав о намерениях правительства построить острог на реке Таз в 1599 году, обратились к царю Борису с челобитной, чтоб пожаловал их, велел им «ездить, промысливать и торговать в Мангазею морем и рекою Обью на Таз и на Пур, и по Енисею повольно». Самой этой челобитной до нас не дошло, а мы знаем только ответную на нее грамоту царя Бориса от января 1600 года следующего содержания: «Пинежан и мезенцев Угримки Иванова, да Федудки Наумова и всех

* О предметах торговли см. подробнее в нашем исслед. «Заселение Сибири...», стр. 180—181.

промышленных людей пинежан и мезенцев пожаловали: в Мангазею морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисей им ходить и с самоедами, которые живут на тех реках... им торговать велели повольно; а нашу десятую пошлину от десяти десятое со всякой мягкой ружяди и со всякого товара тем торговым людям давать на Мезени в Окладникове слободе приказным людям и старостам и целовальникам, а кроме Окладниковой слободы, что на Мезени, нигде десятого давать им не велели». Эта грамота писана еще до основания Мангазеи, в то время, когда на всем морском пути не было еще никаких правительственных застав, а потому пошлину с торговых людей можно было взять только тогда, когда торговцы и промышленные люди войдут с моря в реку Мезень и когда они отправляются с товарами из этой реки в море. Но тою же грамотой не только устанавливалась десятинная пошлина, но и ограничены предметы торговли с сибирскими инородцами. «А возить им с собою наших государств русские товары незаповедные, да съестные всякие запасы; а про свою нужду брать с собою человеку — по товору или по два, да ножей по два или по три, по саадаку и по рогатине, для того, что они там ради своих промыслов живут года по два и по три и им без того быть нельзя; а больше того им с собой оружие, и топоров, и ножей не брать и того им ничего не пролавать; а заповедных товаров — пицалей, зелья, саадаков²¹, сабель, луков, стрел, железец стрельных²², доспехов, коней и рогатин, и инаго какого нибудь оружия на продажу, и топоров и ножей и всяких заповедных товаров — не возить...»²³. Это только начало тех стеснений для торговых и промышленных людей, но пока не было застав на морском пути, всякие стеснения можно было легко обойти. Но в 1601 году основан на реке Таз острог, обойти который было уже довольно трудно: из Мангазеи и Енисея выбраться на судах на морской путь иначе нельзя, как чрез реку Таз. Уже первым воеводам Тазовского острога правительство строго предписывает следить, чтоб торговые люди платили десятую пошлину не только с товаров, но и со всяких съестных запасов, кроме хлеба, если последний привозится не для продажи²⁴. Затем в нака-

²¹ А. И., т. 11, № 30.

²² Р. И. Б., т. 11, стр. 881.

зе 1603 года вторым мангазейским воеводам читаем следующее: «Преж сего приходили в Мангазею и в Енисею с Руси многие торговые люди — пермичи, ятчане, вымичи, пустошерцы, устюжане, усольцы, важене, каргопольцы, дяниане, вологжане и всех московских городов торговые люди со всякими товарами и торговали во всей Мангазее и Енисее, езда по городкам, по волостям, юртам, зимовьям и по селам с мангазейскою и енисейскою самоядью, и меняли свои товары на соболи, бобры и на всякую мягкую рухлядь, а исторговався, десятинной пошпины с своих товаров не платили. И ныне государь Михаил Федорович указал в Мангазее для торговых людей поставить гостинный двор и велел всяким торговым людям, приезжая, торговать в Мангазее с самоядью и десятинную пошпину платить на гостинном дворе, а по городкам, волостям, по юртам, по лесам и зимовьям торговать не велел». Действительно, в том же 1603 году поставлен в Тазовском городе гостинный двор, и этим торговля русских людей в тех краях в значительной степени была ограничена. Немногие инородцы могли приходить для торговли в город, и меновая с ними торговля должна значительно упасть. Впрочем, пока оставался свободным морской путь в Мангазею, гостинный двор можно было еще обходить. Можно было, не доплывая Тазовского городка, высаживаться где-нибудь на реке Таз и ходить в инородческие юрты для торговли; делать это было легко, потому что Тазовский город от устья реки Таз находился очень далеко. Но с того времени, как запрещен был морской путь и когда на волоке между речками Мутной и Зеленой установлена стража из служилых людей, обойти государевы таможни было чрезвычайно трудно. Если и удалось бы найти способ обойти Мангазейскую таможню, то все равно придется наткнуться на таможни или на Собской и Киртасской заставах⁶, или в Березове⁸: ведь товары все переписывались, и провезти можно было только то, на что имеется пропускной лист из какой-нибудь сибирской таможни. Таможенные же порядки были очень строги, и от таможенных голов и целовальников требовалось безусловное исполнение своих обязанностей, а за упущение при сборе пошпины они не только отвечали своим имуществом, но и

⁶ См. наше исслед. «Заселение Сибири...», стр. 178—179.

подвергались «великой опале и казни». Наказ таможенным головам предписывал: «собирать таможенную десятую соболиную пошлину и всякия таможенныя деньги с торговых и промысленных и всяких людей вправду по государеву крестному управлению... никому не дружить, по дружбе пошлин никому не отдавать, посулов и поминков ничего не брать... роду и племени своему и друзьям не наравить, самим таможенною пошлиною не корыстаться и своими никакими товарами и хлебными запасами не торговать и пр.». Таможенные головы в Мангазее и Туруханском зимовье назначались по большей части из посадских людей города Тобольска, а иногда присылались с Руси. Каждый месяц они обязаны были представлять таможенные книги и пошлины мангазейским воеводам, а последние делали им месячный учет. Через два года таможенные головы сменялись, и смена сопровождалась самым строгим учетом их со стороны новых голов; если в таможенных книгах являлась какая-нибудь неправильность, например, подчистка, подклейка, перебор или недобор пошлин, то таможенные головы задерживались в Мангазее до государева указа. Кроме того, головы по окончании службы обязаны были являться с таможенными книгами к тобольским воеводам, и последние обязаны тоже давать им учет⁴. Конечно, злоупотребления бывали, и редкий таможенный голова оставлял свою службу без начета: иногда этот начет был ничтожный — несколько денег, а, например, на таможенных головах Иване Кокорине и Петре Брагине начтено денег 211 рублей и мягкой рухляди: 167 соболей, 17530 собольих хвостов, 15 выимков собольих и 179 собольих пупков. Несмотря на все их объяснения, они принуждены были уплатить из своего имущества все, что на них начтено. А между тем некоторые объяснения неправильностей в таможенных книгах были основательны и должны бы привлечь во внимание. Например, относительно подчисток Кокорин и Брагин говорили, что это делалось «не воровски», а только исправлялись ошибки переписчиков, которые были людьми неопытными, таможенное дело было им «не за обычай», и они описывались. Но эти описки были такого рода: например, пере-

⁴ А. М. Ю. Сиб. арх., ст. № 62, л. 306–315.

писчики в беловых книгах ставили по ошибке цифру соболей большую той, которая значилась в черновых записях, составлявшихся при самом сборе пошлин. Ошибка очевидная, и таможенные головы исправляли ее, чтобы цифра соответствовала действительному количеству провезенных соболей каким-нибудь промышленником. Но тем не менее головы должны были представить десятую пошлину соответственно этой ошибочной цифре. Или, например, некоторые промышленники между доброю рухлядью имели соболей прелых, никуда негодных, и таможенные головы не взяли десятой пошлины с такой рухляди, но при учете оказались виновными и должны были уплатить недостающую десятую пошлину как бы с хороших соболей. Впрочем, Кокорин и Брагин, несомненно, делали злоупотребления, и значительная часть начета была справедлива — это очевидно из следственного о них дела*. Те же головы заплатились и за своего предшественника — таможенного голову Мокеева. Последний после учета, сдав таможенное дело Кокорину и Брагину, по обыкновению должен был явиться для нового учета в Тобольск. Здесь произвели ему учет гораздо строже, чем Кокорин и Брагин, которые, вероятно, получили взятку, скрыли его злоупотребления и отпустили из Мангазеи без начета. А по счетному делу в Тобольске на Мокеева начислено мяткой рухляди на 360 рублей. «И то велено доплатить на таможенных головах Ив. Кокорине и П. Брагине по 180 р. за то, что они отпустили Мокеева без счету». Дьяк мангазейский доносил, что все доправлено сподна**. Словом, таможенное дело в Сибири обставлено так строго, что таможенным головам трудно было безнаказанно злоупотреблять своей властью, если только злоупотребления их касались царской прибыли, ибо все действия одной таможи поверялись другой, чрез которую провозился товар, и злоупотребление, делаемое в одном месте, могло быть замечено в другом и в третьем, а делать везде подарки, чтобы скрыть часть провозимого товара, было бы невыгодно и для самих владельцев его. Но в отношении торговых и промышленных людей таможенные головы могли позволять себе всякие притеснения и прижимки: в данном случае был

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 57, л. 38—40; *ibid.*, № 95, л. 28.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 51, л. 285.

широкий простор для разных злоупотреблений. Одно, например, таможенное правило предписывало головам: буде миткая рухлядь у торговых и промышленных людей свыше ста рублей сорок собелей, то такую ценную рухлядь отбирать на государя, а владельцам ее выдавать из казны деньги за вычетом десятой пошлины. Это правило в высшей степени было тяжелое: оно вело к тому, что в царской казне должен был сосредоточиться весь лучший пушной товар, а ведь только такой товар и имел цену на зарубежных рынках. Промышленные и торговые люди пришли в ужас, узнав о подобном распоряжении, которое сделано в 1621 году. Мангазейский воевода доносил правительству, что торговые и промышленные люди не хотят исполнять этого правила и бегут со своими товарами мимо Тазовского города, не платя десятой пошлины; семьдесят человек, бывших на промыслах в Подкаменной Тунгуске, имея собелей сороков по десяти и пятнадцати, побежали по новой дороге чрез Сургут, где нет заставы. Эта новая дорога лежала по Енисею чрез речку Елотуй волоком в Вах и затем в Обь. Государь по этой отписке велел сургутским воеводам на удобном месте поставить стражу из служилых людей и объявить всем торговым и промышленным людям, если они будут захвачены на новой дороге, то товары будут отбираться в казну и сами будут наказываться⁴. По упомянутому правилу можно провозить сорок собелей в 100 рублей, но если сорок стоил 101 рубль, то, значит, такой ценный товар нужно отдавать в казну. Вот при этой-то оценке и могли таможенные головы и ценовальники делать прижимки торговым и промышленным людям. Хотя при оценке участвовали и выборные люди, но все-таки голос таможенных голов имел первенствующее значение, и от них зависело увеличить цену сорока собелей на несколько рублей и уменьшить; тут без подарков нельзя было обойтись. Впрочем, такое правило существовало недолго. В наказе таможенным мангазейским головам в 1635 году уже предписывалось отбирать в государеву казну у торговых и промышленных людей только те соболы, которые будут ценою в 10, 15 и 20 рублей каждый («одинец») и за девять долей давать им из казны деньги⁵. Но такие цен-

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1, л. 188.

⁵ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 62, л. 37, 38.

ные соборы были редкостью, а потому измененное таможенное правило было гораздо менее стеснительно для торговых и промышленных людей.

Немало было и других поводов к злоупотреблениям таможенных голов своей властью. На Кокорина торговые и промышленные люди жаловались государю: «Учал он у нас сирот твоих вынимать соборей десятую пошлину не по твоему государю наказу, без разбору со всех промышленных соборей рядом, и за худые соборишки и за прелые и за лоскутые соборы брал добрыми лучшими соборами; а разбирать нам сиротам твоим попрежнему, как было при прежних таможенных головах, добрый собор и добрым, а плохой к плохим не давал и за худые соборы брал лучшими для своей бездельной корми ради посулов». Торговые и промышленные люди делали себе шубы и шапки из соборей, бобров, из пупков соборных²⁵ «про свою нужу», как они писали в челобитных, но Кокорин смотрел на дело иначе, как на способ избавить от десятой пошлины некоторую часть их промыслов, и потому те шубы и шапки оценивал дорогою ценою и заставлял владельцев этих предметов уплачивать десятинное, если, конечно, промышленники не давали ему взятку. Жаловались торговые и промышленные люди и на многие другие прижимки таможенного головы Кокорина*.

К таможенному ведомству принадлежали еще целовальники и толмачи; целовальничество и толмачество было повинностью для торговых и промышленных людей, и последние выбирали на эти должности людей из своей среды. Поэтому злоупотребление целовальников и толмачей было несколько иного свойства, чем злоупотребление таможенных голов: они действовали в пользу своих избирателей, и от их злоупотреблений страдала главным образом государственная казна. Как целовальников, так и толмачей в Мангазее было по 15-ти человек: по одному сидело в Мангазее и Турхане, остальные ездили со служилыми людьми по зимовьям и там отправляли свои обязанности. Какого рода были злоупотребления этих должностных лиц, можно видеть из отписки мангазейского воеводы Погосего. В 1623 году он писал в Москву: «Приезжают в Мангазею с Руси из многих

* А. М. Ю. Сиб. арх., стр. № 95, л. 37—44.

городов торговые и промышленные люди для торговых своих и соболиных промыслов и выбирают промеж себя в Мангазейский уезд в зимовья целовальников и толмачей своих городов друзей и дают им своих товаров рублей на 100, 200, 500 и 600 и тем целовальникам и толмачам заказывают накрепко, чтоб воеводам про то было неведомо, и на те товары толмачи и целовальники в Мангазейском уезде в зимовьях, где который будет для государева ясачного сбора соболиной кааны, покупают лучшие соболи и бобры и всякую мягкую рухлядь прежде государева ясака, и выходят из зимовий на соболиные промыслы, и с своими товарищи, не допуская ясачных людей до ясачных городков и лучшую мягкую рухлядь у них выкупают на свои товары. А ясачные люди приходят в зимовье к служилым людям с худыми соболлями, и толмачи воровством приказывают им, чтобы они лучшие соболи продавали, а в государев ясак носили соболи худые, и те ясачные люди по их приказам так и делают. Да кроме того, целовальники и толмачи, пишут воеводам, закабаливают государевых ясачных людей небольшими долгами, дают им в долг рубля по 2 или по 3, а потом за проценты берут у них всякую лучшую мягкую рухлядь годов по пяти и по шести, а долг все-таки остается; от того государевы ясачные люди во всех зимовьях стали без оленей и без промыслов, многие померли, а иные разбрелись. Из того же документа видно, что торговые и промышленные люди нарочно из своей среды выбирали в целовальники и толмачи людей «худых задолженных», но лишь бы знавших самоедский и остяцкий языки; потому что таких людей легче было задобрить и заставить их заботиться более о своих кредиторах и друзьях, чем о государственной прибыли. И если так вперед будет, замечает тот же воевода, т.е. торговые и промышленные люди будут выбирать в целовальники и толмачи людей худых, то хорошего ясачного сбора нельзя ожидать. Получив эту отписку, Михаил Фелорнич приказывает воеводам выбирать в толмачи и целовальники людей добрых и зажиточных, а не воров, выбрав, поверстать их жалованьем денежным и хлебным, кто в какую статью годится, и привести их к крестному целованию, чтоб им государю служить и прямить, а себе мягкой рухляди не брали б, ничем не торговали и торговым и про-

мысленным людям не норовили бы*. Но зажиточным людям не было никакого интереса служить в этих должностях: жалование толмачам давалось такое же, как и рядовым стрелцам, целовальникам — несколько более. А между тем им строго запрещалось вести торговлю, и значит, торговый человек, взявши на себя обязанность толмача и целовальника, должен был довольствоваться только ничтожным жалованьем и бросить столь выгодные в Мангазее промыслы и торговлю. Вследствие этого, несмотря на царские указы, в толмачи и целовальники торговые и промышленные люди выбирали из своей среды только людей худых, и воеводы не имели возможности заставить служить в этих должностях людей зажиточных: толмачом и целовальником мог быть только тот, кто знал самоедский и остяцкий языки, но зажиточные торговые люди нарочно говорили, что они этих языков не знают и, стало быть, не могут исполнять обязанностей ни толмачей, ни целовальников. Поэтому нужда, особенно в толмачах, была великая и иногда доходила до того, что толмачество поручалось таким лицам, которые сами плохо знали инородческие языки и толмачили чрез своих жен. В конце царствования Михаила Федоровича остяки Имбацкого зимовья послали в Москву следующую челобитную. Упомянув сначала о прежнем толмаче Иване Волюнкине, который хорошо знал остяцкий язык и толмачил в Имбацком зимовье лет 12, и что при нем обид остякам никаких не было и расправа им от приказных людей была правая, челобитчики пишут: «А с 1641 г. воеводы стали посылать к ним в Имбацкое зимовье с служилыми людьми толмачей переменных и худых, которые их остяцкого языка вполне не разумеют и разговора остяцкого хорошо не знают, а толмачат при посредстве своих жен; при таких толмачах им от приказных людей прямой расправа нет, так как жены толмачей ни о чем говорить приказным людям не смеют, и им в ясачном сборе бывает великое отягощение»**.

Мы выше говорили о тех разнообразных пошлинах, которые собирались в государствену казну, как-то: поголовное, амбарное, лавочное, пожизненное, проезжая, отъезжая

* А. М. И. Д. Порт. Миллера, № 477.

** А. М. Ю. Сиб. вр., ст. № 189, л. 145.

и пр. Но самая важная пошлина — это десятинная с промыслов, с купли и продажи всяких товаров и разных съестных припасов, которые торговые и промышленные люди привозили в Мангазею. Относительно съестных припасов сделано только исключение для хлеба, который можно было провозить беспошлинно. Но торговые люди стали злоупотреблять этим правом и, накупив хлеба в Верхотурском, Тюменском и Туринском уездах, привозили оный в Мангазею под видом съестных припасов и производили там очень выгодную торговлю: в пашенных сибирских уездах в урожайные годы пуд муки стоил несколько копеек, а в Мангазее и Турухане он продавался по 50 к., по рублю и даже по 2 р. за пуд. На это обстоятельство обратил внимание тобольский воевода Сулешов, столь много заботившийся о государственной прибыли, и установил пошлину и с хлебных запасов. Вследствие этого так много собралось в государственной мангазейской казне хлеба, что при Сулешове им уплачивали в Мангазее хлебное жалованье служилым людям, ружейникам и оброчникам, и из Тобольска в это время совсем не посылался хлеб в «заморскую государеву вотчину»*. Это «уложение» Сулешова существовало недолго, и в мангазейских книгах хлебных приходов с 1627 года мы не встречаем статьи прихода пошлинного хлеба. Очень может быть, что торговые люди перестали торговать в Мангазее хлебом, найдя эту торговлю невыгодною после того, как должны были уплачивать десятинную пошлину при покупке хлеба в пашенных сибирских городах и при продаже в Мангазее. На практике оставалось так: хлебные запасы по 5 четвертей на человека можно было провозить беспошлинно, а при продаже его взималась пошлина. Но из отписки мангазейского воеводы в 1641 году видно, что торговые и промышленные люди иногда отказывались платить десятинную пошлину и при продаже хлеба, и воевода не находил нужным требовать ее ради того, чтоб «их торговых и промышленных людей от мангазейских торгов и промыслов не отогнать», тем более, как доносил воевода, продажа хлеба бывает малая — четверти по 2 и по 3**.

С других же съестных запасов — меду, рыбы, зайцев и пр. десятая пошлина

* Р. И. Б., т. 8, стр. 353

** А. М. Ю. Сиб. пр., стр. № 571.

взималась всегда, если только торговые люди наперед не заручились царской грамотой «о безценном провозе», что было редким исключением.

Главная статья государевых доходов в Мангазее — это десятая соборная пошлина с промышленной и покупной всякой мягкой рухляди. Это ясно будет видно из следующих данных:

В 1626 г. взято і в 14062 р. 30 к	(А. М. Ю. Сиб. прик., т. № 4, л. 474).
В 1627 г. зято на 15492 р. 60 к	(Ibid., ст. № 4, л. 489).
В 1628 г. зято н і 15354 р. 19 к	(Ibid., н. № 17, л. 61).
В 1631 г. зято на 12952 р. 78 к	(Ibid., ст. № 58, л. 368).
В 1635 г. зято н і 10749 р. 90 к	(Ibid., ст. № 58, л. —).
В 1636 г. зято н і 17265 р. 17 к	(Ibid., ст. № 52, л. 137).
В 1637 г. зято н і 13729 р. — к.	(Ibid., н. № 204, л. 143).
В 1638 г. зято н і 11443 р. — к.	(Ibid., ст. № 73, л. 75).
В 1641 г. зято і а 11812 р. 92 к.	(Ibid., т. № 103, л. 861).
В 1642 г. зято н і 12594 р. 22 к.	(Ibid., т. № 111, л. 123).
В 1646 г. зято на 5113 р. 90 к.	(Ibid., н. № 204, л. 145).

Мы везде обозначали мангазейскую цену пушного товара, но московская оценка была гораздо выше: например, в 1628 году в Мангазее десятинный сбор мягкой рухляди оценен в 15354 р., а в Москве — в 17285 р.*; в 1635 году десятинную мягкую рухлядь в Мангазее оценили в 10749 р., а в Москве — в 12952 р.**. Таким образом, если к десятинной пошлине прибавить еще ясак и поминки, то окажется, что государева казна ежегодно получала из Мангазеи мягкой рухляди минимум по московской цене на 17 тысяч рублей, а максимум — около 30 тысяч рублей***. Но Мангазей, как мы упоминали выше, была золотым дном не только для государевой казны, но и для торговых и промышленных людей. Контингент последних состоял почти исключительно из жителей южных северных губерний. Так, из таможенной книги 1641 года видно, что чрез Мангазейскую таможню в июне и в июле месяцах этого года

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 17, л. 63.

** Ibid., кн. № 20.

*** Пожалуй, никому читателю будет интересно знать, какое же употребление имели эти массы изкур разных пушных зверей, ежегодно приносимых из Сибири в государеву казну? Чтобы удовлетворить любопытство читателя, мы приведем здесь данные из расходной книги Казанского дворца, из которых видно будет, на какие предметы расхо-

проехали на Русь всего 347 человек: пинежан — 61 ч., устюжан — 44, важенян — 21, сольвычегодцев — 17, мезенцев — 7, вологодчан — 5, усольцев — 6, дьяков — 4, гостинной московской сотни — 4 чел., патриарших крестьян — 2 чел., Сергиева монастыря крестьян — 4 чел., тюменцев — 3, тобольчан — 6 и т.д. Словом, $\frac{3}{4}$ торговых и промышленных людей приходилось на жителей тыннинских северных губерний, и это понятно почему. Последние давно были знакомы с Мангазеей, как и с инородцами — самоседами и остяками, знали их язык и нравы, давно были знакомы с водными путями, ведущими в Сибирь, и затем занимались торговлей и промыслами. Эти 347 человек имели пушного товара на 28 т. рублей; некоторые из них везли рублей на 40, на 100, другие на 500 рублей, некоторые на 1000, 1500 рублей и более⁴.

Валась государева соборная казна: 1627 г. сентября 7. «40 соборей цена 60 р. послано государю оларить теми соборами отца своего св. патр. Феофана на праздник Рожд. Крест». Октября 27. «Созвукскому епископу, Свияжскому архимандриту, Афонской горы стрелцезу и келарю, понам и дьякам от государя и от свят. патриарха — 40 соборей цена 28 р., 40 соборей цена 20 р., 480 соборей цена по 15 р. сорок». Ноября 26. «Доктору Ортему для татарской посылки жалованья государева 40 соборей цена 75 р. и 40 соборей цена 50 р.». «Свияжскому корделю посланы соборей от государя на 240 р. и от патриарха на 70 р.». «Турской земан города Мирликии Никольского монастыря митрополиту Иеремии и старцам на 75 р. соборей». «Послать в Крым к царю и хану злату на 1070 р.». «В Крым царю близкому человеку Алташ Аге на 50 р.». «Послать милостыни патриарху Кириллу и александру, патриарху Герасиму на 400 золотых соборей». Тако расхот соборной казны на жалованье, подарки и милостыни. Но московские цари были и первыми купцами в Московском государстве: они вели значительную торговлю пушным товаром в Персию и неслили хорошие деньги. «Госю Федору Коткову и торговым людям, купцами посланы с ними и государевым товаром в вероходскую землю соборей на 140 рублей». Апреля 20. «По государеву указу госю Булатову велено выдать на Казанского ширна соборей на 1673 г. для торговли с казакшанскими купчинами на сырой шелк». Затем московские цари за всякого рода покупки уплачивали не деньгами, а шурами пушных зверей. Марта 25. «Велено дать торговому человеку Афанасию Семенову за золотым и за золотом дельным, что у него дельно и золотому делу, соборами на 663 р. 20 а.». «Торговому человеку за 800 золотых уторских по цене на 575 р., по 28 ал. за золотой дать соборами и всем мягкой ухладью всего 15 сороков соборей». «Торговому человеку Семенову за валюты у него жемчуг 482 золотника по цене за 907 1/2 р. дать соборами». «Торговому человеку А. Семенову за валюты у него и госю. делу 890 золотых уторских, да 111 1/2 золотников золота дельного, 142 золотника жемчугу мелкого по цене за 907 р. 14 а. дать соборами».

⁴ А. М. Ю. Саб. пр., кн. № 504, л. 148.

Район торговых и промышленных операций русских людей очень обширный — по рекам Пуру, Тау, Енисею, Пясида, Хета, Хотанге, Алабаре, Тунгускам, Вилдою, Лене и даже по островам Ледовитого океана. Число торговых и промышленных людей, ежегодно отправлявшихся в Мангазейский уезд, было неодинаково, как это видно из таможенных книг, — от 500 до 1000 человек, но когда существовал морской путь, их, вероятно, было значительно более; только от того времени до нас не дошло ни одной таможенной книги. Они жили там по 2, по 3 и даже по 5 лет. Большая часть их самостоятельно занималась торговлею и промыслами, а некоторые торговые люди, например, гостинной сотни, посылали в Мангазею своих приказчиков или за покупкою пушного товара, или для промыслов. А как велики были денежные суммы, посылаемые торговыми людьми со своими приказчиками для закупки шкур пушных зверей, можно судить по следующему случаю. В 1687 году Налеяка Свешников послал в Мангазейский уезд своего приказчика с тремя людьми и вручил ему денег 5500 рублей. Судьба этого дела была самая печальная. В следующем году Свешников уже был челом государю, что посланный им приказчик умер, а люди его живут в Сибири на Лене, «проживают и пропивают тот живот мой», и просил написать грамоту ленскому воеводе, чтоб он отыскал тех людей и выслал их в Москву*. Эта сумма в $5\frac{1}{2}$ т. рублей свидетельствует о больших торговых оборотах, которые имели некоторые торговые люди в Сибири.

Что же касается всего товара, провозимого ежегодно чрез Мангазейскую таможию, то об этом также можно судить по некоторым данным. Десятая пошлина, собираемая на государя, не всегда может обозначать количество всего товара, привезенного чрез Мангазейскую таможию, потому что иногда торговые люди возвращались чрез Мангазею на Русь, уже уплатив таковую пошлину в Ленском или Енисейском острожках; например, в 1687 году мангазейский воевода доносил, что 130 человек, с которых довелось взять десятой пошлины 827 сороков, 36 соболей, уплатили эту пошлину в Ленском и Енисейском острогах**. Но зато все

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 139, л. 488.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 571 (ненумер.).

платили в Мангазее «поживотное на мирские государевы расходы», и если 6 эта пошлина собиралась постоянно, то мы имели бы документальные данные относительно ценности всего товара, ежегодно провозимого на Русь через Мангазею. Но, как мы выше говорили, «поживотное» принадлежало к чрезвычайным пошлинам и взималась только за некоторые годы. Так, с 12 июля 1635 года по 1 сентября таковой пошлины по деньге с рубля взято с торговых и промышленных людей 565 рублей, стало быть, ценность их товара определена в 565000 рублей⁴; в 1629 году этого же рода пошлины по 5 денег с рубля взято с 847 человек 674 рубля, значит, товара было на 135 тысяч рублей^{4*}.

К концу царствования Михаила Федоровича город Мангазея стал все более и более падать. Еще в 1627 году мангазейские торговые и промышленные люди разных городов били челом государю, что в Мангазее — около Мангазейского города, Туруханского зимовья, вверх по Енисею и вниз Нижней Тунгуски — соболи и бобры «промышленялись», и они начали ходить в верхние места Тунгуски, где соболи добры и всякого зверя много^{4**}. Таким образом, первую причину упадка Мангазеи было оскудение того богатства, которым прежде славилась Мангазейская область. Открылись новые места промыслов — это верхние части Нижней и Средней Тунгуски, но эти места слишком далеко находились от города Мангазеи; торговые и промышленные люди пишут, что они из Тазовского города доходят до верхних промышленных мест только на другое лето. И вот торговые и промышленные люди, чтобы сократить расстояние, начинают жить в Туруханском зимовье, и в этом месте мало-помалу образуется такой же центр, каким прежде был город Мангазея. Только пока существовал последний, проживание в Турухане вызывало множество неудобств. Торговым и промышленным людям по разным случаям часто приходилось ездить в город, где жили воеводы, и эти поездки сопряжены были с большими трудностями, убытками и потерей времени. Например, в 1634 году они жаловались, что приказные люди в

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 78, л. 60.

^{4*} Там же, кн. № 26, л. 68.

^{4**} Р. И. Б., т. 11, стр. 849.

Турухане судят их по исковым челобитным только до 5 р., а если иск превышает эту сумму, то они расправы не дают и посылают истцов и ответчиков к воеводам в Мангазею. Это во-первых. Во-вторых, на торговых и промышленных людях лежала обязанность возить ежегодно весною из Туруханского зимовья в Мангазею аманатов со служилыми людьми для государева жалованья и расспросу о сборе ясака и привозить их обратно. А между тем путь этот был длинный и неудобный: по реке Турухан можно было плыть в больших судах, по малым речкам нужно было перегружаться в коломенки, некоторые места тянуть волоком, а затем по реке Таз снова переходить на кочи; вследствие этого путь от Туруханского зимовья до Мангазеи совершался только в три недели, и обратный провоз требовал столько же времени. А пока, пишут челобитчики, из Мангазеи не привезут аманатов, приказные люди не отпускают торговых и промышленных людей из Туруханского зимовья на собольиные промыслы ни одного человека, а в это время вся вода из Тунгусок уходит, путь по этим рекам вследствие порогов делается затруднительным, и они доходят до промышленных мест слишком поздно и потому ежегодно «живет безпромыслица». Да и мангазейский воевода в том же году доносил, что эти переезды тяжело отзываются на торговых и промышленных людях, и спрашивал, не прикажет ли государь ему и его товарищу жить в Туруханском зимовье, тем более что в Мангазее теперь собирается пошлина только с юколы, «с собачьяго костья», с рыбы и с зайцев, да и то небольшая*. Благодаря указанным обстоятельствам промыслы, которые в прежнее время давали огромные барыши, делаются все менее и менее выгодными, да к тому же они находились теперь в стране тунгусов — народа жестокого, который массами нападал на торговых и промышленных людей и убивал последних ежегодно человек по тридцать, по 50, по 100 и больше. Слухи об этих трудностях и убийствах доходят до Руси, и в Мангазее все менее и менее торговых и промышленных людей отваживаются ездить ради торговли и промыслов. Наконец, некоторые случайные обстоятельства имели большое влияние на падение города Мангазеи. Мы

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 656.

выше упоминали, что с 1641 и до 1644 гг. в этот город не пришло ни одного коча с хлебом: все они были разбиты бурами в Обской губе. И в Мангазее настал великий голод, жители питались в то время юколой, «собачьим костем» и т.п. К довершению несчастья, в 1643 году город почти весь выгорел: сгорели воеводский двор, государственные амбары, съезжая изба, некоторые городские стены, а оставшиеся от пожара постройки были то разломаны, то раскрыты. Из Казанского дворца плетется мангазейским воеводам приказ: немедленно служилыми, торговыми и промышленными людьми поставить острог, укрепить его всякими крепостями, построить воеводский двор, съезжую избу, государственные амбары. Но исполнить этот приказ, оказывается, нет возможности. Служилые люди послали государю такую челобитную: «Нам холопам твоим порченных, разломанных и раскрытых мест Мангазейского города и острог ставить на горелом месте, съезжую избу, воеводский двор и государственные амбары делать нечем; нас в Мангазее, служилых людей всего 94 человека, да из них 70 человек посылаются на государственные годовые, двухгодовые и трехгодовые службы по ясным зимовьям и с ясаком в Москву, 10 человек сидят в тюрьме и остается в Мангазейском городе для бережения государственной казны всего 14 человек. Да в Мангазее по 3 года государевых кочей и торговых и промышленных людей не приходило, все те суда разбило в море до основания и мы служилые людишки не получали хлебного и соляного жалованья по 2 по 3 и по 4 года. На твои государственные службы поднимались, должая великими долгами, жены и дети наши, живучи в Мангазейском городе, терпят голод, а теперь и дожидаться не у кого, потому что город запустел...»⁴.

Сам воевода зимою писал в Москву, что «он в великий пост уходит в Туруханское зимовье, и до того времени хлебными запасами, привезенными из Енисейска, нельзя прокормиться помимо юколы и «костя собачьяго», что дьяк Олодуров, бросив государственные дела, убежал, и ехавший на его место дьяк Тернев, не доехав Мангазеи, застрял в реке Таз и умер голодною смертью; промышленные жилецкие

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 139, я. 160.

люди осенью побрили в Турухан и Енисейский острог, а многим стрелецким женам, мужья которых находятся на службах, придется с детьми помереть от голоду, потому что в Турухан оне брести не могут, а из Турухана в зимнее время прислать в Мангазею хлебных запасов невозможно. Кроме того, воевода сообщал, что на весну он не может послать служилых людей в зимовье для сбора ясака, так как нечем подняться, что в Турухане и в Мангазее в этом году государевых денежных доходов ничего не будет, потому что собрать не на ком и не с чего»^{*}.

Такова была печальная картина положения Мангазеи в 1644 году! В Туруханском зимовье дела были не лучше. Мангазейский воевода, явившись сюда, прежде всего объявил торговым и промышленным людям указ о постройках в Мангазее, но сам он, видя их бедность и малочисленность, дал им «в городской поделке сроку до государева указа». Но эта бедность, однако, не помешала ему взмскивать с тех же торговых и промышленных людей деньги 73 р. за площадное письмо. Последние отдавались на откуп за 73 р. в год, но площадной писец ввиду тяжелых времен сбежал, и теперь воевода решается доправить эти деньги на торговых и промышленных людях, и, по обыкновению, правяжком, таким же средством он хотел заставить торговых и промышленных людей дать ценовальников для посылки последних в ясачные зимовья. В ответ на царский указ о постройках в г. Мангазейском и на действия воеводы торговые и промышленные люди послали Михаилу Федоровичу челобитную, из которой ясно видно, чем была для них Мангазее прежде и чем теперь стала. «По твоему государеву указу, — пишут они, — воевода велел нам, сиротам твоим, промеж себя из торговых и промышленных людей выбирать во всякия мангазейския службы годововы, двухгодовыя и трехгодовыя против прежних годов. А в прежние годы всяких выборных людей в Мангазее было по 30 человек и больше те службы всякому человеку стоили в год рублей по 40 и 50, а дальние рублей по 80, но теперь таких служб мы нести не можем, потому что не те времена, не такие теперь торги и промыслы! В прежние годы торговых и промыш-

^{*} А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 134, л. 443, 444; ст. № 139, л. 165.

ленных людей приходило в Мангазею человек по 600, 700 и больше и с соболиных промыслов возвращалось каюков по 100 и по 150 и больше да из Енисейского острога приходило дощаников по 20, так что всяких людей на Мангазейскую ярмарку съезжалось тысячи по две и больше. А каковы тогда были торги и промыслы! У одного человека товару тысячи на 2, на 3, на 4, на 5 и более. На одного человека «ужили» (долей) по 50 и более. И всякие государевы службы служили без ослушания и без отягощения, а теперь собралось торговых и промышленных людей только человек 150, да из Енисейска пришел один досчанник. И все люди бедные задолжавшиеся и голодные! А если бывают богатые люди, то это прикащики купцов гостиной сотни, которые торгуют тысяч на 6, на 7 и больше, но они пожалованным московским грамотам не служат никаких государевых служб. В той же челобитной мы находим и указания, почему в Мангазею все менее и менее стало приходиться торговых и промышленных людей. «Последние годы промыслы стали неудачны и избыточны: ясачные люди тунгусы на промыслах в лесах и в зимовьях промышленников убивают, мучат, жгут, отнимают хлебные запасы, всякие промышленные орудия, соболи и платье: в 1642 году тунгусы убили промышленников 20 человек, в 1643—1644 гг. убили 35 человек, а во многие годы убивали человек по 100 и более. Вследствие этого, — читаем в челобитной, — оттого мучения и грабежу промышленные люди отбыли промыслов и задолжались великими долгами. Да в 1642 году кочи, прибывшие с моря, замерзли в реке Тазе и русским людям пришлось выбросить свои товары и оттого торги и промыслы принесли только одни убытки». Мы также упоминали, что в продолжение нескольких лет государевы кочи с хлебными запасами разбивало на море, но между этими кочами всегда были и кочи торговых и промышленных людей, стало быть, и последние постигала та же участь, как и казенные. И вот промышленные люди, слыша об убийствах и грабежах тунгусов, о крушении кочей на море, о пожаре в Мангазее, о великих тягостях от государевых служб и изделий, о голоде в Тазовском городе, не решаются уже принимать далекое путешествие в Мангазею. Да и те, которые были на промыслах, человек 150, получив подобные

вести, не пошли в Мангазею в 1644 году, а, уплатив десятую пошлину на заставе при устьях Подкаменной Тунгуски, возвратились на Русь иным путем — через Енисей, Елогуй, Вах и Обь мимо Сургута. В заключение челобитной торговые и промышленные люди просили государя избавить их от целовальников, от построек в Мангазее, не взыскивать с них площадных денег, чтоб им вконец не погибнуть и не разбредиться врозь...⁴.

Собственно говоря, уже с того времени, как иссяк источник богатства в Мангазее, как «соболи опромышлялись» по рекам Пуру и Тазу, Мангазейский город оказался совершенно не на месте: существование его приносило только один вред торговым и промышленным людям. Правительство еще могло дорожить им, так как там были возведены разные казенные постройки, но в 1643 году пожар уничтожил почти весь город, и правительство теперь легко могло расстаться с ним и перенести его в Туруханское зимовье. И в самом деле, какой смысл теперь имел город на реке Таз? Пожалуй, он должен был еще служить в качестве зимовья для сбора ясака с мангазейских сямоедов, но не как административный и торговый центр Мангазейского уезда; эта роль должна перейти к Туруханскому зимовью, и московское правительство поступало в высшей степени неблагоприятно, направляя торговых и промышленных людей чрез Мангазею. Иное дело, когда был свободен морской путь в Сибирь! Этою последнею дорогою торговые и промышленные люди: разные двиняне, мезенцы, пинежане, устюжане, важане — гораздо скорее и с меньшею опасностью достигали Мангазейского города, чем путем, которое установило правительство, т.е. Обью и Обскою и Тазовскою губами. Что морской путь из устьев Двины и Мезени не только в Мангазею, но даже в Туруханское зимовье был спешнее, чем чрез устья Оби, на это мы имеем прямое свидетельство самих торговых и промышленных людей. Торговый человек Кондрашка Куркин и стрелец Кондрашка Корела на допросе говорили тобольским воеводам: «От Архангельскаго города по вся годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товарами и с хлеб-

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., стр. № 139, л. 168—172.

ными запасами, а поспевают морем в Карскую губу в две недели, по реке Мутной ходу 5 дней, волок полторы версты и по Зеленой 4 дни...»; весь же путь от Архангельска до Мангазеи, по показанию этих лиц, совершался в четыре недели. По другим показаниям, Мутную реку проходили в 5 дней, Зеленую — в 10 дней, «а от устья Зеленой реки губою бежать парусным ходом до завороту (т.е. до Тазовской губы) день, Тазовскою губою до устья реки Таз два дня и две ночи... И рекою Таз до города Тазовского (т.е. Мангазеи) двое суток...»*. Другие находили этот морской путь несколько продолжительнее, но из всех показаний тобольский воевода вывел заключение, что из Архангельска морем в Мангазею поспевают в 4½ недели. Между тем из Тобольска в Мангазею по Иртышу, Оби и чрез Обскую и Тазовскую губы в благоприятную погоду «большим погодыем» суда достигали в 8 недель, а в менее благоприятную погоду, «когда погоды живет мало» — неделя в 13 и больше**. Если столько времени требовалось проплыть из Тобольска в Мангазею, то сколько же нужно было времени, чтобы разным двинянам, мезенцам, устюжанам добраться до Мангазеи чрез Уральский хребет? Очевидно, что гораздо более. Кроме того, нужно заметить, что путь чрез обское устье был опасен: в Обской губе редко бывала благоприятная погода, а почти всегда дул северный ветер, который иногда совсем препятствовал выйти судам из обского устья или во время пути прибывал их к берегу, а часто, как мы выше упоминали, даже разбивал их. Торговые и промышленные люди считали этот путь самым опасным и даже советовали правительству избегать его. Еще в 1627 году они в Казанском дворце говорили, что если посылать служилых людей из Тобольска в Туруханское зимовье, то следует направлять их по Иртышу в Обь и по Оби вверх чрез Кеть в Енисейск и затем вниз по течению Енисея, что ход из Тобольска в Туруханское зимовье чрез Енисейск спешнее, «поспевают ранее», чем чрез Обскую губу и чрез Таз***. «Поспевают ранее» не потому, что этот путь короче; нет, он гораздо длиннее, чем чрез обское устье: из Тобольска в Ман-

* Р. И. В., т. 11, стр. 1090–1091.

** Р. И. В., т. 11, стр. 1056.

*** Р. И. В., т. 11, стр. 853.

газею последнюю дорогой плавали от 8 до 13 недель, да от Мангазеи до Туруханского зимовья $2\frac{1}{2}$ недели, а нартяным ходом три недели. Тогда как до Енисейска чрез Иртыш, Обь, Кеть, волок и Кас можно было доплыть только в четыре месяца; в Енисейске, говорили промышленные люди, нужно зимовать, а потому уже на другую весну плыть в Туруханское зимовье. Путь от Енисейска до Туруханского зимовья совершался водою в две недели, а нартяным ходом три недели. Очевидно, что такой круговой путь торговые люди предпочитали только потому, что путь чрез обское устье был в высшей степени опасен. Между тем морской путь в Мангазею не только был спешнее, как мы видели, но и безопаснее, чем чрез обское устье. По крайней мере о крушениях на морском пути нет и помину в показаниях торговых людей. Выплыв из устья реки Зеленой в Обскую губу, суда попадали прямо под попутный северный ветер, который прямо гнал их в губу Тазовскую и был попутным до самой Мангазеи.

Все это мы говорили к тому, чтобы показать, что город Мангазейский даже после окончательного упадка соборных промыслов в самой Мангазее мог бы еще существовать и процветать, если б только был свободен морской путь к нему — «старая дорога». Тогда торговым и промышленным людям нельзя было обойти его и чрез Мангазейский город ежегодно проходило бы minimum $1\frac{1}{2}$ т. человек с товарами на несколько сот тысяч. Когда же морской путь был запрещен, а местные богатства оскудели, то существование города на реке Таз сделалось совершенно бесполезным и убыточным как для правительства, так и для торговых людей. Его роль теперь с большим успехом могло исполнять Туруханское зимовье, куда путь от устья Иртыша чрез Обь мимо Сургуты, по рекам Ваху и Елогую и затем по Енисею был значительно спешнее, чем чрез обское устье; этим последним путем уже ходили торговые и промышленные люди, а в 1644 году и государев яsak из Туруханского зимовья отправлен был именно чрез Елогуй. Между тем московское правительство сохраняло этот город до самого 1672 года, когда он был перенесен к устью Турухана. В это время морской путь в Сибирь уже был забыт, и до известного Крижанича²⁵, жившего тогда в Тобольске, доходили о нем

только неясные слухи. Тем не менее он обратил на них внимание и в одном своем сочинении высказал взгляд на значение для Сибири морского пути от города Архангельска. Говоря о разных предметах торговли, которыми изобилует Сибирь, он пишет: «Можно было бы добывать от калмыков воловых и овечьих шкур тысяч 30 и 40 и продавать немцам, если бы найден был путь по Иртышу на море... до моря Архангельского». В другом месте того же труда Крижанич читаем: «Немцы ежегодно плавают в пустую северную страну, в дальнее студёное море ради велерыбьяго жира, и труд не только оплачивается, но и дает им прибыль. Не знаю, — продолжает Крижанич, — нельзя ли того же и от сего царства сделать — от Мангарии (Мангазеи) или от Архангела. Знаю только, что если бы Сибирью владели немцы, то никак не могли бы жить без морских ладей и разведали бы дальние морские пути, коих мы не знаем. И кто знает, может быть, из Мангареи и путь в Индию был бы найден»^{*}.

Но мы уже знаем, что морской путь от Архангельска в Сибирь давно уже был известен русским; жители нынешних северных губерний пользовались им не одну сотню лет, плавая из устьев Двины, Мезени и Печоры в Мангазею. Только правительство Михаила Федоровича этот путь, который оно в 1616 году считало *старою дорогою*, запретило под страхом смертной казни, напрасно испугавшись немцев.

В заключение мы выскажем несколько общих замечаний относительно торговых и промышленных людей в Сибири. Следя за предприятиями русских промышленных людей, историк не может не поражаться их смелостью, терпением, настойчивостью, доходящей до упорства, умением ориентироваться среди незнакомой и дикой местности, способностью скоро и легко изучать инородческие языки и уживаться с людьми иного происхождения, иных вер, нравов и обычаев. Торговые и промышленные люди шли всегда впереди тех мест, где действовало правительство: они пролагали дороги, отыскивали инородцев, заводили с ними

^{*} «Русское государство в пол. XVII в.», стр. 14 и 56. Слово *Мангария*, *Макарийский* у Крижанича нужно читать Мангазея и Мангазейский; вероятно, издатель этого сочинения смешал латин. буквы t и z.

торговлю, а иногда даже налажали на них ясаки от имени Белого царя, и затем уже появлялись в тех местах правительственные острожки и зимовья. Пред этими подвигами русских людей бледнеют предприятия в Америке разных Кортесов и Пизарров, если мы возьмем во внимание природу, среди которой пришлось действовать русским в Сибири и испанцам в Америке, и средства, которые имели те и другие. Уже в первой четверти XVII века русские промышленники выплывали из устьев Енисея и Лены, плавали по Ледовитому океану, открывали на нем острова и занимались там промыслами. Удивительно в данном случае то, что русские мореплаватели совершали свои плавания по Ледовитому океану без всяких морских карт, даже без компаса и притом на небольших судах, так называемых кочках. «Поговора с товарищи, да помолись Богу, государь, мы поплыли...». Куда же и на чем? В Ледовитый океан и на своих утлых ладьях — необыкновенная смелость! Ведь достаточно было одной ничтожной льдины, чтобы превратить эти «суденышки» в щепы. И действительно, как показывают документы, русские люди во время этих смелых экспедиций погибали целыми партиями в 50 и 100 человек, но это, однако, не останавливало других: составлялись новые партии, шли по следам своих предшественников и делали новые и новые открытия на страшном Ледовитом океане. А какие лишения они испытывали во время этих предприятий? По целому году не видели огня и питались косялою, падалью и собачьим кормом.

Я не разделяю того мнения, что будто бы алчность к наживе вела русских промышленников все далее и далее в глубь Сибири... Нет, помимо материальных интересов, ими руководили необыкновенный дух предприимчивости, страсть к рискованным предприятиям, жажда знаний — что таится в неведомых местах. Об этом свидетельствуют неопровержимые исторические факты. Ведь уже в начале XVII века русские завладели громаднейшею частью Сибири, и на этом пространстве они могли удовлетворить самую ненасытную алчность. Между тем что же мы видим? Оказывается, им мало материка Сибири. Торговые и промышленные люди простирают свои виды на Ледовитый океан, плавают по нему в разнообразных направлениях, несмотря на страшную опасность, которая там угрожала мореплавателям.

Равным образом несправедливо обвинение, что будто бы передвижения русских людей в Сибири неизбежно сопровождались грабежами и даже истреблением инородцев. Так может говорить только тот, кто или совсем не знаком с историческим материалом, или слишком доверяет чело­битным инородцев, в которых иногда попадаются жалобы на грабежи их торговыми и промышленными людьми. Я мог бы привести много данных из следственных дел по поводу разных челобитных в подтверждение того, как нужно быть осторожным в своих заключениях при пользовании подобным материалом. Мало того, даже к донесениям самих воевод нужно относиться критически и в своих выводах из них необходимо иметь в виду другие данные. Для иллюстрации этого повернем на суд читателя следующее донесение мангазейского воеводы в 1623 году*. Он писал, что многие русские люди приходят в Мангазейский уезд, желятся на инородках и поселяются в инородческих юртах; некоторые уже живут лет по 15 и по 20, убивают и грабят инородцев, «задавливают» их великими долгами, заказывают инородцам приносить в яsak добрых соболей, выкупают у них всякую лучшую мягкую рухлядь, и если не выгнать этих русских из уезда, то государственной казне будет убыль и полный яsak с ясачных людей собрать будет невозможно. Какой вывод можно сделать из этого документа касательно отношений русских людей к инородцам? Совершенно верно, что русские люди, поселившиеся в инородческих юртах, как более смелые и предприимчивые, эксплуатировали приютивших их инородцев — людей беспечных и очень-очень ленивых. Но возможно ли допустить грабежи и убийства, о которых пишет воевода? Ни в коем случае! На инородца русский человек смотрит прежде всего как на человека; разное происхождение, разная вера, разный язык, иные нравы и обычаи не препятствуют ему даже входить в семью инородца, жить в одних юртах, вместе пить и есть, но славить Бога по-своему, по-христиански. Русские люди в таких случаях появляются между инородцами не массами, а одиночками, и, поселившись среди целого рода или целого племени, как они могут грабить и убивать инород-

* А. М. И. Д. Перг. Миллера, № 477.

цев? Ведь не с детьми же им приходилось иметь дело! Очевидно, что воевода сообщает в Москву заведомую ложь, и повятно почему: *русские заказывают инородцам приносить ясак хорошими соболями, выкупают у них всякую лучшую мягкую рухлядь*, а правительство требует от воеводы, чтобы он как можно более заботился о государственной прибыли, собирал ясак с инородцев хорошими соболями. И вот воевода в оправдание свое, что не может исполнить царского наказа, указывает на русских людей как на препятствие к исполнению правительственных требований, просит дать ему указ об изгнании этих русских и если говорит в своей отписке о грабежах и убийствах, то только для того, чтобы усилить свою просьбу.

Конечно, из-за промыслов у русских промышленников бывали и кровавые столкновения с инородцами, бывали и убийства, но преимущественно движение русских торговых и промышленных людей в Сибирь имело торговый и промышленный характер. И уж если при этом говорить о грабежах и убийствах, то не инородцев русскими, а наоборот: инородцы часто грабили и убивали русских торговых и промышленных людей. Это очевидно не только из челобитных русских людей и донесений воевод, но из следственных дел. Мы выше упоминали о грабежах и убийствах, которые совершали самоеды при крушении судов в Обской губе; об этом есть следственное дело. Приводили мы жалобы торговых и промышленных людей на грабежи и убийства, которые ежегодно они терпят от тунгусов, и донесение о том же мангазейского воеводы в 1644 году, и об этом есть следственное подтверждающее дело.

Таких документов мы можем еще привести несколько и относящихся к разным временам. В 1627 году мангазейские торговые и промышленные люди подали челобитную, в которой писали следующее: «...Вверх Тунгуски реки живут многие сыроядцы, буляши, тунгусы, шелягирцы, чапагиры и синегирцы и их на соболиных промыслах по лесам побивают и грабят, и к зимовьям их приступают, многие зимовья поживают, и многих промышленных людей по зимовьям обсадили и на промыслы не пустили; ходят те люди в скопе человек по 60, 70 и по 100 и апрель им угрожают убийством и вверх Тунгуски ходить не велит и похваляют

ся побить до одного человека, а называют землю и реки своими; побив русских людей и пограбив у них соборы, приходят в ясачные зимовья и теми соборами платят ясак... и многие промышленные люди от тех иноземцев убийства и грабежу разбрелись с промыслов на Русь...». В Москве пожелали проверить справедливость этих жалоб, и в Казанский дворец с этой целью собрано несколько человек торговых и промышленных людей, бывших на промыслах в Мангазейском уезде, да целовальника, который только что приехал из Мангазеи с государственной соборной казною. Будучи допрошены, они не только подтвердили все то, что писалось в вышеприведенной челобитной, но и дали объяснение, почему инородцы могут грабить и убивать русских торговых и промышленных людей. Из этого объяснения оказывается, что промышленники ходили на промыслы человека по 2, по 3, 4 и по 5, а тунгусы бродили сотнями, и понятно, что перевес был на стороне последних*.

В 1632 году в Нижней и Подламенной Тунгусках инородцы убили 17 человек торговых и промышленных людей, в 1634 инородцы убили таких же людей 53 человека. Государь приказывает мангазейским воеводам произвести обыск, допросить всяких людей, когда, где и за что инородцы побивают русских людей. Следствие вполне подтвердило справедливость жалоб торговых и промышленных людей: все допрошенные «по крестному целованию» говорили, что тунгусы и другие иноземцы в разных местах «по вся годы» побивают на промыслах русских людей, а русские побивать тунгусов не смеют. Из Москвы шлют грамоты мангазейским воеводам, чтоб они посылали в промышленные места служилых людей для защиты русских промышленников от инородцев. Но в 1634 году мангазейские воеводы отвечают, что все служилые люди находятся на государевых службах и в Мангазее остается человек по 5 и 6, а в иное время человека по 3 и по 4 для оберегания города, и в ясачные зимовья для защиты торговых и промышленных людей посылать некого. Те же воеводы пишут, что «русские люди на соборных промыслах садятся врознь по зимовьям в разстоянии дней на 8, на 10 и недели на 3 и на

* Р. И. Б., т. 11, стр. 849–851.

4, а тунгусы живут переходя с места на место, с реки на реку и переходов этих торговые и промышленные люди не знают» и потому уберечься от инородцев не могут*.

Вспомним также вышеприведенную челобитную торговых и промышленных людей, посланную из Мангазеи в Москву в 1644 году, в которой они жалуются, что тунгусы побивают их ежегодно по 50 и по 100 человек. Словом, достоверный исторический материал позволяет нам говорить только о грабежах и убийствах инородцами русских промышленников, а не наоборот. Мы даже можем сказать, что излишняя снисходительность московского правительства к инородцам в значительной степени способствовала последним жестоко и безнаказанно расправляться с русскими торговыми и промышленными людьми. Нам известно, что воеводам предписывалось собирать с инородцев ясак и недоимки ласкою, а не жесточью, а с русских разрешалось собирать подати правежом, плетьюми. Следствием такой ласки было то, что на вогулах Пельмского уезда накопилось с 1628 по 1700 гг. недоимок на 7011 рублей, на остяках Сургутского и Березовского уездов — на 73442 рубля, и не было ни одного сибирского уезда, чтоб на инородцах не накопилось за то же время недоимок на несколько тысяч рублей**. И нельзя сказать, чтобы ясак был тяжелый: в год от 2 до 11 соболей с человека. Инородцы славятся как отличные стрелки из лука, и добыть такое количество им было очень легко, когда русские люди добывали на промыслах по 15 и по 20 сороков соболей на человека. Но леность и снисходительность к ним правительства вели к тому, что инородцы и по пяти соболей не сполна уплачивали, и на них из года в год все более и более накоплялись недоимки. Напрасно сибирские воеводы вопиют против гуманности и снисходительности русских царей в отношении разных вогулов, остяков и татар и доказывают всю непрактичность подобных отношений. «Нам, холопам твоим, государь, — пишут они, — велено ясак и помянки с ясачных людей выбирать ласкою, а не жесточью и не правежом, а ясачные

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 656 (ненумер. См. следств. дело об убийствах разными инородцами русских людей в 1632 и 1634 гг.).

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1252, л. 73; кн. № 1561, л. 81; кн. № 1302, л. 99; кн. № 1293, л. 49 и пр.

многие люди живут меж русских и всякому русскому обычаю навязаны и то им ведомо, что по такому указу ясак и поминки править правящем не челено и сии на такое жалованье надежны... соболей и лисид проигрывают в зернь, а в ясак не дают; сотников и десятников своих не слушают, на лешие промыслы проигрався зернию не ходят...». И если, пишут воеводы, ясак правящем не править и за игру в зернь не наказывать, то выбрать ясачную подать без недобору невозможно.

Но, чтобы яснее видеть различие в отношениях московского правительства к инородцам и русским людям, нужно обратить внимание на следующее обстоятельство. Один пункт наказа мангазейским воеводам предписывал: «Да будет самоед на торговых людей или на кого ибуди, в обихах и во всяких делах учнут бить челом, и той самоед на торговых и на всяких людей давать суд и управу чинить, до чего доведетца, безволочно. А будет пустозерцы, или иных которых городов, против на самоед учнут бить челом, и им тем пустозерцам и иным ни которых городов торговым людям на самоед без государева указа, суда и управы не давати...»*. Итак, для инородцев расправа безволочитная, а для русских людей должна быть известная московская волокита! К чему вело такое различие? Последствия такой политики для русских людей были довольно тяжелые. Положим, инорец убил торгового или промышленного человека, и родственники последнего подали воеводе жалобу на убийцу. Воевода принимает челобитную и при удобном случае, когда бывает посылка в Москву, отправляет ее в приказ Казанского дворца. Не ранее как чрез год сибирский воевода получит по поводу упомянутой челобитной указ государя «произвести обыск торговыми, промышленными, служилыми и всякими русскими людьми и инородцами» о том, справедливо ли пишут челобитчики. Пройдет еще год, как воевода успеет произвести обыск да переслать в Москву «обыскные речи»; об убийстве в 1642 году тунгусами 17 человек торговых и промышленных людей следствие производилось только чрез два года. А пока в Москве разберут обыскные речи, постановят решение да перешлют его в

* Р. И. В., т. 11, стр. 820—821.

Мангазею или в Енисейск, то пройдет еще много и очень много времени. А в чем состояло решение? По большей части только в том, чтобы воевода не дозволял инородцам «побивать и грабить торговых и промышленных людей, чтоб в десятиной государственой пошлине не было убыли...». Вот почему все те убийства, о которых мы упоминали выше, проходили для инородцев совершенно безнаказанно. Да это и понятно: засадить убийцу в тюрьму или казнить было бы убыточно для государственой казны — кто же тогда вместо них будет платить ясак? Теперь возьмем другого рода пример: торговый или промышленный человек убил и ограбил инородца, а инородцы пожаловались на него воеводе. Знаете ли, что грозило убийце или грабителю? Воевода и приказные люди выпьют из него всю кровь: виновный должен будет заплатить не только всем пограбленным, но и даже своим собственным имуществом, чтобы угодить своим судей. Отсюда понятно, почему торговые и промышленные люди жалуются в своих челобитных, что их бьют, грабят, жгут огнем инородцы, а они «противу побивать не смеют».

**К истории Сибири:
Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г.**

Сургут и Сургутский уезд (1594—1645 гг.)

Исторический материал приводит нас к убеждению, что русское владычество в Сибири прежде всего «опнулось», по выражению Словцова, на правом берегу р. Оби, при впадении в нее Иртыша, в Обском городке, построенном Мансуровым еще в 1585 г.^{*} Остатки, жившие здесь, называли его Рут-Ват, т.е. Русский город, так как этот городок был первым в Сибири, основанным русскими завоевателями. Миллер несправедливо говорит, что Обский городок существовал только одну зиму и будто бы оный навсегда был покинут русскими после оставления его Мансуровым весной 1586 г.^{**} Нет, этот городок существовал целых девять лет и разрушен только в 1594 г. Но в нем не было постоянного населения, а жили «годовальщики», присылаемые из Тобольска для удержания в повиновении обских остяков и сбора с них ясака. Эти годовальщики, двигаясь далее и далее вверх Оби за сбором ясака, скоро столкнулись с Пегой (построй) Орлом[†], или нарымскими остяками, находившимися в то время под властью своего князя Вони, и захватили в плен сына последнего Урунка. Когда об этом узнало русское правительство, то решилось воспользоваться этим пленником для подчинения своей власти князя Вони с его народом. Но из Обского горо-

* См. мое исслед. «Заселение Сибири...», стр. 82.

В Историческом атласе пр. Замысловского (изд. 1887 г.) на карте № 9 мы видим город «Обский Большой» на правом берегу Иртыша, недалеко от впадения этой реки в Обь. Но такого города никогда не существовало. Если сг. под Обским большим разумеет городок, построенный Мансуровым, то: а) этот последний находился на правом берегу Оби, б) никогда не назывался большим и, вероятно, был самым малым из всех сибирских городков. В книге «Вол. черт.» на стр. 213 есть название Обский большой, но это название относится не к городу, а к Обскому большому пороску, или протоку; во время составления «Больш. чертежа» Обского городка, основанного Мансуровым, уже не существовало.

** «Опис. Сиб. царства», стр. 157—158.

да вследствие отдаленности его от Пегой Орды довольно трудно было управиться с князем Яней, имевшим до 400 человек войска, поэтому Федор Иванович велел уничтожить этот городок, а на его место построил новый, поближе к Пегой Орде. Исполнителями этой задачи, т.е. основания нового города и покорения Пегой Орды, были назначены князь Федор Борятинский и Владимир Аничков. Царский наказ от 19 февраля 1594 г., данный этим лицам, гласил следующее: «По указу государя Федора Ивановича велено им быть на службе в Сибири вверх по Оби реки ставить город в Сургуте или в Базноиской²⁴ волости, в Лумепуке (Луппук)²⁵ в котором месте удобнее». Еще зимою эти лица должны были прибыть в Лозву, а оттуда, как вскрыется лед, на судах плыть в Обский город чрез Пелым и Тобольск, взяв в этих городах служилых людей по росписи, каковые посланы пелымскому и тобольскому воеводам. Туда же, т.е. в Обский городок, еще велено прислать служилых людей березовскому воеводе и остяцкому князю Игичею своих людей. А дождавшись в Обском городе упомянутых войск, которым там велено быть к Петрову дню, князю Борятинскому и Аничкову предписывалось разломать и сжечь этот город, чтобы впредь ему не быть, и затем идти в назначенное место для постройки нового города. «А пришед князю Федору и Владимиру в Сургут, в котором месте пригоже высмотря место крепкое поставить город всеми ратными людьми и тамошними остяками. Да то место написать в росписи и на чертеже начертить и всякие крепости выписать, где станет город. Да отписать к государю подлинно, как пойдут из Тобольска вниз Иртышем и вверх по Оби и сколько будет ходу судам, чтоб государю все было ведано»*. Из этого наказа видно, что город Сургут несомненно построен летом 1594 г., и Миллер несправедливо относит его основание к 1593 г., а еще менее верно указывает дату основания Сургута Андриевич, голословно утверждая, что этот город заложен в 1592 г., равным образом и догадка Миллера, что Сургут построен воеводами Волковским и Львовым, оказывается совершенно неверной**.

*Сиб. пр., кн. № 1, т. 24. См. наказ Федору Борятинскому и Владимиру Аничкову.

**Омск. Сиб. Ц. Миллера, стр. 182, 195; История Сибири Андриевича, стр. 22.

Город был построен на правом берегу реки Оби при впадении в нее речки Сургутки*, т.е. почти посреди той части Оби, которая находилась между Обским городом и Нарымом, или Петюю Орлою. Как и все сибирские города, Сургут представлял небольшую крепость с двумя воротами, 4 башнями глухими и одной башней проезжей; в ней был поставлен воеводский двор, тюрьма, зеленый (пороховой) погреб и церковь, острог с двумя воротами и одной проезжей башней; тут же находились и хаты для служилых людей. Все эти постройки воздвигнуты были в одно лето 1594 г. Такой быстроте оснований сибирских городов нечего удивляться: наказ всегда предписывал воеводам строить город «наспех», возить лес легкий, и в постройке д. б. принимать участие не только все служилые люди, но и ближайшие инородцы. Поэтому часто случалось, что чрез каких-нибудь пять лет после основания города последний уже нуждался в большом ремонте, а лет чрез 15–20 воеводы доносили, что город совершенно ветхий и разваливается. Первоначальное население Сургута состояло из 155 служилых людей, прибывших вместе с первыми воеводами, из которых значительное большинство было семейных, а затем из ружников и оброчников; к последним принадлежали духовенство, подьячие, толмачи, сторожа и палачи. Но уже через два года число служилых людей значительно увеличилось. Подчинить русской власти Петюю Орду оказалось не так легко, как предполагало правительство: князь Воя не поддавался увещаниям сургутских воевод, не хотел добровольно платить ясак. Нужно было употребить силу, но прежних служилых людей оказалось недостаточно, чтобы смирить упомянутого князя. Поэтому правительство в 1596 г. прислало в Сургут еще 112 человек**, а в 1601 г. сургутских служилых людей: казаков, стрельцов, литвы и черкас было 280 человек. Но не все они постоянно жили в Сургуте: с построением острогов Нарымского и Кетского сургутские служи-

* Миллер думает, что город получил название от речки Сургутки, но это неверно. Целая область, где построен русский город, называлась Сургут подобно тому, как выше была область Нарым, и самая упомянутая речка стала называться Сургуткой только после основания Сургута. Воеводам наказ предписывал идти «в Сургут», построить город «в Сургуте».

** Р. И. Виб., т. II, № 60.

лые люди посылались в эти остроги в качестве годовальщиков, человек по 20 в каждый острог*.

В 1601 г. в Сургуте построен гостиный двор, а вместе с этим появились в нем и целовальники из посадских людей для сбора таможенных пошлин**. По старейшему, дошедшему до нас, именному списку города Сургута население последнего в 1625 г. было такое, не считая жен и детей:

2 дьявала казначей,
2 подьяк,
1 казак,
25 десятников,
177 рядовых служилых людей,
2 подьячк,
1 черный поп,
1 белый поп,
3 пушкаря,
1 толпач остяцкий,
1 церковный дьячок,
1 пономарь,
1 городской воротник,
1 острожный воротник,
1 псалом,
1 новокрещеный остяк,
1 просвирница.

Всего служилых людей, ружников и оброчников было 222 человека, годового денежного жалования они получали 1175 р. 48 к., хлебного жалования — 1372 ч. муки и на крупы и толокно — 381 р.***

Затем во весь обозреваемый нами период, т.е. до 1645 г., население Сургута не только не увеличивалось, но и постепенно уменьшалось: так, в 1627 г. всех служилых людей, ружников и оброчников в именном списке значится 216 человек****; в 1635 г. — 200 чел.*****, в 1642 г. — 199 чел.*****, то же число и в 1645 г.*****.

* Сиб. пр., кн. № 1, л. 111.

** Сиб. пр., кн. № 1, л. 105.

*** Сиб. пр., кн. № 456, л. 53.

**** Сиб. пр., кн. № 14, л. 365.

***** Сиб. пр., кн. № 78, л. 1267.

***** Сиб. пр., кн. № 30, л. 394.

***** Сиб. пр., кн. № 203, л. 307.

Что же касается денежных доходов города Сургута, то они были ничтожны и никогда не покрывали расходов. Так, в 1625 г. всего денежных доходов было около 600 руб., а разных денежных расходов было 1804 р. 48 к.⁴.

Статья денежных доходов по сметной книге 1635 г. были следующие:

лазочных пошлин	186 р.
банных денег	49 р. 6 к.
судовых (за продажу судов)	7 р.
с рыбных повель, откупу	1 р. 8 к.
судных пошлин	14 р. 6 к.
лазочных	3 р. 72 к.
разных пошлин	236 р. 72 к.
мелких доходов	2 р. 11 к.
оброчных	1 р. 48 к. ⁵ .

Из этой сметной книги видно, что главную статью денежного дохода г. Сургута составляли пошлины с торговых и промышленных людей; то же, впрочем, мы наблюдаем и во всех сибирских городах того времени. Но в первые годы существования Сургута этих пошлин не было: для привлечения сюда торговых и промышленных людей правительство им объявило, что они в новом городе будут пользоваться правами беспошлинной торговли. Это распоряжение действительно привлекло в Сургутскую область массу торговых и промышленных людей. Край оживился, по инородческим волостям появились вымичи, зыряне, путорозерцы, пермичи, устюжане, давиняне, вахане, каргопольцы, москвичи и иных русских городов торговый люд — кто для промыслов, кто для меновой торговли с местным населением. Правительство скоро увидело, что данная льгота как средство привлечения в Сургутскую область купцов и промышленников более не нужна, и уже в 1697 году приказало сургутскому воеводе уничтожить эту льготу и собирать всякую пошлину, как и в других сибирских городах⁶.

Торговые, промышленные люди не могли оставить этого распоряжения без протеста, и в том же 1697 г. подали через сургутского воеводу Лобанова-Ростовского челобитную царю, в которой просили сохранить за ними прежнюю льготу: «Мы люди

⁴ Сиб. пр., кн. № 8, л. 87.

⁵ Сиб. пр., кн. № 72, л. 1256.

⁶ Сиб. пр., кн. № 1, л. 46 и 47.

бедные, — писали они в своей челобитной, — платим всякия подати в Пермь, являемым до Лозвы подводам под служилых людей и под государевы запасы, привозим сургутским служилым людям масло, сало говяжье, мясо и сукна...». Но ссылка челобитчиков на ту пользу, которую они приносят сургутским служилым людям, доставляя им из Руси разные необходимые товары, оказалась совсем не к делу: сами служилые люди жаловались царю, что торговые и промышленные люди, являясь в Сургут для торговли и промыслов без хлебных запасов, выкупают у них хлеб и заставляют голодать. Челобитная торговых и промышленных оставлена без последствий. «То ты сделал не хорошо, — писали из Москвы сургутскому воеводе, — что принял у них челобитную...». Затем по жалобе сургутских воевод, что торговые и промышленные люди выкупают у инородческого населения Сургутского уезда дорогих соболей и лисиц, и что последние вследствие этого платят ясак в государеву казну плохую рухлядью, московское правительство, во-первых, запретило торговлю по инородческим юртам, а во-вторых, указало, чтобы торговые люди выменивали у инородцев только низшего качества пушной товар, который в царскую казну не годится, «а если кто из торговых людей после этого будет покупать и торговать лучшим и среднюю рухлядью, то бить кнутом, сажать в тюрьму неделю на пять и на шесть, а имущество отбирать на государя»*. Эти меры в значительной степени ослабили приток в Сургутскую область торговых людей, так как выменивать товар низшего качества для них не представляло особой выгоды. Велено также объявить и инородцам, чтобы они лучшую и среднюю рухлядь приносили в город, где будут покупать этот товар на государя, а чтобы русским людям они продавали бы только худую рухлядь.

Из этого видно, что царь, как первый покупатель пушным товарам, хотел быть вне конкуренции с своими подданными! Однако эти меры не вполне достигали цели: а) инородцы с большою охотою вступали в торговые сношения с торговыми людьми, чем с представителями царской торговли, и б) русские люди все-таки изыскивали способы обходить таможенные и вывозные на Русь самую лучшую мягкую рухлядь. По крайней мере сибирские воеводы постоянно жалуются, что инородцы платят ясак плохой рухлядью и что в ясаке бывает

* Сиб. впр., кн. № 1, т. 51, 57, 251 и др.

ежегодный недобор... Мы, впрочем, далеки от того, чтобы упомянутые меры ставить в вину московским царям; они вызывались не алчностью и наживой, а необходимостью. Царская казна не вынесла бы тех громадных расходов, которые она затрачивала на содержание служилых людей, ружников и оброчников в сибирских городах, если бы не имела права на монополию торговли пушным товаром.

Возьмем хотя для примера Сургут: на его содержание — на денежное и хлебное жалование и разные неокладные расходы нужно было в год выплнить 2¹/₂ т. рублей, между тем как денежных доходов в этом городе собиралось в царскую казну всего рублей 600. При таком ежегодном дефиците царская казна обанкротилась бы довольно скоро. Но ясак, собираемый с инородцев Сургутского уезда, не только покрывал все казенные расходы, но иногда давал излишек в несколько сот рублей.

Сургутский уезд населен был исключительно остяками, и если в царских грамотах предписывается сургутским воеводам собирать ясак и «с татар», то это зависело: а) от того, что грамоты к сибирским воеводам писались по одному шаблону, а б) в одной Подгородной волости жили остяки, принявшие магометанство, а таковых инородцев русские всегда называли татарами; на самом же деле татар в этом уезде нигде не было.

Остяки под управлением своих князей жили по волостям, разбросанным на громадном пространстве всего Сургутского уезда. В наказах сургутским воеводам говорится, что к их ведомству принадлежат все остяцкие «городки и волости, которые пошли от Сургута вниз по Оби к устьям Иртыша и которые пошли от Сургута вверх по Оби к Пегей Орде и выше...». В конце XVI века таких волостей в Сургутском уезде было десять: Семиярская при р. Ламине, Вазюновская, или Темлячьева, на Оби, Сальмская при р. Сальме, Юганская (Югорская³⁰ то ж) Большая и Маленькая по р. Югану, Бардакова по р. Бардаковке, Лунопокольская на Оби, Ларьятская по нижнему течению р. Ваха, Вахская по верхнему течению р. Ваха и Васьюганская по р. Васьюгану. На основании некоторых данных мы можем приблизительно определить и число ясачных людей в этих волостях, именно их было около 600 человек. Но скоро Сургутский уезд значительно увеличился.

Мы выше упомянули, что цель постройки Сургута главным образом состояла в том, чтобы подчинить московской власти Пегую Орду, или нарымских остяков. В наказе строителям этого города предписывалось: «Вонина сына Урунка взять с собой в новый город, и к отцу его приказать, чтобы он был в новый город в Сургут и ясак с себя и с своей братии Пегой Орды собрал и привез к нам. А государь его пожаловал, велел отдать ему его сына и велел держать его под своей высокой рукой. Бude сам Воня в новый город не будет, а пришлет ясак с племянником или с лучшими людьми и им ясак взять и сына Вонина отпустить к отцу. Если же Воня ясак не пришлет и им, собрав людей, Пегую Орду воевать, чтобы Воню извоевать, ясак взять и привести под государеву руку...».

К исполнению наказа воеводы должны были приступить немедленно после основания города. Но первые воеводы не могли сломить упорство князя Воня; чтобы вырвать из плена своего сына, он прислал ясак в том же 1594 г., и тем дело кончилось. В следующем году первым воевод сменили — на их место назначены воеводой Осип Ф. Плещеев и головой Иван И. Калемин*.

Но когда эти последние послали за ясаком к князю Воню, то он ясачников в Пегую Орду не пустил и ясака не дал**.

Этого мало: Воня сам решился перейти в наступление, начал собирать войско, чтобы уничтожить город Сургут.

Новому русскому городу на Оби грозила серьезная опасность: Воня, как видно, был человеком энергичным и, по словам сургутского воеводы, мог выставить в поле до 400 человек войска. Кроме того, из Сургута писали в Москву: «Сказывал князь Бардак, что царь Кучум подкочевал к Пегой Орде, осылаясь с князем Воней, и что они постановили меж собой договор, чтоб весною со всеми своими людьми идти против Сургута»... Сообщая эти грозные вести, сургутский воевода еще писал, что мирными средствами нельзя достигнуть, чтобы Воня платил ясак, а необходимо предпринять против него военный поход и поставить в его земле на время острог, пока воинские люди приведут к покорности Пегую Орду и возьмут из лучших людей заложников (аманатов) из всех волостей. Получив

* Сиб. пр., кн. № 1, т. 1—6.

** Ibid. т. 8.

эти сведения, московское правительство отнеслось к ним очень серьезно; это видно из того, что оно немедленно решилось снарядить обширную экспедицию против князя Пегой Орды. Велено тобольскому воеводе, выбрав 50 лучших служилых людей, до 100 человек татар послать с атаманами и боярскими детьми в Сургут, велено березовскому воеводе послать туда же 50 человек с пятью полковыми лищалями, да еще известный князь Игичей Алчичев должен был выбрать из своих людей 100 человек и сам с своей братией идти в поход против князя Воня. Все эти войска, 300 человек, должны были собраться в Сургуте весною 1597 г. и поступить под начальство сургутского головы Ивана Калемина; к ним велено еще прибавить сургутских служилых людей 100 человек и 150 остяков из тех волостей, от которых нельзя ожидать измены. Таким образом, в походе против Воня должны были принять участие всего 500 человек; такой многочисленной экспедиции московское правительство не посылало даже против самого Кучума. Наказ предписывал Калемину, посадив войска на суда, плыть вверх Оби в Пегую Орду бережно, так, чтобы князь Воня не проведал о походе, а пришел туда, сначала поставив острог, а потом действовать против Пегой Орды «сколько Бог помощи подаст, и смотря по тамошнему делу и по вестям, чтобы непременно привести ее под царскую руку». Неизвестно почему, но поход против Воня в 1597 г. не состоялся. Очень может быть, что его остановил бывший в это время бунт всей югорской земли⁴¹; так как над усмирением последней трудился березовский воевода с своими служилыми людьми и с людьми князя Игичея, то он не мог исполнить повеление Федора Ивановича: послать в Сургут помощь, а без нее, вероятно, не решились начать войну с Воней, и поход против него был отложен. Несомненно только, что поход в Пегую Орду был совершен в 1598 г. и с теми же силами, хотя и под начальством других лиц. На успех и последствия этого похода мы имеем только косвенные указания. Именно в 1598 г. у сургутских служилых людей появилась масса пленных, и о них-то сохранилась до нас грамота царя к сургутскому воеводе С.М. Лобанову-Ростовскому. В ней предписывалось, чтоб воевода отобрал у служилых людей всех пленников и, которые не крещены, отослал на родину, а с теми, которых служилые люди

⁴¹ Сиб. пр., кн. № 1, л. 8 и др.

успели окрестить, поступить так: мужчин поверстать в службу, женок и девок выдавать замуж за служилых людей, которые захотят жениться; малых ребят крещеных поверстать в службу, когда подрастут, а малых девок, когда подрастут, выдать замуж за крещеных людей, но чтоб никто не смел пленных вывозить на Русь под страхом смертной казни*. Очевидно, что эти пленные были результатом похода в Петую Орду. Еще в 1597 г. царь Федор Иванович, посылая в Сургут поеводу Лобанова-Ростовского и голову Ржевского, наказывал им непременно предпринять поход с тобольскими и березовскими служилыми людьми в Петую Орду на князя Воюю, но этот наказ мог быть исполнен только в 1598 г. С этого времени Петая Орда подчинилась московской власти, и в ее земле построен в том же 1598 г. русский острог Нарым. О князе Воюе более не упоминается в документах, стало быть, ему нанесен решительный удар в том же самом году, как и его знаменитому союзнику царю Кучуму. Последний не мог исполнить своего обещания помочь Воюе против Сургута, и, вероятно, потому, что ему самому в это время не давали покоя энергичные предприятия тарских воевод**.

Со времени покорения Петой Орды и Сургутскому уезду присоединены новые волости: Аслымская, Сымская, Корахонская по Оби и Тымская по р. Тыму. Затем и Муальмского городка остяки Ермачко с товарищами били челом государю, что прежде они платили ясак в Березов, а теперь желают платить в более близкий город Сургут. И царь повелевает***; эти остяки, жившие на Оби при устье Иртыша, а так называемом Белогорье, составили новую волость в Сургутском уезде — Белогорскую. В 1602 г. воевода Борятинский хотел было присоединить еще к Сургутскому уезду кунную самоедь, жившую по реке Пур, и с этой целью отправили служилых людей под начальством атамана Богдана Чубакина (из черкасов) к самоедским князьям Акубе, Скамче, Салыму с жалованным царским словом и с предложением платить ясак в Сургут, но самоеды отказали, потому что уже платили ясак в Тазовский город (а Мангазею)****. Относительно числа ясачных людей

* Сиб. пр., кн. № 1, л. 53.

** См. наше исслед. «Завоевание Сибири...», стр. 145—147.

*** А.М.И.Ю. Портф. Миллера № 447, 11, 5.

**** Сиб. пр., кн. № 1, л. 119.

во всех волостях Сургутского уезда мы можем сообщить данные только с 1625 года. Волости: 1) Белогорская, в ней лучший человек Ертик Шайтанчик и ясачных людей 11. 2) Селийская, а в ней лучший человек Ником Атырев и ясачных людей 37. 3) Темлячьева, а в ней князец Бозьян и ясачных людей 60. 4) Салымская, а в ней князец Автомах Ясакин и ясачных людей 79. 5) Юганские, а в них князец Ангач Миликом и ясачных людей 128. 6) Вардакова, ясачных людей 87. 7) Лунопольские, а в них князцы Рубашка и Салтык, ясачных людей 176. 8) Ларьяцкая, а в ней князец Колтей и ясачных людей 33. 9) Ваховская*, ясачных людей 6. 10) Васьюганская, а в ней князец Юрлымко и ясачных людей 81. 11) Аслымская, ясачных людей 4. 12) Кораконская, ясачных людей 20. 13) Сызмская, ясачных людей 15. 14) Тымская, а в ней князец Мар и ясачных людей 59.

Всего ясачных людей — старых и новиков — в Сургутском уезде в 1625 г. было 796 человек, а с них ясака и поминков государских и воеводских собрано всяким зверем до 160 сороков соборей, по сибирской оценке более, чем на три тысячи рублей**.

В 1632 году ясачных людей было 699 чел.***, в 1645 г. — 786 чел.****.

Да в том же году отнята Ваховская волость у Дмитрия Алачевева (внука Игичен), в которой ясачных людей было 95, так что всех ясачных людей (исключая женщин, детей, холопов старых и увечных) в Сургутском уезде в 1645 г. был 981 человек*****.

Сургутским воеводам никогда не удавалось взять полный ясак с инородцев Сургутского уезда; ежегодно был недобор, и иногда очень значительный, простиравшийся до нескольких десятков сороков соборей. А между тем ясачный оклад был невелик: сначала они платили по 11 соборей с человека, но с 1610 г. вследствие жалоб инородцев на

* В Ваховской волости всего ясачных людей было более 100 человек, но в ней ясак в государственную казну платили только 6 человек, а остальные были пожалованы в вотчинное владение Игичею.

** Сиб. пр., кн. № 1, л. 262—291, ясачная кн. 1625; Сиб. пр., кн. № 4, л. 62, а также см. отписки воеводы о том же, л. 255—257.

*** Сиб. пр., кн. № 34, л. 130.

**** Сиб. пр., кн. № 177, л. 178.

***** Сиб. пр., кн. № 221.

тяжесть такого оклада царь велел брать с них только по 9 соборей*. Несмотря на это обличение, инородцы и после того никогда не выплачивали полного оклада и всегда находили какие-нибудь объяснения этому: одни (1625 г.) жаловались, что были больны осенью и на промысел не ходили, другие, что собаки «промышленные» померли; третьи, что «лешня[†] не удалась», мало зверя было в промышленных местах и т.п.** По, кажется, самой настоящей причиной недобора яска была лень инородцев и нежелание их выплачивать полный оклад, зная снисходительность русского правительства, например, почти все жаловались на недостаток зверя в 1625 г., а между тем русские промышленные люди в том же году и в тех же местах добыли почти по 120 соборей на человека. Если возможна подобная добыча, то оклад в 9 соборей можно считать сравнительно малым, потому что инородцы были более искусны в ловле зверей, чем русские промышленники. Притом ясак не обязательно было уплачивать соборами, а всякими пушными зверями, лишь бы ценность его равнялась девяти соборям; брали в ясак бобров, горностая, лисиц, росомх, белок и пр. Воеводы дают более правдивое объяснение, почему инородцы никогда не выплачивают полного ясачного оклада. «Посылали мы, государь, — пишут они, — служилых людей по остьцким волостям высылать остяков на зверовые промыслы для твоего государева ясака и поминков, но ходили немногие люди... да и те, которые ходили, полного оклада не заплатили, потому что лучших зверей тайно продали торговым и всяким людям... а наказание им чинить не смеем, потому что, государь, в указе написано: к ясачным людям держать ласку и привет и береженье и твой государев ясак собирать ласково, а не жесточью и не правожом...»*** Впрочем, не все воеводы относились к инородцам так снисходительно, недобор ясака с последних был укором для служивых воевод и часто вызывал замечания со стороны правительства. Поэтому некоторые воеводы, чтобы показать свою службу, мало обращали внимания на государев наказ «собирать ясак ласкою», а сажали инородцев в

* Сиб. пр., кн. № 1, л. 159.

** Сиб. пр., кн. л. 262 и др.

*** Сиб. пр., кн. № 134, л. 420.

тюрьму и держали их по несколько недель на правеже в случае неуплаты ясака. К таким ретивым сборщикам принадлежал Я.П. Борятинский, бывший воеводой в Сургуте в 1601 и 1602 гг. Он не церемонился с остяками, а кнутом и тюрьмой заставлял их выплачивать ясак. Инородцы верхних волостей не вытерпели этих мер (в том числе и Пегай Орда) — в 1602 г. подняли бунт и изменили государю*. Когда преемнику Борятинского сургутскому воеводе Ф. Головину в 1603 г. велено было произвести следствие о причинах бунта, то князья и лучшие люди всех волостей единодушно показали Головину, что верхние волости изменили потому, что Яков Борятинский собирал с них ясак «не ласково», а «жесточко». Получив об этом деле отписку Головину, царь приказал ему собрать в Сургуте князьков и лучших людей всех волостей и объявить, что то делал Борятинский «воровством» и что впредь будут брать с них ясака столько, сколько можно им уплатить. Вообще московское правительство в видах финансовых, строго требуя от сибирских воевод полного сбора ясака и делая им выговоры за недобор, в то же время из политических видов относилось снисходительно к самим плательщикам инородцам и даже делало им поблажки. Не редкость, что инородцы, не добыв на промыслах мягкой рухляди или просто распродав добычу торговым людям, чтобы уплатить ясак, занимали соболей у служилых людей и в заклад отдавали жен и детей, но сейчас же били челом государю о своей бедности. И государь приказывал воеводам «полегчить в ясаке», а на выкуп жен и детей выдавать деньги из казны. А как в то время дешевы были люди, можно судить по тому, что, например, одному князю Кирию, чтобы занять 12 соболей, нужно было отдать в заклад жену и двух сыновей**.

Более основательны жалобы сургутских инородцев на ямскую службу: они обязаны были давать подводы служилым людям и под хлебные запасы от устья Иртыша и до Нарыма. В 1625 г. сургутские остяки подали челобитную, на-

* Миллер (Опис. Сиб. II, стр. 250) несправедливо относит этот бунт к 1588 году; документ, на который он ссылается, неверно указывает дату: следует читать не 106 (1596), а 110 (1602), потому что Яков Борятинский был воеводой в 1602 г., а в 1596 г. Лобанев-Гостинский, а бунт, несомненно, произошел при Борятинском.

** Сиб. пр., кн. № 1, л. 157.

полненную самыми горькими жалобами на ямскую гоньбу. «Даем мы, — жаловались они, — подводы под воевод и немых служилых людей, а подводы, государь, берут с нас пред прежними годами многие: летом на судах ходим, а зимою с женами тащим на себе нарты, и от подвоя терпим нужду великую; недели по две и по три держат нас на судах и многие нарты возят неперемываясь, потому что мы живем в разных местах, а притеснения нам делают великие всякие проезжие люди: снимают с нас платишко, бьют нас и не дают корму...». Тягость ямской службы, по словам челобитчиков, увеличивается еще от того, что эту повинность иногда приходится исполнять в то время, когда удобнее всего можно запастись на зиму рыбой. «А лето, государь, — пишут они, — живет у нас не много времени и кроме рыбных запасов у нас, сирот твоих, иных никаких нет, место у нас бедное, хлеба не пашем и скота нет никакого». И если не запастись рыбой, жалуются инородцы, то хоть помирай голодной смертью с женами и детьми. Затем в челобитной приводятся случаи, что некоторые бедные люди, не успевшие из-за ямской гоньбы сделать запасы рыбы на зиму, принуждены были есть собачину и человечину, что одна женщина от голоду съела двух детей своих, и пр. Тяжесть ямской службы казалась инородцам столь великой, что они соглашались платить ясак вдвое и втрое более против положенного оклада, если только государь освободит их от этой повинности. Действительно, ленивым людям, не привыкшим к тяжелому физическому труду, ямская служба не могла быть легкой: возить на себе нарты или тащить бечевой суда вверх по Оби, хотя и при помощи собак, — дело тяжелое. Царь Михаил Федорович, получивши эту челобитную, сделал предписание сургутским воеводам: собрать в Сургуте человека по 2 и по 3 из всех волостей и объявить им, что если остяки согласятся платить мягкой рухлядью за подводы, то государь освободит от ямской гоньбы, и вместе с тем велено воеводе спросить, сколько инородцы намерены приплачивать за упомянутую льготу. Но оказалось на деле, что челобитчики желали только льготы и вовсе не были намерены что-либо приплачивать. И если они писали, что за освобождение от ямской повинности будут выплачивать ясак вдвое и втрое, то это только фразы,

написанные с целью усилить тяжесть ямской гонимы и разжалобить царя. Несколько ранее этого времени сургутский воевода сделал такой опыт: по соглашению с инородцами Юганской волости он поручил за них ямскую гоньбу от устья Иртыша до Сургута и обратно сургутскому служилому человеку с тем, чтобы юганцы заплатили соболями за эту льготу. За четыре месяца такой службы (с сентября по январь) служилый человек получил из казны 5 р. 25 к. — каковую сумму и должны были уплатить остяки Юганской волости. По расчету на каждого человека приходилось только по четыре копейки, но тем не менее юганские ясачные люди и этой ясачной суммы не уплатили сполна*. Вообще к чело- битным инородцам как к историческому материалу нужно относиться критически, не особенно доверять их жалобам, а в противном случае можно сделать совершенно ложные выводы относительно положения инородцев под игом рус- ской власти и отношения к ним русских людей. Сургуте- кие остяки, например, жалуются, что служилые люди от- нимают у них носильное платье, но в то же время они в своих челобитных пишут, что большая часть из них люди настолько бедные, что ходят только в одних рыбных «ко- жанках», поэтому трудно предположить, чтобы служилый человек мог похвастаться на подобное платье. В 1626 г. те же инородцы жаловались Михаилу Федоровичу, что воево- да Безобразов в 1625 г. вписал в ясачные списки молодых, старых и увечных людей 256 человек и заставил их платить ясак наравне с прежними, но из ясачной книги того года мы видим, что прибрано новиков не 256, а только 46, и притом в списки записывались только те остяки, на которых они сами указывали, и не моложе 15 лет и не старше 50. Не следует также смотреть на сибирских инородцев: остяков, вогулов и самоедов — как на робких, невинных детей приро- ды, которым русские делают только обиды, а сами они без- защитны. Правда, воеводы и служилые люди относились к ним не всегда человечно, делали прижимки при сборе ясака, а иногда позволяли себе даже грабеж; такое отношение дей- ствительно тяжело отзывалось на благосостоянии инородцев, и жалобы последних на своих притеснителей большей час-

* Сиб. пр., ст. № 11, л. 139—148; ст. № 8, л. 23—24; кв. № 1, л. 159.

тью справедливы. Но инородцы в то же время жалуются и на торговых и промышленных людей, что они не только «зверуют в их лесах», но и грабят. Это последнее неверно. Следственные дела и показания воевод не оправдывают подобных жалоб. Нужно заметить, что русские люди в большинстве случаев ходили на промыслы человека по 2 и по 3 и, стало быть, ни в каком случае не могли быть нападающей стороной. Напротив, инородцы часто нападали на них, отнимали добытую мятку и рухлядь и самих убивали. Это подтверждают и жалобы промышленных людей, и донесения воевод, и следственные дела. В 1617 году остяки Бардаковой волости дошли даже до такой дерзости, что под начальством двух сыновей Бардака нанали на русского воеводу Бабарыкина, плывшего по Оби в Томск, и нанесли ему жестокий погром. Первые вести об этом деле были в высшей степени тревожны: говорили, что сургутские остяки и нарымский князь Дюна со всеми своими людьми подняли бунт, убили Бабарыкина и 60 человек русских и уже идут для разгрома Сургута*. Но на деле оказалось, что это не бунт, а простой разбойнический набег бардаковских детей со своими людьми: они действительно убили несколько русских людей, сопроводивших Бабарыкина, отняли царскую казну в 400 р., а сам воевода спасся и благополучно добрался до Томска**.

В заключение отметим, что христианство имело очень слабый успех среди инородцев Сургутского уезда: во весь обозреваемый нами период мы встретили только одного остяка полгородной Юганской волости, принявшего крещение и жившего в Сургуте. Облюбованно новокрещеным записывались в царскую службу, но в списках сургутских служилых людей мы не встречаем никого из сургутских инородцев.

* А.М.И.Д. Портф. Милера 478, 11 № 67.

** Сиб. пр., кн. № 1, л. 247.

Нарым и Нарымский уезд (1598—1645 гг.)

Несомненно, что первый Нарымский острог построен в 1598 г. — в год покорения князя Пегой Орды Вони. Но о месте этого острога мы не имеем точных данных. Мы знаем, что Нарымский острог переносился несколько раз с одного места на другое, прежде чем он занял нынешнее положение при впадении реки Кети в Обь. Но где его первоначальное местоположение? Миллер утверждает, что прежнее место отстоит от нынешнего ввиду при Оби в 16 верстах и называется Старое Городище*, т.е. там, где ныне находится деревня Городищенская**. Но это не верно. В древнейших документах, относящихся до Нарыма, мы находим иные указания на первоначальное местоположение этого города. Нужно заметить, что царский наказ предписывал сургутским воеводам построить острог на земле Пегой Орды только на одну осень, «пока сии приведут волости под парскую руку, возьмут ясак и закладчиков из лучших людей, а острогу в Пегой Орде и нашим людям впрямь не быть, потому что место дальнее, вода верховая — запасы проводить туда тяжело, а малым людям в остроге в Пегой Орде быть нельзя, потому что у князя Вони с братьями и детьми собирается до 400 человек***. Затем в наказе предписывалось, что как только сургутские воеводы исполнят свою задачу относительно нарымского князя Вони, то должны немедленно острог разорить. Но острог не был разорен, и для этого, вероятно, нашлись уважительные причины. Для сбора ясака с нарымских остяков и для того, чтобы ясачных людей держать в повинове-

* Опис. Сиб. и., стр. 259.

** Эта деревня отстоит от нынешнего Нарыма в 5 верстах, и название ее произошло от городища какого-нибудь икородческого князя, может быть, кн. Воня.

*** Сиб. пр., кн. № 1.

нии, сургутские воеводы стали посылать в Нарымский острог годовальщиков до 20 человек из сургутских служилых людей. А так как этот острог первоначально строился на время, то при основании его церкви не было поставлено, как обыкновенно делалось при постройке всех сибирских городов. И только в 1610 г. царь велел в Нарымском остроге поставить «Божие милосердие» — храм во имя Покрова Пр. Бог. и придел Василия Кесаря.^{1*} По поводу постройки храма и поднят был вопрос о перенесении Нарымского острога. На царское повеление из Сибири ответили, что «в остроге порожняго места нет и с сажень, и впредь тут острогу быть не прочно, место не похожее, отмывает острог водою сажени на четыре и по пяти, а от берега подвинуться некуда, пришел мих и болото, а можно поставить острог на левой стороне Оби и тогурского или верхнего устья реки Кетья». Но по дозору некоторых людей оказалось, что указанное место имеет те же недостатки. И вот начались поиски «крепкого и погожаго места», которые продолжались до тех пор, пока Нарымский острог не сгорел дотла в 1619 году.^{2*} По поводу этих поисков до нас дошла переписка сибирских воеводных людей, и в ней мы можем найти некоторые указания на первоначальное место Нарымского острога. Так, кетский голова Елнатаров в своей отписке сургутскому воеводе, высказывая свои соображения относительно непригодности места при кетском — тогурском устье, пишет: «От Нарымского, господин, острога до тогурского устья вверх грести обласом три дня... Нарымский острог стоит на Оби меж нарымских ясачных людей».^{3**} Отсюда ясно, что Старый Нарым находился при Оби, ниже тогурского устья на три дня пути. А чтобы это указание на первоначальное местоположение Нарыма было для нас более определенным, обратим внимание на следующие данные. В тогашнее время река Кеть сливалась с Обью тремя устьями: нижним, средним и верхним, или то-

* Сиб. пр., кн. 2, № 70.

** Миллер на основании одной отписки тобольского воеводы Буйнос-Ростовского к нарымскому голове Мирону Тимоф. заключает, что Нарымский острог перенесен был или в 1618 г., или в следующем. Но это заключение неверно: другие документы показывают, что Нарымский острог в эти годы еще находился на старом месте и в первый раз перенесен только после пожара в 1619 г.

*** Опис. Сиб. и. Миллера, стр. 255.

гурским. Далее в атласе Ремезова на л. 10 читаем: «От нижнего до среднего устья Кети ходу вверх Обью 4 дня, а от среднего до верхнего тогурского устья Кети ж ходу вверх Обью 2 дня». Стало быть, чтобы проплыть против течения Обь от нижнего до верхнего, или тогурского, устья, в XVII веке нужно было шесть дней. Теперь, если сопоставить этот вывод с указанием Елизаурова, что от Старого Нарыма вверх Обью до тогурского устья можно доплыть только в три дня, то для нас станет очевидным, что первоначальное местоположение Нарыма находилось на половине указанного пути, т.е. между нижним и средним устьями Кети. Это место представляло остров, на котором жили нарымские остяки трех волостей — Полгородной, Парабельской и Ларпидской³³, что согласно и со вторым указанием Елизаурова: «Нарымский острог стоит на Оби меж ясачных нарымских людей». Затем, как мы упоминали, Нарым сгорел в 1619 году и после пожара воеводой Хомяковым-Языковым перенесен на новое место. Но и это место скоро оказалось непригодным, снова был поднят вопрос о перенесении Нарымского острога, и притом самими нарымскими жильцами. В ноябре 1630 г. последние послали в Москву такую челобитную: «В прошлом 1619 году Нарымский острог сгорел и двory их и животы все поторели; воевода Иван Хомяков-Языков поставил острог не на угодном месте в водомойнике... от Оби сажень с 70 и тот берет жыне смыло до самого острога. И уже острожное место ясенею водою снимает, и вода быстрою в остроге и подле изрыла великие рытвины и острог ломало и башни сносило. Служилые и всякие люди ежегодно поправляют острог и ставят башни, а людей немного да и те бывають по службам и по посылкам, а дома их разоряются до основания: хоромы водою ломает и сносит, животина тонет и с голоду помиравет, приходится держать ее на поветях и на избах до Петрова дня и далее, а которую отвозят на сухое место — ту зверь съедает...». Затем те же челобитчики жаловались, что весной этого года пришла вода великая, больше прежних вод, острог разломала и разносила, животину без остатка потопила, и им, служилым и всяким людям, приходилось исполнять службы на лодках. А в довершение несчастья в Нарыме появилась болезнь оспа, от которой жены и дети мрут, а хоронить в остроге нельзя, отвозят мертвых в пустые места, где

звери выкапывают их из могил и поедают. Положение нарымских жителей действительно ужасное! Только с русским терпением и выносливостью можно было жить среди такого неприветливого края.

В заключение жалобы челобитчики просили государя смиловаться над их участью, не дать им совсем погибнуть, велеть перенести острог на другое место. Вследствие этой челобитной в том же году последовал указ отыскать «крепкое и угрожее место» и перенести туда Нарым*. Но где в это время находился тот Нарымский острог, который построен воеводой Хомяковым-Языковым? На это мы имеем единственное указание в «Росписи с чертежа, где быть нарымскому острогу» — чертежа, составленного после 1630 года.

Описывая то место, где должен быть построен новый острог, автор замечает:

«Нижнее кетское устье впадало в реку Обь повыше Нарымскаго острога версты на две, где стоит ныне Нарымский, а от того новаго острога будет то кетское нижнее устье верст с 30... нынешний Нарымский острог стоит ниже кетскаго устья версты на две на протоке от реки 660 сажень, а тою протокою ходят из Оби большия суда под острог в сухую воду до господина дна, а если место не сухое, то и до заморозков»**. Значит, Хомяков-Языков в 1619 г. перенес Нарымский острог с прежнего первоначального места довольно далеко, вниз по Оби, за нижнее кетское устье и поставил его на протоке, которая соединяла Обь с одним озером, восточный конец которого в XVII веке едва не соединялся с рекой Кетью. Место это оказалось неудобным, и по челобитной нарымских жильцов в 1630 г. велено найти новое и перенести туда острог. По вышеупомянутой росписи с чертежа предполагалось строить опять на острове, образуемом Обью и нижним и средним устьями Кети, и на 30 верст выше по Оби от Нарыма, построенного Хомяковым. Но, кажется, это предположение не было исполнено; автор чертежа замечает, что если Нарым перенести на то место, которое он указывает, то нужно будет построить два караула: один — на нижнем устье Кети, а другой — на Оби,

* Сиб. пр., столб. № 30, л. 406—411.

** Сиб. пр., ст. 136, л. 86.

потому что из нового острога нельзя будет следить за торговыми и промышленными людьми, будут ли они плыть по реке Кети чрез ее нижнее русло или вверх и вниз по Оби, так как из предполагаемого острога Обь и Кеть не видно. Строить два караула и держать в них людей — это должно было вызвать такие материальные расходы, на которые правительство не могло согласиться. Вот почему, мы думаем, новое место для Нарыма, описанное в упомянутом чертеже, не было одобрено, и Нарымский острог, хотя и перенесен в 1632 году в третий раз, но только с протоки за озеро к нижнему устью Кети, т.е. на то место, на котором Нарым находится и ныне.

Мы выше упоминали, что в Нарыме первоначально не было постоянного населения, а жили только 20 человек годовальщиков из служилых людей, присылаемых из Сургута. Эти люди ежегодно менялись. Но с построением церкви (между 1612—1618 гг.) Нарым сделался городом, и в нем явилось оседлое население: ружники, оброчники и служилые люди; с этого же времени стали посылать туда и воевод. В 1625 г. все население Нарыма состояло из 42 человек, кроме жен и детей. Они получали в год денежного жалованья 242 р. 26 к., хлебного жалованья — 262 ч. муки, 77 ч. круп и толокна и 63 п. соли*. Между населением нарымским в это время встречаются три новокрещенных остяка и язычник князь Тайбохта, сын Вони.

В последующие годы число жителей в Нарыме остается то же самое, но с перенесением города в 1632 г. на новое место население его увеличивается служилыми людьми; в 1633 г. в Нарыме было жителей 46 человек, а в 1643 г. — 55 человек, кроме жен и детей**. В январе 1646 г. Алексею Михайловичу целовали крест следующие лица: голова, племянник головы, сын боярского сына, подьячий, новокрещенцев 4 человека, немец, служилых людей 33 человека, два пушкаря, присланные из Сургута на годовую службу 8 человек казаков и стрельцов, церковный дьячок, пономарь, банщик, два сторожа, два воротника, два отставных казака, 19 детей служилых людей, торговый человек, ссыль-

* Сиб. пр., кн. № 47, л. 162; кн. № 14, л. 52.

** Сиб. пр., кн. № 153.

ный сын боярский, отставной казак из новокрещенцев, два оброчника (толмач и палач), приказчик государевых пашенных крестьян, гулящие люди 5 человек — всего 92 человека, а из уездных людей 15 человек крестьян, детей их 5 и новокрещенных 11 человек*.

Когда началось земледелие в Нарымском уезде и появились в нем крестьяне, мы не можем точно определить, но, кажется, не ранее 1620 года. Сели хлеб служилые люди, ружаники, оброчники и государевы крестьяне, а пашни их, как и государевы, находились при реке Парабели. Вследствие отдаленности этих пашен от Нарыма земледельцы терпели большие неудобства. Около 1640 года они били челом государю, что так как пашни от острога далеко и вода вешняя стоит долго, то им ездить к церкви Возней в Нарым совсем неудобно: во время половодья некоторые тонут, да и к тому же бывает остановка в пахоте и уборке хлеба, поэтому иные умирают без даров и похоронить некому, роженицы бывают долгое время без молитвы, младенцы без крещения и «нам живет осквернение многое».

В заключение этой челобитной они просили государя, «чтобы он пожаловал, велел поставить на своей папине церкви и прислать попа и церковное строение»**. Просьба, вероятно, была исполнена, дворы упомянутых земледельцев положили начало ныне существующему селу Парабельскому, находящемуся от Нарыма в 25 верстах. Что же касается урожаев разных хлебов на упомянутых пашнях, то об этом мы можем судить по следующим данным: в 1637 году с государственной папши собрано 3750 снопов ржи, 3500 — овса, 1150 — ячменя, а вымолочено ржи 117 чет., овса 142 ч. и ячменя 28 ч.; судя же по количеству посеянных хлебов, мы видим, что рожь уродила сам 7, овес сам 5 и ячмень почти сам 6.

Местного государева хлеба было слишком недостаточно для покрытия в Нарыме окладных и неокладных хлебных расходов, например, в 1637 г. нужно было дослать туда 356 ч. ржи, 202 ч. овса и 15 ч. ячменя***. Денежные доходы в Нарыме тоже не покрывали местных денежных расхо-

* Сиб. пр., кн. № 204, л. 53.

** Сиб. пр., кн. № 6135, л. 40.

*** Сиб. пр., кн. № 70, л. 544 и 570.

дов: в 1625 г. собрано денег всего 154 рубля, а расход превышал почти на 100 рублей*.

Инородческое население Нарымского уезда состояло из остатков. Древнейшая ясачная книга, дошедшая до нас, относится к 1629 году. По этой книге в Нарымском уезде были следующие инородческие волости:

- 1) Нарымская нижняя при Оби, а в ней лучший человек князец Ванга Кичеев и ясачных людей 40 человек.
 - 2) Нарымская верхняя при Оби, а в ней лучший человек князец Тайбохта Вонин и ясачных людей 50 человек.
 - 3) Парабельская первая при Оби между средним и нижним кетскими устьями, а в ней лучший человек князец Канна Кишин и ясачных людей 32 человека.
 - 4) Парабельская вторая при реке Парабели, а в ней лучший человек князец Сурайна Сыцын и ясачных людей 20 человек.
 - 5) Парабельская третья при реке Парабели, а в ней лучший человек Мер и ясачных людей 38 человек.
 - 6) Парабельская четвертая, а в ней лучший человек князец Ермачко Иласов и ясачных людей 18 человек.
 - 7) Ларидская между средним и нижним кетскими устьями, а в ней лучший человек князец Каско и ясачных людей 26 человек.
 - 8) Пиковская между средним и тогурским кетскими устьями, а в ней лучший человек князец Сонгу и ясачных людей 16 человек.
 - 9) Тогурская за тогурским устьем, а в ней лучший человек князец Немтода и ясачных людей 30 человек.
 - 10) Чурабарская первая при Оби за Тогурской волостью, а в ней лучший человек князец Ятода и ясачных людей 20 человек.
 - 11) Чурабарская вторая (ibid.), а в ней лучший человек Мартырман и ясачных людей 10 человек.
 - 12) Чаинская при реке Чае, а в ней лучший человек князец Тандауш и ясачных людей 32 человека.
- Всех ясачных людей с князьями в Нарымском уезде в 1629 г. было 344 человека, а ясака и поминков приходилось с них взять по сибирской цене на 1608 рублей 27 копе-

* Сиб. пр., кн. № 8, л. 48.

ек*. А судя по количеству собранного яска, и в 1625 г. ясачных людей было столько же**.

В 1632 г. ясачных людей во всех волостях осталось 324 человека***. Затем в 1634 году ясачные люди трех волостей — двух Чурабарских и Чаниской — били челом государю о том, чтобы им платить яск не в Нарымский острог, который стоит от них далеко, а в Томский город. Государь пожаловал, и в Нарымском уезде, таким образом, остались только 9 инородческих волостей. Но нарымские воеводы не хотели уступить этих волостей и добились было того, что в 1639 г. царь указал упомянутым волостям снова платить яск в Нарым. Тогда инородцы послали вторую челобитную государю, в которой писали: «Нарымский острог отдален, а Томский город прилет близко, да в Нарыме секретом твоим, кроме яска великая натуга — ежегодно чиним острог и делем искние острожники поделки; возим древа для слежей избы, торговой бани и для поварни, где вино куят, варят пиво и брагу, да с нас же ежегодно берут рыбу, хмель, сумы, ремни и бересту». В заключение челобитной инородцы писали, что если их государь не пожалует и оставить за Нарымом, то им придется окончательно разориться и брести врозь****.

Государь пожаловал, и волости Чурабарские и Чаниская навсегда приписаны к Томску.

По ясачной книге 1641 года за Нарымом значилось 9 инородческих волостей, в которых ясачных людей было только 135 человек*****. Ясачную книгу 1645 г. мы не нашли и потому точно определить за этот год число ясачных людей в Нарымском уезде не можем.

Шертовали Алексею Михайловичу в январе 1646 г. только 67 нарымских остатков, но число ясачных людей было несравненно больше: если судить по количеству собранного яска за 1646 и 1647 гг., то их было около 200 человек*****. Тем не менее убыль ясачных людей в Нарымском уезде довольно значительная, и является вопрос о причинах этой

* Сиб. пр., кн. № 13, л. 725.

** Сиб. пр., кн. № 17, л. 99.

*** Сиб. пр., кн. № 34, л. 724.

**** Сиб. пр., ст. № 50, л. 243—248.

***** Сиб. пр., кн. № 14, л. 144, л. 102.

***** Сиб. пр., кн. № 204, л. 65; кн. № 221, л. 159; кн. № 17, л. 99.

убыли. Отписка трех волостей к Томскому уезду еще не решает вопрос: в них было не более 60 человек. Но мы знаем другие причины убыли ясачных людей в Нарымском уезде. Во-первых, христианская религия имела значительный успех среди остяков этого уезда, а новокрещенные освобождались от ясака и записывались в служилые люди; к 1640 году под Нарымом образовалась целая деревня новокрещенцев, и несколько крещеных остяков жили в самом городе; по документам, которые мы имели в руках, таковых было 30 человек (семейств), но на самом деле их было значительно более. Во-вторых, нарымские остяки в это же время много пострадали от ослы, которая при первом появлении в Сибири в высшей степени губительно действовала на инородцев. Наконец, многие разбежались вследствие недостатка пушных зверей в Нарымском уезде. Мы видим постоянные жалобы на нарымских остяков со стороны сургутских, кетских и томских инородцев в том, что они охотятся в их лесах и выбивают зверя, а нарымцы в свою очередь жалуются, что в их уезде нет никакого зверя и если им не «зверовать» в других местах, то совсем ничем будет удличивать ясак. Так, в 1644 г. нарымские остяки, жалуются на воевод, что они вместо умерших прибирают для платежа ясака недорослей и захребетников, пишут: «Нам, государь, стало не вмоchy: зверь в Нарымском уезде вывелся, и мы для твоего государева ясака ходим вдале — в Енисейский, Тазовский, Сургутский и Тарский уезды и в то время, когда бываем на промыслах, те захребетные люди помогают нам в подводах и гонцах, кормят наших жен и детей... Да нас сирот твоих, на тех промыслах в Енисейском, Томском, Кетском, Тарском, Тазовском (Мангазейском) и Сургутском уездах наши братья остяки и татары бьют и грабят и запасы отнимают...». В заключение челобитной нарымцы просили государя: а) запретить воеводам облагать ясаком их помощников — захребетных людей и недорослей, б) издать указ, чтобы им было волино ходить на промыслы в другие уезды и чтоб там не делали им никаких обид⁴. Из разных документов мы узнаем, что действительно в Нарымском уезде было мало пушных зверей, и это обстоятельство заставляло нарымских остяков оставлять

⁴ Сиб. пр., ст. № 136, л. 342—344; ст. 112, л. 427 и д. ст. 136, л. 605; ст. № 12, л. 406

родные места и переселяться в другие уезды. Самая в истории рыночная цена на людей в Нарыме указывает на малопоселенность этого края. Например, остяк Аниса отдал сына своего Карелью в холщовы десятинику Антону Яковлеву за «кобылу большуку, за жеребца двух лет, быка четырех лет, кусок сукна и 4 хлеба». Другой остяк захватил себя полу Янову и за кабалу взял зипун сермяжный в 2 $\frac{1}{4}$ руб., быка ценой один рубль, 10 аршин покроми, 8 ложек и 4 требня рогатых».

* Сиб. губ., стр. 91, с. 49—54.

Кетск и Кетский уезд (1602—1654 гг.)

Год основания Кетского острога мы не можем точно определить. Знаем только, что он построен после Нарыма и, по всей вероятности, в 1602 г. и никак не позже. Нарымские служилые люди, подвигаясь по Кети далее и далее вверх этой реки, скоро добрались до ее верховьев и всех инородцев, живших на этом пути, обложили ясаком. Но в 1602 г. при сургутском воеводе Якове Борятинском произошел общий бунт нарымских остяков, изменили также нижние и верхние кетские волости. Бунт был усмирен в том же году, и тогда же, вероятно, построен Кетский острог, так как из Нарыма невозможно было держать в повиновении верхние кетские волости, из коих некоторые находились от Нарымского острога в расстоянии на две и на три недели пути, плывя вверх по Кети. Относительно места первого Кетского острога мы можем только сказать, что оно находилось при реке Кети, значительно выше нынешнего села Кетского и именно в Енисейском уезде (XVII в.), в Урнуковой или Пумпокольской волости, приблизительно верст на 200 от упомянутого села. На это мы имеем положительное указание в одной отписке кетского воеводы от 1634 года; в ней читаем, что один служилый человек, передавая кетскому воеводе об измене тунгусов и тулунцев, сказал ему, что эти вести он услышал, когда находился, плывя в Енисейск, в Урнуковой волости, против старого кетского городища*.

В то время Кетский уезд был довольно обширный, и из Кетского острога собирали яsak не только с остяков, живших по всей реке Кети, но и с Тулкиной землицы. И количество ясак было громадное: в 1605 году царю Димитрию

* А.М.Ю. Сиб. пр., стр. № 11, л. 172.

Ивановичу кетский воевода прислал более 70 сороков соболей, более сотни бобров, несколько десятков лисиц, ярцев, кошлаков и собольих шуб^{*}.

Но недолго Кетск находился на своем первоначальном месте, и хотя год перенесения его на новое место мы точно не можем указать, однако не ошибемся, если скажем, что Кетский острог перенесен из Урнуковой волости между 1606 и 1610 годами, ибо из документов видно, что в 1605 г. он находился еще на старом месте, а в 1610 г. уже на новом. Поводом к перенесению Кетска ближе к устью реки Кети была трудная доставка туда хлебных запасов, так как в верхних местах Кети за мелководьем не могли плавать большие суда.

Новое место для Кетска было избрано при той же реке, именно от ее нижнего устья на семь дней пути, если плыть вверх, т.е. то место, где ныне находится Кетское село. Новый острог представлял небольшую крепость по длине 15 сажень и поперек 7¹/₂ сажени. Скоро, однако, оказалось, что это место выбрано неудачно: берег реки Кети, на котором стоял острог, постепенно смывался водой, все более и более уменьшался, и к 1612 году река Кеть уже угрожала острожной стене. Тогдашний кетский голова Гр. Елизааров в 1612 г. писал боярам: «В прошлом году в Кетском остроге веющую водою отмыло берег по самый острог... и оставалось берегу сажени полторы. Но в нын. 1612 г. и те полторы сажени отмыло по самые ворота и казачью избу. Я велел перенести ворота на другую сторону, а вперед на новый год Кетскому острогу в том месте стоять невозможно...»^{**}. И сургутские служилые люди говорили в Москве, что Кетск, как и Нарым, стоят «не у места», что эти остроги следует разорить и построить на новых местах. Миллер утверждает, что Кетский острог действительно был перенесен около 1613 года на новое место, отстоящее от прежнего на 215 верст^{***}. И в этом случае он не прав, как и относительно перенесения Нарыма; очевидно, Миллер перепутал данные и то, что касалось перенесения Кетска, о котором мы выше упоминали, отнес к 1613 году. На самом же деле Кетск оставался на

^{*} А.М.И.Д. Портф. Миллера 478, 11, № 33.

^{**} Оп. Сиб. деп. Миллера, стр. 260. См. отписку Елизаарова к боярам.

^{***} Опис. Сиб. и., стр. 260.

прежнем месте, хотя, может быть, и был несколько подвинут от берега. Из отписки Елизаарова в 1611 г. видно, что Кетский острог в это время находился от кетского устья на 7 или на 8 дней пути, если плыть вверх по реке Кети. На том же месте мы видим его в течение всего XVII века, т.е. там же, где находится нынешнее Кетское село. В 1627 г. при воеводе Иване Кологривове Кетск весь сгорел. Его преемник Даниил Полтев об этом по постройке нового острога писал в Тобольск следующее: «Велено мне быть на службе в Сибири в Кетском остроге на место Ивана Кологривова... и я приехал в Кетский острог на пустое место, острог сгорел весь без остатка, не осталось ни одной хоромины, а сгорел острог за три недели до моего приезда 1627 года 29 июля и в те три недели Иван Кологривов лесу на острог не приготовил ничего. И я, приехав в Кетский острог 21 августа, начал с того же дня готовить лес сургутскими годовальщиками и проезжими торговцами и промышленными людьми. Приготовив лес, я поставил острог на том же месте на берегу (левый берег) реки Кети, на плоскоместье, с речной стороны яр, а острог делался вверх три сажени без локтя, бревна ставлены иглою (перпендикулярно), в длину 15 сажень, поперек 9 сажень, в нижней стене по углам поставлены две избы и на одной из них сделал караул; да в остроге поставил амбары для всякой государственной казны — пороху, свинцу, хлеба и денег, а старый острог был в длину 15 же сажень, а поперек $7\frac{1}{2}$ сажени...»*.

Относительно населения Кетска в обозреваемый нами период следует заметить следующее. Кроме сургутских 20 годовальщиков, ежегодно менявшихся, и неизбежных в каждом сибирском городе сторожа, палача, воротника и толмача, с построением церкви во имя Св. Троицы в нем появились поп, дячок, пономарь и просвирица. Других жителей в нем не было. «А жилых торговых людей, — читаем в именных списках, — за все годы в Кетском остроге нет ни одного человека».

В 1641 г. в Кетске построена была новая церковь, тоже во имя Троицы и с приделом пр. о. Михаила. Тогдашние насельники Кетского острога: 2 десятника с 20 чел. служа-

* А.М.И.Д. Пореф. Миллера 478, 1, № 15.

щих казаков и стрельцов; да ружники поп Михаилу Матфееву с товарищами, 8 человек, — воздвигнув упомянутую церковь, били челом государю о пожертвовании в церковь «местного образа царского ангела, образов праздников господских, деисусов риз, и всякаго церковнаго строения», подобно тому, как в церковь старого острога были пожертвованы царем Михаилом упомянутые священные предметы*.

Денежные кетские доходы были ничтожны: они состояли из разных пошлей и никогда не превышали 30 рублей, в 1628 г. таких денег собрано только 24 рубля 49 копеек, а денежные расходы в Кетске за этот год равнялись 25 рублей**.

Но мягкой рухляди с инородцев Кетского уезда всегда собиралось достаточно. Правда, с перенесением Кетска на новое место (между 1606 и 1610 гг.) ясачный сбор значительно уменьшился: в Тулкину землицу теперь уже невозможно было посылать ясачников за ее отдаленностью, а с основанием Енисейского острога к этому последнему отписали две верхние кетские волости — Пумпокольская с князем Уруном и Калижская с князем Помаком***. Так что за Кетском осталось только шесть инородческих волостей, все они находились по реке Кети и населены были остяками. В 1625 г. ясачных людей в этих волостях было всего 130 человек, плативших в государеву казну по 11 соболей с человека; всего ясак и государевых воеводских поминков собрано в этом году несколько более 36 сороков соболей, по московской оценке на 1200 рублей****. После 1626 года мы не встречаем в Кетском уезде волости Мураиной: жители ее, вероятно, или вымерли, или разбежались. По ясачной книге 1629 г. в этом уезде были следующие инородческие волости:

- 1) Киргеева, ниже Кетска по реке Кети, а в ней ясачных людей 45.
- 2) Питкина, выше Кетска, ясачных людей 15.
- 3) Иштанова, ясачных людей 23.
- 4) Кашкина, ясачных людей 27.

* А.М.Ю. Сиб. пр., ст. № 112, л. 477.

** Ibid. Сиб. пр., кн. № 19, л. 498 и 507.

*** Ежем сочин. 1764 г. Мар. 7, стр. 214. Прод. Сибир. ист. Миллера.

**** А.М.Ю. Сиб. пр., кн. № 4, л. 409; стр. № 11, л. 170; кн. № 17, л. 109.

5) Лелькина, порубежная с Енисейским уездом, ясачных людей 25.

Всего в этих волостях ясачных людей 135 человек; ясака с них в 1629 г. взято более 36 сороков соболей, по московской оценке на 1012 рублей*.

Затем число ясачных инородцев в Кетском уезде постепенно уменьшалось, и к 1645 году осталось только 90 человек**. Сами кетчане объясняют причину запустения их земли. В 1644 г., жалуясь на нарымских остяков, так писали в своей челобитной: «Те нарымские мужики приходят на реку Кеть и своим насилием отнимают наши реки бобряные, выбивают выдр, лисиц и соболей, видя наше бессилие, что мы теперь гневом Божиим вымерли и земля Кетского острога опустела***».

Из кетских инородцев, принявших христианство, мы встретили только одного человека: он жил в Кетске и служил в качестве толмача.

* Сиб. пр., кн. № 47, л. 486; Кн. № 20. Московская оценка была значительно выше сибирской, например, кетский ясак 1627 г. в Тобольске оценен в 856 р. 60 к., а в Москве в 1288 р. 93 к., кн. № 17, л. 109.

** Сиб. пр., кн. № 221.

*** Сиб. пр., тп. № 88, л. 3—6.

**Крещение остяков и вогулов
при Петре Великом**

I

Долгое время — с конца XVI века и до самого начала XVIII века — распространение христианской религии среди сибирских инородцев было делом случайным, без всякой миссионерской деятельности со стороны русского духовенства. Всякое миссионерство заменяемо было объявлением русского воеводы от имени царя: кто крестится, того государь «поверстает» в службу, пожалует денежным и хлебным жалованьем; а служба избавляла от платежа ясака; да, кроме того, новокрепцы получали еще из казны подарки в виде сукон, рубах и т.п.⁶. Конечно, такие христиане были христианами только по имени; многие из новокрепцев и почти все те, которые оставались жить в своих юртах, продолжали оставаться совершенными язычниками или магометанами. Тем не менее чрез какие-нибудь 50 лет после завоевания Сибири мы встречаем христиан между сибирскими инородцами везде, где только утвердилось русское владычество, т.е. на обширной части Азиатского материка, начиная от Уральского хребта до городов Тары, Томска, Кузнецка, Енисейска, Туруханского зимовья и Березова; только между бродячими самоедами и тунгусами мы не знаем за это время случаев крещения.

Остатки и погулы, о массовом крещении которых при Петре Великом мы намерены говорить в настоящей статье, отчасти познакомились с христианством довольно давно, еще задолго до покорения Сибири Ермаком. Часть этих угорских народов издавна жила по сю сторону Уральского хребта, в так называемой Юнгории, или Улоргии⁴, которую называлась местность в Пермии по западным склонам упомянутых гор от реки Усы и на юг, вероятно, до верховьев

⁴ Подробнее об этом мы писали в статье «Открытие Tobolskoy eparchii i pervyy Tobolskiy arxiepiskop Kliriyas».

Камы; в северной части этой местности обитали остяки, а южнее их — соплеменники вогулы^{*}.

Во второй половине XIV века св. Стефан Пермский²⁴ обратил в христианство зырян, живших на запад от Юнгории по реке Выми, а первый епископ Пермии св. Герасим²⁵ в числе других народов проповедовал Евангелие и вогулам и свою проповедь запечатлел мученической кончиною. Вогулы с особенною нетерпимостью отнеслись к евангельской проповеди: когда их соседи зыряне приняли христианство, то они целыми массами нападали на новокрещенцев, сожигали их селения, разрушали церкви, убивали и уводили в плен. Когда же проповедь св. Герасима коснулась и вогулов, то они схватили проповедника и задушили его омофором. Точно так же св. Питирим²⁷, четвертый епископ Пермский, за проповедь евангельского учения вогулам мученически умер от руки их князя Асыки²⁸. Не менее враждебно отнеслись к христианству и остяки. Последним проповедовал евангельское учение еще св. Стефан, просветитель зырян, и проповедь его была совершенно безуспешна среди югорских остяков. Сохранилось предание, что один шаман, называвшийся Пансотником²⁹, вступил в спор с христианским проповедником и, не будучи в состоянии защищать язычество, оставил родину, переселился за Уральский хребет и на правом берегу Оби основал городок, существовавший еще в XVII и XVIII веках под именем Атлыма³⁰. Христианская проповедь и усиление московской власти по западным склонам Уральского хребта заставили остяков и часть вогулов удалиться в Сибирь и поселиться между своими сибирскими соплеменниками. Единственным результатом христианской проповеди между этими язычниками было то, что они сделали себе идола Христа и поклонялись ему в Сибири так же, как и прочим своим бесчисленным идолам.

Но Сибирь не спасла остяков и вогулов от московского владычества. Во второй половине княжения Ивана III³⁰ русские полки перешагнули Уральский хребет, разбили в нескольких стычках вогулов и остяков, и князьки их обязались уплачивать ежегодно дань московскому князю. Впро-

* «Чертяная книга Сибири», состав. Ремезовым в 1701 г.

** Журнал М. Н. Пр., ч. 83. 1854 г. См. ст. Н. Абрамова.

*** «Краткое описание о народе остяком». Г. Новичкий, стр. 75.

чем, утверждение русской власти за Уральским хребтом при Иване III было непрочное: остяки и вогулы скоро забыли победы над ними русских и перестали платить дань. Затем во второй половине XVI века походы Ермака и его сподвижников на Тавду и Обь снова напомнили этим угорским народам о том погроме, который они потерпели при Иване III; победители собрали с побежденных обильную дань в виде драгоценных пушных зверей, князьки вогулов и остяков снова присягнули быть в подданстве московских царей. Но смерть Ермака снова разрушила дело утверждения русской власти между угорскими племенами. Окончательное завоевание остяков и вогулов совершилось только тогда, когда в их землях основаны русские города Березов и Пелым (1593 г.)⁴³. С того же времени христианство начинает приобретать последователей среди березовских и пельмских язычников. Пленные князья почти все крестились; одни из новокрещенцев оставались жить в своих вотчинах, а другие переселялись в русские города и вступали в царскую службу в звании боярских детей. Так, известно, что один сын казенного вогульского князя Аблегирима, при котором основан Пелым, Таутай с женой крещен в Тобольске, а внук того же князя Учет ездил в Москву и там принял крещение; в 1624 году в Пельме было семь боярских детей, и все они из вогульских князей, уже давно принявших христианство. Из остяков после основания в их земле русского города сначала приняла крещение жена кодского князя* Алачея⁴⁴, при котором основан Березов; эта княгиня Анна построила даже монастырь в Коде⁴⁵. Сын Алачея Игичей, наследовавший после отца Кодексое княжество, за его грабежи вогулов Большой Кояды был отправлен в Москву, принял там крещение и там же умер; один из сыновей Игичей, в крещении Михаил, жил в Тобольске и там построил церковь во имя Троицы⁴⁶. Казалось бы, что после принятия христианства остяцкими и вогульскими князьками последние должны были позаботиться и об утверждении христианской религии и между своей братией — остяками и вогулами, но на самом деле не было ничего подобного, и вот почему. Вогульские и остяцкие князьки, принявшие хрис-

* Кода находилась на правом берегу Оби, ниже Атлымма.

тианство, поступали на царскую службу, жили в русском городе и с этого времени уже потеряли всякое влияние на своих соплеменников, которые смотрели на новокрещенцев, как на изменников: да и русские воеводы в видах политических старались не допускать их до общения с своей братией — вогулами и остяками. Великую службу христианству мог оказать Кодский монастырь, основанный среди остяцкой земли, но он существовал недолго. В 1607 году новокрещенная княгиня Анна приняла участие в бунте остяков против русского владычества, захвачена в плен и посажена в тюрьму. Получивши скоро свободу, она снова в 1609 году оказалась во главе заговора инородцев против русских и на этот раз, кажется, была казнена, по крайней мере об этой остяцкой героине после 1609 года уже нигде не упоминается. Служивший же в кодской церкви Живоначальной Троицы игумен Евстратий просил государя перевести его в Березов, потому что «в Коде ему делать нечего и приходу нет никакого», т. е. нет прихожан-христиан.

Встречаем и в конце XVI века, и в течение всего XVII века отдельные случаи принятия христианства и между простыми остяками и вогулами в Березовском, Пельмском, Верхотурском и в других уездах, но эти новокрещенцы или поступали на царскую службу, или поселялись в русских деревнях, делались совершенно русскими и потому прерывали всякое сношение с своими соплеменниками, а если оставались жить в юртах, как мы говорили, то снова принуждены были переходить в язычество. Последнее обстоятельство зависело от того, что язычники с презрением относились к изменившим вере отцов, выгоняли их из юрт и принимали в свое общество только тогда, когда новокрещенцы снова обращались к старой вере. При таких условиях выходило, что прозелиты из язычников, как из высшего, так и из низшего класса, не могли быть проводниками христианских истин в среду своих соплеменников и несколько не влияли на утверждение христианства среди сибирских инородцев. В Нарымском уезде при Михаиле Федоровиче⁴⁵ была даже целая деревня из новокрещенных остяков⁴⁶. Казалось бы, что этот христианский оазис среди язычников должен был послужить самым надежным источником, который проливал бы свет евангельского учения

на всех своих соплеменников. Между тем он сам скоро иссяк от недостатка питания. В упомянутой деревне не было построено христианской церкви, потому что в то время трудно было найти для нее священника. По всяким религиозным делам новокрещенцы должны были ездить за несколькими десятками верст в город Нарым, но мы знаем, что в этом русском городе по два и по три года не бывало священника, и церкви Божии, как тогда выражались, оставались без пения. Следует также заметить, что московское правительство, хотя по-своему и очень усердно заботилось о том, чтобы всяких неверных подданных просветить святым крещением «да вкупе с нами будут прославлять Отца и Сына и св. Духа», по в то же время оно, так сказать, одною рукою давало христианское просвещение неверным, а другую отнимало. Слишком заботясь о материальных интересах, правительство строго запрещало священникам ездить в иногородские юрты из опасения, чтобы они не выкупали у инородцев шкуры пушных зверей. Спрашивается после этого, где же и как новокрещенный инородец мог питать свое религиозное чувство, утвердиться в новой вере, познать ее святое учение? Вот почему и русские монастыри, хотя некоторые из них были основаны среди инородцев, как, например, Туруханский Троицкий, вблизи которого жили тунгусы и енисейские остяки, и возобновленный в начале второй половины XVII века Кюмский монастырь среди обских остяков не имели никакого влияния на христианское просвещение инородцев; опять-таки потому, что монахам запрещалось бывать в их юртах, как и священникам. Вследствие таких обстоятельств нарымские остяки вышеупомянутой деревни были христианами только по имени и не могли иметь влияния на своих соплеменников. Напротив, они сами, не видя по году и более русского священника, но имея религиозные потребности, принуждены были обращаться к шаманам и просить помощи во всяких житейских делах у своих старых богов.

Проповедь была необходима в Сибири и для новокрещенцев, и для неверных, чтобы прочно утвердить христианство среди разных сибирских инородцев, но этого не понимало московское правительство и в течение всего XVII века ограничивалось только одними указами относительно

крещения инородцев и совершенно одинакового содержания. Последний такого рода указ послан в Сибирь в 1685 году от великих государей Иовина и Петра Алексеевичей и сестры их великия государыни цесаревны Софии⁴¹. «Буде, — гласит этот указ, — которые иноземцы похотят креститься в православную христианскую веру волею своею и их велеть принимать и крестить, а не волею никаких иноземцев крестить не велеть... Сибирь — государство дальнее и стоит меж бусурманских и иных вер многих земель, чтобы тем тобольских татар и бухарцев и иных земель приезжих иноземцев не отговять и сибирскому государству никакого повреждения не учинить, а добровольно хотящих в православную христианскую веру принимать и крестить и на таковое дело их призывать и государскою милостию обнадёживать, которые крестятся и тем держать ласку и привет, чтобы смотря и иные иноземцы православную христианскую веру пожелали». Указ 1686 года еще добавлял к этому, что те инородцы, которые «похотят» принять христианскую веру, должны о том подавать челобитную в съезжую избу⁴². Издавая подобные указы, московское правительство ни разу не подумало о том, да почему же иповерные «похотят» принять христианскую веру, почему они должны предпочесть своей старой вере христианство, о котором они не имели никакого понятия?!

Между тем уже давно настало время серьезнее подумать русским людям об исполнении той исторической миссии, которая на них лежала относительно утверждения христианской культуры между завоеванными сибирскими инородцами. Представители ламаизма и магометанства уже обратили свое внимание на сибирских язычников и отправляли в разные места учителей для обращения последних в свою веру, и проповедь их оказывала успехи. Некоторые язычники разнородного происхождения вследствие общения с русскими уже чувствовали ничтожество своих идолов, и им лужно было только открыть истинного Бога, познакомить хоть немного с божественною религией, чтобы и эти братья наши по человечеству «пришли в познание истины» и стали нашими братьями во Христе. Мы знаем слу-

⁴¹ Тобольские губери. ведомости, 1885 г., № 44.

чи крещения, относящиеся ко второй половине XVII века, когда инородцы принимали христианство без всяких внешних побуждений, а исключительно движимые внутренним чувством. Мы приведем здесь два таких случая крещения из записок, относящихся ко второй половине XVII века и писанных в Сибири, несомненно, известным Крижаничем, сосланным при Алексее Михайловиче в Тобольск. «Однажды к русскому посланнику, бывшему у калмыцкого тайши, приходит калмык и просит святого крещения. Посол спросил его, кем он обращен или каким образом убежден к принятию оного? Калмык отвечал, что он ничего не знает, а только слышал, что одни христиане получают спасение, и потому умоляет ради Бога сделать его христианином. Посланник приказал священнику, который был при нем, обучить его катехизису и окрестить. По совершении крещения новокрещенный не отлучался из молитвенного дома и там ревностно молился Богу». «Другой подобный предыдущему случай, — продолжает автор записок, — произошел в Сибири. В Енисейске был священник по имени Димитрий, муж крива воздержанного и непорочного, мне близко знакомый. От его сына, отрока скромного и прекрасно воспитанного, я слышал следующее. Недалеко от города Енисейска, рассказывал он, жил один татарин. Уже давно тайно уверовав в Господа Спасителя и Бога нашего Иисуса Христа, он собирался вместе с семьей принять святое крещение, но в течение нескольких лет вследствие упреков жены откладывал столь благочестивое дело. Наконец, однажды, почувствовав каким-то образом приближение смерти (хотя в это время он находился в добром здравии), он велел своему слуге, взяв сети, сесть вместе с ним в лодку и везти его к некоему острову на реке Енисее, как бы для рыбной ловли. Прибыв туда, татарин послал своего слугу в город с униженной просьбой к священнику Димитрию как можно скорее отправиться к нему на остров, так как он сообщит ему весьма нужное дело, не терпящее отлагательства. Священник прибыл, и татарин стал просить его совершить над ним таинство святого Крещения... По совершении крещения татарин и часу не прожил после того»*. Но

* Сбор. Титова «Сибирь в XVII в.», стр. 177—178.

сколько было бы искренно обращенных из инородцев, если бы в Сибири было христианское миссионерство?

Но вот явился Великий Петр и со свойственным ему проницательностью ясно увидел, почему в отдаленной окраине Московского государства, населенной язычниками, магометанами и народами других вероисповеданий, так слабо распространяется христианство, почему религиозная миссия русского народа относительно сибирских иноверцев столь слабо подвигается там вперед.

Он первый установил там миссионерство, отнесся с особенною энергией к делу утверждения христианства между сибирскими инородцами, и плодом этого было массовое крещение остяков и вогулов в 1713, 1714 и 1715 годах.

Но прежде чем говорить об этом религиозном подвиге, совершенном митрополитом Сибирским Филофеем, или точнее схимонахом Федором и его сподвижниками, мы намерены несколько познакомить наших читателей с упомянутыми угорскими народами, чтобы знать, на какой почве русскому миссионеру пришлось сеять семена христианского учения.

II

Более или менее вероятно, что остяки и вогулы жили в древнейшие времена около Алтая, и потому ученые относят их к алтайской группе народов угорской отрасли. Но в неизвестное время они были изгнаны оттуда сильнейшими племенами, принуждены подвинуться на север и при этом передвижении попали на реку Обь. В историческое время мы видим остяков почти по всей обширной реке Оби и ее притокам, на некоторой части Иртыша, по Енисею между Енисейском и Туруханском и по западным склонам Уральского хребта в так называемой Юнгории, а вогулов — по Конде, Тавде, Туре с их притоками и по сю сторону Уральского хребта от Юнгории на юг до Чусовой. Названия остяков и вогулов упомянутые угорские племена получили от соседей⁵⁴, а сами себя первые называют «хонда», вторые — «манис»⁵⁵, но то и другое слово на их языке означают «люди»; называют себя также по рекам, на которых они живут.

Кроме того, остяки говорят, что в древности они назывались на их наречии «аряхи»⁵⁶, т. е. многочисленным на-

родами: «ар» — много и «хн» — человек*. А что остяки в давнишние времена действительно составляли многочисленное племя, в доказательство этого может служить то, что они заняли громаднейшее пространство в Сибири. До занятия Иртыша и Туры татарами они, несомненно, жили и по этим рекам. Еще в XVII веке в ясачных книгах упоминается три остяцких юрты в Туринском уезде по реке Туре. Но, вероятно, их больше было, а если русские упоминают только о трех юртах, то потому, что всех принявших магометанство называют татарами. Мы знаем, что известный всем Кучум после завоевания Иртыша, Тобола и Туры покорил остяков и вогулов и силой утвердил магометанство между покоренными народами. Так что в XVII веке осталось только некоторое число остяков на Туре, а остальные обасурманились и вполне ассимилировались с татарами.

Но, несмотря на такое громадное пространство, которое занимали остяки, они чувствовали родство между собою, сознавали единство происхождения. Это видно из того, что в XVII веке сургутские, нарымские, кетские и енисейские остяки⁵¹ в своих челобитных московским царям говорят друг о друге «братия наша». Правда, не все остяки говорят одним языком, например, енисейские остяки совсем особым, но это зависит от влияния соседей; влияние соседей сказалось и на их быте, нравах, но вера у них везде одинаковая — шаманская, которую они приняли еще тогда, когда жили на одном месте. Вогулы отличаются от своих соседей единоплеменников-остяков только отчасти более благообразным видом и более крепким сложением и своим языком.

Во время завоевания остяков и вогулов русскими эти угорские племена жили отдельными родами, из которых каждый имел своего собственного князя, который творил суд и расправу, защищал свой род от другого. Несмотря на единоплеменность, и остяки, и вогулы жили в постоянной междоусобицей распри: один князек нападал на другого, уводил в плен друг у друга людей, разграблял имущество. Русские при завоевании очень искусно пользовались этими распрями для своих завоевательских целей. Некоторым

* Ж. М. Н. Пр. 1868 г., июль. См. ст. Шестакова.

князьям удавалось иногда подчинить себе других, приобрести власть над многими другими родами и сделаться могущественными. Такими были в конце XVI века у вогулов Аблегиризм, у нарымских остяков союзник Кутума князь Воня, у нижнеобских остяков Алачей, а у иртышских остяков во времена Ермака Самар. Затем следует еще заметить, как у остяков, так и вогулов пользовались особым значением и могуществом те князьки, во владениях которых находился такой идол, которого почитало целое племя, а мы знаем, что были и такие идолы, которых одинаково почитали и вогулы, и остяки, как, например, идолы «Кондийский» и «Старик Обский»³⁹.

Но после окончательного покорения русскими ни у остяков, ни у вогулов не было уже значительных князей; русская власть терпела только князьков волостных, т.е. таких, которые были князьками над одною и двумя волостями.

Несмотря на столетнее владычество русских в Сибири, частое общение завоевателей с покоренными, ни вогулы, ни остяки-ялычники несколько не изменили своего быта; высшая культура русских почти не имела на них никакого влияния; они оказались мало восприимчивы, не занимались никаким искусством, ни ремеслом. Через русских угорские народы только познакомились с употреблением табака и водки, и развившаяся страсть к этим предметам была очень губительна для них*. В первой четверти XVIII века некто Григорий Новицкий⁴⁰, сопровождавший схимонаха Федора во время проповеди последнего между остяками и вогулами и живший некоторое время среди первых, составил «Краткое описание об остяцком народе». Эта рукопись, напечатанная только несколько лет тому назад, является для историка драгоценным источником для знакомства с бытом остяков и вогулов в начале прошлого века. И что же? Из этого исторического памятника оказывается, что упомя-

* Некоторые говорят, что остяки и вогулы чрез русских впервые в конце XVI в. познакомились с хлебом; но это совершенно неверно. Земледелие существовало и у прежних их завоевателей — татар. Ермак во время своего похода вывел заеванные хлебом земли на р. Туре; табуринские татары, жившие на Тавде и соседстве с вогулами, также много занимались земледелием. Чрез русских хлеб вошел только и большее употребление среди угорских народов.

нутые племена и в начале XVII века находились в том же полудиком состоянии, в каком были и во времена завоевания их русскими. Они вели полудюкочевой образ жизни: летом они имели стоянки около рек, а зимою проживали в лесах. Несмотря на то, что вогулы и остяки давно уже знакомы были с русскими избами, имели топоры и изобилие леса, но не делали себе подобных жилищ, а продолжали жить зимою и летом в своих тесных, дымных, холодных и грязных юртах. Правда, тамошние жизненные условия заставляли вогулов и остяков перекочевывать с одного места на другое ради промыслов, и в таком случае юрты, как легко переносимые жилища, имели преимущество пред русскими избами. Но очень долгую и холодную зиму они проживали на одних местах, и в это время русская изба могла оказывать им незаменимую услугу. Тем не менее они не переняли этих усовершенствованных жилищ и продолжали мерзнуть в своих юртах. И одежда как у остяков, так и у вогулов была совершенно неудовлетворительна при тамошнем убийственном климате. Летом они ходят в рыбьих кожаниках*, сшитых кое-как крапивными лямками или звериными жилами, в рубашках из крапивного холста или полотняных, купленных у русских, которые на soboли променивали им всякое поношенное тряпье. Из налимьих же кож, говорит Новицкий, остяки и вогулы делают себе чулки и даже сапоги. Зимняя одежда и обувь делается из оленьих шкур, но такой теплой одеждой обладали только зажиточные, некоторые даже имели кафтаны из английского сукна, а другие, и таких, конечно, большинство, при необыкновенной бедности остяков и вогулов, замечает тот же современник и очевидец, и в лютое зимнее время ходили только в одних рыбьих кожаниках. Но и у этих полудиких народов была развита страсть к украшению своих одежд, и особенно среди женского пола. Они сдирали кожи с гусей, лебедей, выщипывали перья, оставляли только пух, выделяли их особым образом и нашивали на свои кожаники. Украшали одежды также оловянными и медными пуговицами, которые выменивали у русских торговых и промыш-

* Кожи преимущественно сдирали с налима, а иногда с осетра и даже стерляди. См. «Краткое описание...» Г. Новицкого, стр. 38.

ленных людей на шкуры пушных зверей, украшали камками и разноцветными сукнами. Но обыкновенная одежда, и у женщин по большей части, состояла только из одних налимьих дождевиков. Спрашивается, как можно было проводить в этих кожаниках, которые не теплее обыкновенных полотняных рубах, жестокую зиму в такой стране, где 30 и 40° мороза было не редкость? Правда, остяки и вогулы с первого момента рождения приучались к холоду, так сказать, закаливались. Новицкий пишет, что если остячке случится родить ребенка на пути в зимнее время, то она прежде всего обтирает его снегом и затем кладет в свой кожаник; если же рожденный от жестокого холода начинает мерзнуть и кричать, то снова бросает его на снег и повторяет ту же операцию, «сим приучает его к острому и жестокому житию»⁶.

Но, несмотря на это закаливание в младенчестве, много остяков и вогулов во время зверового промысла зимою погибало от жестоких холодов, так как, охотясь за зверями, им приходилось далеко удаляться от своих юрт. Немало их гибло в зимнее время и от голода. Только некоторые южные вогулы сеяли немного овса и ячменя, а в остальных местах поселений угорских народов земледелие было невозможно по тамошнему климату. Чем же они питались? Мы выше упомянули, что остяки и вогулы с ранней весны и до поздней осени располагаются в своих юртах по берегам рек. В это время они питались рыббою, которую ели преимущественно сырою, разными птицами, которых там было в изобилии, и разными травяными кореньями. Самое лакомое блюдо у них, говорит Новицкий, называлось «варка», приготовляемая таким образом: взявши внутренности рыбы, несколько не очищая оные, бросают в сосуд, подливают туда рыбьего жира и, поддерживая немного на огне, начинают есть; на их вкус, такого сладкого блюда нигде не найдется. Но, питаясь таким образом ежедневно, остяки и вогулы в течение короткого лета ежедневно готовят пищу для себя и для своих собак на продолжительную зиму. День и ночь дымятся их юрты — это инородцы заготавливают консервы на зиму то из рыбы, то из птицы и зверей. Первого

⁶ Ibid, стр. 31.

рода консервы назывались «юколою», а второго — «пор-сою». Но остяки и вогулы были или слишком неопытны, или, вернее, слишком ленивы, чтобы приготовить эти консервы на продолжительную зиму несколько лучше и прочнее: вытацивши из воды, несколько не очистивши и посушивши немного на огне в юртах, они складывали эти консервы без соли в берестяные короба, которые сохранялись в ямах. Также они заготавливали на зиму всякое мясо. Эта пища с течением времени перигнивала, юкола даже обращалась в полужидкое состояние, но тем не менее инородцы и сами питались ею в течение целой зимы, и кормили своих собак. Кроме того, во время зимы они убивали зверей, шкуры их снимали для уплаты ясака или продавали русским торговым людям, а мясо, почти сырое, употребляли в пищу; нужда заставляла их питаться даже падалью, чем, впрочем, не раз доводилось кормиться и русским промышленным людям в Сибири. Мы знаем также, что аманатов, или заложников из инородцев, русское правительство кормило преимущественно падалью; в расходных денежных книгах сибирских воевод нередко встречаются статьи расходов на покупку палой или утонувшей лошади для прокормления аманатов.

Вследствие такого неудовлетворительного питания остяки и вогулы скоро старились, гибли от голода, поражаемы были болезнями, которые раньше времени вели их к могиле. Оспа, замесенная в Сибирь русскими, также истребляла инородцев массами. Кроме того, Новицкий свидетельствует, что у остяков от питания гнильем, нечистоплотности появлялась заразительная болезнь, которая поражала весь организм разом, и человек живой сгнивал. Он же пишет, что остяки не знают никаких врачеваний; даже дикие звери, замечает этот автор «Краткого описания», если бывают поражены какою язвою, «ищут от земли какого-нибудь врачевания... пес, и тот лизанием язвы врачует последнюю», а остяки, хотя и разумное создание, не имеют никакого попечения об исцелении или даже облегчении своих болезней и ходят покрытые язвами до тех пор, пока не умирают*. Вот в чем лежала главная причина слабого естественного размножения угорских народов и их постепенное вымирание.

* Там же, стр. 44.

И нельзя сказать, чтобы в этом были слишком виновны суровая природа, среди которой пришлось жить вогулам и остякам, или русское владычество. Правда, тамошняя природа для человека не была заботливою матерью, ничего не давала даром, но тем не менее реки в том крае наполнены были рыбою, леса — драгоценным пушным зверем, везде можно встретить массу разнообразных птиц; обилие корма давало возможность разводить рогатый скот и особенно оленей. Но инородцы не умели пользоваться, как следует, этими благами тамошней природы, не в состоянии были приспособиться к тамошним условиям настолько, чтобы жить, не умирая от холода и голода. Виною этому природная лень вогулов и особенно остяков. Правда, что русское владычество создало для них несколько более тяжелые условия жизни: например, инородцы должны были платить в казну ясак или давать подводы, но зато со времени утверждения русской власти среди угорских народов между ними прекратились междоусобные брани, а эти междоусобия, как мы упомянули выше, всегда сопровождались истреблением людей и грабежом имущества. Мы знаем также, что ясак был очень легкий, и московское правительство наказывало сибирским воеводам собирать его «ласкою, а не жесточью». Вогулы с человека по окладу должны были уплачивать в год звериных шкур тахіпип на 2 р. 50, а остяки — тахіпип на 3 рубля. То есть достаточно было убить одного бобра или одного хорошего соболя, чтобы сполна уплатить годовую подать. А между тем не было года, чтобы вогул или остяк уплачивал ясак без недоимки; об этом свидетельствуют ясачные книги за все XVII столетие. Эти недоимки росли из года в год и к началу XVIII в. представляли почтенные суммы: на пельымских вогулах с 1628 по 1700 гг. накопилось недоимок на 7011 р. 10 к., на березовских остяков — на 6300 р., а на сургутских — даже 67442 рубля*. Конечно, грабежи служилых людей, прижимки оценщиков мягкой рухляди, приносимой в ясак инородцами, значительно усиливали тяжесть ясачной подати. Тем не менее при большем

* Архив М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1252, л. 73; кн. № 1302, л. 99; кн. № 1361, л. 81.

труде инородцы могли легко уплачивать ясак. Новицкий замечает, что остяк, убивший одну черную лисицу, мог заплатить подать за целую юность. Мы знаем также, что, несмотря на варварское истребление русскими пушного зверя, последнего было еще в изобилии в тамошних краях и в XVII, и XVIII веках. И только благодаря своей особенной лени вогулы и остяки не имели хорошей добычи пушного зверя. Достаточно указать на то, что русские воеводы, когда наставало время зверового промысла, то посылали по юртам служилых людей, которые должны были силою выгонять инородцев на эти промыслы. Сибирские инородцы славились как отличные стрелки, имели прекрасных охотничьих собак, имели быстрых и легких оленей и нарятных собак, на которых могли делать большие перевалы по тамошним глубоким снегам, им, наконец, были хорошо известны всякие звериные тропы и места, в которых преимущественно звери держались в то или другое время года. И что же? Русские, хотя и не обладали этими средствами и знаниями, но благодаря труду и энергии в тех же самых местах в 20 и 30 раз более добывали зверя, чем инородцы. Вследствие такой лени и беспечности эти угорские племена проводили целую жизнь в ужасной бедности. Новицкий даже говорит, что во всем мире нет несчастнее существа, как остяк; нищета, голод и холод, болезни преследовали его до гробовой доски. Некоторые утверждают, что будто бы эксплуатация русскими торговыми людьми сибирских инородцев была главною виною нищенского положения последних; что будто бы русский кулак наложил на инородца такое иго, с которым он не мог бороться и под которым задыхался. В этом нагладе есть доля правды. Русский торговый человек умел пользоваться тяжелым обстоятельством инородца, выкупал у него лучшую рыбу и лучшую мягкую рухлядь, пользовался страстью инородца к водке, напивая его, а под влиянием опьянения последний продавал свою добычу по слишком дешевой цене. Знаем также, что русские торговые люди, как это и теперь видим, давали инородцам в долг деньги и за большие проценты; долговая кабала действительно ложилась на инородца таким тяжелым бременем, которое давила его в течение целых десятков лет: иногда внук уплачи-

вал русскому кулаку долг, занятый еще его делом. Тем не менее, по нашему мнению, прежде всего сам инородец был виноват в том, что доводил себя до такого положения, при котором возможно было эксплуатировать его более разумному человеку. При изобилии рыбы, птицы и пушного зверя в тамошних краях инородец сравнительно легко мог полученную добычей и уплатить ясак, и приобрести необходимые предметы для домашнего обихода, нисколько не дожидаясь. Нужно было только побольше трудиться. Нечего уже говорить о том, что страсть к водке не может служить извинением для инородца. Ведь были же как между вогулами, так и остяками люди богатые, обладавшие большими стадами в сотни голов!

До сего времени мы говорили о материальных условиях жизни остяков и вогулов в начале XVIII века, теперь же коснемся несколько их прав и, главным образом, остановимся на их религиозных верованиях.

Остяки и вогулы жили отдельными юртами, и многое собрание юрт в одном месте встречается редко. В каждой юрте жила одна семья. Отец пользовался неограниченной властью над своей семьей: жен и детей он имел право заложить, продать и даже убить; вся семья была его собственностью, как и всякое имущество. У пелымских вогулов и березовских остяков существовало многоженство и калым — это влияние татар-магометан: каждый мужчина мог иметь столько жен, сколько в состоянии был купить и прокормить. Этот магометанский обычай вредно отражался на естественном размножении упомянутых племен: при той нищете, в которой они находились, многие мужчины целую жизнь оставались неженатыми или женились слишком поздно. И в самом деле, дочь у отца была таким товаром, который он хотел продать как можно дороже и, конечно, выгоднее было продать богачу. Новичкий свидетельствует, что в начале XVIII века обычный калым состоял из ста рублей; эта сумма по тому времени довольно значительная, и уплатить ее не каждый мог. Такая высокая цена на женщину в то время указывает на значительное уменьшение женского пола у остяков и вогулов сравнительно с прошлым веком. Мы знаем, что в конце XVI века остячки на рынке продавались по 20 копеек, а в первой половине XVIII

века — рубля по два. Но калым XVIII века показывает, что цена на женщину слишком вздорожала, и, значит, невест мало, между тем как невестой могла быть каждая девушка, даже семилетний ребенок. Каждый отец заботился, чтобы достать жену своему сыну, и потому входил в сделку с отцом какой-нибудь девушки еще в то время, когда она была малолетней. Если он сразу выплачивал калым, то немедленно будущую жену своего сына вводил в юрту, в противном же случае отец до тех пор не отпускал дочь, пока не выплачивалась вся назначенная сумма. Нередко бывало, что жених за свою невесту платил калым в продолжение десяти и более лет. Однако отец не избирал жениху иметь сожителство со своей дочерью, лишь бы только отец было в его доме. Сочетание браком или, вернее, покупка жены не сопровождалась никакими обычаями, обрядами, ни даже пированиями. Когда кончен торг, то жених шел в юрту отца своей невесты и притом должен был входить туда задом, чтобы показать смирение пред ее родителями; войдя в юрту, жених садился около своей нареченной и сидел, не смотря ни на отца, ни на мать невесты, потому что смотреть считалось неприличным, недостойным. Затем отец передавал дочь жениху, и последний немедленно уводил ее в свою юрту, тем все дело и кончалось. С этого времени прекращалась всякая власть отца над своею дочерью, она делалась полной собственностью мужа: последний мог немедленно перепродать другому, заложить и жениться на иной*. Женщина, по понятию остяков и вогулов, считалась нечистым существом; она не допускалась в собрание мужчин, и даже во время жертвоприношений женщины стояли отдельно и с покрывалами на лицах. Когда ей приходило время родить, то она должна была уходить из юрты, хотя бы это было и зимою, идти в какую-нибудь пустую юрту и там разрешиться от бремени. Когда об этом узнавал отец, и если родился мальчик, передает Новицкий, то выходил из юрты, чтобы встретить где-нибудь непременно христианина и упросить его дать имя новорожденному. Этим упомянутый автор объясняет существование христианских имен у многих инородцев-язычников. Но это может быть справедливо только

* Новицкий, стр. 40—43.

относительно подгородных инородцев, которым легко встретить христианина, а для тех, которые жили в глуши, достаточно было встретить своего соплеменника и от него получить имя поворожденному, а еще проще — отец сам давал имя своему сыну по названию птицы или зверя, или какого-нибудь предмета, которых он увидит по выходе из юрты; иногда рожденные мальчики назывались по порядку рождения — первый сын, второй и т.д., а девочки не получают никакого имени. Роженица обязана была в продолжение двух или трех недель жить там, где разрешилась от бремени, и только после очищения огнем, которое состояло в трехкратном перепрыгивании чрез зажженный костер, она могла снова войти в юрту мужа. Новорожденному ребенку, будь то девочка или мальчик, выжидают⁴⁴ на руках, ногах разные тавры, которые представляют изображения птиц, зверей и других предметов. У женского пола эти изображения служили только украшением, а мужчины употребляли опые вместо подписи руки на разных документах: так, например, у кого был выжжен соболю, тот рукою рисовал на бумаге соболя. В архиве Сибирского приказа мы видели много документов, на которых остяки ставили свои тавры, или, как называли русские, знамена; там мы встречаем изображения оленя, соболя, лиственницы и пр. Конечно, при неумении их рисовать эти знамена суть только самое слабое подобие того, что им хотелось изобразить⁴⁵.

Религиозные верования как у остяков, так и у вогулов, были одинаковы и славные их боги-идолы — одни и те же. Они исповедывали шаманскую религию, которую приняли еще тогда, когда жили в середине Азии. Шаманство существовало еще в глубокой древности, и до появления буддизма оно было распространено на громадном пространстве Азиатского материка. Китайцы называют шаманство «пласкою пред духами», а монголы «черною верою», в отличие от буддизма, которую они называют «желтою верою»⁴⁶.

Остяки и вогулы познакомились с шаманскою верою еще в неравном состоянии, когда она не имела еще

⁴⁴ Об остяцких знаменях см. статью Н.Н. Оглобина в «Истор. Вест.» 1891 г.

⁴⁶ «Библиотечка для чтения», т. 91. См. статью «Шаманство у народов Северной Азии», стр. 25.

определенных правил и обрядов; в таком виде они перенесли шаманство из глубин Азии на север и со своей стороны несколько не содействовали ее развитию. Сущность этой веры состояла в почитании богов-идолов, в жертвоприношениях им, то с целью найти у них покровительство в своей жизни, то с целью умиротворить их, чтобы они не делали вреда, а посредником между богами и людьми было особое лицо — шаман. Остяки и вогулы верили в высшее, всемогущее существо, которое сотворило мир и управляло им. Но Нума-Торым, как они называли невидимого, живущего на небесах Бога, управляет миром по закону справедливости, у него нет милости, он воздает каждому по заслугам, и его ничем нельзя умиротворить. Вследствие такого понятия о верховном существе остяки и вогулы ни с чем не обращались к нему и в жизни ничем не выражали ему поклонения. На небесах много других существенных богов, но по отдаленности их человеку бесполезно к ним обращаться; рассчитывать на их помощь ни в каком случае невозможно. «Самоеды и другие алтайские народы (остяки и вогулы), — пишет Кастрен⁴⁵, бывший неутомимым исследователем финских и угорских племен, — считают бесполезным воссылать молитвы к небесным и другим могущественным богам. Эти боги далеко, далеко живут от смертных; как возможно, чтобы они слышали слабые молбы человека? Эта речь постоянно на устах диких Северной Сибири. Они никакого понятия не имеют о духовном общении богов с людьми, и если там и сям слышишь, что сильный бог неба и обращает внимание на дела смертного, награждает его добрые поступки и наказывает злые и т.д., то все же не верят они тому, чтобы слабый человек мог вступить с ним в духовное общение»⁴⁶.

Но в то же время угорские народы, как и другие последователи памильской веры, верили, что весь мир населен близкими богами, способными делать добро и зло человеку; всякое место, каждый предмет, чем-нибудь обращающий на себя внимание, были местами присутствия этих божеств: высокая гора, необыкновенный камень, темная чаща в лесу,

⁴⁵ Вестник Императ. Русск. Геогр. общества, ч. XVII, 1856 г. См. извлечения из труда Кастрена «Этнографические замечания и наблюдения».

глубокий овраг, река, озеро, большое старое дерево, особенно лиственница, и пр., и пр. — все это место особенного присутствия божеств. Бесчисленное множество последних постоянно еще увеличивается присоединением к ним душ умерших выдающихся людей, и особенно шаманов. Остяки и вогулы даже верили в особенную, как бы божескую силу медведя и очень боялись его: если кто убьет медведя, того ожидает неизбежная месть от убитого. Впрочем, от этой мести можно избавиться, если убитому воздать честь, подобную той, которую остяки и вогулы воздавали своим идолам. «Если случилось убить медведя, — передает Новицкий, — то, сняв с него кожу, остяки клали последнего пред кумирнею и потом пели песни и плясали около нее. А убийца зверя приговаривал: не он убил его, потому что не он сделал железце и стрелу, а русак (русский) сковал железо, пера орел — родитель. Затем все участвовавшие в церемонии целуют кожу, и только после этого владелец ее может продать кому захочет»⁴. Известно также, что у северных инородцев клятва на коже медведя считалась самою сильною, и нарушение ее никогда не проходило даром. Вследствие этого и русские воеводы для утверждения в верности государю требовали от этих инородцев клятвы именно на коже медведя. Обряд этой клятвы обставлялся таким образом: прежде всего на распростертой коже этого зверя клались нож, топор и другие орудия; затем берут нож с кожи, кладут на него кусок хлеба и подают присягавшим со словами: если десью сию клятву утверждаете, будете неверно служить и не радеть в платже яска, то зверь сей отомстит вам, от него умрете; хлеб сей и нож да погубит, если не будете соблюдать то, в чем клянетесь.

Если взять во внимание, что подобный обряд клятвы употреблялся у остяков и вогулов и пред их идолами, когда нужно было доказать виновность или невинность кого-нибудь в том или другом преступлении, то можем заключить, что медведь у этих инородцев был особым богом, каляющим клятвопреступников.

Кроме богов, пользовавшихся одинаковым почетом у всего племени, или богов народных, у остяков и вогулов,

⁴ «Краткое описание...», стр. 53.

как и у всех последователей шаманства, были еще домашние божества — пенаты. Каждый хозяин юрты делал себе каменных или деревянных болванчиков, одевал разным тряпьем и расставлял перед юртой и в самой юрте — это его пенаты, покровители. Если они хорошо служили своему хозяину, то пользовались от него почетом, им он давал разные кушанья, а в противном случае жестоко наказывал ударами, бросал в нечистые места, где они находились до тех пор, пока не окажут услуги. «Иногда вместо болванчика, — передает Паллас⁸⁴, — читится обрубок дерева или кол, обтесанный наподобие булвы; иногда какой-нибудь ящичек, купленный у русских и обвязанный кольцами, лоскутками и тому подобным, почитается как домашнее божество»⁸⁵. Итак, у остяков и вогулов было множество идолов или в виде разных изделий рук человеческих, или в виде произведений природы. Но вот интересный вопрос, как язычник относился к своим идолам, т.е. честнее — считал ли он их за самые божества или они были только изображением? Кастрен говорит: «Большинство алтайских народов представляет себе идолов не как внешние образы, символы божества, имеющего свое самобытное, независимое от своего изображения существование. Нет, они представляют себе, что божество живет в изображении, или, так сказать, воплощено в нем»⁸⁶. Это объяснение не вполне нас удовлетворяет; к нему нужно сделать комментарий. Что значит «божество воплощено в изображении»? Мы имеем понятия об индийских воплощениях, когда боги сходили на землю под видом людей; они являлись воплощенными, а не воплощались в каком-нибудь предмете или существующем человеке. Неужели остяки и вогулы имели такое же представление о воплощении своих божеств в идолах, деревьях, камнях, зверях и птицах? Совсем нет. Эти народы уже давно находились в таком развитии, что различали духовное от материального; их боги — существа вечные, духовные и бессмертные, и они не могли считать каменных или деревянных идолов за самых богов, как думает Кастрен. По

⁸⁴ Путешествие Палласа, т. III.

⁸⁵ По их воззрению, идолы и есть настоящие боги и в состоянии даровать человеку здоровье, благосостояние и другие житейские блага. Вестник И.Г. общ. 1856 г., ч. XVII, стр. 314.

нашему мнению, они не сливали во единое целое духа с предметом, в котором последний обитал; божественное существо не нераздельно с изображением его. Когда русские во время проповеди схимонаха Федора сжигали идола, так называемого «Обскаго Старика», то остяки говорили, что они видели, как самый бог вылетел из идола в виде лебедя. Из этого видно, что они идола считали только жилищем божества, не более. Такому представлению об идоле, как и жилище бога, нисколько не противоречит то, что остяк иногда жестоко наказывал своего идола ударами палки или бросал его в нечистое место. Он вовсе не думал, что при этом наказании бог чувствует материальные удары, как какое-нибудь живое существо. Этим остяк хотел только выказать свою ненависть к богу, нанести ему позор подобно тому, как бешеная толпа немцев, возбужденная лжеучением Лютера, выносила иконы из церквей, бросала в грязь и топтала ногами.

Но спрашивается, почему одному богу приходилось жить в каком-нибудь камне, другому в конье, третьему в лиственнице, иному в болванчике деревянном или в вылитом из металла, и т. п.? Угорские народы верили, как мы выше упомянули, что весь мир наполнен богами, но нам кажется, что, по покаянию этих народов, боги могли или любили жить только в каких-нибудь материальных предметах. Поэтому остяк или вогул почитал бы каждый предмет, если бы знал, что в нем живет бог, но для этого он не имел средств: это знание имеет только шаман, и только он известными ему средствами может определить, заключает ли в себе известный предмет духа и насколько он могуществен, т. е. насколько он может делать добро или зло людям. Кроме того, шаманы имели как бы власть распоряжаться богами, заключать их в то или другое жилище. Если остяк или вогул делали себе болванчика из дерева, камня или металла и чтили его как божество — покровителя своей юрты, то не следует думать, чтобы это дело обходилось без шамана. Хотя мы на это не имеем указаний, однако следует предполагать, что остяк, сделавший себе домашнего пената, обращался к шаману, чтобы последний вселил в него известными ему средствами духа; только после каких-нибудь таинственных шаманских причитаний кусок дерева делался бо-

жеством. Таково же происхождение богов родовых и племенных.

Между божествами, пользовавшимися особым почитанием у остяков и вогулов, были следующие:

1) «Старик Обский», который находился в земле остяцкой при впадении Иртыша в Обь, недалеко от Самаровской деревни. Он почитался водяным богом, и ему были подвластны рыбы и всякие живущие в воде существа. Самое название этого бога указывает на его древность, а старые боги пользовались особенным почетом у всех язычников. Кастрен передает, что если у северных обитателей Сибири спросить, какие чудеса совершил его идол, то он ответит: «Мы не знаем этого, но мы служим тем же богам, каким служили и отцы, и деды наши, и под чьим покровом жили благополучно»*. Помимо древности «Обский Старик» и потому еще должен был пользоваться особенным почетом, что он был богом рыб, и, значит, от него зависел хороший или дурной исход рыбной ловли — одного из важнейших промыслов инородцев. Новицкий, сам являвшийся этого идола, описывает его так: «Некая доска, на которой нос изображает жестяная труба, стеклянные глаза и небольшие роги на голове; идол покрыт разными рубищами, а сверху накинуто на него красная одежда с золотой грудью». Около этого бога лежали лук, стрелы, панцири, копья и проч. вооружение его, которым он иногда принужден бывает сражаться с другими водяными богами. В честь «Старика Обского» устроено две кумири: одна при устьях Иртыша, а другая на самой великой реке Оби; он живет попеременно по три года в каждой. Весною, когда настает рыбный промысел, жрецы этого идола объявляют простым смертным, что бог хочет жертвы и обещает обильный улов рыбы. После такого объявления народ берет рыболовные снасти и бросается к Оби на рыбный промысел и первую попавшуюся рыбу нельму приносят в жертву «Старику Обскому»; жертву варят и жиром мажут нос и уста этого идола, а остальное смертные съедают вместе с жрецами. Насытившись, остяки бросали вверх палки по направлению к другой кумирне, показывая этим, что они и там также достойно чтут «Старика Обского». После

* Ibid, стр. 318.

жертвоприношения народ приступает к рыбной ловле, и если улов хорош, то властелину рыб приносятся новые и новые жертвы. Но случается иногда, что жрецы «Старика Обского» объявляют волю этого бога о жертве и рыбной ловле преждевременно, т.е. не рассчитав времени входа рыбы из моря в реку Обь. Эта ошибка дорого обходится ни в чем неповинному упомянутому богу. Остяки, не уловив рыбы, бросаются к кумирне и начинают всячески ругать своего «Старика». «Ты забыл, — кричат они, — почести, воздаваемые тебе нашими отцами и праотцами, не радеешь о нашем промысле и губишь нас голодом». Этого мало — вытаскивают идола из кумирни, обвязывают его веревкою и таскают по разным нечистым местам, топчя ногами и оплевывая его. И бедный «Старик Обский» находится в таком бесчестии до тех пор, пока действительно придет время обильного улова рыбы.

2) Медный идол, находившийся в Белогорских остяцких юртах при великой реке Оби. Он изображал гуся, сидевшего в гнезде, сплетенном из сухои, холста и кож. Этот идол был богом водных птиц — лебедей, гусей и т.п. и почитался остяками и вогулами покровителем птичьего промысла. Когда настает время ловли птиц, преимущественно тогда, когда они линяют (в тех места в конце июня), то богу-гусю инородцы приносят также обильные жертвы из оленей и лошадей.

3) В той же самой кумирнице находился и старейший бог, пользовавшийся особенным почетом как у остяков, так и у вогулов, но что он собою изображал, мы не знаем. Вероятно, бога зверей, потому что между всеми другими божествами нет такого бога, который покровительствовал бы звериному промыслу, а этот промысел доставлял инородцам драгоценные звериные шкуры, которыми они отличались и всея и вели торговлю. Понятно, что остяки и вогулы не могли обойтись без покровителя их звериному промыслу. Новицкий говорит, что этого бога он сам не видел, так как во время проповеди схимонаха Федора остяки, предвещаемые о приходе проповедника и зная, что и этого старейшего идола русские сожгут, как и других, передали его кондийским вогулам, и русским не пришлось потом найти одного.

4) Идол в земле вогулов, в нескольких верстах от города Пельима. Тут стояла кумирня с пятью деревянными идолами в виде людей, но между ними возвышался главный бог, вероятно, властитель птиц, подобно остяческому идолу-гусю, потому что на голове у него была птичья кость.

5) Недалеко от того же идола, верстах в трех, стояло лиственничное дерево и при нем кумирня. Это старое дерево очень обожалось вогулами, но неизвестно, какой дух обитал в нем, какую он имел силу и власть. Только и ему приносились обильные жертвы из лошадей, как и другим богам — это видно из того, что громадная лиственница была вся усеяна лошадиными шкурами. Этого мало — пред нею, как увидим ниже, приносились и человеческие жертвы.

6) Но самый главнейший из вогульских идолов был где-то при реке Конде. Он находился в кумирне, в которую не только простой смертный, но и князь не смел входить; только один главный шаман имел это право. При кумирне всегда стояло два сторожа, одетых в красивые одежды и с разукрашенными копьями в руках. Вогулы рассказывали русским, что когда этот бог захочет жертв, то издает голос наподобие голоса ребенка^{*}.

Много было и других, пользовавшихся особым почетом у вогулов и остатков богов, но мы о них не говорим, потому что нам еще придется с ними встретиться, когда будем следить за проповедью Евангелия схимонаха Федора упомянутым инородцам; мелких же идолов у последних было бесчисленное множество.

Мы выше упомянули, что последователи шаманства считали себя самих совершенно беспомощными пред духами, населявшими «песю, воды, горы и доли» всего мира, пред духами, которые вмешивались без спросу в дела людские и по своим капризам делали человеку то пользу, то вред. Простые смертные не могли входить с богами в сношение, выражать свои нужды, просить от них помощи в каком-нибудь деле, не имели средств заставить их не делать по крайней мере зла человеку. При таком мрачном взгляде на богов, казалось, человек может погибнуть от капризов последних. Но зато между простыми смертными

* Новичский, стр. 84.

появляются мудрецы-шаманы, которые не только имеют силу и средства заставить этих бессмертных духов служить человеку. Отсюда понятно, какое значение имел шаман между остяками, вогулами и другими их единоверцами. Что это за лицо? Откуда у одного человека, так же родившегося на свет божий, как и все люди, явилась такая власть, такая сила? Автор статьи «Шаманство у народов Северной Азии» таким образом отвечает на эти вопросы. «Как скоро утвердилось мнение о влиянии духов на судьбу человека, тотчас явилось и мнение о возможности привлечь счастье и отогнать несчастье. Счастливцев приобрел уважение несчастных и по натуре человеческой стал тщеславиться милостию богов, умением склонить их к действиям в его пользу. Первый шаман, увлеченный удачами, и сам стал верить могуществу своих заклинаний: люди впадают сами в обман, ими выдуманный, и ложное свое мнение считают наконец истинным».

И в самом деле, между всяким человеческим обществом, на какой бы высокой степени развития оно ни стояло, может появиться человек, который, благодаря или природной физической силе и ловкости, или же природным нравственным качествам, станет выше других, подчинит их своему влиянию, заставит уважать свою волю. Положим, одному удалось убить льва, тигра, удавалось убивать несколько раз и притом безнаказанно; и в других случаях его сопровождают удачи в то время, когда другие гибнут чрез свое сравнительное бессилие, неловкость. На такого человека другие непременно станут смотреть особенными глазами, видеть в нем особенного человека, и вопрос, почему последнего везде сопровождают удачи, является у простых смертных вполне естественным. А люди веруют, что существуют боги добрые и злые; одни делают добро человеку, другие — зло. Но вот между ними живет человек, которому везде везет сравнительно с другими: он всегда сыт, когда другие голодают; во взаимных драках он оказывается победителем, предводительствуя своим родом или племенем, он одерживает победы над врагами. Естественное заключение, что такой человек находится в особенном расположении у богов добрых и умеет противодействовать богам злым настолько, что они не могут сделать ему зла. Значит, у этого человека природа

высшая, божеская. Вот почему разных своих героев полудикие или даже стоящие на высшей ступени развития производят от богов, воздают им божеские почести при жизни и причисляют к лику богов после смерти. Очевидно, такие выдающиеся люди не только для себя могут расположить богов добрых и сделать безвредными злых, но то же могут сделать и для других.

Или иному человеку случайно удалось наткнуться на чудодейственную травку, которою он излечит свою рану; он может тем же средством излечить другого и третьего. К нему станут обращаться за излечением и других болезней, и он станет пробовать над своими пациентами разные средства и, благодаря частой пробе, делается более опытным в этом деле, станет лекарем. И на такого человека начинают другие смотреть особенными глазами: одни верят, что он имеет сношение с богами, а другие с дьяволами, как, например, у нас на Руси крестьяне до сего времени верят, что разные знахари, колдуны имеют сношения с ведьмами и с чертями и при их посредстве могут наделать своему соседу и добра, и зла. Но с кем бы подобные люди ни знались, с богами или с чертями, но к ним простые смертные обращаются за помощью в том или другом деле. Таково, по нашему мнению, первоначальное происхождение тех лиц, которые у одних азиатских народов называются «шаманами» (тунгусы), у бурят — «буге», у остяков — «тадм» и пр.

Эти лица, пользуясь таким особенным мнением о себе толпы, сами стараются поддержать, утвердить его искусственно; например, лечение свое они обставляют таинственностью, говорят при этом какие-нибудь фразы, часто бессмысленные, а больной думает, что это беседа с духами. Поговорка гласит: легко верится тому, чему хочется. Так и в данном случае. Больному хочется выздороветь, и он легко верит, что нашептывания колдуна помогут ему; вследствие этой веры у него поднимаются нравственные силы, он делается бодрее, и эта бодрость духа помогает организму победить болезнь. Конечно, не все шаманы и не во всем сознательно обманывают толпу. От частого повторения одних и тех же действий, от разных случайных удач, которыми сопровождаются их обманы, нашептывания, обращения к богам, они сами начинают верить в чудодейственность своих

средства, начинают верить, что они действительно особенные люди, что они могут входить в непосредственные сношения с духами, умеют с ними говорить и понимать их ответы, и т. п. Вера в них толпы заставляет и их верить в себя, и они собственные мысли выдают за откровение богов. С другой стороны, следует заметить, что шаманы азиатских народов значительно разнотелые массы, и их по справедливости можно назвать мудрицами: они знакомы с некоторыми неизвестными другим силами природы, имеют сведения по ботанике, химии и др. Благодаря этим знаниям шаманы делают такие фокусы, которые приводят в изумление не только полудиках инородцев, но и русских людей. Автор вышеупомянутой статьи о шаманстве говорит, что «русские от души верят могуществу шаманов и только из религиозного страха не прибегают к их помощи. Вы услышите, — свидетельствует он, — не только от крестьян, но даже от купцов и чиновников, что шаманы безвредно ходят голыми ногами по раскаленному железу, стоят на острие сабли, на горящих угольях, глотают ножи и выпускают их из себя и, наконец, шаман отрезывает ножом у себя голову, ставит ее на пол и продолжает ходить и шаманить без головы: потом берет свою голову, ставит ее на шею, и голова немедленно прирастает». Кто не знает, как все это делается, тому трудно не верить в сверхъестественность этих людей, а между тем все эти чудеса — обыкновенные фокусы, которые можно всегда видеть на базарных представлениях. Русские воеводы XVII века и даже московское правительство верило в могущество шаманов. В 1608 году томский воевода доносил в Москву, что в прошлом году в марте месяце «учинилась болезнь тяжелая бесовским недугом в Томском городе над многими служилыми людьми и женами», и что эта болезнь, по расспросу, напущена шаманом новокрещенцем Иваном, который ходит по татарским куртам, ворожит, сыет в бубен и «шейтанов призывает на русских людей». Правительство велело сделать по этому поводу розыск и тех, «которые напустили на русских людей шейтанов, посадить в тюрьму»*. Мы знаем также, что в XVII веке русские люди обращались к шаманам за излечением болез-

* Русская ист. библ., т. II, № 82.

ней и в других своих житейских делах, хотя современник и замечает, что редкий из таких лиц кончал жизнь благополучно*.

Если христиане признавали у шаманов чудесную силу и верили, что они сносятся с нечистой силой, то тем более должны были им верить инородцы — и по своей вере, и вследствие низшей степени развития. Для последователей шаманизма шаман был врачом, жрецом и предсказателем, и в его могущество они верили безусловно, даже при самых грубых ошибках шамана никто из верующих не позволит себе усомниться в его чудесной силе.

Остяцкие и вогульские шаманы хотя далеко уступали в развитии и разных знаниях шаманам среднеазиатских народов, но тем не менее и они значительно стояли выше толпы, и они предельно фокусы, имевшие неотразимое влияние на остяков и вогулов. Если, например, кто-нибудь обращался к шаману за предсказанием ли или врачеванием, то он прежде всего давал просителю острый нож и повелевал ему воткнуть последний в его живот. Этот нож уже никто не мог вытащить, кроме просителя, а когда (после исполнения шаманом просьбы) последний вынимал его**.

то он был горячий, как бы в самом деле все время находился в животе шамана; при этой операции никакой крови не показывалось. Другой фокус не менее был поразителен для инородца. Чтобы вызвать дух, шаман входил в пустую юрту и присутствующим приказывал крепко-накрепко связать его; те исполняли приказание и удалялись из юрты. А спустя некоторое время шаман выходил из юрты уже развязанный и объявлял присутствующим волю приходившего к нему духа***.

Мы выше дали объяснение, каким образом мог появиться первый шаман — такой человек, которого другие признали за высшее сравнительно с ними существо, способное сношаться с богами. В историческое же время шаманство или передается по наследству от отца к сыну, или по выбо-

* История о Сибири в Собр. Тихова, стр. 171.

** Той. Вынимание ножа сопровождалось освобождением духа, выходом его из шамана. Остяцкие шаманы боялись и чуждым вынимать из себя ножи. (См. Памятники Сибири. Ист. XVIII в., стр. 242).

*** Новичков, стр. 49.

ру самих последователей шаманизма: молодых людей, обращающих на себя внимание какими-нибудь странностями, например, природным крордством или уродством, или чем-нибудь другим, они считают способными шаманить в будущем и отдают таковых под науку старому шаману. А иные делаются шаманами самостоятельно или по призыванию, или вследствие корыстных расчетов, так как это было очень выгодным делом. У остяков и вогулов во время проповеди скимонаха Федора особенную роль играли два шамана: один был с двумя горбами — спереди и сзади, а другой «зело бо зле», — передает Новицкий, — изображена бысть ему лицеверие человеческое: мал, черен и злоиравен».

Хотя происхождение шаманов было разное, но обязанности их были одинаковы: они являлись посредниками между людьми и богами. А так как благополучие человека зависело от каприза богов, то шаман был везде нужен. Предпринимался ли поход против неприятелей, шаман должен узнать от богов — будет ли счастливый исход предприятия, должен призывать их на помощь и принести им жертвы; начало рыбного и звериного промысла сопровождалось всегда жертвоприношениями чрез шаманов; заболел ли кто — шаман должен узнать, какой дух мучает больного и как избавиться от него; умрет ли кто — опить призывается шаман, чтобы сказал, от какого духа умер; общественные празднества тем более не могли обходиться без шамана. А где шаман — там призывание богов и жертвоприношения.

«Обыкновение и чин приношения жертв несть каковыми уставовлено чреды, — замечает Новицкий — яко же прочии идолопоклонники... слепотствующий невежа остяк никаких чред не имея, но егда несътов их до пированя понудит чрево, или кто почитаемый в место жреца, искаая несътой гортани, отверзает оную, извещает яко божи требуют жертв приношения, за сия же некая обнадужует обрысти благополучие, тогда и чреды и время приношения». Действительно, ни у остяков, ни у вогулов не было определенных дней в году, в которые они совершали бы празднества в честь того или другого бога. Но в то же время несомненно, что осенью, в октябре месяце, те и другие инородцы праздновали начало нового года, и это празднество сопровождалось даже человеческими жертвами. Для жертвоприноше-

ний служили преимущественно пленники, но иногда инородцы целым племенем или несколько родов покупали людей «для моления у лиственницы», то у своей же братии, то посылали за покупкою людей для той же цели к инородцам, жившим по сю сторону Уральского хребта, как об этом свидетельствует один документ, виденный нами в портфелях Миллера. Нам кажется, что человеческие жертвы своим богам вогулы и остяки приносили очень редко, не более одного раза в год, именно осенью, если только не было какого-нибудь чрезвычайного обстоятельства, например, похода против неприятеля: серьезные военные предприятия у этих инородцев также сопровождались человеческими жертвами их богам. Это заключение мы выводим из того, что известные нам два документа, касающиеся «моления людей», относятся исключительно к этому времени и, вероятно, к празднованию нового года. Так, в 1618 году сентября 26 дня верхокондинские вогулы Нуксыяко Квакин, Ебелко и Хрокумко пришли в город Пелым и обратились к воеводам Ивану Вельяминову и Григорию Орлову с необыкновенной просьбой: они просили, чтобы православные воеводы разрешили им убить человека «для моления по их бурманской вере у лиственницы». Воеводы, конечно, отказали. Но 2 октября того же года пришел в съезжую избу один стрелец и объявил, что те верхокондинские вогулы Ебелко с товарищами «малого убили и у лиственницы в юртах молили, отшед от города». По этому доводу немедленно произведено было следствие. «И мы, — писали пелымские воеводы Михаилу Федоровичу, — про то дело ссылались до прима пелымскими вогуличами и пелымские вогуличи Ян Кисленский с товарищами сказали, что те верхокондинские вогуличи Ебелка с товарищами нас холопей твоих, государь, не послушали: малого убили и у лиственницы молили; и о тех, государь, верхокондинских вогуличах в их непослушании, что велит твой царский указ учинить...»². К сожалению, мы не знаем ответа государя на этот вопрос воеводам. Из приведенного документа можно заключить, что московское правительство не отнеслось равнодушно к «молению людей» сибирскими идолопоклон-

² А. М. И. Д. Порф. Миллера № 478 тетр., стр. № 61.

никами, но в то же время, вероятно, и не строго преследовало этот дикий их обычай; в противном случае пельмские вогулы не осмелились бы обратиться к воеводе за разрешением «убить малого и молить у дивенницы». Да правительством и не могло уследить: если подгородные вогулы, несмотря на запрещение воеводы, убили человека для жертвы, то те, которые жили вдали от города, в глуши лесов, могли совершенно беспрепятственно совершать подобные жертвоприношения. И если таких случаев мы мало знаем из документов, так это потому, что инородцы совершали свои жертвоприношения только на глазах своих соплеменников, без посторонних зрителей. Ведь они хорошо знали, что за каждого убитого человека будут отвечать пред правительством, прежде всего как за изменного человека, как за платёжную силу, а потому человеческие жертвы скрывали, и сибирские воеводы не имели возможности узнавать об этих являвшихся жертвоприношениях. Человеческие жертвы у остоков и вогулов существовали ещё в XVIII веке: в начале этого столетия они решили поднять бунт против русского господства; это чрезвычайное предприятие требовало и чрезвычайной жертвы богам, чтобы получить от них помощь. Березовский воевода на основании разговора об измене остоков доносил, что дякинские остоки Анемка и Алама «для того изменного дела» отдали лосвинским остокам «жонку убить на жертву шейтану»⁴.

Другие же кровавые жертвы приносились круглый год, и приносились в изобилии: осток и вогул иногда отдавал последнее, лишь бы только умилостивить своих богов, снискав их помощь или предотвратить от них зло. Жертвоприношения были общественные и частные. «Каждый род, — говорит Кастрен, — издавна имеет своих идолов, которые часто сохраняются в одной и той же курте и чествуются от всего рода жертвоприношениями и другими религиозными обрядами. Эти «божьи курты» стоят под надзором духовного, который в одно и то же время и прорицатель, и жрец, и врач, и пользуется почти божеским почтением»⁵. Этому исследователю на пути его в Обдорск случайно попалась на

⁴ Памяти Сибир. ист. кн. I, № 81.

⁵ Этнограф. сборн. 1858 г., вып. IV, стр. 305.

глаза роща, в которой под одной старой лиственницей было множество богов, а лиственница вся увешана множеством оленьих шкур и рогов — остатков жертвенных животных. А некоторые божества, как «Старик Обский», «Гусь», «Колдйский идол», одинаково пользовались почитанием как остатков, так и вогулов, и этим идолам приносились уже жертвы не отдельными родами, а целую племенную группу. Самые обильные жертвоприношения совершались пред началом рыбного или звериного промыслов или во время празднеств, устраиваемых в честь какого-нибудь особенно чтимого бога или нового года. Весною, например, пред началом рыбной ловли народ сходил к кумиру «Старику Обскому» и объявлял его служителю шаману, что он желает приносить жертвы властелину рыб. В назначенное время к кумиру или юрте божией оленеводы приводят на жертву оленей, а те, которые живут поблизости татар, — лошадей, так как лошадиное мясо особенно любили вогулы и остяки и потому непременно заботились о том, чтоб достать у татар этих животных. Самый обряд жертвоприношения совершался таким образом. Когда приведена жертва, то старейший из верующих, или, как выражался Новицкий, «ниже вящше безусловити может», связывает ей ноги; другой берет копье, третий лук, четвертый топор и становится около жертвенного животного. Нужно заметить, что упомянутые орудия принадлежат не частным лицам, а берутся из кумирни и там всегда сохраняются как священные. Затем подходит шаман и начинает свое священнодействие. Он в полном облачении и с неизбежными принадлежностями, которые он употребляет при призывании богов бубном и колотушкой. Его одежда длинная, до пят, и вся увешанная железцами, бубенчиками и другими побрякушками, а равным образом и разными лоскутками из шкур животных, изображавшими орудия для отражения злых шайтанов. Без бубна шаман и шагу ступить не может: боги не слышат и не понимают обыкновенной человеческой речи, с ними можно вести беседу только песнями, сопровождаемыми звуками бубна. Кроме того, бубен своим устройством изображает вселенную, среди которой шаману приходится гоняться за богами. Отдельные его части, разные изображения на нем, вырезанные или нарисованные, — суть орудия, с которыми он

только и может исполнять дело своего служения; внутри бубна есть рукоятка, вертикально стоящая и с 12 дырками — эти дыры означают орудия, поддерживающие шамана при воздушных полетах и путешествиях; возвышения между дырами изображают горные хребты, чрез которые шаману приходится переходить и перелетать; железная палка на упомянутой рукоятке служит тетивой лука, которым шаман отражает своих врагов и врагов своего пациента; две собаки, изображенные на бубне, своим лаем извещают шамана о приближении нечистых сил и пр., и пр. Даже на колотушке, которою шаман бьет в бубен, есть орудия; она увешана лоскутками из звериных шкур, служащими бичами для отражения злых духов².

В таком наряде и с такими орудиями является шаман на дело своего служения — для принесения богам жертв. Ставши около жертвы и пред кумиром, он начинает петь песни, бить в бубен, кружиться на разные манеры, греметь побрякушками, навешанными на его одежде; все эти действия постепенно усиливаются, учащаются, доводят шамана до иступления, восторженного состояния, в котором он что-то бормочет и наконец падает на землю в изнеможении. Спустя некоторое время шаман поднимается и объявляет народу волю бога, обещающего обильный улов рыбы. Затем он ударяет священным копьем жертвенное животное, а стоявшие около последнего, о которых мы упомянули выше, бьют жертву своими орудиями. Падшее на землю животное, но еще не испустившее последний дух, поднимают и обносят его трижды около идола. После того наносят жертве последний удар ножом в сердце, а льющуюся кровь собирают в блюдо: этой кровью сначала помажут уста идола, потом кропят ею юрты свои, а остатки допивают предстоящие вместе с шаманом. Кожки жертвенных животных вместе с головою и ногами вешают на деревьях, стоящих около кумира; лучшую часть мяса, помазавши только уста идола, берет себе шаман как вознаграждение за труд, а остальное пожирают тут же жертвоприносители вместе со своими домочадцами. Насытившись жертвенным мясом, начинают махать палками, бросают вверх копы, сабли; этим, с одной

² Известия Императ. Томского университета, кн. 2, стр. 237—238.

стороны, выражают благодарность боготворимому в идоле духу, который будто бы пирует с ними в это время, и устривают ему проводы, теперь возносящемуся на воздух; а с другой стороны, это бросание вверх копий, сабель имеет вид угрозы по адресу того же духа, чтоб он помнил ту честь, которую ему воздают верующие, и не забывал заботиться об их благополучии. Упомянем также, что кости жертвенного животного не бросаются, а сохраняются при малых кумирнях как священные⁴.

Так описывает очевидец общие жертвоприношения у остяков в начале XVIII века; также они совершались и у вогулов. Другой очевидец передает нам о том, как остяки праздновали в честь бога Елены⁵ — прислужника высших богов. «Церемония началась от 8 ч. вечера и продолжалась до 2 ночи. Сначала дети для призыва остяков к богомолью подбегая к каждой юрте, как испуганные, весьма дико кричали разными голосами; потом остяки понемногу собирались в юрту, назначенную для отправления богослужения. Входящий в юрту остяк вертелся по три раза пред кумиром и потом садился на правой стороне юрты на нарах или полуразговаривал с своим соседом, и вообще всякий занимался кто чем хотел; левая же сторона нар была закрыта занавесом, за которым помещались остячки, кои при входе также вертелись пред кумиром. Наконец как все собрались, шаман загремел саблями и копьями железными, заблаговременно приготовленными и лежавшими над кумиром на шестах; каждому из предстоющих, кроме женщин, дали или саблю, или копье, а сам, взяв по сабле в ту и другую руку, стал к кумиру спиною. По получении сабель обнаженных и копий остяки стали вдоль юрты рядами и на нарах также выстроились, повернулись все вдруг по три раза, держа перед собою сабли и копья. Шаман ударил своими саблями одна о другую, и тогда по команде его разными голосами вдруг загайкали⁶, качаясь из стороны в сторону. Гайкали то редко, то вдруг очень часто, то опять редко, не отставая один

⁴ Новицкий, стр. 49—53.

⁵ Автор этого рассказа, очевидно, не понял значения остяцких криков. Они не гайкали, а кричали хай, что значит боги, т.е. крики их были призыванием к богу. Слово хай — самоедское, но у обдорских остяков много слов самоедских.

от другого, и при каждом повторении «*gai*» переваливались то направо, то налево, осаживая копья и сабли несколько книзу и подымая вверх. Крик сей и движение, или перевалка, остяков продолжалась около часу.

Остяки чем более кричали и качались, тем более, казалось, приходили в некоторый род иступления, так что и без ужаса не мог глядеть на лица их... Нагайкавшись довольно, все замолкли и перестали кричать; перевернувшись, по-прежнему отдали сабли и копья шаману... После этого остяки сели — иные на нарах, другие на полу. Тогда завеса, скрывавшая остячек, поднялась, заиграли на домре, и остяки с остячками начали плясать. Пляска сия попеременно была то дика, то забавна, то слишком неблагоприспособна и продолжалась весьма долго. Являлись также между тем на сцену в разных карикатурных нарядах шуты или комедианты, изображавшие так же, как и в плясках, подобные глупости. Затем шаман снова раздал сабли и копья. Остяки, получив их, как и прежде, повернулись, довольно времени также гайкали, опять перевернулись; в заключение стукнув концами сабель и копий в пол по три раза, отдали их обратно и разошлись по своим юртам*.

Этот очевидец ничего не говорит о жертвах, которые, несомненно, приносились на праздниках в честь того или другого бога, но то потому, что он не дождался окончания праздника, которое совершалось не в один вечер, а продолжалось по нескольку дней.

Но не всегда общие жертвоприношения совершались по инициативе самого народа, иногда почин принадлежал шаману. Желая попить на счет верующих, он, по выражению Новицкого, отверзал несмытую гортань свою и объявлял, что боги требуют приношения жертв; боязливый народ внимал гласу жреца и вел своих оленей на жертву.

Что же касается частных жертвоприношений, совершаемых отдельными лицами, то они были очень часты. Если, например, кто заболел и обратится к шаману за помощью, то жертва необходима: по верованиям остяков и вогулов, каждая болезнь происходит от злого духа, последний входит в человека и мучает его. Изгнать духа может только шаман.

* Чтения в Общ. И. и др. 1871 г., кн. II смеш, стр. 11—12.

Поговоривши с духом обыкновенным способом, шаман объявляет просителю, что дух требует жертвы и иногда даже указывает — какой. Опять жертвоприношение! За то шаман, получивши часть жертвенного животного, объявит больному, какой дух его мучит и за что. С богами, однако, можно торговаться по поводу жертв, и если человек бедный, то они охотно идут на уступки: иногда бог требует себе в жертву, например, оленя-самку, и если жертвоприносителю невыгодно отдавать ее, то он обращается к шаману с просьбой поговорить с богом, нельзя ли в жертву принести самца, и, конечно, бог соглашается. Впрочем, бывает и так, что боги упорствуют относительно своих требований, тогда за жертвоприносителя вступается шаман и угрозами вынудит у них согласие, заставит принять назначенную жертву. Ведь шаманы могущественны и упорного бога могут загнать за тридевять земель. «Для убеждения легковой толпы, — сообщает Кастрен, — что бог действительно говорит устами своими, шаман обыкновенно навязывает тряпку на острие налки, и когда она начнет шевелиться, то это означает, что дух божий держит речь к шаману».

Желает ли кто иметь удачу в каком-нибудь предприятии — тоже обращается к богам и также приносит им кровавую жертву и пр. и пр. Эти частые жертвоприношения в высшей степени вредно влияли на хозяйство остяков и вогулов, особенно если возьмем во внимание, что предметами кровавых жертв были преимущественно олени, а олень составлял все для северного сибирского инородца: это замечательное домашнее животное перевозило владельца, давало ему молоко, мясо и одежду; так что кто имел несколько оленей, тот мог жить, как говорится, припеваючи. Этого мало: некоторые, рассчитывая на помощь богов и не имея скота, чтобы принести им жертву и тем купить у них помощь, отдают в заклад, в работу свою жену и детей и даже продают их, чтобы приобрести оленя или лошадь для жертвы. Отдают в залог или продают жен и детей, конечно, в надежде выкупить после удачи. «Но, — замечает Нониккий, — лестию сему иногда погублен бывает: искажая благ, ничего же обещает, а не имея чем искупить, жены и чад лишается. И тако минимй их благ датель, боготворимый в идолах дух лжи утаенною лестию безвестно сих невежей

истребляет имущества, и чаением будущих имущая погубляют». Вследствие таких частых жертвоприношений, замечает тот же наблюдатель, остяки пришли в нищету и крайнее разорение*.

Смерть главы дома или его жены, или кого-нибудь из взрослых домочадцев также вызывала большие расходы у остяков и вогулов. Последние верили по-своему в загробную жизнь, верили, что человек и после смерти будет жить той же жизнью, какою жил на земле, будет нуждаться в земных предметах. Поэтому с умершим кладут в яму одежду, лук, стрелы, топор, котел и пр., т. е. необходимые орудия, которыми инородец добывает себе пищу, и посуду, в которой варит. Покойнику еще нужно, чтобы было на чем ездить в загробной жизни, и вот его родственники на могиле закалывают оленей, запряженных в нарты, и также кладут в яму вместе с умершим; некоторые же зажиточные инородцы клали в могилу покойников даже «всякое серебряное посудье». Русские служилые люди знали об этом, раскапывали могилы остяков, вогулов, самоедов и других инородцев и забирали из них ценные вещи. Мы знаем несколько челобитных сибирских инородцев, в которых они жалуются царю на раскопку могил служилыми людьми и на похищение ими «животов» покойников.

Как сильна была вера у юторских народов в загробную жизнь умершего, об этом можно судить по следующим обычаям, которые у них существовали. При прощанье умершего в могилу его свойственники царапали себе лицо до крови, рвали волосы и бросали их на покойника в той уверенности, что последний придет потом и посмотрит, насколько его родные проявляли к нему любовь, и соответственно этому будет относиться и к ним. Или такой в высшей степени странный и оригинальный обычай. Жена по смерти мужа делает из дерева идола, долженствовавшего изображать покойника, и одевает его в те одежды, которые носил муж. С этим болваном она обращается так же, как с живым мужем: за столом сажает его на первое место, а когда ложится спать, то кладет болвана с собою, обнимает и целует его. Так продолжается год, два и три, а потом идола зарывают в

* «Краткое описание об ост. народе», стр. 53.

могилу. Кастрен передает, что болвана хоронят только через три года после смерти покойника; инородцы думают, что тело покойника за это время уже совершенно сгнило, и с ним вместе окончилось его бессмертие*. Это объяснение неверно. Определенного времени для пребывания болвана в доме не было: одни жены держали только некоторое время, другие год и более. Об этом свидетельствует Новицкий, проживший достаточное время среди остяков, чтоб присмотреться к их обычаям. Притом ни у одного народа нет такого понятия о бессмертии души, чтоб это бессмертие продолжалось только три года. Если б остяки верили, что бессмертие души покойника кончается вместе с сгниением тела, то они сами разрывали бы могилы чрез известное время и забирали бы «всякое серебряное посудье», которое клали с умершим, но они этого никогда не делали в той уверенности, что это добро всегда необходимо покойнику. Мы также знаем, что у остяков и вогулов был обычай поминовения умерших, и это поминовение, сопровождавшееся закланием оленей на могилах покойников, также не ограничивалось известным временем. По нашему мнению, упомянутый обычай объясняется таким образом. Инородцы верили, как мы выше говорили, что умершие шаманы и выдающиеся люди делаются богами, живут под видом духов вечно и могут делать человеку добро и зло. Простые смертные, хотя после смерти и не причислялись ими к богам, но души их жили загробною жизнью вечно, как низшие души, и также могли вредить живущим на земле. Поэтому, если жена воздаст некоторое время почести идолу, изображающему мужа, то она это делает ради того, ради чего его свойственники во время похорон царапают лицо до крови, рвут волосы и т.п., т.е. этим стараются высказать любовь, жалость к умершему и подкупить последнего, чтобы он не делал им вреда. А боязнь умерших основывается на вере, что они продолжают жить под видом духов. Доселе мы говорили о кровавых жертвах, но у остяков и вогулов были и другие, которые приносились без шамана, самими верующими. Предметами жертв были сукна, полотна; ими обвивали идола, и от частых таких жертвоприношений последний так утолщался,

* Этнограф. сборник 1838 г., вып. IV, стр. 311.

что представлял из себя целую гору; другие бросали ему шкуры зверей, даже лоскутки и пр. Но некоторые жертвовали и серебряные вещи. Русские служилые люди не раз забирались в инородческие кумиры и ограбляли их точно так же, как и могилы⁴⁸.

Так жили остяки и вогулы, такие имели религиозные верования и обряды, когда бывший митрополит Сибирский схимонах Федор явился к ним с проповедью христианского учения.

III

«Сколько бы не было в Сибири проповедников, — писал в Синод ок. 1722 г. Тобольский митрополит Антоний, — всем было бы zde место: *жизнь многих людей*».

Последние два русских патриарха — Иоаким⁴⁹ и особенно Адріан⁵⁰ — мало занимались делами церкви и ровно ничего не делали для распространения христианской религии между язычниками, магометанами и буддистами, населявшими обширную окраину Московского государства — Сибирь. Между тем церковные реформы, так сказать, уже стучались в дверь; необходимость их ясно сознавалась лучшими духовными и светскими чинами. Уже в Сибири в разных местах между язычниками ходили учителя магометанские и буддийские и соврачали их в свою веру. Там не было только проповедников христианской религии; только представители русской православной церкви — патриархи относились к делу христианской миссии в Сибири с непопулярным и непростительным безучастием! Таким бездействием *высшая русская духовная власть как бы сама передавала* свое право на заботы о церкви и о христианской миссии между инопверными подданными Московского государства в руки власти светской. Подобным положением дела, естественно, должен был воспользоваться деятельный и энергичный московский царь. Петр Первый только что возвратился из заграничного путешествия и, несмотря на то, что его голова была занята серьезнейшими и разнообразными государственными делами внутренней и внешней полити-

⁴⁸ Р. И. В., т. II, № 91.

ки, он в то же время думал и о делах религиозных, о проповеди христианского Евангелия своим иноверным подданным. Уже в июне 1700 года он дает указ относительно праздной в то время кафедры Сибирской митрополии, в котором читаем: «Назначить пастыря не только доброго и благочестивого, но и ученого, который мог бы Вожией помощью исповедовать в Китае и в Сибири пребывающих в слепоте идолослужения и прочих закоснелых в неверии людей приводить в познание и служение и поклонение истинного живаго Бога, и привел бы с собою добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые могли бы научаться китайскому и монгольскому языку...». Петр хорошо понимал, что проповедь христианского учения разным язычникам только тогда будет успешна, если предлагать ее на их родном языке, и хорошо также знал, к кому обратиться для выполнения намеченной им задачи, именно к малороссийскому духовенству, которое получало образование в Киевской академии. Тогдашний Киевский митрополит получил предписание найти достойного человека для занятия кафедры Сибирской митрополии «в малороссийской своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков...»^{*}.

Нисколько Петр ревностно относился к делу христианской миссии в Сибири, можно видеть, между прочим, из следующих фактов. Упомянутый указ дан был им в то время, когда он начинал борьбу с могущественною Швецией, не имея ни регулярного войска, за исключением некоторых полков, ни хорошего вооружения. А потому начало войны было очень неудачно: осенью этого года русские войска были разгромлены под Нарвой Карлом XII. Казалось бы после этого, что Петр должен был забыть о христианском просвещении сибирских инородцев, отложить это дело до более благоприятного времени, а все свои силы, все внимание сосредоточить на борьбе с внешним врагом, ведь поражение под Нарвой при ином ходе Северной войны могло окончиться поражением целого дела, замышляемого русским монархом. Что же мы видим на деле? Создавая новое войско и новое вооружение, Петр не перестает думать и об отдален-

^{*} П. С. З. Р. И., т. IV, № 1800, стр. 80.

ных своих иповерных подданных, о проповеди им Евангелия. Уже чрез три месяца после нарисского поражения он дает именной указ, которым дворянину Андрею Городецкому велено быть в Софийском доме у архиерея приказным человеком для утверждения и расширения словес Божиих; на софийском дворе или где прилично построить училище поповских, дьяконовских и церковников детей, ребяток учить грамоте, а потом славянской грамматике и прочим на славянском языке книгам и катехизис православный, напечатанный в Москве 1696 года, могли совершенно знать и, *«удостоившись в чине священства народ учить и малолетних в Сибири иноземцев, не ведающих Создателя Господа Бога, приводить в познание истинной веры могли и по тому ко святому крещению искать расширения до са-мало государства Китайскаго»*⁴.

Но вот еще интересное распоряжение Петра. В самом начале 1702 года он послал указ березовскому воеводе, которым повелевалось последнему прислать к будущей зиме 1703 года в Москву трех или четырех человек шаманов, «которые бы совершенно шаманить умели... вести их бережно и везть им взять с собою, что к тому шаманству надобно и их не страдать, а сказать, что им будет наше великого государя жалованье». Конечно, Петр выписывал шаманов вовсе не для того, чтобы посмотреть на их комедианство; нет, он несомненно имел в виду серьезные цели. Шаманы, как мы выше говорили, пользовались огромным влиянием среди верующих язычников, и если бы удалось обратить их в христианство, научить божественным истинам, то они на родине своей могли бы оказать великую услугу делу христианского просвещения березовских остяков. К сожалению, мы не знаем, чем кончился этот замысел государя. Березовский воевода отписывал: в нынешнем 1703 году января 2 ясачный сборщик привез в Березов двух самоедских шаманов, и они в съезжей избе были допрошены, какое за ними есть шаманство. И те шаманы в бубен били и кричат, «а много-де шаманства за ними нет никакого и я к Москве послать их не смею, чтоб в проезде от Березова до

⁴ Чт. Общ. ист. и древн. 1863 г., кн. IV. См. «Челобитная Филофея», стр. 26.

Москвы тех шаманов в кормех и подядах вашей великаго государя казне лишней истраты не было... а в других волостях шаманов не сыскано». Само собою понятно, что березовский воевода покривил душою. Не говоря уже о том, что шаманов в Березовском уезде легко можно было найти: они жили при каждом капище, или кумирне, а эти последние хорошо были известны ясачным сборщикам. А приведенные в Березов два шамана не потому не отправлены в Москву, что не выкаавали своих фокусов пред воеводой, а просто они подкупили его, чтобы освободиться от такой далекой поездки. Из Москвы отвечали березовскому воеводе, что он сделал нехорошо, не прислав шаманов в Москву, и если впредь не пришлет ради каких своих отговорок, то на нем будет доправлена пеня. Писал тому же воеводе по указу государя и воевода тобольский: «Чтоб в Березове, Белогорье и в Самояди и иных волостях велел сыскать шаманов, которые о всяких делах с своими болванами говорят и их спрашивают и в том шаманстве те им болваны и в Белогорье медный гусь отповедь чинят», — велел таким сыскать и прислать в Тобольск без всяких отговорок⁴. Но, несмотря на эти повторительные указы, кажется, березовский воевода не исполнил данного поручения; по крайней мере мы не знаем о приезде в то время шаманов в Москву.

Все это мы говорим к тому, чтобы показать, насколько сильно занимала Петра мысль о крещении сибирских инородцев, а дальнейшее еще более покажет ревность его в этом великом деле. Между тем в это самое время состоялся выбор лица для занятия кафедры Сибирской митрополии, он пал на человека вполне достойного — Филофея Лещинского, настоятеля Брянского Свенского монастыря. Лещинский по происхождению малоросс, родился в 1650 году, а образование получил в Киевской академии. Свое служение церкви он начал в сане священника, но скоро овладел и принял монашество в Киево-Печерской лавре. Здесь он в качестве эконома заведовал обширным хозяйством лавры и, значит, мог хорошо познакомиться с хозяйственными делами. Затем Филофей дослужился до сана архимандрита и сделан настоятелем Брянского монастыря. В этой долж-

⁴ Памятники Сиб. ист. XVIII в., кн. 1, № 62.

ности он испытывал свои административные способности. Вообще этот человек был достаточно подготовлен к занятию кафедры Сибирской митрополии, в которой царил необыкновенный беспорядок, а хозяйство Тобольского архиерейского дома благодаря болезни предшественника Филофея митрополита Игнатия⁴¹ пришло в крайнее расстройство.

В начале января 1702 года Филофей прибыл в Москву, хиротонисан в митрополита Сибирского и после хиротонии немедленно с несколькими помощниками отправился в Тобольск.

Живя постоянно в Малороссии, Филофею трудно было узнать, что такое Сибирь, как живет там русское христианское население. Прибыв же к своей пастве, он не мог не поразиться крайнему иррациональному и религиозному ее распущенности; ему здесь пришлось встретиться с такими явлениями в нравственной и религиозной жизни русского населения, которых он, вероятно, никогда не наблюдал. «Отцы со дочерями, а братья с сестрами, — пишет он в своем донесении, — живут блудно и того есть много. Неволю ли архиерею истязовать тех людей, которые неистово живут, — спрашивает Филофей, — и противно нашей православной христианской вере: церкви Божией никогда не знают, духовных отцов не имеют и Божественных таин не причащаются»⁴². Это сообщение Филофея показывает, что русское сибирское население находилось в таком же нравственном состоянии, в каком оно было и при первом Тобольском архиепископе Киприане⁴³, который столь темными красками описывал его в своей грамоте к патриарху Филарету⁴⁴. Но при Киприане не было еще на Руси раскола, а Филофей встретился в Сибири с расколом в развитом его состоянии, дошедшем до крайних пределов безобразия. В сибирскую окраину сослались главы раскола, его первые пионеры, люди фанатичные, которые смеялись и издевались и над обрядами православной церкви, и над самым православным духовенством, все это в большинстве случаев проходило им в Сибири совершенно безнаказанно. До какой дерзости доходили там раскольники, об этом можно судить по следующим фактам. В конце XVII века одна женщина,

⁴¹ Арх. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1402, л. 123.

приняв в церкви святые тайны, выплюнула и публично топтала их ногами; этот пример в Сибири не единственный. Три старика-раскольника публично обругали в первый день пасхи митрополита Павла за то, что он совершал литургию по новым книгам; в 1682 году раскольники почти весь город Тюмень превратили в пепел, а в 1687 году в первый день пасхи, в самую знуютню, раскольники подожгли церковь села Камени и таким образом погубили до 400 человек православных. Самосожжения раскольников в конце XVII и начале XVIII веков были в самом разгаре: они сожигали себя с семьями сотнями и даже тысячами за раз. Об этих поступках отщепенцев православной церкви митрополит Филофей легко мог узнать в Tobольске, да и сам мог наблюдать во время управления Сибирской митрополией. Ничего подобного он не видел в Малороссии и, как человек глубоко религиозный и усердный ревнитель православия, не мог равнодушно отнестись к расколу. Вот почему нечего удивляться, если Филофей предлагал Петру самые крутые меры против раскольников. Один пункт его «доносительных статей» царю гласил: «Церковных раскольников, отступивших от святой церкви и в упрямстве наоборот стоявших, истребляти, а прочих церковных раскольников, где явятся, всякими наставленьями приводить до соединения со Церквю, а не покоряющихся, дома их разграблять на Великаго Государя, а их смерти предавати». Относительно сибирских раскольников даже Петр изменил свои убеждения; он отличался веротерпимостью и религиозные преследования были не в его духе. «Господь дал царям, — говорил он, — власть над народами, но над совестью людей властен один Христос». И в своих указах относительно раскольников он советовал духовным властям: «С противниками церкви с кротостию и разумом поступать по апостолу, а не жестокими словами и не отчуждением». Но раскол в Сибири заявил себя воинствующим и пропагандирующим, с необыкновенной дерзостью относящимся к господствующей церкви. А известно, что Петр строго запрещал в России пропаганду как раскольника, так протестантам и католикам и ослушников не щадил. Вот почему он вполне согласился на те меры против раскола в Сибири, которые предлагал Филофей. Указ 1704 года гласил: «Рас-

кольников отсылать к митрополиту, а ему их разговаривать всякими мерами накрепко, чтоб они от такого дела перестали и буде те раскольники придут в повиновение сибирской церкви и их для исправления посмлат в монастырь под начал; а которые раскольники на покаяние не придут и тех с митрополья двора отсылать к розыску в приказную палату к боярину и воеводам... а по розыску велеть их казнить смертию, жечь*⁴. Расспросил Филофей и про инородческий мир, и что же он мог узнать? Язычники погрязли в своем отвратительном идолопоклонстве и еще приносили человеческие жертвы идолам. Магометане пропаталируют свое учение в чужом государстве, и это проходит им безнаказанно. Они свили себе прочное гнездо в самом Тобольске. Там между русскими жило много татар и бухарцев, последователей ислама, людей богатых, захвативших в свои руки почти всю торговлю в Тобольске; их мечети стояли около русских православных церквей и производили соблазн: магометанские муэдзины иногда во время богослужения в христианских храмах кричали с своих минаретов, призывая правоверных на молитву, и тем нарушали чин православного богослужения; во время великого поста они позволяли себе всякое веселье на соблазн христианам. Еще архиепископ Симеон, возмущенный этими безобразиями тобольских магометан, просил правительство переселить последних из центра Тобольска в другие улицы, но правительство отнеслось к этому представлению слишком равнодушно и не сделало соответствующего распоряжения.

Словом, митрополиту Филофею было чем поражаться. Ему предстояло много дела в новой должности, и нужно сказать правду, он не сидел сложа руки, а с первого же года своего служения в Сибири начал энергичную деятельность. Уже чрез несколько месяцев после приезда в Тобольск Филофей отправил Петру «докосительная статья». Они охватывали самые разнообразные дела, входящие в круг ведения Сибирского митрополита, в них Филофей трактует о поведении раскольников и магометан, о хозяйственных делах Софийского дома, о недостаточном материальном обеспечении некоторых причтов, о невмешательстве воевод в

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1402 12*.

духовные суды, о тобольских школах, о крещении инородцев и пр. Мы не намерены обозревать всю деятельность Филофея как Сибирского митрополита, а будем говорить только о миссионерской его деятельности, о том, что непосредственно относится к нашей теме.

Филофей сознавал, что для распространения и утверждения христианства между иноверцами обширной Сибири нужно много деятелей не только энергичных, но и образованных, особенно для борьбы с исламом и буддизмом. Но где их взять? Сибирское духовенство было невежественно, не говоря уже о дьяконах или дьячках, даже священники были едва грамотные, большинство их не получило никакого школьного образования и умело только читать и писать. Монастыри сибирские были исполнены людьми преимущественно простого звания и совершенно безграмотными. И вот новый Сибирский митрополит решил поднять уровень образования сибирского духовенства основанием особой школы в Тобольске. В последнем уже существовала общая школа, учрежденная Городецким и называвшаяся «латинской», а Филофей задумал основать еще школу славянскую, которая бы имела главной целью подготовку молодых людей для достойного звания должностей священнослужителей и церковнослужителей и которая давала бы для Сибири хороших проповедников Слова Божия. «Для усномощения Церкви Святой и разширения Православной Христианской веры, — писал Петру митрополит, — школам быть в Тобольску, и учить грамматике словенской и латинской, а учителями промышлять одному и учеников понудить, которые до того понадобятся от всякаго чина дети, а для скудных детей на покупку к тем наукам потребных книг, чтоб учинить вспоможение из государевой казны...». Но школа не скоро еще даст деятелей, а Филофею хотелось немедленно заняться проповедью христианской религии между сибирскими инородцами, да и для школы необходимы преподаватели, поэтому он просил царя: монахам киевским разрешить приезд в Сибирь и отъездвольный, ибо без проповедников Слова Божия и учителей школьных быть невозможно, прислать в Тобольск дьякона Киево-Печерской обители Пахомия Арамашенко, который «зело угоден до проповеди Слова Божия», замечает Филофей. Просил также разрешения завести при Софий-

ком доме печатню и дать для ее устройства средства из казны. В тех же доносительных статьях мы находим особый пункт относительно крещения иноверных. «Буде иноземцы, — говорится там, — похотят креститься в Православную Христианскую веру своею волею, и чтоб тем иноземцам ко крещению приходить свободно, без ясных убытков, и никому не возбраняти».

Петр Великий в высшей степени внимательно отнесся к доведению митрополита Филофея: «доносительных статьи» последнего получены в Москве 31 декабря, а уже 20 января царь слушал их и постановил соответственные решения. Относительно школы при Софийском доме Петр дал свое согласие и повелел недостаточным ученикам давать из государственной казны на одежду по две деньги на день, а пропитание их на счет софийских доходов. И в то же время Петр писал: «Преосвященному митрополиту лаче простираться в учение Славяно-Российской грамматики и чтоб вся, яже попу, или диакону надобно знать, изучились и православной веры кахихизис достаточно знали, и по согласно содержащей в ней артикулу умели, и людей мирских учили». Монахам киеским разреши вольный приезд в Сибирь и отъезд. Относительно крещения иноземцев Петр постановил такое решение: «которые иноземцы похотят волею своею креститься в православную христианскую веру и их крестить, а неволею никаких иноземцев не крестить, и яса с них не складывать, только их спрашивать, какой ради причины приходят ко святому крещению и вере православной, велеть учинить им исповедь; которые татары, или иные иноземцы, пойманы в смертных винах, и похотят креститься на том, чтоб быть им живым, и таких буде с верою совершенною приступают, окрестя и дав им время довольно на покаяние, потом учинить по Уложению и Градским Законам, да всякия беззакония истребятся; а которые языки, ниже веры сведомы, и тех скоро не крестить, да не будет дере православной от них наружений, делать в том со многим опасством и рассмотрением, испытав вины, чего ради который иноземец крещения пожелает, внимали б словеса Спасителивы, реченныя: «аще кто верует и креститься, спасен будет».

Только в делах, сопряженных с материальными расходами для казны и в то же время делах терпимых царь или не

вполне удовлетворил просьбы Филофея, или совсем отказал. Так, например, не разрешил устроить типографию при Софийском доме, отказал в жалованье софийским соборянам и т.п. В следующем году Филофей бил челом государю, чтобы школы латинские, которые на воеводском дворе, быть на архиерейском и ведать их архиерею. Дьяк Петра Андрей Вinius⁴ относительно этой просьбы сделал такого рода пометку: «По указу государя велено быть двум школам в Тобольске. Первой у митрополита и учить поповских, дьяконских и прочих чинов духовных до церкви надлежащих; а ведать их митрополиту. Во второй школе учить дворянских, служилых, торговых и промышленных людей — детей граматике, арифметике, тиктуре и прочим тем подобным. А школу и учителей ведать боярам и воеводам для того, что те науки духовного чина людям не надлежат». Однако Петр посмотрел на дело иначе и указом 1704 года повелел и латинскую школу подчинить ведению митрополита*.

Восбже Петр относился с величайшим доверием к новому Сибирскому митрополиту, а там, где дело касалось распространения христианства в Сибири, он оказывал ему всякую помощь.

Первые шаги Филофея на пути миссионерства были неудачны. В 1704 году царское посольство отправлялось к одному из значительных монгольских ханов Кутухте, исповедующему буддизм. Филофей решился воспользоваться этим обстоятельством и просил Петра, чтоб он позволил двум его монахам сопровождать это посольство и даже остаться у Кутухты для изучения монгольского языка и христианской проповеди. Царь дал свое согласие и в то же время повелел сибирским воеводам давать монахам подводы и корм и делать всякое вспоможение. Хотя мы и не знаем, чем кончилось это дело Филофея, но, несомненно, оно не имело никакого успеха: монахи возвратились назад ни с чем. Однако Филофей был настойчив и решился повторить тот же опыт. В 1706 году, в бытность свою в Москве, он просил Петра: «чтоб снова послать до Кутухты людей мудрых, которых нарочно везу с собою на то дело, дабы те люди пожили у Кутухты и изучились мунгальскаго языка для лучшей

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1402.

проповеди христианской веры». Этого мало: Филофей даже просил у царя разрешения самому повидаться с Кутухтой в то время, когда он будет обозревать свою Сибирскую митрополию: «бо недалече от твоих крайних городов», — пишет Филофей, — он Кутухта кочует»^{*}. Как на эту новую просьбу ревнителя христианства посмотрел Петр, нам неизвестно, но, по всей вероятности, Филофей получил отказ ввиду неудачи первого посольства к Кутухте. Несколько удачнее была миссия, посланная в 1705 году в Камчатку: архимандриту Мартениану (из киевских монахов) удалось крестить некоторых камчадалов, но вследствие частых возмущений этих инородцев, вызываемых насилиями русских казаков, этот первый проповедник христианства в Камчатке принужден был скоро оставить тот край. Кажется, в том же году митрополит Филофей впервые завел сношения и с остяками, именно с ляпинским князем Шешукой и с князем обдорским Тучабалдой. Неизвестно, каким образом велись эти сношения, только упомянутые князья «дали руки креститься». Может быть, этот первый успех и заставил Филофея обратить преимущественное внимание на угорские племена и ревностно заняться распространением среди них христианства.

В 1706 году Сибирский митрополит прибыл в Москву и подал Петру челобитную. «Державнейший государь, — писал в ней Филофей, — в нынешнем 1706 г., по твоему великого государя указу, приехал я богомолец твой из Сибири к Москве ради церковных дел, а какия дела и тем под сею челобитной роспись».

1. Филофей просил об учреждении епископии в Иркутске и о посвящении в епископы архимандрита Туруханского монастыря Варлаама Косовского (из киевских монахов).

2. Чтобы в Иркутске, Енисейске, Якутске и в других сибирских городах, где пригодно, построить училища и собрать от всякого чина «ребятюк» и учить их грамматике, дабы после они и сами умели не только христиан учить, но и неверных призывать к христианской вере, дать о том грамоту к всеводам, а учителям жалованье и на учебные книги деньги выдавать из государственной казны.

^{*} А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1451, л. 539.

3. О новом посольстве к Кутухте.
4. Чтоб и мне самому поехать в нижние города для церковного исправления и чтоб воеводы давали подводы.
5. Чтоб указал государь по прежнему своему указу с идолов брать подати для того, что они остяки, не хотя с идолов давать подати, сами хотели их жечь.
6. Чтоб указал государь свободно, без всякого страха неверным обращаться к христианской вере и «роботок у них взять десяток и другой в Березове и учить их божественного писания».
7. Чтоб указал государь послать свою грамоту к остяким князьям Шешуке и Тувабалде. Дали они руки креститься, но только без государева указа не смеют, а если будет такой указ и те князья крестятся, — да чтоб какою милостью или честию их потешить и чтоб им по-прежнему своими улусами владеть.
13. О возобновлении монастыря в Березове, основанного при митрополите Игнатии и упраздненного в 1699 году*.
- Из этой челобитной Сибирского митрополита мы выписали только те пункты, которые так или иначе касаются распространения и утверждения христианской веры в Сибири. Не на все предложения Филофея мог согласиться Петр. Устройство училищ в Иркутске, Енисейске, Якутске и других сибирских городах потребовало бы значительных материальных средств, и это в то время, когда Московское государство вело тяжелую Северную войну, поглощавшую почти все государственные доходы. Если на Руси в старых городах с многочисленным населением не было еще школ, то можно ли было думать об основании их во многих сибирских городах, где население считалось только сотнями? Не мог Петр согласиться и на обложение податями остяцких идилов — это было бы в высшей степени курьезно! Правда, он выдумывал разные налоги: как на бороду, усы, дубовые гробы и т.п., но предложение Филофея о налогах на идилов, вероятно, привело к изумлению и самого Петра. Митрополит при этом предложении основывался на каком-то прежнему указе государя, но мы знаем, что такого указа не было. Впрочем, несомненно, слух о подобном указе был в

* Ibid, кн. № 1451, лл. 537—544.

это время распространен в Сибири, произвел необыкновенный переполох среди идолопоклонников и дошел до Сибирского митрополита. Но остяки и вогулы легко могли поверить этому слуху, так как у них сохранилось предание, что знаменитый завоеватель Сибирского царства Ермак, или Ермак Тимофеевич, обложил податями их идолов; предание это было еще настолько живо, что когда разнесся вышеупомянутый слух, то инородцы уже решились было пожечь своих идолов, лишь бы только не платить за них податей. Другие же просьбы Филофея были удовлетворены, и по повелению его челобитной уже в ноябре 1706 года состоялся первый царский указ тобольским воеводам. Им позволялось Филофею возобновить в Березове Воскресенский монастырь, и игумену и братству этого монастыря назначалось казенное денежное и хлебное жалованье. Tobольскому воеводе предписывалось написать от себя в Березов к воеводе, чтобы последний призвал ливинского и обдорского князей и допросил их, желают ли они принять православную христианскую веру. Если скажут, что желают креститься, то облагодетель их царской милостью и жалованьем и обязать им, что они будут владеть своими улусами и людьми по-прежнему. А для крещения указ предписывал березовскому воеводе прислать остяцких князей к митрополиту на Софийский двор. «А буде преосвященный митрополит, — читаем в том же указе, — сам похочет ехать в низовые города для церковного исправления и ему везде давать подводы зимою и летом»^{*}.

IV

По возвращении из Москвы митрополит Филофей с прежнею энергией занимался делами своей митрополии. Прежде всего он занялся устройством новой епархии в Сибири — Иркутской: архимандрит Туранского Троицкого монастыря Варлаам в 1707 году был им посвящен в первые епископы этой епархии. Обширный сибирский край уже давно нуждался в новой епископии.

В то же время Филофей отправил некоторых монахов к березовским и сургутским остякам для проповеди им хри-

^{*} Ibid, кн. № 1451, з. 545.

тианства. Первым христианским миссионерам в тех краях не посчастливилось: возбуждаемые паманами остяки с ожесточением встречали и провожали посланников митрополита. Тем не менее им удалось убедить и крестить несколько десятков язычников, но, видя малоуспешность своей проповеди, они скоро оставили тот край и возвратились в Тобольск.

Филофей решился сам отправиться туда же с проповедью Евангелия и ждал только для осуществления этого далекого путешествия благоприятного времени. Между тем силы его ослабели; энергичная деятельность, борьба со светскими властями, постоянно вмешивавшимися в духовные дела, страшные беспорядки в Сибирской митрополии, естественно, раздражавшие преосвященного, и, наконец, суровый, непривычный климат подломили здоровье Филофея настолько, что он принужден был оставить митрополичью кафедру и удалиться на покой в Тюменский монастырь, приняв скиму с новым именем Феодора. «Казалось тогда, — говорит биограф Филофея Абрамов⁴, — что все намерения и планы его вполне распространить христианскую веру в Сибири заключились с ним в тесную келью, и, по-видимому, совершенно отказавшись от мира, больной отшельник хотел остаток дней своих провести в глубоком уединении, но Господь устроил иначе»⁵. Только Абрамов неверно заметил, что скимонах Феодор намеревался остаток дней своих прожить в Тюменском монастыре. Нет, его мечтою было, если только позволит здоровье, снова возвратиться в Киево-Печерскую лавру и там окончить жизнь свою. Так свидетельствует современник Филофея Новицкий, и ему нет оснований не верить: «И уже баста нозе намеревны теши к тишайшему безмолью, — замечает при этом он, — обаче Вышняго правлением обратипся к громогласному благовествованию спасения роду человеческому».

В 1710 году от 7 июня бывшему Сибирскому митрополиту прислана следующая рещительная грамота о крещении сибирских инородцев. «От великаго государя царя и великаго князя Петра А. в. В. и М. и Б. России самодержца, богомольцу нашему, бывшему митрополиту сибирско-

⁴ Жур. М. Н. Пр. 1846 г., ч. 52, стр. 82.

му и тобольскому. Сего июня 6 дня ведомо нам, великому Государю, учинилось, что которые новокрещенные тобольские и березовские и сургутские остяки жили в Березове и в Коцком монастыре, ныне те непрестанно бывают в юртах, в которых идолы остяцкие. И как сей наш великого государя указ получишь, то выбрав по своему рассмотрению из монахов или из священников человека доброго и велеть ему... ехать вниз великой реки Оби до Березова и далее, и *где найдут по юртам остяцким их предестные мнимые боги шайтаны, тех огнем палить и рубить и капища их разорить*, а вместо тех капищ часовню строить и святые иконы поставляти, и их остяков приводить ко крещению и к познанию единого в Троицы истинного Бога. А которые остяки малые и великие веруют и крестятся, тем остякам нашего великого государя милость: ясные доимки все оставлять указами и впредь не спрашивать и в доимочных книгах тое их доимки вынести, чтоб тем доимки не помянулись. *А если возможно, то того ради исправления и сажому тебе богомольцу нашему ехать в вышеписанные места и приводить тех идолопоклонников к истинной, ко христианской вере.* А ко крещению их кафтаны белые и рубахи из нашей казны и хлеб, по рассмотрению, также давать указами. *А если кто остяки учинят противность сему нашему указу и тем будет казнь смертная.* А о споможении тебе в том в Tobольске к нововоде нашему Ивану Бибикову писано, что к той посылке, или к вашему, богомольца нашего, походу понадобится, велено ему отправить противу твоего от него требования в скорости*.

К такому решению привела Петра ревность относительно крещения сибирских идолопоклонников. Он, конечно, знал, как сами русские были крещены при Владимире Святославиче, и тот же способ хотел применить и к крещению остяков, вогулов и других сибирских идолопоклонников: под страхом смертной казни последние должны отдавать своих идолов на сожжение и идти к святому крещению. Для нас этот указ является диким, варварским; действительности его даже не хочется верить, особенно когда знаешь предшествующие о том же предмете указы Петра, в кото-

* Пам. сиб. ист., кн. I, № 99.

рых он советует Филофею крестить только тех иноверцев, которые сами и притом искренно пожелают святого крещения. Относительно насилия царя в таком святом деле можно сделать ему много упреков. Но Петр уже привык к насилию и сам открыто сознавался, что вся его преобразовательная деятельность в русском государстве совершается насильственно. В этом отношении он руководился особыми практическими взглядами и не стеснялся высказывать их. «Если в Полтавдин, — говорил Петр, — в этом старом лабазном государстве чинится принуждение, то тем более оно позволительно у нас, как людей новых во всем». «Наш народ, — читаем в одном указе того же царя, — как дети, которые никогда за азбуку не примутся, если не будут приневолены от мастера, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что ясно из всех нынешних дел: не все ль неволею сделано и уже за многое благодарение слышится, от чего уже и плод произошел». Если Петр на русских, стоявших на высшей степени культуры, смотрел как на детей, которых нужно приневолить, то тем более он должен был держаться таких взглядов на полудиких идолопоклонников, приносивших еще по своей мере человеческие жертвы богам. Он надеялся и от них слышать благодарение за крещение, хотя и принужденное. Вот почему нечего удивляться, что и Петр Великий мог издать вышеприведенный указ. Впрочем, может быть и то, что смертная казнь, назначенная противникам указа, есть только угроза, которою он хотел устрашить идолопоклонников. По крайней мере на деле, как увидим ниже, не только смертной казни не подвергались не желавшие креститься, но и никакому наказанию. Даже не подвергались наказанию те идолопоклонники, которые с оружием в руках нападали на христианскую миссию, как оставались совершенно безнаказанными и возмутители остояков и вогулов против христианских проповедей.

Получивши указ Петра, скимонах Федор не мог тотчас приступить к его исполнению: он был болен да притом еще продолжал заведовать делами Сибирской митрополии, так как новый митрополит еще не был прислан в Сибирь. Но летом 1711 года прибыл в Тобольск его преемник Иоанн

Максимович⁶⁶, тоже воспитанник Киевской академии, и схимонах Феодор, освободившись от всяких дел Сибирской митрополии и к тому времени оправившись от болезни, стал готовиться к далекому и трудному путешествию в землю остяков и вогулов.

Но тут, естественно, может явиться у каждого читателя вопрос, как велико было число этих инородцев в начале XVIII столетия? Для решения этого вопроса мы должны обратиться к «ясачным книгам» того времени, в которых найдем сведения об инородческих волостях и о числе ясачных инородцев в каждой волости во всех сибирских уездах, где только жили остяки и вогулы. Прежде всего сообщим таковые сведения об остяках.

А. Березовский уезд, волости: 1) Казымская, а в ней ясачных людей 216 ч., 2) Обдорская — 388 ч., 3) Куноватская — 316 ч., 4) Освинская — 429 ч., 5) Ляпинская — 264 ч., 6) Подгородная — 99 ч., итого 1712 ч.⁶⁷

Б. Сургутский уезд, волости: 1) Юганская с Подгородной — 143 ч., 2) Салымская — 86 ч., 3) Селянская — 9 ч., 4) Белогорская — 5 ч., 5) Атлымская — 3 ч., 6) Луипокольские — 186 ч., 7) Васюганская — 91 ч., 8) Ларьяцкая — 17 ч., 9) Тымская — 113 ч., 10) Кораховская — 22 ч., 11) Сымская — 2 ч., 12) Бардаковы — 59 ч., 13) Ваховские — 49 ч., итого 735 ч.⁶⁸

В. Нарымский уезд, волости: 1) Нижняя Подгородная — 36 ч., 2) Верхняя Подгородная — 31 ч., 3) 1-я Парабельская — 20 ч., 4) 2-я Парабельская — 11 ч., 5) 3-я Парабельская — 19 ч., 6) 4-я Парабельская — 9 ч., 7) Ларпицкая — 16 ч., 8) Пииковская — 7 ч., 9) Тогурская — 14 ч., итого 163 ч.⁶⁹

Г. Кетский уезд, волости: 1) Кыргина — 13 ч., 2) Нянгина — 16 ч., 3) Кашина — 18 ч., 4) Питкина — 7 ч., 5) Иштанова — 9 ч., 6) Лелкина — 14 ч., итого 77 ч.⁷⁰

Д. Енисейский уезд, волости: 1) Нацкая — 16 ч., 2) Пунпокольская — 22 ч., 3) Пицкая — 11 ч., итого 49 ч.⁷¹

⁶⁶ А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1302, л. 89.

⁶⁷ Ibid., кн. № 1361, л. 81.

⁶⁸ Ibid., кн. № 1367, л. 50.

⁶⁹ Ibid., кн. № 1367, л. 254.

⁷⁰ Ibid., кн. № 1359, л. 145.

Е. Мангазейский уезд (Туруханск). Имбацкое зимовье — 110 ч.*.

Ж. Тобольский уезд, волости: 1) Белогорская — 2 ч., 2) Назымская — 109 ч., 3) городок Демьян — 89 ч., 4) городок Нарым — 110 ч., 5) Торкана — 84 ч., 6) Цимги — 16 ч., 7) Верхне-Демьянская — 10 ч., 8) Колпуковская — 4 ч., 9) Темлячевая — 76 ч., 10) Салымская — 6 ч.**.

итого 506 ч.***.

А всего ясачных остяков в уездах: Березовском, Сургутском, Нарымском, Енисейском, Мангазейском и Тобольском — в начале XVIII века было 3352 человека.

Сибирские вогулы жили в уездах — Пелымском, Тобольском и Верхотурском.

А. Пелымский уезд, волости: 1) Низтавдинская — 23 ч., 2) Ворынская — 13 ч., 3) Тахтаанская — 38 ч., 4) Со- свинская — 28 ч., 5) Вагивская — 23 ч., 6) Верхпелымская — 38 ч., 7) Лиственничная — 25 ч., 8) Таборинская — 46 ч., 9) Леушинская — 13 ч., 10) Кондинская — 213 ч., итого 460 ч.****.

Б. Тобольский уезд, волости: 1) Юкондинская — 79 ч., 2) М. Конда — 105 ч., 3) Б. Конда — 132 ч., 4) Леушинская — 16 ч., 5) Таборинская — 31 ч., 6) Кошукская — 140 ч.*****.

В. Верхотурский уезд, волости: 1) Подгородная — 6 ч., 2) Подгородная 2-я — 22 ч., 3) Косвинская — 1 ч., 4) Со- свинская — 78 ч., 5) Туринская — 46 ч., 6) Верхтуринская — 32 ч., 7) Чусовская — 72 ч., 8) Мултайская — 5 ч., итого 262 ч.*****.

Всего ясачных вогулов в трех уездах в начале XVIII века было 1224 человека.

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1422, л. 19.

** Эти две волости находились в Сургут. уезде, но были приписаны к Тобольску.

*** Ibid, кн. № 1376.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1252, л. 73.

***** Относительно трех последних волостей следует заметить, что они на- ходились в Пелымском уезде, но приписаны были к Тобольску; население их принадлежало к вогульскому племени, а если в документах оно называется татарским, то только потому, что эти вогулы еще во времена Кучума приняли магометанство, усвоили язык, нрав и обычаи татар.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 1376.

***** Ibid, кн. № 1319, л. 1208.

Нужно иметь в виду, что под ясачными людьми разумеются те инородцы, которые платили в казну ясак — мужчины от 15 до 50 лет; от него избавлялись женщины и дети, старые и увечные, холопы и, наконец, те из инородцев, которые несли подводную повинность. Всего же остяцкого и вогульского населения в Сибири в начале XVIII века было приблизительно до 40 тысяч.

Только в 1712 году схимонах Феодор мог приступить к исполнению царского указа и своих давних заветных намерений относительно христианской проповеди сибирским инородцам. Его первое путешествие с этой целью было в страну остяков. Совершенно несправедливо мнение, что будто бы он распространял в Сибири христианство «огнем и мечом»: с ним не было никакой вооруженной силы, и мы не знаем ни одного случая, чтобы схимонах Феодор употреблял какое-нибудь насилие во время крещения им сибирских инородцев. Его сопровождали монахи, священники, Гр. Новицкий, вероятно, сын боярский, и прислуга, но служилых людей с ним не было. Это видно из того, что когда остяки с оружием в руках напали в Бурейковых юртах на миссию, то никто не защищался, а бросились все, за исключением самого схимонаха, спасаться бегством к дощанику (судно, мелко сидящее в воде), потому что, замечает один спутник миссии, «руки праздно имеюще». Проповедники действовали на инородцев только царским указом и убеждениями.

Отправившись из Тобольска вниз по Иртышу, миссия достигла первых остяцких юрт только чрез три дня плавания. Схимонах Феодор вместе со спутниками вышел на берег и собравшимся остякам через переводчика проповедовал христианское учение. Проповедь не имела никакого успеха: язычники были глухи к ней и с ненавистью смотрели на проповедников. Миссия поплыла далее, из Иртыша вышла в Обь и скоро достигла Белогорской волости, где находился главный остяцкий идол «Старик Обский». Схимонах Феодор приказал немедленно сжечь этого кумира вместе с его капищем, но язычники, несмотря на объявление им царского указа о сожжении их идолов, стали горю за своего «Старика» и решились силою защищать его. Тогда схимонах обратился к остякам с такою речью: «Этот без-

душный истукан есть только дерево и ветолько не может вам оказать помощи или подать какое-нибудь благо, но сам теперь нуждается в вашей помощи. Не думайте, что он вас питает, но скорее разоряется от него приношением ему жертв. Знайте, что все — огонь, земля, море и всякая тварь созданы премудростию Творца, Который один податель всяких благ». Выслушавши это поучение, остяки утихи и отдали своего «Старика Обскаго» на сожжение, но креститься, однако, и здесь никто не захотел⁶.

То же самое было и в Шарковых⁶⁷ юртах, где стоял деревянный идол, сделанный наподобие человека и с посе-ребренным лицом. Шаманы, узнав о приближении христианской миссии, начали говорить остякам, что бог объявил им, что он не допустит сжечь себя и вместе с тем упрашивали верующих, чтобы они крепко стояли за своего кумира и не давали его русским для сожжения. Этим шаманы так возбудили язычников, что они решились свою кровью защищать идола. И действительно, когда христианская миссия прибыла в Шарковы юрты и схимонах велел сжечь идола, то остяки с оружием в руках бросились на миссию и угрожали смертью. Но произошло то же самое, что и в Белогорских юртах: тихое слово пастыря остановило ожесточенных язычников, и последние предоставили самому богу защитить себя, как он объявлял об этом чрез шамана. Идол был сожжен. Так действовал схимонах Феодор на всем своем пути до самого Березова: он говорил остякам о высшем, невидимом Боге, доказывал пустоту их веры в идолов и сожигал последних. Хотя до сего времени мы и не видели случаев крещения язычников, но тем не менее проповедь схимонаха Феодора производила на них сильное действие и заставляла усомниться в могуществе их богов. Только в Кокской волости христианская миссия была счастливее и приобрела первых последователей христианского учения. И это очень естественно: здесь уже 50 лет стоял православный Кондийский монастырь, около него было русское селе-

⁶ «Краткое описание об остр. нар.» Г. Новицкого. По поводу сожжения «Старика Обскаго» остяки говорили, что когда идол загорелся, то божество вылетело из него в виде лебедя; однако не все верили этой сказке; другие, замечает Новицкий, говорили, что ничего подобного не было.

ние, и остяки вследствие частого обращения с христианами не относились с такою ненавистью к христианству, как это было в других местах. После поучения схимонаха Феодора остяцкий князь Алачев, предки которого приняли христианство еще в конце XVI века, первый изъявил желание креститься, а его примеру последовало еще 13 остяков; река Обь была для них купелью крещения. Этот первый успех проповеди привел в неописанный восторг Феодора, прежние неудачи были забыты, и он теперь мог надеяться, что как ни крепко держится идолопоклонство среди сибирских инородцев, но оно будет сокрушено терпением и энергией христианских проповедников. «Проповедник и учитель, — говорит Новяцкий, — о сем благополучном начинании всеусердно радующеся» из Кондйского монастыря поплыл назад и благополучно возвратился в Тобольск. В следующем 1713 году схимонах Феодор вместе с прежними своими спутниками предпринял второе путешествие в землю остяков Березовского уезда. На этот раз проповедь его имела несравненно больший успех, чем в прошлом году: язычники принимали крещение массами во всех тех волостях, которые посетила христианская миссия. И это очень естественно. Целый год прошел с того времени, как истреблена масса остяцких идолов и в числе последних даже такой высокопочтимый кумир, как «Старик Обский». Как ни невежествен был остяк, но он должен был размышлять над этим делом христианской миссии. У него, естественно, являлись вопросы, почему его боги не оказали никакого сопротивления их истребителям? Почему шаманы, которые представлялись остяку столь могущественными, что заставляли даже богов исполнять свою волю, теперь не проявили никакой силы и не защитили кумиров? Остяк верил, что боги вмешиваются в его жизнь, делают ему благо или вред, но теперь он целый год живет без идолов и перемены в своей жизни не замечает никакой; боги не мстят за осквернение русскими кумиров и ничем не выражают своего недовольства. Хотя «Старик Обский», властитель рыб, и сожжен, но рыба ловится так же и без него, как и при нем. Значит, действительно остяцкие кумиры — только бездушное дерево, а шаманы, их служители, — только обманщики. Если ум остяка, размышляя над указанными обстоятельствами,

может быть, и не доходил до такого решительного вывода, но тем не менее сомнение в могуществе идолов и шаманов было вполне естественным. «Народ же, — замечает современник, — видевше прежде тверды нечестия их боготворимая идолы падашия, и столь стершую янкую силу их, яко ничтоже владше креста видети, яко прах и пепел, отсюда довольно мрак кумирслужения ослепляюще сотресе очес их, яко отверзостся очи има приятнее зирати на свет проповеди евангельския...».

И действительно, христианская миссия во второй год проповеди Евангелия остякам уже не встречала со стороны последних ненависти и озлобления. Наоборот, язычники теперь со вниманием слушали поучения схимонаха Феодора и массами принимали христианство везде, где только он ни появлялся, много было обращенных остяков в Белогорских, Шарковых, Казымских и других юртах. Только в гордке Атлым (о последнем мы упоминали выше) остяки, возбужденные своим шаманом, сначала не только не хотели креститься, но и слушать поучения христианского проповедника; весь народ восстал против евангельской проповеди, свидетельствует Новицкий, возмущенный «алонравным и злообразным прелестником». Однако и здесь «прелестные» речи шамана оказались бессильными пред словом христианского проповедника. Несмотря на шум и крики остяков и намерение их броситься с оружием на миссию, схимонах Феодор стоял непоколебимо и увещевал язычников оставить идолопоклонство и шамана и принять христианскую веру. Он, между прочим, говорил им: «Вижу нас мужей благоразумных, не противников истины, молю нас оставить сего мужа младоумного, детское игралище, ибо недостойно таким умным людям прельщаться безумными речами оного». Слова христианского проповедника так подействовали на язычников, что они «презрели мятельныя прекословия» своего шамана и все приняли крещение. Напоследок и сам шаман выразил желание креститься и был крещен. Всего в этом году крестилось до 3500 остяков. После этого христианская миссия снова оставила остяцкую землю и возвратилась в Тобольск, хотя и ненадолго.

Обрадованный успехами проповеди между остяками, схимонах Феодор решился в следующем году отправиться

с тою же целью в страну вогулов. Ни старость, ни недуг, снова посетивший его вследствие трудных путешествий к остякам, — ничто не могло остановить ревность этого миссионера к просвещению язычников светом христианского учения. Отдохнув немного в Тюменском монастыре, он в жестокую зиму в начале 1714 года поспешил отправиться к вогулам. К такой поспешности побудило схимонаха Феодора следующее обстоятельство. У кондийского князя Сатыка заболели два сына; отец обратился к шаманам, чтобы они испросили у богов исцеления его любимых детей. Шаманы потребовали жертв, и Сатык не щадил ничего, лишь бы спасти сыновей. Но во время жертвоприношений дети его умерли. Это страшно раздражило князя против своих кумиров: он собственноручно начал их истреблять и уже с топором в руках добрался до главного вогульского кумира — кондийского идола. Народ пришел в ужас и умолял Сатыку пощадить последнего. Князь внял мольбам своего народа, не тронул кондийского кумира, но множество других вогульских идолов было истреблено им в это время. И вот когда об этом узнал схимонах Феодор, то спешил воспользоваться таким обстоятельством, чтобы показать князю и вогулам, как ничтожны их боги и что от них не следует ждать никакой помощи. И действительно, успех проповеди в земле вогульской был велик уже в первый год миссионерской деятельности схимонаха Феодора. Русская миссия еще не дошла до Пельмы, как явился один вогул и просил миссионера крестить его со всем домом. В самом Пельме собралось много вогулов, и схимонах Феодор вместе с своими сподвижниками по целым дням проповещал их христианским учением, а к князю Сатыку отправил некоторых священников. Следствием проповеди было то, что в короткое время приняли христианство до 400 вогулов. Довольный таким успехом, схимонах Феодор, оставив священников для наставления вогулов в истинах христианской веры, сам отправился в Тюмень, чтобы весною того же года предпринять третье путешествие в страну остяков. К новому путешествию в Березовский уезд этого доброго пастыря побуждало то обстоятельство, что магометанские муэдзины, или, как русские тогда называли их — абызы, ходят по остяцким куртам, проповедуют

магометанство и отрицают от христианской веры новокрещеных остяков.

Следует здесь упомянуть, что на возвратном пути из Пелыма жизни схимонаха Феодора угрожала серьезная опасность. Князь Кошичских⁴⁴ юрт составил замысел, чтобы напасть на христианскую миссию, когда она будет возвращаться в Тобольск, и перебить миссионеров. Но замысел его не удался: сам схимонах отправился иною дорогою в Тюменский монастырь, а его сподвижники, хотя и пошли в Тобольск чрез Таборинскую волость, но с ними было много вогулов, и нападение заговорщиков было отбито.

Мы упоминали об этом случае, во-первых, для того, чтобы показать, с какими ожесточением магометане отпоялись к русским проповедникам христианства между сибирскими язычниками, а во-вторых, потому, что он послужил поводом к проповеди Евангелия магометанам Кошичских юрт и другим, жившим по среднему течению реки Тавды. Схимонах Феодор, узнав об упомянутом нападении на его сподвижников, просил тогдашнего тобольского губернатора схватить князя Кошичских юрт и допросить о причинах его злодейского поступка. Новицкий передает, что светская власть, захватив князя, наверно присудила бы его к смертной казни, если бы только схимонах Феодор не заступился за него: он упросил губернатора выдать ему князя, и когда тот был выдан, то взял его с собой, отправляясь к остякам. Во время пути схимонах Феодор беспрестанно поучал князя христианской вере и настолько успешно, что этот магометанин принял крещение. После крещения он отправил князя в Тобольск к митрополиту Иоанну. Последний, также усердный ревнитель распространения христианской религии среди сибирских иноверцев, немедленно послал новокрещенного вместе с священником на его родину для проповеди Евангелия. Расчет миссионеров оказался верным: примеру князя последовали все магометане Кошичских юрт, и в короткое время их крестилось больше 300 душ*. Третье путешествие схимонаха Феодора в землю остяков было самое продолжительное и стоило жизни трем из его спутников. Отправившись из Тобольска вниз по Ирты-

* Крат. опис. об ост. нар., стр. 90—91.

пу 12 июня 1714 года, христианская миссия чрез три дня плаванья достигла остяцких Бурейковых юрт. В прежнее время схимонах Федор почему-то обходил эти юрты, и потому здешние остяки еще ни разу не слышали христианской проповеди. Но на этот раз он высадился на берег и начал проповедовать остякам Слово Божие. Только едва, замечает Повидкий, учитель благовествования «испустил глас, тако бяху яко аспиды глухие затыкающе уши своя и в едину совокупипася юрту, ни сами от юрты исхождаху, ниже к себе внийти кому от наших полушаху». Оказалось, что в Бурейковых юртах уже действовал магометанский муэдзин, и его описание рая, который Магомет обещал своим последователям, так пленило остяков, что они согласились принять магометанство. Кроме того, муэдзин доказывал остякам, что христианство налагает на своих последователей такие тягости, которые невозможно исполнять: оно запрещает многоженство, употребление лошадиного мяса, столь любимого остяками, налагает тяжелые посты и пр. Это так ожесточило остяков против христианских проповедников, что они и слышать не хотели их проповеди. Побуждаемые магометанским учителем, остяки начали стрелять в русскую миссию из луков и пищалей и трех человек смертельно ранили. Их князь Уршанко выстрелил даже в самого схимонаха Федора и попал в живот, но Бог хранил этого пастыря: пуля изрезала все одежды, вышла наизылет, но схимонах к удивлению всех остался совершенно невредим. Этот факт засвидетельствован не только Новикким, но и самим схимонахом. Впоследствии он в своем донесении Сиводу писал: «Мене самого вдарено с пищолы под пояс, но Бог помиловал мя: пуля кругом ободрала платье, а мене не вредила»*. Несмотря на все старания, схимонаху не удалось успокоить остяков; ярость их была столь велика, что русская миссия принуждена была оставить Бурейковы юрты и плыть далее к реке Оби. После этого миссионерам везде приходилось проходить юрты остяков, уже принявших христианство в прежние их путешествия, им приятно теперь было видеть, с какою радостью встречали их новокрещенцы и с каким благоговением последние слушали поучения

* «Описание документ. и дел Св. Синода», т. II, ч. I, стр. 240.

схимонаха Феодора. Новицкий передает, что учитель поучал гражданству, которого прежде не было у остяков, христианскому добронравию и искоренял разные языческие обычаи, а особенно он восставал против неестественных, неравных браков, ибо остяки брали в жены девочек семи и восьми лет и беззаконно с ними жили⁴.

На этот раз схимонах не ограничивался одними поучениями, а по просьбе самих новокрещеных заложил три церкви в местах более населенных и удаленных от русских поселений и дал священников. Просвещая и устроля новую паству, схимонах Феодор достиг города Березова, где его уже ожидали многие остяки, собранные комендантом из разных окрестных волостей. И в Березове проповедь схимонаха имела успех: остяки Ляпинской, Сосвинской и Куноватской волостей приняли христианство. Некоторые после крещения просили пастыря, чтобы он молитвами своими защищал их от нечистых духов, почитаемых ими в идолах, так как они в прежнее время, говорили новокрещенцы, много приносили им бед. Схимонах, утвердивши в крепкой надежде на помощь Спасителя, отпустил их с миром.

Из Березова ревностный пастырь хотел было доплыть до самого Обдорска, но приближающаяся зима заставила его оставить пока исполнение этого намерения. Пославши туда священников, сам отправился в Тобольск. Однако, несмотря на продолжительное путешествие в остяцкой земле, схимонах недолго отдыхал в этом городе. Едва только началась зима 1714 года, как он уже отправился в Пелымский уезд, чтобы посетить новокрещеных вогулов и построить для них церкви. Из Пельма он перебрался в Верхотурский уезд и там многих вогулов, живших по Туре и другим рекам, обратил в христианство. На пути в Тюменский монастырь схимонах Феодор остановился на некоторое время в Туринске, и тут пребывание его было не бесследно для распространения христианства: близ живущие татары-магометане слушали его проповедь и приняли христианство. Только в конце 1714 года схимонах возвратился в Тюменский монастырь. Целых семь месяцев он путешествовал, неустанно проповедуя слово Божие сибирским язычникам и

⁴ Новицкий, стр. 94—95.

магометанам. Кто имеет понятие о тех громадных расстояниях, которые в этом году пришлось пройти проповеднику, тот не может не удивляться его необыкновенной энергии! Тем более что схимонаху Феодору в это время было уже 64 года, бывшая болезнь и неустанные труды значительно подломляли его здоровье.

В Тюмени схимонах Феодор получил царских указ, требовавший от него новых подвигов в деле распространения христианской веры между сибирскими инородцами. «Посему нашему указу (от 6-го дек. 1714 г.), — писал Петр, — ехать тебе богомольцу нашему во всю землю вогульскую и в остяцкую, и в татары, и в тунгусы, и в якуты, и в волостях их, где найдешь кумиры, кумирищи и нечестивых их чтилища и то пожечь, а их... всех иноземцев Божию помощю и своими трудами приводить в христианскую веру, и о том явить им словесно и сей наш указ сказать: и которые вогулы, остяки, татары и все инородцы крестятся, тем нашего царского давать холст ко крещению на рубахи и в яску им будет льгота*». Узнав об успехах проповеди схимонаха Феодора, Великий Петр стремился расширить сферу его миссионерской деятельности: первый указ 1710 года о крещении сибирских иноверцев имел в виду только остяков Березовского уезда, а второй уже распространился на всю Сибирь, на всех инородцев этого обширного края. Петр, конечно, знал о старости и дряхлости схимонаха и тем не менее не стеснялся возлагать на него новые и новые труды; но он сам трудился для своего отечества, не щадя сил своих, и того же требовал от своих сподвижников. И ревностный проповедник не только без ропота, но даже с восторгом шел на новые подвиги, которых требовал от него вышеприведенный указ. «Ищущие спасения человеческого, — замечает современник, — трудятся, недугуют, но не изнемогают, окрепскают, чаще текут и не утруждаются». Так и схимонах Феодор: несмотря на свою физическую слабость, едва только открылся водный путь весной 1715 года, как он уже отправляется для проповеди Евангелия к вогулам, в самую дикую страну, на реку Конду. Чрез несколько дней плаванья по Иртышу русская миссия вошла в

* П. С. З. Р. И., т. V, № 2863.

устье Конды и скоро достигла вогульских юрт Нахрачевых⁴⁶, где находились высокотимый язычниками кондийский идол. Новицкий сообщает, что этот идол был сделан из дерева, одет в зеленую одежду, лицо его обложено белым железом, а голова покрыта черною лисицей; самое капище и сидалище кондийского идола были покрыты красным сукном. Ниже его стояли другие идолы, которых язычники почитали за служителей главного кумира. Множество всякого рода жертв, как утвари, кафтанов, шкур пушных зверей и пр., лежавших в самом капище, свидетельствовало, что кондийский идол пользуется великою славою среди язычников. И действительно, его почитали за великого бога не только вогулы, но и остяки: шаманы, служители других идолов, ежегодно из отдаленных мест приходили в Нахрачевы юрты с просьбою к их князю, чтобы он отпустил к ним кондийского идола; они не щадили даров за этот отпуск в полной надежде сторицею возвратить свои расходы, собирая обильные жертвы от подчиненных.

Князь Нахрач Енглева был вместе и шаманом; по описанию Новицкого он был «злосображен, черн, горб на плечах и на плечах имеющ». Во время моления пред кумиром этот урод не произносил никаких слов, а издавал какие-то звуки «яко млад телец рыкал, последи же мизканием неким оканчиваше»; он так любил своего кумира, что находился при нем постоянно и в день по несколько раз совершал подобное моление.

Встреча русской миссии в Нахрачевых юртах не предвещала ничего хорошего. Когда схимонах Федор отправил к собравшемуся народу и Нахрачу Енглеву послов с приветствием, то получил такой ответ: «Мы знаем причину вашего путешествия; лестию хотите отратить нас от древней нашей веры и искони почитаемого нами помощника разорить и уничтожить, но напрасно трудились: здесь все головы свои положим, но этого сделать не допустим». В первое время никто из вогулов не подходил к русской миссии и никого из русских не допускали к себе, а стояли толпою около капища, озлобленные и вооруженные. Однако такие отношения продолжались недолго; сначала поодиночке, а потом и по несколько человек разом вогулы являлись на дощаник схимонаха Федора. Проповедник всячески ста-

рался расположить к себе язычников, приветствовал их с кротостью и любовью. Но когда он стал говорить им об оставлении идола, то язычники отвечали: «Никогда не будет того, чтобы мы оставили кумира, искони почитаемого нашими отцами и праотцами. Если же у вас есть царское повеление, чтобы наших идолов и капища разорить, то молим вас — наложите лучше на него дань, как было во времена Ермака, который брал в год по три рубля; ныне же мы увеличим эту дань и ежегодно будем платить по четыре рубля, только не исполняйте царского повеления». На этот ответ язычников схимонах Феодор сказал такую речь: «Горе вам! Сатана так ослепил вас, что благодать, туне даруемую вам, отвергаете, а погибель вечную всему вашему роду хотите приобрести ценою. Но сатана уже удовольствовался погубелью душ отец и праотцев ваших, когда они столь долгое время пренебрегали своим спасением и были оставлены, как погибшая тварь. Ныне же Господь воззрел на вас; Тот, Кто в руке Своей держит сердце царево, побудил его быть вашим спасителем, вложил в его сердце искать не дань мерзкой и безстыдной, но спасения ваших душ. И мы не будем столь безумны, чтобы взять погубительную цену ваших душ — эти четыре рубля; души ваши стоят дороже, потому что они искуплены кровию Господа нашего и я не хочу допустить вас до вечной гибели». Хотя, может быть, язычники и мало понимали смысл этой речи, но тем не менее она произвела на них сильное впечатление: они поколебались, и «ревность их по нечестии и зловерию, — замечает Новицкий, — начала умаляться». И вот спустя некоторое время вогулы прислали к русской миссии своих старшин для уговора о том, как и на каких условиях приступить им к благочестию. После объявили такое решение своей братии. «Повинуемся, — сказали они, обращаясь к схимонаху, — указу и повелению государя. Также и твоего учения не отвергаем, но только молим вас, во-первых, не презирайте и нашего с столь давних лет отцами и праотцами почитаемого кумира, и когда соизволите крестить нас, то и шейтана нашего окрестите крестом паче нас честнейшим, златым. Тогда мы постараемся поставить на свой счет церковь и в ней между иконами, посреди, поставим и нашего идола; во-вторых, да не будет нам запрещения есть лошадиное мясо,

которое столь приятно нам, что мы скорее готовы лишиться жизни, чем отказаться от этого приятного кушанья. Молим также вас — не разлучать нас с нашими женами и впредь не возбранять многоженства; жен наших отнюдь не крестить нашим священникам, но мы сами окрестим каждый свою жену и положим кресты. Если все это позволено нам будет, — сказали в заключение вогульские послы, — то мы принимаем вашу веру и ваш закон».

Предложения вогулов не могли не возмутить христианина, и схимонах Феодор в своей пространной и горючей речи старался доказать вогульским старпинам всю бессмысленность этих предложений, противность их христианскому учению. А в заключение сказал: «Если вы хотите быть с нами, братьями и сынами церкви, то оставьте свои противные басни, повинуйтесь нашему наставлению и нашим христианским учениям». Выслушавши эту речь, вогульские послы отошли к своей братии. Когда же вогулы узнали ответ на их предложения русских проповедников, то пришли в страшную ярость. Им казалось, что выдуманные ими условия, при которых они хотели принять христианство, столь легки и удобоспокойны, что схимонах Феодор непременно согласится на них, и когда услышали от своих послов противное, то стали всячески поносить русскую миссию и грозили ей убийствами; ярости их не было пределов. Русские проповедники пришли в отчаяние и не ждали здесь никакого успеха; не отчаивался только глава их — схимонах Феодор и предсказал своим сподвижникам скорое обращение язычников. Действительно, спустя некоторое время в дощаник русской миссии приходит один из вогульских старшин и высказывает желание сподобиться крещения. Он был окрещен и с приличными наставлениями отправлен к своей братии. Этот первый новокрещенец из кондийских вогулов, как видно, был человеком влиятельным среди своих соотечественников и, явившись к последним, смело стал укорять их за сопротивление. «Зачем вы, — говорил он вогулам, — противитесь царскому повелению и отвергаете христианскую веру: знайте, что за непослушание прогневаются Бог, и Государь пошлет войска истребить нас вконец и земля наша запустеет; повеление царево страшно и неслушающие его достойны смерти».

Эти слова новокрещенца произвели раскол среди язычников: одни стали на его сторону и решили принять христианство, другие укоряли старшину в измене и ни за что не хотели креститься. Были и такие, которые соглашались принять христианство, но с тем условием, чтоб их кондийского идола не сжигали. «И бысть, — передает современник, — весь день и ночь молва и прение». Но утром на другой день все собрание вогулов явилось к схимонаху и сказало: «Делай с нами, что хочешь, чтителища и кумиры разоряй!». Схимонах вышел из дощаника на берег, поучал их истинам христианской веры и, подготовив таким образом к крещению, начал было уже совершать таинство. Но в это время явился Нахрач и закричал вогулам: «Бойтесь, друзья! когда начнут вас мазать, то не допускайте этого, то есть волшебство христианское; а когда будут стричь ваши волосы, то вырежут мужество из ваших душ». Эти предостережения шамана так подействовали на язычников, что когда священники начали совершать над ними помазание, то они подняли возмущение и убежали в свои юрты. Немало стоило усилий русской миссии снова убедить вогулов и собрать их для продолжения над ними таинства крещения. Когда же пришло время погружать новокрещенцев в воду, то они сами бросились в реку и, окунувшись столько раз, сколько кому заблагорассудилось, подходили затем к священнику со словами: «поп, клади на меня крест, я уже окрещен». И опять священникам пришлось убеждать вогулов, что так делать не следует, что нужно совершать обряд так, как установила церковь. Усилия, наконец, окончились успешно, таинство крещения было совершено по чину. Шаман еще раз пытался поднять возмущение среди вогулов, прибежал к реке и начал силою отгонять их от крещения. Но на этот раз Нахрач сам едва не поплатился жизнью: вогулы с яростью бросились на него и убили бы его, если бы он не спасся бегством. Спустя некоторое время шаман прислал к русской миссии своего сына сказать, что если «сам архиерей меня окрестит, то и я приму крещение». Нечего делать, пришлось уступить представителю язычества, схимонах Феодор сам совершил над ним таинство крещения.

Когда вогулы Нахрачевых юрт были крещены, то схимонах предложил им угощение. А после трапезы сказал

повокрещенцам: «Следует истребить нашего истукана, да не будет скверное посреди нашего собрания, ибо вы уже чисты». Это предложение вызвало страшное негодование со стороны вогулов и произвело между ними распрю: одни соглашались на уничтожение кондийского идола, а другие восстали против этого и говорили, что лучше отнести его в какие-нибудь пустые и непроходимые места. Спор продолжался очень долго, и только наступившая ночь прекратила его. Но на другой день миссионеры узнали, что старый кондийский идол украден, а на его месте поставлен был другой. Этого последнего вогулы отдали на сожжение и только молили: «Да не пред нашими глазами будет он сожжен». Когда же русские взяли идола на дощаник и поплыли на другой берег, чтобы там сжечь его, то язычники с плачем провожали своего бога и кричали: «Пойди Боже наш, попал в руки немилостивых русаков».

От Нахрачеевых юрт русская миссия поплыла далее и скоро достигла юрт Катышевых. Здесь явился к миссионерам посланник одного кондийского князя Сатыги, о котором мы упоминали выше, и просил именем последнего, чтобы они постыпились к его юртам¹⁴. Где уже собралось множество вогулов для принятия крещения. Нечего уже говорить, с какой радостью русская миссия приняла это предложение, но только радость эта была непродолжительна, скоро оказалось, что Сатыга хотел только заманить русских в свои юрты и там всех их перебить. И если замысел его не удался, то благодаря только перебежчикам, которые вовремя предупредили русских миссионеров о грозившей им опасности от князя Сатыги. Уже на пути к последнему к ним явились некоторые вогулы и передали, что князь их имеет дурной замысел — намерен напасть на русских нечаянно и всех предать смерти. Это известие, рассказывает Новицкий, так испугало нас, что мы уже ринулись было бежать восвояси». Но на совете один из миссионеров сказал: «Если мы начнем бежать, то и те, которые уже крестились, возстанут и побьют нас; поэтому лучше предать себя воле Божией и идти вперед». Этот совет был принят, и русская миссия во главе схимонаха Феодора смело отправилась в юрты Сатыги. Может быть, эта смелость и принятые меры осторожности так смутили Сатыгу, что он не осмелился открыто напасть на русских, хотя и

имел множество вооруженных людей. А разные коварства и хитрости, которыми он хотел погубить русских миссионеров, не имели никакого успеха, так как вогулы предупреждали их о всех замыслах своего князя. Наконец сами подчиненные Сатыги подняли против него бунт. «Ты беспишся, — говорили они ему, — и хочешь сотворить брань с государем; но ты сам погибнешь и нас погубишь». Князь, видя, что оставлен своею братией, убежал в свое жилище и более уже не решался предпринять что-нибудь враждебное против русских миссионеров. После этого миссионеры занялись своим делом, поучали вогулов христианскому учению и многих из них крестили⁴.

Едва только схимонах Феодор возвратился из путешествия по Конде в Тобольск, как к нему прислан царский указ, возлагавший на него новые обязанности. Летом 1715 года умер Сибирский митрополит Иовни, и Петр Великий упомянутым указом поручал ему вновь Сибирскую митрополию. Вступивши на митрополичью кафедру, схимонах Феодор с прежнею энергией и самосовершенением занимался миссионерской деятельностью в Сибири. Уже в следующем 1716 году мы видим его в Сургутском уезде в качестве проповедника христианства тамошним остякам, и здесь его миссионерская деятельность была столь же успешна, как и в других уездах: в течение лета и осени этого года он обратил в христианство до 3500 душ обоего пола и в нескольких инородческих волостях Сургутского уезда положил основание православным церквям.

В 1717 году схимонах Феодор, отправив некоторых священников и монахов в уезды Нарымский и Кетский для проповеди Евангелия тамошним остякам, сам предпринял путешествие с тою же целью на самый крайний север Сибири, к обдорским остякам. Поводом к этому путешествию послужили грабежи и убийства, которыми обдорские язычники мстили своей братии, березовским остякам, за обращение к христианству. Положение новокрещенцев-остяков волостей Ляпинской, Сосвинской, Куноватской и др. было в это время ужасное: они с первого же года своего обращения начали терпеть нападения, с одной стороны, от языч-

* «Крат. опис.» Новицкого, стр. 98—109.

ников-самоедов, а с другой, от своей же братии остяков обдорских, и эти нападения сопровождались разорениями, убийствами и самыми варварскими истязаниями. Может быть, набегі самоедов на новокрещенных остяков и не имели связи с религиозными делами, но обдорские язычники, несомненно, мстили им за измену язычеству, и князь их сам это высказывал. Уже в 1714 году некоторые волости Березовского уезда заявили березовскому воеводе, что пустоозерская самоея, переправившись чрез Уральский хребет, напали на Чурупские юрты, ранили нескольких остяков и угнали их оленей и «хотят де воровская самоея идти по Сылве и в Ляпин и разорить ясачных остяков»*. Воевода не обратил внимания на это заявление, не предпринял никаких мер для защиты ясачных людей, и потому самоеды совершенно безнаказанно опустошали Ляпинскую волость. В 1716 году новокрещенцы этой волости жаловались царю, что воровская пустоозерская самоея пограбила у них имущества на 300 рублей и угнала целое стадо оленей в 300 голов; да кроме того, самоеды убили трех остяков, а несколько человек поймав, переломали им руки и ноги и взяли с собой. «А теперь снова хотят, — читаем в челобитной тех же новокрещенных, — придти в Ляпинскую волость, последние наши живыот пограбить и нас с женами и детьми побить до смерти»**. Челобитчики просили защиты, просили отыскать пограбленное у них имущество и возратить им. Но молба их была напрасна: в следующем году они испытали еще более жестокий погром от обдорских остяков и самоедов. Об этом мы узнаем из челобитной новокрещенного князя Ляпинской волости Семена. По его словам, главным виновником погрома был обдорский князь Гыдин, который, чтобы отомстить новокрещенцам за измену язычеству, наслал на них самоедов и брата своего Микишку. «И говорил он той воровской самоея и брату своему: где-де увидите ляпинского князя Семена и его подымите на коня, а крови-де его на поле не роняйте, тут-де и смерти его предайте для того, почему-де он прежде нас крестился? А нам от того, — жалуетс ляпинский князь, — великая беда

* Пам. сбб. иер. XVII в., кн. 2, № 9.

** Ibid, № 32.

приключилась: над женами и детьми нарутались и в снег бросали для того, что они доведывались пожитков — и все без остатка пограбили». В этот набег самоеды и остяки, не довольствуясь грабежами и убийствами, подвергали новокрещенцев таким варварским поруганиям, о которых даже неприлично говорить в печати^{*}. Другие волости новокрещенцев также страшно пострадали^{**}. Язычники были столь ожесточены распространением христианства, что решились поднять общий бунт против господства русских; в 1716 году сургутский воевода писал, что самоеды в числе 100 человек приезжали в Сургутский уезд и подговаривали здешних остяков напасть на Сургут и Березов, завладеть этими городами и градских людей перебить^{***}.

Получив такие печальные вести о положении новокрещенцев в Березовском уезде, схимонах Феодор решился помочь горю. Он не мог не сознавать, что подобная месть язычников может довести новокрещенцев до отчаяния и заставить их снова обратиться к язычеству; да кроме того, самое существование язычества около «нового вертограда Христова» могло соблазнительно влиять на новообращенных, еще не утвердившихся в истинах новой религии. И вот в 1717 году схимонах Феодор предпринимает путешествие к обдорским остякам с целью обратить последних в христианство и тем избавить новокрещенцев в Березовском уезде от их мести. Сметская власть вполне сочувственно отнеслась к этому намерению митрополита Сибирского; березовскому сыну боярскому Полтыреву послан был царский указ с повелением немедленно выслать в Обдорск и приготовить там все к приезду преосвященного. Он должен был объявить обдорским остякам, чтоб они никуда не разъезжались, а собрались все в городе Обдорске^{****}. Несмотря на эти меры, путешествие Сибирского митрополита к обдорянам кончилось ничем. Мы выше упоминали, что еще в 1714 году схимонах Феодор из Березова отправил монахов и священников в Обдорскую область для крещения тамошних язычников, но миссионерская их деятельность не име-

* Ibid., № 52.

** Ibid., № 46.

*** Пам. сб. и. XVIII в., кн. 2, № 32.

**** Ibid., № 50.

ла никакого успеха. Также была безуспешна и проповедь самого схимонаха в 1717 году: обдорцы с необыкновенным упорством держались язычества, и никто из них не принял христианства. С великою скорбью схимонах Феодор оставил этих упорных язычников и в том же году возвратился в Тобольск. В 1719 году Сибирский митрополит решился обозреть свою огромную епархию и с этой целью предпринял путешествие, продолжавшееся около двух лет. В начале этого года, несмотря на зимнее время, схимонах Феодор в сопровождении нескольких духовных лиц выехал из Тобольска. За неимением материала мы не можем говорить подробно об этом необыкновенном путешествии, а упомянем только о его результатах. Уже в марте 1719 года схимонах Феодор благополучно достиг города Енисейска. В письме его к енисейскому коменданту Беклемишеву читаем следующее: «Велено нам быть для крещения иноземцев во всех сибирских городах... и ныне по прибытии в Енисейск на раздачу тем иноземцам, которые будут креститься, надобно: 2000 аршин холста, 1000 медных и оловянных крестов, 60 пудов соли и пуд савицу»*. Судя по количеству разных предметов, которые требовал схимонах для подарков новокрещеным, можно думать, что он рассчитывал на большой успех христианской проповеди в Енисейском уезде. Однако надежды его не оправдались; тут миссия встретила неодолимые препятствия: тунгусы, населявшие Енисейский уезд, отличались особенною дикостью между сибирскими инородцами, преданы были язычеству, а главное — они постоянно перекочевывали с одного места на другое, уходя на самый крайний север. Их невозможно было собрать в определенное место и еще менее возможно было угощать за ними; даже месячным сборщикам не всегда удавалось найти тунгусов, чтобы собрать с них ясак. Тем не менее начало распространения христианства среди тунгусов положено было при митрополите Филофее. Еще в 1710 году один из тунгусских князей принял христианство и после крещения ездил в этом году в Петербург. Сам митрополит, будучи у тунгусов в 1719 году, вероятно, успел крестить несколько этих дикарей; по крайней мере несомненно то, что он вхо-

* Пам. сиб. ист. XVIII в., кн. 2, № 54.

дид с ними в сношение, крестил 8-летнего тунгуса, который впоследствии при митрополите Антонии был иподьяконом.

Из Енисейска схимонах Феодор поплыл вниз по течению реки Енисей и достиг Мангазеи, или Туруханска. Здесь уже проповедовали слово Божие монахи и священники, посланные тем же преосвященным; мы не знаем, насколько успешна была их проповедь, но во время пребывания там схимонаха Феодора все туруханские остоки приняли христианство. Освидетельствовал в Туруханске мощи Василия Мангазейского³¹, перенесенные туда из Старой Мангазеи в 1670 году старцем Тихоном*, преосвященный Феодор поплыл назад в Енисейск. Отсюда он отправился в Иркутск и побывал во многих других местах Сибири; везде он заботился об устройстве своей митрополии и о распространении христианства между разными «идолопоклонниками, буддистами и магометанами».

Только в 1720 году схимонах Феодор возвратился в Тобольск. Это далекое и продолжительное путешествие не могло не отразиться губительно на здоровье схимонаха Феодора. Он прибыл в Тобольск уже больной и немедленно просил Петра об увольнении его на покой. Вместе с тем преосвященный доносил, что во все время своей миссионерской деятельности он обратил в христианскую веру до 30 т. сибирских инородцев обоего пола и устроил для новокрещенцев более 30 церквей. Петр Великий грамотой от 15 сентября 1720 года «за достохвалыные труды в проповеди Слова Божия объявил ему свое благоволение и милостиво похвалил его»³². Ос-

* Святость Василия Мангазейского чтится только в Сибири, но православная церковь не причисляла его к лицу святых, ибо сведения относительно личности этого человека слишком неопределенны. Еще в 1659 г. архиепископ Симеон отправил в Мангазею дьякова Богоявленской церкви Ивана провозвести «досмотр» мощей Василия. Освидетельствование мощей произвел дьяконом Иваном, двумя мангазейскими попами и воеводой Ларионовым. Приготовившись к этому делу недельным постом, досмотрщики в назначенный день, чистым в докладе митрополита Корнилия, «после литургии молебствовали с подошедшим и гробницу досматривали; и та же гробница вся вышла наверх земли и гробница де вся цела, только немного почернела. А в гробнице мощи: глава и руки и ноги и все человеческое подобие по обычаю — *только де кисти, а плоти на них нет — изгнана*...». См. статью Оглобина в Чт. Об. за 1890 г.

³² Ж. М. П. Пр. 1864 г., ч. 52, отд. V, стр. 91.

тавивши митрополичью кафедру, схимонах Феодор поселился в Тюменском монастыре, где и прожил до конца своей жизни. Но заботы его о сибирских инородцах не прекратились. Заклучившись в келью, схимонах Феодор теперь все свое время прилагал к утверждению христианской веры между новокрещенцами. Последних он называл «новосаждевыми древами, требующими частаго острбления и охрания пока не укоренятся совершенно». И действительно, если легко было крестить инородцев, то утвердить этих полудиких людей в новой вере было чрезвычайно трудно; для этого требовались особые, постоянные попечения. Что же делал в этом отношении схимонах Феодор?

Мы выше упоминали, что с самого начала утверждения русских в Сибири христианство принимали многие инородцы и на всем пространстве завоеванного края. Но как легко крестились, так же легко и снова обращались к язычеству, и главным образом потому, что правительство не строило в их волостях церквей и им трудно было выполнять христианские обряды и таинства, когда церковь, к которой приписывались новокрещенцы из инородцев, отстояла от них иногда верст на сто и на двести. Схимонах Феодор понимал это неудобство и употреблял все старание к тому, чтобы построить для новокрещенцев церкви в их волостях и дать им особый церковный причт. Это, конечно, требовало больших материальных средств, но Петр Великий оказывал в этих материальных делах всякое содействие схимонаху Феодору. Еще в 1713 году, получив весть о первых успехах его проповеди между обскими остяками и просьбу об основании церквей для новокрещенных, он дал указ тобольскому губернатору, которым повелевал: «новокрещеным остякам в каждой волости построить на казенный счет по церкви и священникам, которые будут при тех церквях, давать жалованье — денег по 10 р. и хлеба по 7 четвертей на год». При этом он предписывал губернатору «все-конечно приложить труд и сделать церкви»; да Казанскому митрополиту велено давать из неокладных доходов по 1000 рублей на постройку инородцам церквей, приобретение церковной утвари и подарки новокрещенцам**. Благодаря этим

* Пам. сиб. ист. XVIII в., кн. 2, № 3.

** П. С. С. Р. И., т. VI, № 3637.

средствам схимонах Феодор во второе путешествие к обским осякам заложил четыре церкви: в Белогорье, Сухорукове, Мадом Атлыме и в Шоркалах. И затем везде, где только инородцы принимали христианство, он основывал церкви и назначал для них священников. Из донесения схимонаха в 1720 году видно, что таких церквей построено им более 30, а в 1637 году митрополит Антоний¹² писал Святейшему Синоду, что схимонах Феодор основал для инородцев 37 церквей. Высокое жалованье¹³ священникам инородческих церквей назначалось с той целью, чтобы они не отягчали новокрещенцев поборами и тем не отвращали их от христианства.

При митрополите Антонии в 1726 году приказано было священникам под опасением штрафа и жестокого наказания не брать лишних наборов за совершение треб «дабы они теми лакомствами не чинили новокрещенцам в вере развращения» и установлена определенная такса за совершение треб: за венчание по гривне, за погребение больших по гривне, а малых по 5 к., за совершение таинства крещения по 3 к., за молитвы роженце по 2 к., за сорокоузные молитвы по 2 к., «а прочее от сорокоустов и молебнов оставляется в полное произволение подающих и то, что похочет от своего добротства полати, том да даст»¹⁴.

Теперь новокрещенные инородцы могли удовлетворять свои религиозные потребности в православных церквях, исполнять христианские обряды и просвещаться христианским учением поучениями местных священников. Что инородцы чувствовали потребность в таком просвещении, об этом можно судить по одной очень интересной челобитной, которую посылали Петру Великому новокрещенцы Кошущих волостей. «Князцы Иван Григорьев и Семен Петров бьют челом. Крестились они в православную веру своею волей, а поучиться им не от кого, для того, что Кошущкая волость отстоит далеко и при той волости селения русских людей нет никакого; и для науки пожелали они, чтобы русские крестьяне Тагильской волости, Верхотурского уезда переселились к ним, а последние и сами того жаждут». Причем

¹² Священникам в русских селах в то время давалось жалованья 5 р. денег и 5 ч. хлеба, и значит, священникам инородческих церквей жалованья было вдвое более.

¹⁴ «Тоб. губ. вед.» 1866 г., № 10.

челобитчики обязывались для русских переселенцев отвести из своих владений пахотную землю и покосы и уплачивать за них в казну оброчные деньги. «И великий государь пожаловал бы их, велел для науки православной христианской веры и познания дней и праздников Господних учинить указ». Петр пожаловал и разрешил тагильским крестьянам — 8 семействам переселиться в Кошунскую волость*.

Преемник схимонаха Феодора митрополит Антоний в своем дознании Святейшему Синоду писал, что «где новокрещенцев случалось видеть, те держатся православной веры; только треба утверждать оных...». То есть ходят в храмы Божии, исполняют христианские обряды. Но в то же время и держатся и старых языческих обычаев, вошедших в их кровь и плоть. Со всех сторон Антоний получал донесения о господстве этих обычаев среди новокрещенцев. Так, архимандрит иркутского монастыря Порфирий доносил митрополиту, что новокрещенные иноземцы покупают и продают венчанных жен, продают дочерей и берут калым, иные живут невенчанными, и пр.**.

Из Сунгута доносили, что «инок Василь Матвеев ныне еще держит у себя бубны, призывает к себе шамаников и шаманит, что он не дает своих дочек крестить...»***. Из Нарыма писали, что «новокрещенцы едят лошадей, медведей, белок и иных зверей, а священник тамошний очищает их молитвой и ничем их не наказывает»****.

Борьба с языческими обычаями и кривдами была самым трудным делом, только просвещение могло искоренить оные, но для просвещения инородцев требовалось время. Схимонаху Феодору принадлежит почин и в этом деле: он брал у инородцев детей и обучал их в тобольской школе. Некоторые из этих учеников были впоследствии причетниками и даже священниками в инородческих церквях. Для надзора за жизнью новокрещенных тот же пастырь установил «заказчиков или надсмотрщиков»: последние обязаны были следить, чтобы новокрещенцы не изменяли новой вере, посещали храмы Бо-

* Пам. сиб. ист., кн. 2, № 49.

** Тоб. губ. вед. 1866 г., № 10.

*** Тоб. губ. вед. 1866 г., № 12.

**** Ibid.

жи, не ели всякой скверны и вообще жили по-христиански. Таковые обязанности исполнял в Березовском округе Г. Новичий, составивший «Краткое описание об остяцком народе», а после его смерти* — один пленный швед, прапорщик Эск. «Закащниками» назывались и некоторые священники; так, в Нарымском и Сургутском округах исполнение этой обязанности возложено на попа Сидора Иванова. Ему предписывалось время от времени объезжать эти округа, наставлять новокрещенцев в христианской вере, жечь идолов, наказывать инородцев за употребление в пищу зверей и пр. Из дела о нем, напечатанного в «Том. губ. вед.» за 1866 год, видно, что он ревностно исполнял свои обязанности. Ему по указу митрополита Феодора сибирские коменданты должны были выдавать проезжие грамоты на даровые подводы во всех тех местах, которые ему пришлось бы обозрывать. Таких грамот сохранилось несколько, и даты их показывают, что священник Сидор часто обозревал инородческие волости. В заботах о крещении инородцев и утверждении их в христианской вере схимонаху Феодору приходилось вести жестокую борьбу с магометанскими учителями и еще более — с русскими светскими властями в Сибири, которые, как увидим сейчас, были главными противниками святого дела этого просвященного.

Мы выше упоминали, что жизнь схимонаха Феодора и его спутников во время путешествий к инородцам не раз подвергалась опасности. На следствиях оказывалось, что главными виновниками возмущения язычников против русской миссии были магометане. Их духовные уже давно ревностно занимались в Сибири пропагандой учения Магомета, и когда среди язычников явилась христианская миссия, то они прибегали ко всяким средствам, чтобы возбудить у инородцев недоверие к ней. Возмущение Саяги, кондийского князя, против русских миссионеров исходило, по свидетельству Новичьего, от «некогого магометанина, пришедшего из Тобольска и глаголюща: Аз, рече, сам видех царское повеление во граде прибито, в нем же государь повелевает, кто убьет архиерея, не будет за то ему казни»**. А из донесений Святейшему Синоду самого схимонаха Феодора оказывается, что и заговор кошуцких магометан против русской миссии и воору-

* Он был убит остяками.

⁵⁵ Новичий, стр. 108.

женное нападение на нее в Бурейковых было делом магометанского муллы, жившего в Тобольске. «Есть», — читаем в донесении 1724 года, — в Тобольске начальный татарин Сабанак, тот посылал к осякам своих абизов (муздинов) и велел, чтобы абизы научили осяков некрещенных, дабы нас позабывали до смерти: указ-де прислан государев убить архиерея... Пойманы были те абизы и дали сказку, что-де нас Сабанак послал осяков помутить, чтобы архиерея убили». Если, говорит схимонах, взять того Сабанака с братом на вечное житие в С. Петербург, то можно было бы всех татар крестить, «а то он Сабанак великое препятствие чинит крещению». На основании этого донесения Св. Синод постановил взять начального татарина из Тобольска*. Но Сабанак был такая *persona grata*¹⁹ в Тобольске, такое имел покровительство со стороны тамошних светских властей, что для него указы Св. Синода равно ничего не значили, он продолжал делать самые возмутительные вещи, и все ему проходило безнаказанно. В донесении Св. Синоду в 1726 году читаем следующее: «Татары подвизаются к новокрещеным и, смущая, велит именем своего пачалыка Сабанака церквы жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побрясать и старую веру держать. Они ж абизы, не ведомо по какому указу, многих осяков пообрезывают, а около Тобольска и крещенных коснулись, и размножают свою проклятую веру». Напоминая снова о нападении на русскую миссию в Бурейковых юртах и объяснив, что виною этого злодейства были Сабанак и его абизы, схимонах Федор замечает, что и «ныне они не перестают пакости чинить, а увяты их некому, ибо у судей исполнены руки маздою и всем потакают». Читая такое донесение о поступках магометан, право, подумаешь, что это творилось не в Русской православной империи, а в каком-нибудь магометанском государстве! Нечего уже и говорить, что жалобы схимонаха Феодора были гласом вопиющего в пустыне и оставались без последствий для Сабанака и муздинов. Правда, Св. Синод писал об этом Сенату, Сенат — Тобольской губернской канцелярии, канцелярия передавала дело об «абизах» надворному суду, а последний оставил его без всякого рассмотрения**.

* «Опис. докум. и дел Св. пр. Синода», т. II, № 157.

** «Опис. докум. и дел Св. пр. Синода», т. IV, стр. 253.

Если далее обратим внимание на отношение светских сибирских властей к делу инородцев, то еще более будем поражены, чем поступками магометанских духовных лиц. Читатель, пожалуй, не поверит, но то верно, что сибирские светские власти были самыми сильными противниками распространения христианской веры между сибирскими инородцами. Мы сами отнеслись бы к этому мнению скептически, если бы основанием для него не были донесения схимонаха Феодора, которого уж никак нельзя заподозрить во лжи. Петр Великий, заботясь о распространении христианской веры, давал, кроме подарков, разные льготы новокрещенцам. Так, один его указа гласил: «которые новокрещенные разных народов люди восприяли православную греческого закона веру, или которые впрямь восприимут... тех во всяких государственных сборах и в изделях давать льготы на три года, дабы тем прельщать к восприятию веры греческого закона лучшую охоту». Такой же смысл имело постановление, что холопы, принявшие христианство, делаются свободными и могут жить, где пожелают; с новокрещенцев по миновании трех льготных лет не велено брать никаких других податей, кроме ясака. Как же относились к этим правительственным распоряжениям сибирские власти? Команданты с новокрещенцев собирают не только ясак, как с каждого инородца, но и подушную подать, которую платили только русские*; «коменданты, — доносил схимонах Феодор, — новокрещенных обирают всячиною; они же коменданты нападками на новокрещенных князей нападают и бьют их невинно». Но это только косвенные меры со стороны комендантов к сокращению новокрещенцев к идолопоклонству; из того же донесения оказывается, что коменданты православные прямо приказывают им жить «по прежним правам поганским», т.е. обращаться к старой вере. Святейший Синод требует от комендантов «сатисфакций» — зачем они некрещеным прельщают принимать крещение «плаче же и крещенных развращают». На подобный запрос Синод, вероятно, не получил никакого ответа. Но, кажется, можно дать единственное объяснение упомянутым поступкам сибирских комендантов: им легче было эксплуатировать, обирать некрещеный люд, чем христиан. Не лучше комендантов поступал с новокрещеными и Тобольский надвор-

* «Чт. Об. ист. и др.», 1863 г., кн. 4, отд. V, стр. 51.

ный суд, последний просто торговал новокрещенцами, распродал их и русским людям, и даже некрещеным татарам. Еще в 1724 году схимонах Феодор жаловался: «Татары, которые без кабал жили и работали год по 15 и более у своих некрещенных татар и отпешд крестились, а теперь по челобитью татар судии надворные судят отдать татарам некрещеным, чтобы они попродали русским в холодство». Синод ничего не ответил на этот пункт жалобы схимонаха⁶. Тогда последний отправил к генерал-майору Генину⁷ «цыдулку» и при ней доношение на Высочайшее имя с жалобою на судей Тобольского надворного суда. «Доносу на судей надворных в Тобольске, в которых и со свечю не выискати правды. Нигде не слышно, чтобы крещенных безкабальных татар отдавать некрещеным татарам и велел продавать, и распродано душ 13, а ценою буде не все, пополам поделились, кроме взятков. Пожалуй, превосходительство твое, донеси тую христианам новокрещеным бедность и разорение, а судейское лукавство Его И.В., — негли Бог даст ему на сердце призрети на людское воздыхание и слезы». А в самом донесении Петру схимонах Феодор, упомянув о крещении массы язычников и о том, что уже стали приходить креститься магометане, пишет: «Но татары, хотя оному крещению воспятати, чтобы от них никто не крестился, били челом в Тобольском Надворном Суде судьям, будто-то от них татар, холопы кабальные поуходили и крестились, а кабал на тех холопей не показали; и тем лживым татарским словам надворные судьи поверя, указали новокрещенных отдать татарам и продать кто купит и распродано душ с 13, чем учинены Его И.В. грамоте противность, христианской вере поругание, церкви святой соблазн».

«Противность» серьезная: царские грамоты предписывали сибирским властям даже кабальных инородцев, если они обратятся в христианство, делать свободными, а надворный суд свободных, людей после крещения, «обачаща их в холопы, распродала». Из этого выходило то, что принятие свободным инородцем крещения грозило для него рабством. Кто ж из инородцев после этого мог пожелать принять христианство?! Генин не успел передать Петру донесения схимонаха Феодора, и дело о продаже новокрещенцев Тобольским надворным

⁶ «Опис. докум. и дел. Св. Синода», т. 11, стр. 157.

судом кончилось при его преемнице только в 1726 году. В правительствующем Сенате 28 августа этого года состоялось следующее решение: «Татар и прочих иноверцев, которые крестились и приняли православную веру греческого исповедания, а от Надворного Сула или других судей отданы иноверцам, по прежнему, или как перепроданы, те не точию б что они свободные и безкабальные их были, но хотяб какие и крепостные, однакож, не смотря ни на какая их крепости, без всякаго изъятия, мужеск и женск пол возвратить и учинить свободных, а которые из тех новокрещенных кому перепроданы, и за таких на тех, кто перепродавал, возвратить тем, кто купил, данные их деньги». Постановив это решение, Сенат указал произвести следствие относительно продажи 13 новокрещенных надворным судом. Судьи написали оправдание, отрицали обвинение схимонаха Феодора и просили «оборонить» их на будущее время от таких порицаний, какие «добрым людям безчестно принять». Но на этот раз поступки тобольских судей не остались безнаказанными. Расследованием губернской канцелярии и архиерейского приказа вполне была доказана виновность надворного суда в продаже 13 человек новокрещенных инородцев. На основании этого следствия тобольский губернатор Долгорукий¹⁵ и митрополит Антоний постановили: «помянутых перепроданных новокрещенных инородцев учинить свободными и дать свободные паспорта, чтоб нигде не кабалить и в неволе не держать, а судьях Надворного Сула... и по других, кто к тому делу явились приличны, за неправое вершение дела доправить 103 р. 50 к. на уплату тем, кто купил новокрещенцев и столько же в пользу новокрещенных, в награждение за причиненное им разорение, да 7 р. 5 к. пошлши, всего 221 р. 10 к.»¹⁶.

Так относились сибирские власти к святому делу схимонаха Феодора: не лучше они поступали и с ним самим. Петр Великий в 1720 году приказал тобольскому губернатору выдавать этому преосвященному ежегодную пенсию — 200 рублей денег и 50 чет. хлеба, но из одного донесения его видно, что губернатор не давал ему на пропитание ни копейки денег и ни зерна хлеба. «И о себе прошу призерения, — писал схимонах в 1724 г. Святейшему Синоду. — Изнемог и состарел

¹⁵ «Опис. docum. и дел. Св. Синода», т. IV, стр. 253.

ся... а как жить, чем кормиться в Сибири, не знаю... Велено мне давать на пропитание до кончины моей по 50 ч. муки, да 200 р. денег ежегодно, но господин губернатор отказал и живу бедно в таком монастыре, который не имеет ни одного крестьянина. Было крестьян 56 дворов и их губернатор взял на государя, а за тех крестьян велено давать в монастырь жалованье: ржи по 100 ч. на год, на церковные потребности по 50 руб., братии на одежду по 60 р., да на соль по 30 р., но того уже четвертый год ничего не дают. И так -- ни крестьян, ни жалованья*». Такова была награда этому преосвященному за его великие подвиги; ему теперь приходилось почти умирать с голоду, нуждаться в куске хлеба! С первого взгляда кажется невероятным, чтобы сибирские власти осмеливались не исполнять даже грозные указы Петра, тем не менее на деле было так. В Сибири давно привыкли думать, что «до Бога высоко, а до царя далеко», а потому сибирские губернаторы — эти новые сатрапы — управляли этим отдаленным краем точно так же, как и прежние воеводы, т.е. «по своему высмотру, или как Бог на душу положит»; даже казнь первого тобольского губернатора при Петре Великом для них не послужила блатным уроком. Петр Великий указам приказывал сибирским губернаторам давать новокрещеным разные подарки, но схимонах Феодор в 1724 году жаловался, что в прошлом году крестилось инородцев до 200 человек, а тогдашний губернатор «на дачу им» ничего не дает.

Все это мы говорили к тому, чтоб показать, что схимонах Феодор, и заключившись в тесную келью Тюменского монастыря, ревностно заботился о новокрещенцах, об утверждении их в новой вере; он является их единственным защитником от сибирских светских властей, которые не только грабили новокрещенцев, но и совращали их «в прежнее злочестие». Следует также заметить, что после 1720 года делом христианской миссии в Сибири по-прежнему заведовал схимонах Феодор; все указы и распоряжения правительства относительно этого дела писались на его имя. Вследствие старости и дряхлости он редко оставлял Тюменский монастырь, но зато под его руководством трудились над распространением христианской веры между сибирскими инородцами многие из духов-

* Ibid, т. II, стр. 241.

ных лиц, бывших его спутников. Мы были бы не правы, не упомянув имен этих скромных тружеников; так, архимандрит Верхотурского монастыря обратил в христианство язычников и магометан тюменских, туринских, верхотурских, талдинских, черемисов, чувашей и востяков — всего до 2604 душ обоего пола; игумен Березовского монастыря проповедовал Евангелие в Березовском уезде, иеродияков Никодим — сургутским и ларымским остякам, которые не были крещены во время проповедничества в этих местах самого схимонаха. Но в 1726 году схимонах Феодор решился предпринять новое путешествие к обдорским остякам, рассчитывая, что на этот раз его проповедь среди обдорян будет иметь больший успех. Это последнее путешествие было настоящим торжеством схимонаха Феодора; плывя по Иртышу и Оби, ему теперь приятно было видеть православные церкви на тех местах, где прежде были магометанские мечети или языческие кумиры с безобразными идолами; на пути везде встречали и провожали его новокрещенцы, приветствуя своего духовного отца и защитника с любовью и благоговением. Такие встречи и проводы были лучшей наградой схимонаху Феодору за его труды и бедствия, которые он понес во время проповеди в тех местах христианского Евангелия.

Но у обдорских остяков этот проповедник по-прежнему не имел никакого успеха. Доплывши до первых юрт обдорян, христианская миссия увидела на берегу массу вооруженных язычников, готовых броситься на нее при первых попытках высадиться. Никакие увещания не действовали на жестоких обдорян; возбужденные своим князем Гындином, они ругались, стреляли из луков и угрожали перебить всех миссионеров, если только последние высадятся на берег. Борьба с упорными язычниками была невозможна, и схимонах Феодор с грустью в сердце приказал плыть назад. Это путешествие схимонаха Феодора было последним: в следующем году, именно 30 мая 1727 года, он тихо скончался в Тюменском монастыре. В заключение считаем не лишним привести здесь завещание схимонаха, которое весьма рельефно рисует нам нравственный облик этого знаменитого проповедника. «При окончании жития моего, сим заветом духовным моим оканчиваю: кому о мне воля будет живота по мне истязовати, иного живота, кроме грехов, у меня не

остается, а что до келийных вещей, тех никто да будет надеяться. Что было, все в строение монастырю Тюменскому положилося. Прошу братию, а особливо брата и сожителя моего Никодима, не осматривати и не омывати грешного тела моего, токмо облекти в белую власяницу мою, которую и держу для того, да кафтан какой на мя возложить и поясом ремненным подпоясати, да рясу китайскую легкую возложить на мя и четки в руку, на главу куколь, а схиму, собравши, под голову положить, а параманом закрыть очи и, вынесяши в церковь, послать до преосвященного, как он изволит, только прошу его любве архиерейской, чтоб прочитал прощальную молитву надо мною; гроб готов в палатце, который от многого времени возу с собою, а могилу выкопать пред дверьми западными...»⁴.

Тогдашний Сибирский митрополит Антоний в своих донесениях Святейшему Синоду писал, что схимонах Феодор до 1727 года обратил в христианство более 40 т. сибирских инородцев обоего пола и построил 37 церквей; также заявлял, что «по его представлению, новокрещенцев для утверждения в православии посещать, за неимением учителей, не кому, в чем есть не без опасения, чтоб неутвержденные в вере не отпелились своего спасения...». Если взять во внимание, что схимонаху Феодору приходилось проповедовать Евангелие среди почти полудиких народов и те препятствия, которые он имел в своем миссионерском деле, то нужно признать, что обращение им в христианство более 40 т. сибирских инородцев является колоссальным подвигом! Не вина его, что «нива, обработанная руками его в Березовском крае, — говорит П. Абрамов, — впоследствии, без нового удобрения и сеяния семени Слова Божия, начала заростать, так что во многих местах едва заметны стали признаки трудов делателя вертограда Христова». Действительно, опасения митрополита Антония, что после смерти схимонаха Феодора не найдется в Сибири учителей для утверждения новокрещенцев в новой вере, были не напрасны: ему не нашлось подражателей среди сибирского духовенства, а равным образом и преемники Петра далеко не с таким вниманием относились к распространению христианства в Сибири, как этот великий государь.

⁴ «Опис. докум. и дел. Св. Синода», т. VII, № 785.

**Открытие Тобольской епархии
и первый Тобольский архиепископ
Киприан**

I

С покорением Сибири Московскому государству открылось широкое поле нравственной деятельности в новоприобретенном крае: привить русскую культуру к полудиким сибирским народам, просветить христианским учением тамошних язычников и магометан — вот высокая нравственная задача, которая в конце XVI века выпала на долю русских людей и о выполнении которой они прежде всего должны были заботиться! Прошло уже шестнадцать столетий, как мир услышал учение Христа, уже давно христианство исповедывалось почти всю Европу, в разных странах Азии и Африки, с открытием Америки оно проникло и туда, а разные племена обширнейшей части Азии, которую мы называем Сибирью, еще не имели о нем никакого понятия. На русских людей лежала обязанность просветить христианским учением своих соседей — финские, татарские и другие племена, и мы знаем, что они уже оказали великую услугу христианской церкви; еще во времена св. Владимира¹⁹ и Ярослава I²⁰ русские занесли православное христианство в Финляндию к финским племенам, ижора²¹ и корель²², на юг от Финского залива — к чудь²³, а в XII и XIII веках оно начало быстро распространяться и в Литве. Но здесь, на западе, как и в значительной части Финляндии, православные проповедники встретились с своими соперниками — католическими миссионерами и должны были им уступить. Зато в северных и северо-восточных пределах Русского государства православие распространялось довольно успешно и особенно с XII века: в 1227 году крестились все корелы; в Олонецком крае²⁴ среди тамошней чудь утвердил христианство преподобный Кирилл, основатель Челмогорского монастыря; в XIV веке пр. Лазарь, основатель Мурманского монастыря, крестил лопарей²⁵, живших по реке Онеге; пр. Феодорит, основавший в XVI веке Троицкий монастырь при устье Колы, обратил ко Христу язычников, живших в самых северных частях Лапландии²⁶, а пр.

Трифон в то же время крестил лопарей при реке Печенге; Соловецкая обитель, основанная в XV веке преподобными Зосимом⁶⁴, Савватием⁶⁵ и Германом⁶⁶, много сделала для распространения христианства между язычниками, кочевавшими по берегам Белого моря. Не упоминая о других проповедниках в северных краях Русского государства, заметим только, что к концу XVI века почти все тамошние язычники уже исповедывали христианскую веру. На Волгу и Каму завести христианство еще в XII и XIII веках новгородские колонисты, тут оно нашло себе последователей среди языческих племен мери, морды, черемис и других.

На северо-востоке России в Малой Перми св. Стефан во второй половине XIV века просветил христианским учением зырян, епископы Пермские Питирим и Иона⁶⁷ — вогулов в Великой Перми, а первый епископ Казанский Гурий⁶⁸ во второй половине XIV века положил прочное начало распространения христианской религии в бывшем Казанском царстве среди язычников и магометан. С завоеванием царства Астраханского христианство проникло и к астраханским татарам; там первым проповедником христианского учения был игумен Кирилл, который столь ревностно исполнял возложенную на него миссию, что в короткое время обратил ко Христу очень много татар. Из сказанного видно, что распространение христианства между язычниками и магометанами, обитавшими в разных местах Российской низменности, шло преимущественно от русских проповедников и по мере завоевания этих инопольцев русским оружием. В конце XVI века русское господство утвердилось за Уральским хребтом, а вместе с тем и очередь просвещения христианским учением дошла и до разных народов Сибири. К чести русского правительства нужно сказать, что, распространяя свою власть на обширных пространствах этого края, оно никогда не забывало великой исторической задачи русского народа — распространения христианства между покоренными инопольцами. Это оно должно было делать даже из одних политических видов. Исторический опыт показывал, что христианство более успешно, чем какой-нибудь другой фактор, вело инопольцев, в разное время покоренных русским оружием, к обрусению, политическому и нравственному единению с победителями. Достаточно вспомнить труды вышеупомянутых проповедников и взглянуть на последствия их проповеднической

деятельности, чтобы убедиться в этой истине! Но не одни политические цели преследовало русское правительство, заботясь о распространении христианской религии между покоренными иноплеменцами; напротив, скорее религиозные побуждения заставляли его стремиться к просвещению их божественным учением, т.е. распространение христианства было само по себе целью, а не средством политики. Мы не предполагаем только, не навязываем подобной цели русскому правительству, а просто утверждаем самый факт на основании исторических данных. Так, в 1555 году, отпуская Гурья в качестве архиепископа в Казань, царь Иван Грозный⁶ и Московский митрополит Макарий дали следующий наказ этому святителю: «Новокрещенных всегда поучать страху Божию, и к себе приучать, и поить, и кормить, и жаловать и беречь во всем, да и прочие неверные, видя такое благочестие и заботу, и жалование, поревную христианскому праведному закону и просветятся святым крещением *да вкупе с нами прославят Отца и Сына и св. Духа*»*. Но еще обстоятельнее и яснее эта религиозная цель выражена царем Михаилом и Московским патриархом Филаретом Никитичем в грамоте к тобольскому воеводе, данной по поводу назначения Киприана Сибирским архиепископом. Мы приведем здесь небольшой отрывок из этого документа, еще нигде не напечатанного, чтобы видеть, каким мотивом руководилось московское правительство, открывая первую епархию в Сибири: «Бог наш в Троице славимый, строя и промыслил о всем православном христианстве и своею праведною десницею сохраняя безмятежно в православии, паче тех, которые Его не познали, хотя в свое познание и славословие привести, вспоминая о тех, которые лишены Его святого крещения и просвещений святыми заповедями и совершая свою пресвятую заповедь, которую Бог Слово изрек своими святыми устами — да проповедают во всех концах вселенной Его св. заповеди и да просветят все концы земли крещением — так и ныне своим человеколюбивым смотрением изволил, а св. Дух действуя и совершая, вложить в сердца нам и отцу нашему великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу московскому и всея России: да будет избран в нашу отчину, в Сибирское царство пастырь и учитель, дабы Божие слово и апостольское учение проповедывалось по всем городам. Изволением Божиим

* А. А. 3., т. I, стр. 259.

и содействием св. Духа избрали и святейший патриарх благословил в нашу отчину, в Сибирское царство, в первоименитый град Тобольск архиепископа Киприана...⁴. Этот документ ясно показывает, что московское правительство решило открыть архиепископию в отдаленной Сибири прежде всего во исполнение заповеди Спасителя, повелевавшего проповедывать Евангелие всем народам. Ко времени открытия первой сибирской епархии христианство уже успело пустить корни как среди тамошних язычников, так и магометан; оно находило себе последователей между вогулами, остяками, татарами и другими инородцами. Можно сказать, что христианская вера начала распространяться в разных местностях Сибири почти одновременно с возникновением там русских городов и острожков. Нам известны случаи обращения иноверных ко Христу очень ранние: в Пельме, Березове, Тобольске и других русских городах встречаются новокрещенцы еще в конце XVI века. Пленные князья и мурзы почти все принимали христианство и притом одни из них после крещения оставались жить в своих вотчинах, а другие переселялись в русские города и верстались в боярские дети: в Пельме в 1624 году было семь боярских детей, и все они из вогульских князей, уже давно принявших крещение; несколько такого же инородческого происхождения боярских детей было в то же время в Тобольске и других сибирских городах.

Конечно, вначале не сутьность христианства пленяла инородцев и побуждала их оставлять идолопоклонство или магометанство, а прежде всего материальные выгоды, сопряженные с принятием крещения; язычники — остяки, вогулы, самоеды и другие инородцы, населявшие север Сибири, были слишком дики, чтобы сознательно относиться к божественным истинам христианской религии; они еще приносили своим кумирам человеческие жертвы, убивали людей и пили их кровь. Затем магометане, хотя находились и на более высшей ступени развития, чем упомянутые язычники, но и им магометанство, как религия чувственная, более было доступно для понимания, представляло более прелестей, чем высоко нравственное христианство. К тому же в то время не было еще в Сибири миссионеров, проповедников слова Божия, которые могли бы уяснить полудикому человеку божественные истины христианства, а равным образом и не требовалось от иноверцев никакого подго-

⁴ А. М. Ю. Книга денежного стола № 11801, с. 51–53.

товления к принятию крещения: всякое миссионерство замедляло объявление воеводы: кто крестится, того государь поставляет в службу, пожалует денежным и хлебным жалованьем, в служба избавляла и от платежа ясака (подать). Кроме того, все инородцы при крещении получали подарки, и по тому времени довольно значительные, так, в 1603 году в Верхотурье крестились четыре вогула Верхотурского уезда, и воевода дал им «ради крещения» государева жалованья по два сукна, по рубашке, по сапогам и, кроме того, «корм до государева указа». Из этих новокрещенцев мурза и его брат отправились в Москву и там получили: мурза пять рублей денег, сукно доброе, тафту добрую, а брат его — три рубля денег и сукно доброе; последнее жалованье по государеву указу дано и остальным двум новокрещенцам, которые не ездил в Москву. Всех их велено поперстать в стрельбы и давать годовое денежное и хлебное жалованье наравне с другими стрельбами.

В царских грамотах, касающихся крещения язычников или магометан, требуется только, чтобы, крестив тех, которые «похотят креститься своею волею, а неволею их к тому не нудить», — при крещении давать им новое платье, и уже после крещения грамоты предписывают «отдавать новокрещенцев под начало и поучать их всему крестьянскому закону». Но в Сибири мало обращали внимания на эти царские внушения. Мы знаем только, что инородцев часто крестили, но чтоб их потом отдавали комунибудь «под начало» для обучения христианским истинам — на это мы не имеем никаких указаний до самого времени появления в Сибири архиепископов. Между тем как случаи насильственного крещения были нередки. Служилые люди захватывали в плен или покупали молодых инородцев, крестили их и обращали в своих рабов; то же они делали и с молодыми инородками. Причем на последних после их крещения некоторые русские женились или просто делали их наложницами, ибо в Сибири в то время чувствовался большой недостаток в русских женщинах. Вследствие всего этого новокрещенцы из инородцев были христианами только по имени: не будучи подготовлены к христианству, они и после крещения оставались почти такими же язычниками, какими и прежде были. Но тем не менее самый факт принятия инородцами той веры, которую исповедывали и их завоеватели, имел очень важное значение; единоверие должно было обличать покоренных

с победителями, и это обличение вело к усвоению инородцами русского языка, русских нравов и обычаев. Дети новокрепченцев уже более были христианами, чем их отцы, и их скорее можно было назвать русскими, чем татарами, якутами и остяками, и особенно тех, которые жили в русских городах. А мы знаем, что в первое время редкий из инородцев, принявших крещение, оставался жить в юртах; только князья и мурзы крещенные продолжали еще жить в своих вотчинах, а простые переселялись в русский город или в русские деревни. Новокрепченцы говорили военным, «что им никак нельзя жить с своей братией, что они от своей веры отстали и их в свою землю не пустят, потому что крещены». Но само собою понятно, что всех новокрепченцев невозможно было устроить в русских городах или деревнях: время от времени число их увеличивалось, и многим из обращенных к Христу приходилось жить на своей родине, по своим курам. А в последнем случае кто же мог таких новокрепченцев наставлять христианской вере, удовлетворять их религиозным потребностям? Русские поселки, где были церкви и духовенство, иногда были удалены от инородческих юрт на целые сотни верст, и, значит, пользоваться ими для новокрепченцев было затруднительно, а подчас и невозможно. Это обстоятельство вело к тому, что некоторые из инородцев скоро после крещения снова обращались к язычеству и по-старому удовлетворяли свои религиозные потребности, т. е. поклонялись шайтанам и слушались их служителей шаманов. Об этом хорошо знало русское правительство и из отписок военным, и даже из челобитных самих инородцев. Очевидно, что для успешного распространения в Сибири христианства необходимо было строить христианские церкви в самих местах инородческих поселений и посылать туда русское духовенство. Сами инородцы, даже некрещенные, сознавали эту необходимость; на это ясно указывает одна интересная челобитная от остатков с реки Оби. «В прошлых городах, — жаловались они царю, — в Кодском городке была вера православная христианская, церкви Божии стояли и пение божественное в них совершалось; наша братия, многия остяки, слыша православных веру христианскую, приходили в Кодский городок и крестились... А ныне, государь, тот Кодский городок стал пуст и церкви Божии разорены... Милосердный государь, пожалуй нас бедных своих сиrot — вели на том месте быть монастырю, чтобы нам, явля

православие, креститься по христиански...^{4*} Но церкви выставить было легко, а где взять для них служителей? Мы знаем, что с самого начала заселения Сибири русским элементом правительство посылало туда священно- и церковнослужителей, и иногда целыми десятками. И тем не менее в духовенстве чувствовался большой недостаток не только в русских селах, но даже и в городах. Правительству постоянно приходилось получать от сибирского населения жалобы на то, что церкви Божии стоят без пения, люди умирают без покаяния и причащения, и пр. Удовлетворить эти жалобы было чрезвычайно трудно. Многие священники добровольно ропсались переселяться в отдаленный, еще мало ведомый край, а те, которые посылались по государеву указу, не всегда были надежны: редкий из них через год или два не обращался в Москву с просьбой о возвращении на родину. Правда, московское правительство не часто удовлетворяло подобные просьбы, таких счастливых было очень мало: чтобы добиться возвращения на Русь, нужны были или особенные ходатайства в Москве, или примерная служба в Сибири. Некоторые священники, не надеясь на удовлетворение своих просьб, просто бежали из Сибири. Беглецов схватывали и снова отправляли на прежнее место служения, а иных в виде наказания, «чтоб другим было не повадно», водворяли еще в более отдаленных сибирских краях. Но, спрашивается, такие священники могли ли быть народными пастырями, истинными служителями церкви? В документах того времени мы находим самые неслетные отзывы о жизни как белого, так и черного сибирского духовенства: пьянство, разврат, драки, клеуничество — вот что отмечают эти документы. Само собою понятно, что подобное духовенство не могло способствовать распространению христианской веры между сибирскими инородцами, не могло нравственно влиять и на тамошнее русское население. Конечно, и между сибирским духовенством были достойные пастыри, но таковых было очень мало. К большинству же священников вполне приложима характеристика Сибирского архиепископа Симеона⁴⁶. «Поны, — писал он в Москву, — живут не чинно, пьяют, бражничают, священническая действуют иное не по преданию святых апостолов, и святых отец, а по своему изволению»⁴⁷.

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 400.

⁴⁷ См. наше изслед. «Заселение Сибири...», стр. 292.

Да и трудно было ожидать истинного христианского служения и доброго поведения от тех священников, которых почти силою отправляли в Сибирь. Все это знало московское правительство и должно было прийти к заключению, что необходимо создать в Сибири местное духовенство, выбирать священно- и церковнослужителей из тамошних уроженцев, которые рождением были бы привязаны к этому краю и дорожили своими обязанностями, были бы знакомы с бытом и языком сибирских инородцев, а равным образом необходимо было дать Сибири своего верховного пастыря, а не оставлять ее в церковной зависимости от Вологодского архиепископа. Последний жил за тысячи верст от своей сибирской паствы и вследствие такой отдаленности, конечно, не мог ни руководить делом христианского просвещения инородцев, ни нравственно влиять на сибирское духовенство и вообще на свою сибирскую паству.

Все это мы говорили к тому, чтобы показать, насколько было необходимо для Сибири уже в первое время после утверждения там русского господства иметь своего архипастыря и какую великую услугу оказывали этому краю царь Михаил и патриарх Филарет, учреждая в 1620 году первую архиепископскую кафедру в Тобольске.

Ввиду особенной миссии, которую должны были выполнять архиепископы в Сибири, на московском правительстве лежала обязанность найти человека известного, вполне достойного для занятия учреждаемой тобольской архиепископской кафедры. Первый выбор сделан удачно — он пал на Киприана, архимандрита Новгородского Хутынского монастыря. Это тот самый Киприан, который прославился еще в смутную эпоху Московского государства, принимая тогда участие в политических делах Новгорода. Его новгородцы посылали в Выборг просить к себе шведского королевича Филиппа; он же был во главе посольства, которое Новгород отправлял в Москву к царю Михаилу Федоровичу с просьбой о защите против шведов. Эта политическая деятельность, как известно, дорого обошлась Киприану: когда шведский генерал Горн узнал о настоящей цели упомянутого посольства к только что избранному московскому царю, то заключил Киприана в тюрьму, морил холодом и голодом и даже бил батогами. Известно также, что этот хутынский архимандрит еще ранее поездки в Москву первый благословил новгородцев на

борьбу со шведами, пролил кровь на защиту православной веры.

Таким образом, архимандрит Киприан, во-первых, был лично известен царю Михаилу и, во-вторых, своею патриотическою деятельностью в Новгороде обратил на себя внимание всего Русского государства, как человек энергичный, твердый и защитник православия. Эти обстоятельства и решили выбор в его пользу.

В конце 1620 года Киприан был вызван в Москву и посвящен патриархом в сан архиепископа Сибирского и Tobольского, а в начале следующего уже года решено было отправить его на место нового служения.

«При хиротонии архиепископа Киприана, — пишет Н. Абрамов, — патриарх вручил ему архиерейский жезл, обложенный темнозеленым бархатом с серебряным золоченым верхом, на котором вычеканено «патриарх Филарет» — и серебряный золоченый крест с св. мощами, на рукояти коего надпись: «повелением великаго государя царя и великаго князя всея России самодержца Михаила Федоровича и отца его, патриарха Филарета Никитича преосвященному Киприану 7129 (1620 г.)». Вручая сии символы духовнаго управления и православия, патриарх заповедал Киприану достойно пасти словесное стадо заботиться о чистоте нравов завоевателей и русских пришельцев и обращать ко Христу идолопоклонников и магометан — «да проповедь слова Божия растет и множится»*.

Киприан отправился в Сибирь не один, а с целым назначенным ему штатом священно- и церковнослужителей из черного и белого духовенства, с старцами для исправления разных должностей при архиепископском дворе, с приказными людьми, разными мастерами и прислугой. Именно с ним ехали: протопоп, протоиерей, ключарь, три священника, дьякон, два пономря, два звонаря, восемь старцев, профорница, «станица» девяти дьяков из пяти человек, станица подьяков из шести человек, приказный человек, дьяк, два подьячих, пять человек боярских детей (для исправления обязанностей десятильников), два иконописца, дерешчик, книжный писец, два плотника, кузнец, истопник, переплетчик, два конюха, волово, повар, хлебник и четыре сторожа — всего 59 человек. По-

* Страницы, 1664. Азг.

что половина этих переселенцев (26 ч.) прибрана в Москве, а остальные взяты из Новгорода, Ростова, Вологды и Казани; значительная их часть отправлялась в Сибирь с женами и детьми, и притом скорее по указу государя, чем по своей охоте.

Всем упомянутым лицам назначено в разной мере годовое денежное и хлебное жалованье из государевой казны. Для примера приведем несколько таких окладов, чтобы видеть, на какие средства в то время можно было жить целый год даже семейным людям:

	Денег	Ржи	Овса
Протопопу	25 г.	30 четв.	30 ч. тв.
Ключарю	15 г.	15 ч. тв.	15 четв.
Священнику	10 г.	13 четв.	13 четв.
Повару	11 р.	14 четв.	14 четв.
Приказн. человеку	20 р.	20 четв.	20 четв.
Понимарю	4 р.	5 четв.	5 четв.
Просфорнице	4 р.	6 четв.	6 четв.

Что же касается материального обеспечения самого архиепископа, то правительство московское относилось к этому вопросу с особенным вниманием: как жизнь его в Тобольске, так и путешествие в Сибирь оно решилось так обставить материально, чтобы он ни в чем не имел нужды. Годовой оклад назначен такой: денег 200 р., муки 70 ч., овса 130 ч., солоду ячменного 60 ч., солоду ржаного 40 ч., муки пшеничной 20 ч., гороху 5 ч., круп овсяных 10 ч., конопля 5 ч., маку осьмина, масла коровьего 10 пуд., масла конопляного 5 ведер, соли 50 пуд., меду пресного 60 пуд., вина горячего (водки) 100 ведер и затем ему пожалованы все рыбные ловли в Сибири, на которых до того времени ловили рыбу на государя. Разных приправ желей про архиепископский обиход назначено в год: перцу 20 ф., шафрану фунт, инбирю 10 ф., пшена сорочинского 3 п., корицы 5 ф., гвоздики 5 ф., ядер миндальных 5 ф., горчицы 2 ф., анису 5 ф.

Кроме того, еще в Москве Киприану пожалованы земли и луга и дано право призывать крестьян, и притом с особенными льготами. Однако этим еще не ограничивались заботы правительства о материальных нуждах первого Сибирского архиепископа, а простирались далее: царь и патриарх пожаловали ему столовое белье и массу домашней утвари, как-то: блюда, рюмки, солонки, перечницы, уксусницы, рассольники, ковши, корцы и пр.

Самое путешествие Киприана в Сибирь обставлено достойным образом как в материальном, так и нравственном отношении. Его снабдили на дорогу 200 р. и из дворянских запасов разными яствами и питьями; ему выдано: 25 осетров, три спины белужьих, три спины осетровых, 100 п. вязиги, пуд паюсной икры, три пуда икры луконной, 15 полот ветины, по осьмине луку, чесноку, круп гречневых, круп овсяных, две бочки иибирю в сахаре, две бочки иибирю в патоке, 10 чета. сухарей, четверть толокна, четверть муки пшеничной, пуд масла коровьего, ведро масла постного, десять хлебов и две коврижки; 50 ведер вина горячего, ведро романек доброй, ведро мальвазии, два ведра меду малинового, три ведра меду абарного, три ведра меду боярского и десять ведер меду цыжениного. Кроме того, в каждом городе, в котором Киприан останавливался на своем пути, ему обязаны были выдавать из царских кабаков по несколько ведер пива и меду⁴.

Около 10 января 1621 года архиепископ Киприан оставил Москву и отправился в дальнее и тяжелое путешествие. Его путь в Сибирь лежал чрез гг. Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Вологду, Тотьму, Устюг Великий, Сольвычегодск, Кай-Город и Соликамск, а от этого последнего города уже начиналась большая сибирская дорога, ведшая чрез Уральский хребет до первого сибирского города Верхотурья, но в Верхотурье он пересел на суда и плыл по водному пути до самого Тобольска.

Это путешествие было хотя тяжелое и продолжительное, но вместе с тем и очень торжественное. Во всех городах, чрез которые лежал путь, Киприана должны были встречать с крестами и хоругвями и с звоном колоколов. Правительство особенно заботилось, чтобы эти встречи были как можно торжественнее в городах сибирских; оно предписывало воеводам, духовенству и горожанам встречать архиепископа «за городом и с великою честью...». Этой торжественностью правительство хотело придать особенное зна-

⁴ Все эти сведения заимствованы нами из рукописи, составленной: «Росписи, что указал государь Михаил Фед. и отец его Фил. Н. взять архиепископу Киприану с собой в Сибирь — соборная и старшая и дворянских людей и что им государева денежного и хлебного жалованья и что архиепископу на его обиход в год всяких запасов». А. М. Ю. Де-неж. стол. кн. № 11801, л. 1—12; Сиб пр., кн. № 7, л. 63.

чение Сибирскому архиепископу и появлять главным образом на инородцев, которые, види, с какой честью встречают его русские, относились бы к нему с большим доверием и благоговением. Но эти торжественные встречи не могли рассеять у Киприана тех мрачных мыслей относительно предстоящего служения и жизни в Сибири, которые, естественно, должны были возникнуть у него в голове под влиянием разных неприятных эпизодов, случившихся с ним во время пути. Мы выше упомянули, что большинство лиц, назначенных в штат Киприана, отправлялись по указу государя и патриарха, а не по своей воле. Вследствие этого невольные переселенцы уже во время пути вели себя так, что от них Киприан ни для себя, ни для дела, которое ему предстояло в Сибири, не мог ожидать в будущем ничего доброго. Жалобы на них Киприана начинаются уже из Ярославля и по мере удаления его от Москвы делаются печальнее и печальнее. Из этого города он писал (26 января) царю, что печие дьяки Самойло с товарищами не поехали с ним из Москвы и по это число к нему еще не появились; старец Серапион, что взят из Новгорода, взявши вперед годовое денежное и хлебное жалованье и протонные деньги, скрылся. Киприан просил сыскать упомянутых лиц и прислать к нему, чтобы из-за них не сидеть в Ярославле. Далее он жалуется, что подьячий Григорий, которому поручено закупать хлеб, только пьет и бражничает, хлебные запасы закупает оплошью, а купленный им хлеб не годится «ни на семена, ни на емена». Из города же Ярославля убежал данный Киприану дворцовый повар*.

От этого поджиданья оставших и бежавших архиепископ Киприан прибыл в Верхотурье только 12 марта; встречен он в первом сибирском городе самым торжественным образом. Здесь ему, однако, пришлось прожить более двух с половиной месяцев. Из дознаний самого Киприана оказывается, что он прибыл в Верхотурье почти без штата: из духовного чина вместе с ним приехало в Сибирь только несколько старцев, а протопоп, протоиакон, священники, незначные дьяки и подьяки отстали от него в дороге и теперь неизвестно где находились. Двигнуться далее в Тобольск, в главный город Сибири, было невозможно; туда Киприан должен был войти как можно тор-

* А. М. Ю. Дев. ст., кн. № 11801, л. 113, 118.

жественнее и немедленно начать архиерейское служение, но как служить без штата? Волею-неволею пришлось ожидать последний, и ожидать довольно долго. Очевидно, что духовенство и певчие не спешили покидать Европейскую Русь, а, оставши от своего архиепископа, ехали в Сибирь довольно тихо и, как оказалось, слишком весело. Впоследствии Киприан жаловался патриарку, что «попы ехали все по сторонам, своим произволом, как кто хотел, для самовольства и пьянства». Наконец после долгих скитаний добрались до Верхотурья и попы; встреча их с архиепископом Киприаном в Сибири была слишком не радостная. «Как съехались они в Верхотурье, — писал Киприан патриарку, — то подняли шум и слезы и поплъ с женами и детьми и говорили — Бог судит их разлучника, кто разлучил их с домами, с родом и племенем, да и едучи с Верхотурья по всем сибирским городам и в Тобольске тех своих речей не переменили... говорили непригожая слова про патриарха, а мне безчестие многое учинили...»^{*}.

Таковы были помощники Киприана, с которыми он должен был нести тягость архиерейского служения в Сибири! На пути же начались у Киприана и враждебные столкновения с сибирскими воеводами, которые тоже судили немало неприятностей первому сибирскому архипастырю. Так, прибыв во второй сибирский город Туринск Киприан назначил игуменом в тамошний Покровский монастырь¹ черного священника Макария и с ним отпустил туда же двух старцев, но воевода туринский Д. Милославский этих лиц в монастырь не пустил, а самого архиепископа обругал². Эти неприятности, как увидим впоследствии, были только предвестниками тех жестоких оскорблений, которые пришлось пережить Киприану во время его непродолжительного служения в Тобольске. Итак, сопровождаемый бранью и проклятиями, Киприан ехал все далее и далее и только 19 июня добрался до конца своего путешествия — до Тобольска³.

^{*} Там же, лл. 1828, 246—250.

¹ Там же, л. 149.

³ В нашем исследовании «Заселение Сибири...» на стр. 107 сказано, что Киприан прибыл в Тобольск 30 мая; мы, как и другие историки, в данном случае основывались на известиях сибирских летописцев, но эти известия оказываются неверными: сам Киприан писал Филарету, что он прибыл в Тобольск 19 июня. См. Ден. ст., кн. № 11801, л. 142.

II

Приступая к обозрению деятельности Киприана на месте нового служения в Тобольской епархии, мы прежде всего коснемся его хозяйственных забот, а затем деятельности религиозно-нравственной и общественной.

Первый Тобольский архиепископ приехал в Тобольск, как говорится, «на пень да на колоду», а потому естественно, что на первых порах хозяйственные заботы должны были поглощать его внимание в значительной степени: ему необходимо было обстроиться достойным образом как архиепископу. Московское правительство имело это в виду и еще в то время, когда Киприан находился в Москве, постаралось сделать тобольским властям соответственные распоряжения. Так, в грамоте от 4 января к тобольскому воеводе Матвею Годунову²⁵ и его товарищу Волконскому царь Михаил Федорович писал: «По благословению нашего отца св. патриарха Филарета Н. поставлен в Сибирь архиепископ Киприан и отпускает его вскоре из Москвы. А церковь соборную указали мы поставить новую, а какова церковь и алтарь и около церкви паперти и архиепископу двор ставить и что на то церковное и дворовое строение надобно лесу, и по смете московского дворцового плотника старосты Первушкин Исеева послали к вам роспись»²⁶. Другой грамотой от 10 января того же года правительство предписывало тобольскому воеводе отвести под упомянутые постройки место в самом городе в 30 с. длины и ширины, а если вследствие этого в городе станет тесно, то разобрать одну крепостную стену и прибавить места от острога²⁷. На этом пространстве должны быть поставлены: а) соборная церковь (во имя Вознесения Господня) в 5 саж. и алтарь в 3 1/2 саж., а кругом паперти и лестницы, б) архиепископский дом: горница в 3 1/2 саж., комната 3 саж., сени 4 саж., повалуша 3 саж., келья отхожан 3 саж., другие сени 3 саж. и с) на архиепископском дворе — поварня в 6 саж., изба поваренная 3 саж., изба для невичих дьяков и подьяков 3 саж., избушка у ворот 2 саж., конюшня в 6 саж., погреб и ледник 3 саж. и на них погребницы и сушилицы²⁸. На эти постройки послана в Тобольск сумма по тому ведомости довольно значительная, именно 1094

²⁵ А. М. Ю. Дев. ст., кн. № 11801, л. 13.

²⁶ Там же, л. 39.

²⁷ Там же, л. 13. См. «Роспись что надобе в Тобольску на церковное строение и на архиепископский двор...».

рубля*. В то же время Михаил Федорович предписывал воеводе: «Как архиепископ приедет в Тобольск и ты бы тот двор, на котором ныне стоишь, очистил для архиепископа, а сам съехал бы на другой двор до тех пор, пока в городе поставят архиепископский двор**». Об этом последнем царском распоряжении мы упоминаем, между прочим, и потому, что оно послужило первым яблоком раздора между архиепископом и главным тобольским воеводой, а этот раздор, как увидим впоследствии, имел очень вредное влияние на успех архиерейской деятельности Киприана. Как ни решителен был указ Михаила Федоровича об очищении воеводского двора для архиепископа, тем не менее воевода не хотел его исполнить и, не входя в объяснение с правительством, обратился к самому Киприану, когда последний находился уже в Верхотурье. «По указу государя, — писал он Киприану, — велено мне очистить тебе тот двор, на котором я теперь стою, а самому переехать на другой двор в городе, но другого двора в городе нет и съехать мне некуда, а потому тебе господине отписать, где велишь в Тобольске себе дворы очистить***. Мы не знаем, отвечал ли на эту отписку Годунова архиепископ Киприан, но, несомненно, он был недоволен поведением воеводы и жаловался на него патриарху. Но пока придет новый царский указ, ждать долго, а иметь пристанище было необходимо сейчас же по приезде в Тобольск. Вот почему Киприан принужден был уступить воеводе и после торжественной встречи в городе немедленно поселиться в отведенном для него доме одного подьячего. Этот дом даже не находился в городе, а на старом городище, около церкви Живоначальной Троицы****. Однако ему тут пришлося жить не долго: Михаил Федорович, узнавши о помещении Киприана, послал новый указ Годунову, которым предписывалось немедленно очистить свой двор для архиепископа, а самому переехать на другой до постройки архиепископского дома*****. Годунов по-

* Ibid, л. 52. См. Отписку тобольскому воеводе.

** Ibid, л. 48. См. грамоту Михаила Федоровича 1621 года 15 января к тобольскому воеводе Годунову.

*** Ibid, л. 49. См. отписку воеводы Годунова к Киприану.

**** Это первая церковь в Тобольске: она построена одновременно с первою тобольскою крепостью в 1587 г. Но крепость скоро была перенесена на другое место, а церковь Живоначальной Троицы, оставленная «с сибирского первоначальна зытия», осталась на том же самом, т.е. на старом городище.

***** Ibid, л. 144.

виновался, но за то начал жестоко мстить Киприану: несмотря на царские указы, даже повторительные, он не давал ему соли, дров, подвод и т.п. Эта неприязнь воеводы, может быть, отчасти имела влияние и на выбор места в Tobольске для архиепископского двора и соборной церкви. Кажется, Киприан сам пожелал жить подальше от воеводы, а потому, несмотря на ясно выраженное повеление государя, чтобы архиепископский дом и соборная церковь были построены в городе, он решил строиться на старом городище около той же церкви Живоначальной Троицы, о которой мы уже упоминали. Впрочем, в отписке воеводы высказываются следующие мотивы, побудившие Киприана строиться за городом. Если строить архиепископский двор и соборную церковь в городе, то а) необходимо ломать городскую стену, б) приготовленный воеводой лес для построек лежал еще под горою, а возить его летом нет возможности, потому что «в Tobольске гора высока, взвоз крут более 100 с.» и с) для этих предварительных работ потребовалось бы много времени и много рабочих рук, а «из Tobольска плотники и всякие работные люди от голода разбрелись по разным городам». Вследствие этих обстоятельств архиепископ Киприан, «увидя tobольских служилых и всяких жильцких людей бедность, нужду и голод», решился воспользоваться уже готовыми постройками, находящимися именно на старом городище. Около того дома подъячего, где сначала поселился Киприан, куплено несколько домов разных жильцких людей и из них и отчасти из свежего леса архиепископ начал строить хоромы и разные постройки на дворе. Благодаря готовому материалу к осени этого года уже были поставлены: две горницы по 3 с., изба 3 с., три избы по 2 с., клеть 2 с., две житницы по 2 с., 3 чулана и погреб 3 с., поварня 4 с., конюшня 4 с., а кругом двора городьба. Но самое главное обстоятельство, побудившее Киприана строиться на старом городище, это то, что здесь уже была наполовину построенная церковь, которую архиепископ решил купить и достроить. Сибирские писатели утверждают, что будто Киприан по приезде в Tobольск «Троицкую церковь в подражание Новгородскому собору и в память того, что первый сибирский архиепископ был уроженец Новгородской епархии, наименовал собором Св. Софии». Мы в своем исследовании «Заселение Сибири...» высказали сомнение в справедливости этого мнения, но тем не менее сделанная нами тогда по-

правка относительно постройки архиепископской церкви не полна и не совсем точна. Теперь же новые документы, найденные нами в архиве, дают нам возможность решить этот вопрос вполне обстоятельно. Из одной отписки тобольского воеводы Годунова оказывается, что в 1620 году священник Троицкой церкви Иван по своему обещанию и по благословению Вологодского архиепископа Макария заложил на старом городище в 10 саженьх от церкви Живоначальныя Троицы и в 157 саженьх от города новую пятиглавую церковь во имя Софии Премудрости Божией. «И та церковь, — писал воевода, — не малая: от западных дверей до царских $3\frac{1}{2}$ с., а в алтаре от царских дверей до горного места 2 с. без четверти, а от южных до северных 5 с. + *». Ко времени приезда Киприана этот храм еще не был окончен, хотя строитель затратил на него уже довольно значительную сумму — 432 рубля. Когда Киприан поселился на старом городище в доме подычего, то увидел упомянутую постройку и решился купить, достроить ее и обратить в соборную церковь. Но, вероятно, священник-строитель продал свою церковь только под тем условием, чтоб она была освящена согласно его обету — во имя Софии Премудрости Божией. Только это условие и могло оправдать Киприана в том, что он нарушил царский и патриарший указ, повелевавший соборную архиепископскую церковь построить непременно в честь Вознесения Господня. Таково действительное происхождение первого соборного храма в городе Тобольске!

Осенью этого года Софийская соборная церковь была почти окончена, а освящена 21 октября на память пр. отца Иллариона**.

С известием об освящении этого храма и с св. водою Киприан отправил в Москву протопopa с товарищами. С того времени вошло в обычай в воспоминание освящения соборной церкви ежегодно посылать из Тобольска св. воду к царю. Тем более что московские цари всегда милостиво принимали таких

* Такая церковь действительно должна была казаться в Тобольске большою, и особенно если сравнить ее с другою тобольскою церковью, построенною в 1601 г. во имя Вознесения Господня; эта последняя тоже, по сообщению воеводы, была невелика: от западных дверей до царских четыре аршина, а в алтаре от царских дверей до горного места всего два аршина.

** А. М. Ю. Дев. ст., кн. № 11801, л. 52 и 57. См. отписки тоб. в. от 13 ноября 1621 года.

послов: дарили их, посылали подарки самому архиепископу и делали разные пожертвования в церковь Софии Премудрости Божией. Так, с протопопом Иваном царь Михаил прислал Киприану серебряную панатию с мощами св. Пантелеимона, святых бесребренников Козьмы и Дамiana, св. Ивана Милостивого и Ивана Златоуста, драгоценный омофор с шелковыми кистями, низанными жемчугом и другими жемчужными украшениями, а для соборного храма — серебряное вызолоченное кадило, несколько кадил медных, разные церковные книги, 10 укропников, 20 варников, для довершения его 8 тыс. разных гвоздей и на иконное письмо несколько фунтов разных немецких красок*. В другой раз Михаил Федорович отправил туда же несколько церковных книг, риз, стихарей, орарей, поручей, а для иконного дела — 2 тысячи листов золота, 500 листов серебра, несколько фунтов разных красок, пять пудов мела, клею и пр. Затем в разное время он же прислал в соборную церковь серебряные рипиды и колокол в 30 пудов**.

Вообще московские цари с особенным вниманием относились к церкви Софии Премудрости Божией и время от времени делали разные пожертвования, и иногда даже драгоценные. Сам Киприан также много заботился о благолении этого соборного храма: он пожертвовал туда плащаницу и несколько церковных одежд; по его заказу протодьякон Матвей*** написал два запрестольных образа Пречистыя Богородицы и поновил старые иконы и т. п.****. В документе, из которого мы приводим последнее известие, не называются имена этих старых икон, но, по всей вероятности, это те самые, которые Киприан перенес в Софийский собор из церкви Живоначальной Троицы, именно образ Преч. Богородицы Одигитрии и образ Живоначальной Троицы, пожертвованные еще царем Федором Ивановичем; так что они относятся к самым древним в Tobольске иконам*****.

* Ibid, л. 173. См. гр. Мих. Ф. к Киприану.

** Ibid, лл. 115 и 178. См. гр. Мих. Фед. к Киприану от 21 февр. 1621 г. и от 22 дек. 1621.

*** Тот самый, который впоследствии при архиепископе Макарии написал чудотворную икону Б. Матери Абаканской.

**** «Материалы для истории г. Tobольска» Найденова. стр. 16 и 20; А. М. Ю. Ден. ст., тл. № 11801, л. 71.

***** А. М. Ю. Ден. ст. Ibid, л. 54. См. отписку воеводы Годунова.

Наряду с заботами о постройке архиепископского двора и соборной церкви Киприан много старался и о развитии хозяйства «Дома Софии Премудрости Божией» (так стал называться тобольский архиепископский дом после основания при нем Софийского собора). Мы выше говорили, что Михаил Федорович с особенным вниманием отнесся к материальному положению первого архиепископа в Сибири и пожаловал Киприану с его дворовыми людьми и церковным причтом довольно значительную «руту» — денег в год 690 р. 65 к. и хлеба 1236 четвертей с осминой⁴. Тем не менее архиепископ Киприан по приезде в Тобольск немедленно решил заняться земледелием и сразу в довольно больших размерах. И, как увидим сейчас, это было далеко не лишним, даже и при значительной хлебной руте. На царское хлебное жалованье не всегда можно было полагаться: в это время Сибирь еще мало производила хлеба, а подвоз последнего из Европейской Руси сопряжен был со значительными затруднениями и не всегда поспевал вовремя. Киприан от сибирских жителей, получающих казенный хлеб, мог узнать, что им не раз и подолгу приходилось жить впроголодь вследствие несвоевременной доставки хлебных запасов в Сибирь. Да и помимо того, Киприану нужно был иметь в виду кое-что другое: отношения между ним и тобольскими воеводами были самые неприятные; Годунов при каждом удобном и неудобном случае старался дать почувствовать архиепископу свою власть. Государь, например, еще в январе 1621 года указал тобольскому воеводе приготовить для Киприана сухих дров и давать ежегодно по несколько десятков пудов соли, передать ему царские рыбные ловли, но по приезде в Тобольск архиепископ увидел, что царские указы не всегда исполняются этими сибирскими «сатрапами». Так, из грамоты Михаила Федоровича от 22 декабря 1622 года оказывается, что Годунов не давал Киприану ни соли, ни дров, и притом ни в этом году, ни в прошлом⁵, а относительно рыбных долей Киприан жаловался, что воевода отдает их с корыстною целью своим приятелям и знакомым. После этого разве нельзя было ожидать от такого воеводы, что он и указ о хлебной руте будет исполнять по-своему! Притом у

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 329; № 573, л. 3. Считаю нужным исправить типогр. ошибку в наш иссл. «Заселение Сибири...» на стр. № 122 напеч. «денег 609 р.» — след. читать 690.

⁵ А. М. Ю. Дев. ст., кн. № 11801, л. 40, л. 251.

Сибирского архиепископа хлебный расход должен был быть очень большой, если только он ревностно будет исполнять царский наказ, внушающий ему — «по часто призывать остоаков, вогулов и татар, поить и кормить их на архиепископском дворе, чтоб приучить их к себе».

Соображаясь с этими обстоятельствами, архиепископ Киприан, чтобы не быть в зависимости от капризов тобольских воевод, с первого года жистья в Сибири стал заниматься земледелием. Еще в январе 1621 года ему государь пожаловал около Тобольска тут за Иртышом, а за речкой Курдюмкой пахотной земли 53 четверти в поле, т.е. почти 80 десятин*. Это было начало курдюмовской архиепископской вотчины, но Киприан скоро значительно увеличил ее и поселил на ней крестьян. Так как последняя с разных сторон граничила с пашнями некоторых тобольских жителей, то он постарался приобрести эти пашни, чтобы округлить упомянутую вотчину: одни пожертвовали свои пашни в дом Софии Премудрости Божией, а другие продали. Так что ко времени отъезда Киприана из Тобольска, т.е. к концу 1624 года, под этой вотчиной находилось 177 четвертей пахотной земли, много сениных покосов и разных угодий. Кроме того, Киприан основал недалеко от города четыре деревни и поселил в них крестьян. По переписи, произведенной в 1625 году, т.е. пред вступлением на архиепископскую кафедру Макария, за домом Софии Премудрости Божией были следующие деревни: 1) д. Каморина на р. Бобровке, 2) д. Матвеевская над речкой Тайменкой, 3) д. Безсоновская в Сузгуне над речкой Тайменкой и 4) д. Киселевская на р. Сузгунке. В этих деревнях пахотной земли было 44 четверти в поле да перелог 188 четвертей**.

Но самой лучшей вотчиной, доставлявшей много хлеба, была Усть-Ницынская слобода. Еще по пути в Тобольск архиепископ Киприан сделал заимку в Тюменском уезде при устьях реки Ницы и поселил на ней 8 семейств крестьян, которых он вывез из Руси. По первому его челобитью там отведено в доме Софии Премудрости Божией сто десятин пахотной земли и сениных покосов на 400 копен. После этого Киприан был челом Михаилу Федоровичу, чтобы ему были пожалованы Куларово озеро и около него пашни в 35

* Ibid., л. 36. См. грамоту Мих. Фед. к Годун. от 10 янв. 1621 г.

** См. наше исслед. «Заселение Сибири...», стр. 123.

верстах от Тобольска. На эту челобитную государь ответил, что там пащут крестьяне, а в озере ловят рыбу тамошние татары, а вместо этого он приказал воеводе отвести в дом Софии Премудрости Божией еще 100 десятин пахотной земли при реке Нице и сенных покосов на 400 копен⁴. Однако этим не удовлетворялся Киприан: он послал в Москву старца Герасима с челобитной, в которой просил Михаила Федоровича пожаловать ему «сельцо Абалаково с деревнями»⁵. И когда эта просьба не была удовлетворена, то архиепископ в 1623 году бил челом государю, что ему, государю богомольцу, дано при устьях реки Ницы 200 десятин в одном поле, и государь пожаловал бы, велел бы отвести еще два поля по 200 десятин. И Михаил Федорович пожаловал. Да тюменский посацкий человек «дал вkladу в дом Софии Премудрости Божией свою пашню 17 дес., двор и сенные покосы, находящиеся около Усть-Ницынской слободы». Вследствие этих пожалований и упомянутого вклада под ницынской архиепископской вотчиною образовалось 617 десятин одной пахотной земли, а благодаря церкви, основанной в Усть-Ницынской слободе в 1622 году, она быстро начала заселяться и крестьянами. По вышеупомянутой переписи в этой слободе в 1625 году было уже 22 крестьянских семейства, которые в том году сеяли ржи 56 десятин и разного ярового хлеба 65 десятин, а собрали всего хлеба 1406 копен. Почти одновременно с Усть-Ницынской слободой Киприан основал и слободу Тавдинскую. В 1622 году он бил челом Михаилу Федоровичу о пожаловании в дом Софии Премудрости Божией отъезжей пашни между реками Тавдой и Тоболом по обе стороны, именно просил «остров Займище царя Кучума». Государь и в этой просьбе не отказал Киприану. Несмотря на то, что почва здесь была мало плодородной, крестьяне охотно заселяли новое займище дома Софии Премудрости Божией. По переписи 1625 года в Тавдинской слободе было уже 16 дворов, а людей в них 22 человека.

Из сказанного видно, что хозяйственная деятельность первого Сибирского архиепископа имела значительный успех: своему преемнику он оставил большое количество зем-

⁴ А. М. Ю. Дев. ст., кн. № 11801, л. 85; Р. И. Б., т. 2 № 127.

⁵ Дев. ст., л. 243.

ли, 68 крестьян, помимо дворовых людей, и 133 «кабальных записей в деньгах и хлебе», по которым нужно было взыскать довольно крупную по тому времени денежную сумму, именно 1405 рублей и разного хлеба 311 четвертей*.

III

Что же сказать о религиозно-правственной и общественной деятельности первого Сибирского архиепископа?

В этом отношении Киприану открывалось широкое поле деятельности; правительство возложило на него массу обязанностей и наделило его большими полномочиями как относительно дел церковных, так и гражданских. Тогдашний Московский патриарх Филарет Никитич, как мы уже упоминали, отправляя в Сибирь Киприана, заповедал ему «достойно пасти словесное стадо, заботиться о чистоте веры завоевателей и русских пришельцев, обращать ко Христу идолопоклонников и магометан, да проповедь слова Божия растет и множится». Но в то же время ему дан был наказ, который частнее и полнее раскрывает его обязанности на месте нового служения. К сожалению, такого наказа до нас не сохранилось, но что он существовал, об этом свидетельствует дело о розыске его, которое мы читали в архиве**.

Тем не менее мы можем в значительной степени восстановить наказ, определяющий права и обязанности первого Сибирского архиепископа, то по частным царским грамотам, посылаемым Киприану во время его продолжительного путешествия в Сибирь и во время пребывания его в Tobольске, то по сохранившемуся до нас наказу, данному второму Сибирскому архиепископу Макарию: ибо несомненно, что этот последний наказ как во многом напоминает наказ, данный первому Казанскому архиепископу Гурию, так вместе с тем и был повто-

* См. наше изд. «Заселение Сибири...», стр. 124.

** В 1642 г. четвертый Сибирский архиепископ Герасим писал к Михаилу Федоровичу: «Велено ему быть в Tobольске на месте Нектария, а наказа, данного Киприану, нет в соборной казне, после Нектария не застал. И государь велел бы дать ему наказ, по чем ему в Сибири архиепископския своя ведати и духовныя дела исправлять». Тогда царь обратился к Нектарию, находившемуся в то время на покое в Ниловой пустыни, с вопросом — куда делся наказ, данный Киприану. На это Нектарий отвечал, что, приехав в Tobольск, он не нашел его, а сказывали ему приказные люди, что тот наказ Киприан взял с собой в Москву. См. А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 119, л. 1, 3 и др.

рением наказа, полученного Киприаном. Из этих исторических данных оказывается, что велению Киприяна подлежало не только вообще архиерейское дело, как сию поставлено было в Московской Руси, но ему принадлежал и высший контроль над всем тем, что ведали в Сибири светские власти — воеводы, головы и разные приказные люди.

Ему предписывалось: архимандритов, игуменов, протопопов, попов, дьяконов и весь народ поучать, чтоб жили по заповедям Божиим, св. апостолов и св. отец; судить как весь причт церковный, так и мирских людей во всяких духовных делах, а боярину и воеводам в то не вступаться; услышит архиепископ какое бесчинство в сибирских людях или в самих боярине, воеводах и дьяках и ему о том поучать с умилением, а не станут слушать — говорить с запрещением, если же и после поучения и запрещения не уймется, то писать к царю и его отцу патриарху; всячески заботиться о распространении в Сибири христианской веры; быть печальником и защитником как русского, так и инородческого сибирского населения; принимать под свое покровительство инородцев, даже виновных в делах «кровавых и убийственных», если только они обратятся к архиепископу за помощью, таковых боярину и воеводам не выдавать, а держать их у себя в крепости до государева указа; держать совет с светскими властями о великих государевых делах, кроме дел уголовного характера; напоминать боярину и воеводам, чтоб они следили за безопасностью в городе; ночью дети боярские и всякие люди с огнем не сидели бы и съездов бы у них ночных и корчемного питья не было, и днем жили бы смирно, не бражничали бы в городе, и в воротах держали бы береженья великое. «А уведает архиепископ у боярина или воевод и дьяков какое небрежение, а людям от кого насильство и напрасные налоги, и архиепископу говорить о том боярину, воеводам и дьякам дважды и трижды... и не послушают они, то писать к государю и патриарху...».

Это общие черты наказов, даваемых всем сибирским архиепископам. Однако ими еще не исчерпывались обязанности Киприяна, которые возлагало на него правительство. Так, в грамоте от 20 февраля 1621 года Михаил Федорович писал ему: «Тебе б, богомольцу нашему, в Тобольске и Тобольском уезде велеть поразсмотреть над нашими служилыми и торговыми людьми, над посопными и папашными крестьянами — кто

сколько папши пашет на себя и на нас, какими угодами владеют и какими торгами торговые люди промышляют и что с торгов и папшен каких податей платят... можно ли на папших старых папшеных крестьян прибавить вновь папши, можно ли вновь прибрать и сколько гулящих людей на папши папши, и как их устроить на льготу, или на подмогу; да по своему усмотрению и по совету с боярином папшам с товарищами положить на торговых людей оброк, смотря по их торгам и тамошнему делу и пр. По папшему указу послано тобольскому воеводе 500 рублей денег и велено дать их новоприборным крестьянам в подмогу и на семена, и тебе 6 богомольцу папшему смотреть о том, как учнется делать и будет ли о том воеводское радение и нет ли у папшенных крестьян каких напрасных налогов; не заставляют ли их воеводы на себя папши пахать, или делать какия изделия... И о всем том писать бы к нам в Москву...⁴.

Далее в той же грамоте мы находим очень интересное известие: Михаил Федорович пишет Киприану, что уже послано четыре указа тобольским воеводам о том, чтобы они в Тобольске и во всех сибирских городах велели переписать жилицких, торговых и папшенных крестьян с именами и прозвищами, где кто поселился, какими занимается торгами и промыслами, какими владеет землями и на каком основании и т.п., словом, чтобы воеводы составили переписные книги и прислали их в Москву. Но воеводы мало обратили внимания на эти указы! Только один дьяк тобольский Булыгин прислал переписные книги, касающиеся Тобольска, да и те оказались совершенно неверными. И вот Михаил Федорович просит Киприана, чтобы он от себя велел бы написать к воеводам туринскому, тюменскому и верхотурскому о составлении ими переписных книг. Но в то же время из этого документа видно, что московское правительство слишком изверилось в сибирских воеводах; оно не надеялось, что даже по отписке их архипастыря воеводы верно произведут перепись городам и селам. Поэтому Михаил Федорович советует Киприану, чтобы он сам о всем, что подлежит переписи, *тайно* и всякими мерами разведал и расспросил служилых людей русских и инородцев, ясачных татар, остяков, и вогулов, и папшенных крестьян^{4*}.

⁴ А. М. Ю. Ден. ст., кн. № 11801, л. 120—127. См. гр. царя Михаила к Киприану от 21 февраля 1621 г.

^{4*} Там же, л. 172.

Из сказанного видно, что круг обязанностей первого Сибирского архиепископа был обширен и касался не только дел религиозно-нравственных, но и гражданских; ему должно было быть не чуждо всякое государево дело; он мог всюду вмешиваться, всем руководить и о всем доносить правительству. Теперь посмотрим, насколько действительно Киприан оправдал возлагаемые на него надежды, как он воспользовался своими широкими полномочиями и в чем выразились результаты его кратковременной деятельности в Сибирской епархии.

При оценке деятельности Киприана необходимо иметь в виду, что ему пришлось действовать среди самого развращенного общества, которое только можно себе представить: донесения самого Киприана и грамота патриарха Филарета рисуют нам самую мрачную картину нравов русских сибиряков. Вскоре по своем приезде в Тобольск, именно 10 сентября 1621 года, Киприан, извещая патриарха о своем благополучном прибытии в этот город, писал к нему: «Во всех городах и острогах, мимо которых ехал, дворишки ставлены худые и тесные, хоромышки все крыты соломою, обиты хоромина на хоромину, улицы тесны сажени по полторы, а площадей нигде нет и пожарных запасов, парусов, ботров и труб нет ни в которых городах; люди живут самовольно, у приказных людей в непослушании, а приказные люди дают им приманку для своего прибытка, а правым обычаем ничто не делается, как на Руси в иных городах; у приказных людей ведется наряд, а у посадских людей послушанье с ним, но толк с обеих сторон тот, чтобы теснить татар, вогулов и остяков во всяких промыслах и рыбных ловлях; продаст ли кто что, или купит — пошлину берут великую не как на Руси. Да и черным людям и пашенным крестьянам — великое притеснение во всех городах — бьют челом и плачутся, а защитить от сильных людей некому. Воевода Челищев, будучи в Кетском остроге, разогнал вогулов и тамошних жильцов и козаков. Да в Сибири боярские дети, казаки и воеводские люди из всех городов ездят и подводы берут у татар, остяков и вогулов без наказов самовольством и запасы у них грабят, а проводники берут у них жен и девок, безчестят и позорят их» и т. п. Еще Киприан в этом же донесении упоминает, что во время пути в Тобольск он видал по сибирским городам попов, и те «попы — воры и бражники, да и быть

им нельзя, только быть им по великой нужде, потому что переменить некем»³.

В другом донесении (1621 г., ноябрь) патриарху Киприан писал, что «во всех сибирских городах всякие люди — служилые, казаки и казачьи жены и всяких чинных люди стригутся в бороды в черны и черницы, и постригшие живут в своих домах по прежнему с своими мужьями, а мужья с женами, а иные многие и монашеское платье снимают и живут с мирскими людьми вместе и по прежнему всякое дурно делают... Да сибирские казаки, будучи на Москве и по городам, как назад поедут, подговаривают женок и девок, знаменуются образами, что они женятся на них, но привезши в Tobольск, продают их воеводам, немцам, татарам и пашенным крестьянам в работу...». Далее Киприан пишет, что женки и девки, видя свою погибель, бьют ему челом на «тех служилых людей в насильстве и подговоре, а когда он хочет наказать последних за насильство и растление по правилам св. отцов, или дать свободу женкам и девкам, то служилые люди приходят к нему с великим шумом и говорят, что будто у них есть царская грамота, чтоб им делать так, как они делают. Да и боярин М. Мих. Годунов с товарищами утверждают, что у них в разряде есть грамота, которою велено так делать... «А которые попы и мирские люди, — продолжает Киприан, — приезжают в Москву и бьют челом о церковном строении — о книгах, ризах, колоколах, иконах и т.п. и те попы и мирские люди, взявши, то церковное строение пропляют...». Из того же документа мы узнаем, что в Сибири в то время многие русские люди ходили без крестов, ели «всякую скверну» вместе с инородцами, жили «не по закону», с калмыцкими, татарскими и вогульскими женами кровосмешничали и т.п.⁴.

О нравственной распущенности сибирского общества, конечно, московское правительство давно знало, хотя, может быть, и не имело об этом таких подробных сведений, которые сообщил Киприан. Но донесения этого архиепископа вполне раскрыли ему глаза, а главное — заставили его серьезнее взглянуть на дело и принять меры к искоренению нравственных безобразий «в далекой государевой

³ Ibid, л. 143—151. См. гр. Мих. Фед. к Киприану от 1621 г. Ноябрь.

⁴ Ibid, л. 213—225.

потчине». На основании донесения Киприана патриарх написал к сибирской пастве учительную грамоту и в 1622 году отправил к Киприану с тем, чтобы он прочел ее в Тобольске пред всем народом, а списки с нее разослал и по другим сибирским городам. В этой грамоте, между прочим, Филарет Никитич как бы делает упрек Киприану, что последний ему «о том ни о чем не пишет» и что он, патриарх, якобы узнал о нравственной распущенности русских сибиряков из рассказов воевод и приказных людей. Но мы нарочно ранее этой учительной грамоты привели донесения Киприана, чтобы оправдать этого архиепископа, и мы сейчас увидим, что Филарет Никитич в своем учительном послании почти буквально повторяет то о нравственном состоянии сибирского общества, о чем уже писал ему Киприан. Упомянутая патриаршая грамота прежде всего указывает на то, что в сибирских городах многие служилые и жилацкие люди живут не по христиански, не по преданиям св. апостолов и св. отцов, а по своей воле, по своим скверным похотям: многие русские люди и иноземцы, принявшие православие, крестов на себе не носят, постных дней не хранят, а едят мясо и «всякие скверны» вместе с татарами, остяками и вогулами. Затем эта грамота отмечает факты крайне отвратительного полового разврата, господствовавшего как среди светского общества, так и в сибирских монастырях: многие православные люди живут с некрещеными инородками как бы со своими женами и детей с ними приживают; иные женятся на сестрах двоюродных и родных, на дочерях своих, «блудом посягают» на своих матерей и дочерей, «чего, — говорится в грамоте, — в поганых и незнающих Бога не обретается, о чем не только писать, но и слышать гнушно». Из того же документа видно, что многие служилые люди, отправляясь по делам службы в Москву или в другие города, закладывают своих жен на сроки, а те люди, у которых они бывают в закладе, живут с ними и «блуд творят беззаконно» до тех пор, пока мужья их не выкупят. Если же по истечении условленного срока мужья не выкупят заложенных своих жен, то кредиторы продают последних «на воровство и на работу всяким людям». Некоторые же «бедных и убогих вдов и девиц безпомощных берут к себе для воровства насильно и у мужей

рабочих людей отнимают жен и держат у себя для воровства и крепости на них воровские берут за очно; а те люди, у которых жен поотнимают, отдаются в холопы, в неволю всяким людям и женятся на иных женах, а отнятых жен выдают за других мужей, или продают, или отдают в заклад и в холопы всяким людям. А попы сибирских городов черные и белые не только такие беззакония не запрещают, но и говорят молитвы, а иных венчают без знамен, не по христианскому закону». Монастыри также вели соблазнительную жизнь, и до приезда Киприана в Сибирь монахи и монахини жили вместе в одном и том же монастыре. Поэтому там царил полнейший разврат: монахини развратничали и с монахами, и с мирскими людьми. Многие монахи и монахини снимали с себя чернецкое платье и жили в одних домах с мирскими людьми и в своей жизни ничем не рознились от этих последних. Далее патриарх пишет, что служилые люди, когда приезжают в Москву с государевою денежною и соболиною казною, то подговаривают многих женок и девок, привозят их в сибирские города и держат вместо жен, а иные продают их литовцам, немцам и татарам. «А воеводы, — читаем в той же грамоте, — того не брегут и тех людей от такого воровства, беззаконных и скверных дел не унимают и не наказывают, покрывая их для своей бездельной корысти, а иные воеводы и сами таким ворах дотакуют и попом приказывают говорить им молитвы и венчать их насильно...». Исторические данные свидетельствуют, что сами воеводы подавали пример разврату и творили всякие беззакония. Про нарымского воеводу тобольский воевода писал в Туринск, что «он жен служилых людей брал насильно к себе на постель, а когда мужья их хотели писать на него грамоту и обратились с этою целью к своему попу, то воевода бил кнутом и попа и служилых людей...».

Такова была печальная картина нравственного состояния сибирского общества до открытия в Сибири архиепископской кафедры. Многие другие данные указывают еще на падение религиозного чувства у русских людей, переселившихся за Уральский хребет, а так как религия для мало образованного человека служит главным сдерживающим началом в его страстях, то при недостатке религиозности он уже не стесняется в проявлении своих диких инстинктов и

«творит, — как говорится в грамоте Филарета, — всякие беззакония беззакорно». Унадок религиозного чувства у русского сибиряка объясняется очень легко. В Сибири, особенно в городах, лицом к лицу столкнулись люди разных национальностей, разных религий и разных нравственных понятий: там были язычники, магометане, лютеране, католики и, наконец, русские православные; туда ссылались пленные поляки, литовцы и немцы, принимавшие участие в смутной эпохе, а мы знаем, что в эту ужасную эпоху не только наши враги, терзавшие русскую землю, забыли Бога, для которых ничего не было святого и которые были более похожи на зверей, чем на людей, но многие и из русских людей, малороссийские и донские казаки, веля себя не лучше прагов. Многие из этих извергов были пленены, сосланы в Сибирь и поверстаны в службу и, таким образом, вошли в состав сибирского населения; туда же ссылались на службу и на государственную пашню «воры», «разбойники», «душегубцы» и другие преступники. И эта смесь элементов не могла не отразиться самым гибельным образом и на «приборных», «переведенцах» и вольных переселенцах из русских людей, на их религиозных и нравственных понятиях*.

Очевидно, что с таким развращенным обществом Киприану трудно было бороться и научить его жить по заповедям Божиим. Архиастырская деятельность первого Сибирского архиепископа началась еще до приезда в Тобольск. Мы выше упоминали, что Киприану вследствие некоторых обстоятельств пришлось пробыть в первом сибирском городе Верхотурье более двух месяцев, и в то время он не сидел без дела, но употребил его с пользой. Едва только он прибыл в этот город, как к нему посылались разные челобитные от городов и сел: одни жаловались на отсутствие храма Божия, другие писали в челобитных, что храм есть, но нет священника и храм стоит «без пения» уже два или три года; иные жаловались, что нет ладау, церковного вина, мира, свечей и всякого другого «церковного строения», а в конце этих челобитных читаем обыкновенный припев сибирского населения, что младенцы умирают без крещения, взрослые — без покаяния и причащения, что некому хоронить и венчать и т. п. Из Березова, Тары, Сур-

* См. наше исследование «Заселение Сибири...», стр. 284, 285.

гута, Томска, Кетского острога, Мангазеи и Нарыма жаловались, что многие русские люди желали бы «поскормиться», но не у кого — черных попов нет, а постригшимся жить негде, потому что в этих сибирских городах нет монастырей. Киприан по мере возможности старался удовлетворить эти жалобы: одних благославлял строить храмы, другим посылал антиминсы, воск для свечей, ладан, церковное вино и пр. Эти-то просьбы Киприану легко было удовлетворить: он вез с собой из Москвы 17 пудов воску, пять ведер вина церковного, пуд ладану и пуд фимиаму. Но где было взять белых и черных попов, в которых так нуждалось сибирское население?! Крестьяне Таборинской слободы, например, били челом царю, что они уже несколько лет «живут скотски, помирают без даров и покаяния, мертвых погребают в пустых местах, роженицы без молитв и младенцы некрещенными живут многое время; они по обещанию воздвигнули храм во имя Преображения Господня, а совершить храм нечем: образов, колоколов, книг и попа нет...». В ответ на эту жалобу Михаил Федорович писал Киприану, что из Москвы посланы в Таборинскую слободу книги, образа, колокола, сосуды церковные, ризы, стихари, поручи, кадила... «а тебе бы богомольцу нашему послать туда попа, обещая ему нашу денежную и хлебную ругу»⁴. Но Киприан взял с собою в Сибирь только трех белых священников, а чтобы удовлетворить просьбы сибиряков, их нужен был целый десяток: в один город Тару требовалось послать двух священников; о присылке священников просили жители Томска, крестьяне невяльские, тагильские и др. Киприан жалуется на этот недостаток духовенства царю и патриарху и просит прислать священников в Сибирь из Руси, но охотников не было, а к указам не всегда можно было прибегать. Нужно было обратиться к местному населению, из него выбирать «добрых и грамотных людей» и посвящать в священники, но и эта мера не давала особых результатов. Еще 14 января 1621 года Михаил Федорович предписывал тобольским воеводам: «Если в Тобольске, или иных сибирских городах дети или племянники или братья попов, дьяконов, посадских и жилищных людей, знающие грамоту, захотят идти к сибирскому архиепископу Киприану в певчие, дьяки и подьяки, то вы дозво-

⁴ А. М. Ю. Дев. св.-дн. № 11801, л. 116.

лили б им, а по неволе никого брать велели б...»*. Но на деле оказалось, что сибирские жители не только не хотели идти к архиепископу в певчие, дяки и подьяки, но немногие соглашались стать и священниками, а из этих немногих — большей частью пьяницы да бражники и едва умеющие читать. И это понятно почему. Жизнь белых священников в Сибири была неприглядна, доходы от прихожан были ничтожные, государю жалование было незначительно (за малыми исключениями священники получали в год только 5 рублей денег и 5 четей хлеба, т.е. напих 20 мер), семейному человеку прокормиться им нельзя, да и его не все получали, а заниматься земледелием было затруднительно то за недостатком рабочих рук, то вследствие воеводских притеснений. Жалобы на воевод от белого духовенства были постоянные; из них оказывается, что воеводы насильно брали священников «для письма и выдела» государева «пятинаго хлеба», и это в то время, когда у белых попов, дяконов начиналась уборка собственных пашен; крестьян, которых они призывали и сажали на свои пашни, воеводы насильно отбирали и сажали на государевых пашнях и т.п. И Киприан, и другие сибирские архиепископы жаловались, что воеводы бьют белых попов батогами, сажают в тюрьмы и даже «отстаивают от церквей Божиих»**. При таких условиях трудно было ожидать, чтобы люди грамотные, да еще «добрые», пожелали стать священниками в Сибири, такие люди легко могли занять там на государственной службе место дяка или подьячего, которое доставляло несравненно более доходов, чем должность священническая.

* Ibid, а. 46.

** А. М. Ю. Сиб. прик., ст. № 571 (ненумер.). Такие челобитные, как, например, следующая, нам попадались в архиве очень часто. «Паро.. Михаилу Федоровичу бьют челом нищие твои богомольцы из Сибири Верх. у. Татяла Преображения Спасова... поп Иваница, дячек Трепка, пономарь Антипка; поповоловы мы, нищие богомольцы, на кормило вместо денежные и хлебные руги, дано нам землицы и севных покосов. А пахати нам тое землицу не нем: которых, государь, гулящих людей приражати себе в покосы и дант им сменной хлеб, скот, лошади, коровы и тех наших половничешов твои государевы воеводы и приказные люди, изгоняючи нас от твоего богомолья, у нас тех наших половничешков отымают в твою государеву пашню в крестьяне без твоего государева указа, мимо вольных людей и те наши пашинники запустели; а приидти и подрядити в половничешка... невозможно; блудя такие самоскыслственные изгоны ништо в покосы нерядится. И нам, твоим государевым богомольцам, кормитца яечем, помирим голодную смертию» и т.д.

Тем не менее архиепископ Киприан делал что мог; нужда заставляла терпеть на священнических местах бражников и пьяниц, нужда заставляла и посвящать в дьяконы и священники таких людей, которые совершенно были недостойны этого звания, и посылать их в разные места Сибири.

Особенное внимание Киприан обратил на сибирские монастыри. Последние были основаны людьми неизвестными, случайным; с именами этих основателей не связано никакого религиозного подвига, который мог бы служить примером для монашествующих. О сибирских монастырях можно сказать то же самое, что сказал один русский летописец про монастыри, основанные на Руси князьями и боярами: «они не таковы, как те, которые поставлены слезами, постом и бдением». С тамошней монастырской жизнью Киприан познакомился уже в Верхотурье и, конечно, был поражен распущенностью монашествующих. Там находился один монастырь во имя Николая Чудотворца, основанный в самом начале XVII века черным попом Ионою; в нем жили вместе несколько монахов и монахинь, а другие постриженные проживали в домах мирских людей. В этом монастыре архиепископ не нашел ни игумена, ни строителя, и храм монастырский стоял «без пения», потому что не было священника; подобные же сведения он получил и о других сибирских монастырях. Из одной царской грамоты мы видим, что Киприан ревностно заботился о лучшем устройстве монастырской жизни в Сибири. Так, в Никольский верхотурский монастырь он поставил в игумены Германа, постриженника Троице-Сергиева монастыря, в строители старца Макария, постриженника Иосифова монастыря, и в священники старца Феодосия; отписал им этот монастырь и приказал «ведать и строить им за один с братией». Кроме того, по совету с верхотурским воеводой и посадскими людьми Киприан поставил за острогом храм во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и устроил при нем девичий монастырь, куда перевел всех верхотурских монахинь. Будучи же в Верхотурье, Киприан послал на реку Невью соловецкого старца Серапиона*, черного попа Христофора и старчика служебника Семидона и велел им воздвигнуть там храм Преображения Господня и монастырь при нем, дав им из своих

* Того самого, о котором мы выше упоминали, что он бежал от Киприана, но потом был схвачен и прислан в Верхотурье.

запасов 30 четвертей хлеба, а лес на храм и кельи велел возить тамошним жителям*.

Далее, в Рождественский монастырь на реке Татил в Верх. у. Киприан послал игумена Авраамия и в строители старца Варлаама; в Тюмень в Преображенский монастырь послал игумена Авраамия, постриженика Ростовского митрополита Варлаама Рогова⁹³, и с ним строителя старца Иону, постриженика Белозерского монастыря, и келара старца Онуфрия, постриженика новгородского Антониева монастыря; в Тобольск в тамошний Никольский или Успенский монастырь послал архимандрита Мефодия и с ним строителя старца Феодосия, постриженика Ярославского монастыря, и черного дьякона Ферапонта, постриженика Печерского монастыря; в Березов⁹⁴ в старый Воскресенский монастырь послал игумена Тарасия, постриженика Корезинского монастыря (Сольвыч. у.); в старый Введенский монастырь⁹⁵, находящийся в Верх. у. при реке Нейве (sic), послал в строители старца Стахей, постриженика новгородского Юрьева монастыря, и с ним черного попа Феопемта, постриженика Горичского монастыря (в Переяславе Зал.), и верхохотурского старца Исидора. Затем, по приезде во второй сибирской город Туринск, Киприан поставил в тамошний Pokровский монастырь в игумены черного священника Макария и с ним отпустил двух старцев. Донося об этих распоряжениях патриарху, Киприан в то же время просил его ходатайствовать пред царем и о материальном обеспечении этих монастырей. В

* Таково было происхождение Невьянского Богоявленского монастыря. Храм начал строить Серапим в 1622 г. на одном острове между реками Тетерькой и Моленкой. Но постройка подвигалась очень медленно: к 1624 г. срублено было только 12 венцов храма Преображения Господня да келья и клетя. После постройки храм был освящен не во имя Преображения Господня, как благословил Киприан, а во имя Богоявления; вот почему и монастырь стал называться Богоявленским. К концу первой половины XVII века в нем уже было 19 монахов. См. А. М. Ю. Сиб. пр., № 65, л. 265.

⁹³ Из одного дописания самого Киприана видно, что в Березове в это время не было монастыря, но это исключение известия, вероятно, нужно понимать так, что Березовский монастырь находился в совершенном запустении, и чтобы возобновить в нем жизнь, послан игумен Тарасий.

⁹⁴ Этот монастырь замечателен тем, что он был основан, как оказывается из дописания Киприана, боярином Иваном Никитичем Романовым во время ссылки его в Сибирь Борисом Годуновым. Но мы не знаем, какая река называлась Нейвою, во всяком случае это не Невья, или Нейва; в документе место этого монастыря определяется так: «при р. Нейве, недоезжая двух дней до Верхотурья».

ответ на это донесение Михаил Федорович прислал Киприану грамоту, в которой писал, что в Тобольск, Верхотурье, Туринск, Тюмень и Березов к тамошним воеводам посланы указы, чтобы «они архимандрита, игуменов, строителей, келаря, черных попов, которые тобою посланы в старые и новые монастыри и старцев и старцев тех монастырей устроили нашим годовым жалованьем — денежною и хлебною ругною, пашнями, санными покосами, рыбными ловлями и всякими угодами...»⁴.

По прибытии в Тобольск Киприан нашел беспорядки и в тамошнем Успенском монастыре; в последнем так же, как и в Верхотурском монастыре, монахи и монахини жили вместе и вели соблазнительную жизнь. Киприан основал в Тобольске в нижней части города под горою новый монастырь во имя Знамения Пресвятой Богородицы^{4а}; сюда были переведены старцы Успенского монастыря, а старцы остались жить в последнем. Тот же архиепископ решил было основать монастырь в Мангазее и вскоре по прибытии в Тобольск послал туда для этой цели архимандрита Мефодия со всяким церковным строением, но неизвестно почему, только это намерение Киприана не осуществилось^{4в}.

Вообще сибирские монастыри очень многим обязаны первому Сибирскому архиепископу: он дал им лучшее устройство, запретив монахам и монахиням жить вместе, основал для последних особые монастыри, тем и другим монастырям строго запретил жить в мирских домах, а некоторые монастыри только благодаря его ходатайству получили казенную ругу и выделены земель и разными угодами.

Но самым трудным было делом для Киприана — поднять нравственный уровень сибирского населения, ввести свой архиерейский суд и расправу, создать архипастырский авторитет как среди инородческого мира, так и среди русских переселенцев и вообще нравственно повлиять на свою сибирскую паству. В этом деле он встретил почти непреодолимые препятствия, и прежде всего потому, что ему не пришлось найти поддержки ни среди тамошних светских властей, ни среди тамошнего духовенства. Явившись на место службы,

⁴ А. М. Ю. Ден. ст., кн. № 11801, л. 136—141.

^{4а} Ежемес. сочинения и известия 1764 г. Янв., стр. 409. Здесь Миллер говорит, что Киприан послал в Мангазею игумена Тимофея, но это неверно: из одной отписки тобольского новоподы Сулепова^{4б} видно, что отправлен был туда именно арх. Мефодий.

Киприан сразу почувствовал себя одиноким при выполнении тех обязанностей, которые возлагал на него архиепископский сан, а «один в поле — не воин». На тамошнее белое духовенство он не мог рассчитывать: оно было и слишком малочисленно, и к тому же распущено не менее светского общества. Черных попов было совсем мало, а о монастырях и говорить нечего после того, как мы привели донесения самого Киприана и учительное послание патриарха Филарета.

Первому Сибирскому архиепископу на первых же порах своего служения пришлось вступить в борьбу с собственным штатом священно- и церковнослужителей, с своими старшами, приказными и дворовыми людьми, встретить с их стороны резкую оппозицию всяким его нравственным стремлениям. Мы сейчас увидим, что они не только не способствовали возвышению авторитета своего архиепископа, а, напротив, всячески старались унизить его в глазах тамошнего общества, дискредитировать его сан и самую личность. Мы уже говорили о той неприятной встрече, которая произошла у Киприана с его штатом в Верхотурье, но это было только началом враждебных отношений к архиепископу немногих переселенцев в Сибирь. Нужно заметить, что жители Тобольска не особенно радостно встретили новых приезжих. Уже в сентябре 1621 года Киприан писал патриарху, что они находятся в великой нужде — «всяких чинов люди всегда приходит с великим шумом и праздною и теснят протопола с братией, церковников и служебников и с дворовых их стоняют... да и другая нужда их тяготит: приехали они в Тобольск поздно, огородов нет и канует посадить негде». Вследствие этого донесения Киприана Михаил Федорович указал, чтобы протопоп, попы и все церковные люди ставили свои дворы, а пока построят, стояли бы у всяких тобольских людей «переменяясь по чети года»: велел также отвести им места и под огороды. Затем протопоп с товарищами били челом государю о соли, и Михаил Федорович велел тобольскому воеводе давать протопопу, протодякону и попу по 10 п. соли на год, дяконам по 7 п., пономарям — по 4 п., и т.д. Но скоро оказалось, что действительной причиной жалоб протопопа с товарищами, церковников и служебников было не плохое материальное их положение в Тобольске, а исключительно желание поскорее возвратиться на Русь. В новой отписке Киприан писал царю и патриарху: «Те попы с ним, архиеписко-

пом, в соборе в церковных службах быть не хотят и в церкви не служат и его ни в чем не слушают, да кроме того выставляют на него ропот великий и государева денежного и хлебного жалованья не взяли и живут самовольством». Вероятно, еще не получив этой отписки Киприана, Михаил Федорович писал ему: «Ведомо нам стало, что протопоп Иван, ключарь Игнатий, поп Иван Гнездинский, поп Антон, воскресенский поп Иван и дьякон Лука едут из Сибири без нашего указа и мы велели их поворотить»⁴. А из донесения Киприана в 1623 году однако видно, что и после этого они не хотели служить и не брали жалованья. «Нам же за церковную службу, — говорили эти попы архиепископу, — приняться нельзя, потому что доброты их пишут из Москвы, что им одиолочно вскоре быть на Москве по прежнему». Михаил Федорович и патриарх Филарет, получив это донесение Киприана, указали: «Тех бездельников и воров попов за их воровство и ослушание... розослать из Тобольска в дальние сибирские города в Мангазею, в Кетский и Кузнецкий острожки поровню тотчас безсрочно и быти им в тех городах в рядовых попах». Но этот указ не был исполнен: заменить этих попов было нечем, а между тем они, вероятно, испугавшись еще более далекого заточения, помирились с своим положением, приняли государно жалованье и начали отправлять свои обязанности. Они жили в Тобольске еще при Алексее Михайловиче, как это видно из их челобитной к этому государю о прибавке им денежного и хлебного жалованья^{4*}.

Не лучше себя вели в Тобольске и разные старцы, певчие дьяки, приказные и дворовые люди, данные Киприану. И на них с самого приезда в Тобольск архиепископ жалуется, что они просятся в Москву и «приходят к нему зговором с шумом...». А когда Киприан их не отпустил, то «25 января 1622 г. во время заутрени келейник, старец Никифор, певчие дьяки четыре человека, принося ключ, отомкнули замок у сеней, взломали ящик и вытащили из него денег 90 р., а также украли однорядку английского сукна, ферязь, кафтан бархатный, сапоги сафьяновые да у певчих дьяков вытащили из подголовы две книги, стихиры и иные переводы путные и дежественные...». Затем, закупив самопалов и пороку и соединившись с другими

⁴ А. М. Ю. Ден. ст. кн. № 11801, л. 186. См. гр. царя к Киприану от 1622 г. февр. 24.

^{4*} См. наше исслед. «Заселение Сибири...», стр. 187.

архиепископскими людьми, побежали из Тобольска на Русь. Но и этим людям бегство не удалось: в Верхотурье их схватили и снова отправили к архиепископу. А на допросе у верхотурского воеводы четыре из беглецов человека объявили, что если их опять отошлют к архиепископу, то они отравят последнего. Тем не менее, несмотря на эту угрозу, их отослали. Тогда они иным образом решили избавиться от службы в Сибири и возвратиться на Русь. По наущению архиепископского приказного человека тот же старец Никифор с товарищами начали обвинять Киприана в каком-то великом духовном преступлении и подали известие тобольскому воеводе, в котором писали, что они знают за архиепископом «великое государево дело», но объявят его только самому патриарху. А так как воевода Годунов питал вражду к архиепископу и рад был случаю причинить ему какое-нибудь зло, то, выслушав клеветы челобитчиков, он действительно отправил их в Москву. Здесь сделали им допрос, и они скоро сознались, что затеяли дело на Киприана напрасно, и просили помилования. По поводу этого дела Михаил Федорович и патриарх Филарет писали Киприану: «Мы тебя оборонили и учинили им наказание: старца послали на смирение в Кириллов монастырь, а келейника и певчих отослали к тебе и быть им по прежнему, потому что повинились; а воеводам писали с опалкою, что они то учинили не делом, что плутни те слушали и верили им и велели на воеводах взять прогоны вдвое». Но от одних «оборонили», а другие — ризничий чернец Федосий и старцы Христофор, Адриан и Абрамий скоро прислали и с своей стороны известную челобитную, в которой объясняли, что знают за архиепископом «великия духовныя дела», и просили, чтобы взяли их для допроса в Москву. Упомянутый ризничий, будучи однажды посажен в крепость «на смирение», ушел оттуда и, прибегав в церковь, где служил Киприан, «вопил во все люди», что архиепископ мучит его в цепь и железах не по вине, а за то, что он знает за ним, архиепископом, государево дело*.

С такими-то людьми пришлось первому Сибирскому архиепископу служить в Тобольске, нести тягость архиерейского служения! Тем менее он мог найти себе помощников среди тамошнего духовенства: по его словам, это все были воры, бражники и пьяницы. Например, о вознесенском попе Коядрате то-

* А. М. Ю. Ден. ст., лл. 191, 296, 215, 264.

больские воеводы доносили в Москву, что он самовольно сложил в Вознесенской церкви место, устроенное для архиепископа; софийский поп Яков упрекал тобольского вознесенского попа Алексея в порче патриарха Филарета Никитича и подавал известную челобитную в духовном деле на Киприана; а поп Алексей жаловался на того же попа Якова, что он «хочет убить его дочь», свою жену, издрал скуфью на четверо, перелезывает свое полковское платье на дворянское, держит под постелью панталоны, спал на ней и топтал ее ногами и пр., и пр.»⁸.

Много можно было бы привести и других подобных фактов из жизни сибирского духовенства, но и приведенных достаточно, чтобы видеть, какие ненормальные отношения установились между первым Сибирским архиепископом и подчиненным ему духовенством, как мало последнее обращало внимания на святительский авторитет Киприана даже в самом Тобольске и творило всякие беззакония на его глазах. Киприан постоянно жалуется царю и патриарху, что «духовный чин ни в чем его не слушает и заговевает на него разные заговоры», а царь и патриарх советуют ему «смирять его всякими мерами», надеяться на их милость и не обращать внимания на доносы и заговоры, а воеводам предписывают давать архиепископу по первому его требованию «приставов на непослушников». Но воеводы сами «потакали» духовному и всякому мирскому чину не слушать архиепископа, сами стали во враждебное к нему отношение. Не встретил Киприан сочувствия в Сибири и со стороны населения, и особенно со стороны служилого класса, который там был господствующим. И причины такого враждебного настроения к архиепископу сибирских земель и служилых людей для нас понятны. Они хорошо понимали, что Киприан будет печальником за всех обиженных, будет писать царю и патриарху о всех их беззакониях и его донесения будут подействительней, чем жалобы на них посадских людей, крестьян и инородцев. И Киприан наперед предугадывал, что его донесения о беззакониях воевод и служилого класса вызовут со стороны последних ожесточение против него и, кажется, старался скрывать от сибирского населения содержание своих отписок в Москву. Этим только и можно объяснить действительный смысл упрека, сделанного Киприану патриархом в учительном послании: «А ты нам о том ни о чем не пишешь». Но

⁸ ГИД, л. 254, 256.

скрыть оказалось невозможным, и сибиряки поняли, что учительное послание Филарета Никитича и грозные грамоты Михаила Федоровича написаны на основании донесенных их архиепископа: воевода тобольский Годунов в письме к пельемскому воеводе прямо выразился, что государь и патриарх писали в Сибирь по грамоте архиепископа. А потому и буря негодования, вызванная в сибирском населении упомянутым посланием Филарета, главным образом была направлена на Киприана. Об этом негодовании мы можем судить по одной царской грамоте к Киприану, написанной по поводу донесения последнего патриарху о том, как встречено было в Сибири его учительное послание: «Писал ты к отцу нашему Филарету Никитичу и прислал челобитную, а в челобитной написано, что в 1622 г. апреля 30 дня прислана к тебе отца нашего Ф.Н. для сибирских людей учительная грамота от правил св. апостолов и св. отец, чтоб всякие люди вперед жили по христианскому обычаю, а беззаконие всякое отложили и велено тебе ту грамоту прочесть всем людям вслух, создав в соборную церковь боярина нашего и воеводу М.М. Годунова с товарищами, дворян, детей боярских и всяких служилых и жильцких людей. И как ты, богомольец наш, ту учительную грамоту начал читать* и в то время многие бездельники, бражники и воры и зерщики и мятежники боярские детишки по его (боярина Годунова) наущению пришли невежливым обычаем, пьяные с дубинами, Никита Кочет с товарищами и грамоту отца нашего слушали воровским обычаем, не сняв шапки (это в церкви-то!) и подняли мятеж великий и стали на тебя, богомольца нашего, шуметь и задор чинить и говорить пред тобою невежливо. А ты говорил о том боярину нашему Годунову пред товарищами его... чтоб он тех воров велел унять и он твоего совета не послушал: сам тех воров не унял и товарищам своим унимать не велел. И тех воров начал было унимать софийский протопоп, но они и его безчестили и боярин и воеводы за то им ничего не учинили**». Но этого мало: многие тобольские жители, чтобы выра-

* Считаем нужным упомянуть, что эта грамота подана Киприану уже распечатанною и, стало быть, с содержанием своей некоторые познакомились ранее, чем сам Киприан. Когда об этом узнал Михаил Федорович, то предписал «обычаем» Ивану Спасскому и Орфу Базмакову «бить» пред разрядом богатоми нещадно» Давида Низовцова, привезшего эту грамоту в Тобольск.

** Ibid, л. 246. См. гр. Мих. Фед. к Киприану от 5 февраля 1623 г.

зять свое презрение к учительному посланию патриарха, показывать, как они относятся к его религиозно-нравственным наставлениям и сколь мало боятся своего архиепископа, «на той же неделе объявились в великих духовных делах». Киприан, донося об этом, не упоминает, в какие именно великие прегрешения впали «многие люди» в Tobольске, но он был слишком ими возмущен: ветоуя на воевод за то, что они этим преступникам «учинили наказание слетка», замечает, что их следовало бы «огнем сжечь».

Так нравственно одичали русские в Сибири и особенно служилый класс!

Если Киприан не мог пользоваться своею архиепископскою властью в Tobольске, иметь там нравственное влияние, то тем менее можно было ожидать, чтобы жители других сибирских городов подчинялись его суду и расправе, слушали его наставления. Но, пожалуй, можно предположить, что tobольские жители так неприязненно относились к Киприану, будучи подучаемы воеводой Годуновым, а что в других сибирских городах воеводы уважали его сан, относились к нему с благоговением и к тому же побуждали своих подчиненных. Но исторические данные говорят иное и решительно свидетельствуют против такого предположения: и в других городах воеводы относились враждебно к своему архипастырю, и значит, и там авторитет последнего ставился низко. Мы уже упоминали, что туринский воевода не принял игумена, назначенного Киприаном в туринский Покровский монастырь, и самого архиепископа обругал, но из Tobольска Киприан жаловался царю, что «тех попов и игуменов, которых он послал, не принимают ни в которых городах». Нужен был особый царский указ, чтобы заставить сибирских воевод помириться с назначениями Киприана. Дело в том, что не одной личной ненавистью tobольского воеводы Годунова к Киприану объясняется вражда между ними, и без того столкновение между воеводскою властью и архиепископскою было неизбежно. По приезде в Сибирь Киприан немедленно разослал по разным городам боярских детей в качестве своих приказных людей «десятильников», чтоб они творили суд и расправу «по духовным делам» как над городским, там и сельским населением. Круг обязанностей этих десятильников был обширный: дела, подлежащие их ведению, в распущенном сибирском обществе, можно сказать, возникали еже-

минутно. Но сибирское население уже привыкло по всем делам суда и расправы обращаться к воеводам и продолжало то же делать и при архиепископских приказных людях, а воеводы не хотели поступаться своими правами и по-прежнему разбирали всякие дела.

Киприан в своих грамотах² к сибирским воеводам довольно подробно перечисляет все те дела, которые должны были

² Одну из таких грамот мы нашли в архиве Минист. иностр. дел, в портфеле Миллера. Ввиду особенного интереса этого документа мы считаем нужным привести его здесь буквально. «Царя Государя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси воеводам, сыновом нашего смирения, великим государем Ивану Никитичу, Федору Васильевичу, преосвященный Киприан, архиепископ Сибирский и Тобольский, благословляя и Бога моля челом бьет. По государеву и великаго князя М.Ф. в Руси указу и по благословению нашего государя, святейшего Фаварета Никитича, патриарха московского и в. Руси и по нашему благословению послаи в Мангазею, на Таз и на Турухан и в Песиду софийский сын боярский Василий Стогов с наказом, а велено ему на Тазу и на Турухане и в Песине (би) по нашему указу велети к судити во всяких наших духовных делах, а которым наши духовные дела приказаны ему Василию велети и судити против государевых царных и в. Кн. М. Ф. в. Руси указов и грамот против указов же и грамот в. г. св. Феофан. Н. патр. Москов. и в. Руси, а которые в их государских указах и грамотах написаны судные духовные дела судити и то написано в сей нашей грамоте, именно: диякия и детей боярских и всяких служилых и жильских и торговых приезжих людей и лугимов и строгатей, черных попов и дяконов и мирских белых попов и дяконов и кто в клиросе стоит, чернцов, черниц, девиц, попадей, поповичей, легче проскуриниц, процентца, баб, кума, куму, братья и сестер, названых вдовец, задумных человек монастырей, башки и кто порты черемисные сшивает, во всях крестьянских людех, розпутцы, сироты, ученики, пошибавые, заступне промеху мужем и женою, о жюде их в племях или в савостве поимитца, ведомые, блудя и злая и еретичество, зубо- или отца и матерь бьет сын или дочь, или уречет скверными словами, преда- гнет отца и матерь, или сестры, или дети, или племя тяжутца о задницу, церковная татьба, о мертвецы сощачет, гробная татьба, кресты посскают или из крестов трески емлют, в церквию ссочет или или поточет без вели- ния куми вывет или что неположено ино церквам здеет. Это все, господа, наши духовные дела и вам бы, господа, по государеву указу и вел. Кн. М. Ф. всея Руси указу и по грамотам и по указу же и грамотам вел. государя св. Феоф. Н. патриарха московского и всея Руси и те наши духовные дела, ки в которых не вступатца и у приказного нашего тех наших духов- ных дел никаких не откиматы и за ворон не стоять и ворон не укрывать, а которые люди учуют приказному нашему в наших духовных делах ставятца сильны и под суд нечуют ходити и вам бы, господа, на тех осудивших приказному нашему Василию давати государевых приставов и отсылати тех осудивших к приказному нашему да и дворец бы, господа, поможасла- ти дати ему Василию где стоять, а милости Софе и Премудрости Божией и великих государей и всех святых и нашего святейшего благословения быть и будет с вами. Писка в Тобольску лета 7132 февраля 1 дня». См. Порт. Миллера, № 477. Тетр. 1.

водить его приказные люди, просит их не вмешиваться в эти духовные дела, не стоять за преступников и помогать архиепископским десятильникам в том случае, если преступники не захотят идти под их суд. Но на практике выходило так, что каждый обращался туда, куда ему было выгодней: например, истец шел за судом и управой к десятильнику, а ответчик искал защиты у воеводы, или наоборот; следствием же этого было неизбежное столкновение между этими двумя властями. И вот Киприан в первый же год своего служения в Сибири начинает жаловаться царю и патриарху, что воеводы и другие государственные приказные люди вступаются в его архиепископский суд, покрывают всяких беззаконников и беззаконниц и не дают его десятильникам судить их в духовных делах, а люди всяких чинов, надеясь на заступничество воевод, «живут блудно и творят всякие беззакония беззаворно». На эти жалобы царь отвечает указами сибирским воеводам, чтобы они и государственные приказные люди в духовные дела не вступались, слушали бы в этих делах архиепископа и его десятильников, а служилых и всяких чинов людей упимали от всякого беззакония, тех же, которые не станут слушать архиепископа и его десятильников, чтобы наказывали смотря по вине. Но не одни воеводы и приказные люди мешали духовным властям в Сибири творить суд и расправу. Киприан жалуется, что и простые люди — стрельцы, казаки и других чинов люди — «не дают разводиться незаконно ожилельствующим, скрывают всякие вину беззаконников и беззаконниц: в монастырских черницах живут с женами и он хотел развести их и учинить им наказание по правилам саотцов и за тех беззаконников стоят всяких чинов люди». И по поводу этих жалоб Михаил Федорович платит грамоты к сибирским воеводам и в них делает им строгий выговор за нерадение. «Ведомо нам стало, — читаем в грамоте к березовскому воеводе, — что в сибирских городах служилые и всяких чинов люди учинили меж собою совет, в духовных делах, богомольца нашего, архиепископа Киприана и его десятильников слушать и под суд к нему ходить не хотят, а научают меж себя на архиепископа служилых и всяких чинов людей во всех сибирских городах шуметь, а вы, воеводы, в том им потакаете... и в пьянствах у вас многие люди бьются и режются до смерти, а вы про то не сыскиваете»². Но все эти грамоты оставались мертвой

² См. наше исслед. «Заселение Сибири...», стр. 268—269.

буквой для воевод и разных служилых людей. Тогда московское правительство решило в 1622 году послать в Тобольск Ивана Спасителя и Орефа Бапмакова в качестве следователей «обыщников», чтобы они на месте познакомились с отношениями тобольского воеводы Годунова к Киприану, разузнали о причинах шума и брани, которыми сопровождалось чтение в соборной церкви учительного послания патриарха и пр. К сожалению, этого «обыска» до нас не дошло и мы ничего не знаем о результатах упомянутого следствия.

С 1623 года положение Киприана в Тобольске изменилось к лучшему: воевода Годунов был удален, а на место его прислан боярин Ю.Я. Сулепов, человек добросовестный, деятельный и энергичный; ему Сибирь очень многим обязана. Между ним и архиепископом с самого его приезда в Тобольск установились хорошие отношения, которые не прекращались до самого отъезда Киприана из Сибири. Кажется, население тобольское, и особенно служилый класс, с неудовольствием смотрело на подобное отношение нового воеводы к архиепископу, и напались между ними люди, которые хотели вызвать ссору между этими властями, такую же вражду, которая существовала при прежнем воеводе. Но этого им не удалось. Мы выше упоминали, что священник Кондратий сломал в Вознесенской церкви место, устроенное для Киприана, но мы ничего не сказали о мотивах, которыми руководился в данном случае тот священник, а они очень интересны. Из одной царской грамоты к Киприану оказывается, что этот Кондратий сломал архиепископское место неспроста, а с целью поссорить своего архиепископа с новым воеводой. Сделавши свое дело, он объявил Киприану, что сломал место по повелению воеводы Сулепова, а последнему сказал, что сделал это «по благословению» архиепископа. Будь иные отношения между этими властями, не существов взаимного доверия между Киприаном и Сулеповым, ложь Кондратия произвела бы свое действие и вызвала бы сначала пререкания, а потом и вражду. Но архиепископ и воевода объяснились, и поступок этого священника не прошел ему даром. На допросе он «повинился», что «солгал» тому и другому и хотел этой ложью «уинить ссору» между ними. «И мы и отец наш Фидарет Никитич, — пишет Михаил Федорович к Киприану, — слушали то дело и советовались о том, и отец наш

указал того попа Кондратия за его вину, что он меж тебя, богомольца нашего, и боярина Ю. Сулешова хотел учинить ссору, от службы отлучить и священническая не действовать и божественной литургии не служить, скуфью с него снять на 4 месяца и посадить во смирение на цепь, да в мукосейню на 2 недели...»⁴.

Благодаря Сулешову авторитет Сибирского архиепископа поднялся и его святительский суд сделался более действительным, но только в Тобольске. В других же сибирских городах, где действовали архиепископские десятильники, этот суд по-прежнему имел мало значения. И Киприан по-прежнему жалуется, что его десятильников нигде не слушают, воеводы вступаются в духовные дела, не дают десятильникам приставок на ослушников и пр. В свою очередь и воеводы доносят в Москву, что архиепископские приказные люди всяким уездным и городским людям делают притеснения и обиды, берут взятки и т.п.

Словом, между архиепископскими приказными людьми, как представителями церковной власти, и сибирскими воеводами, как представителями светской власти, установились самые враждебные отношения, и это не могло не отразиться печальным образом на выполнении первым Сибирским архиепископом той высокой задачи, которую возложил на него патриарх Филарет. И в самом деле: что могли сделать архиепископские приказные люди и даже сам архиепископ, если им не помогала светская власть, которая только одна и располагала материальной силой?! Например, в 1623 году старицы Тюменского женского монастыря жаловались архиепископскому десятильнику на свою игуменью в духовном деле, что она «живет не по иноческому обещанию», и ссылались на одного ярыжку как на свидетеля грешных поступков игуменьи. Десятильник потребовал к допросу этого ярыжку, но последний не захотел пред ним дать никаких показаний, говоря, что он может объявить про духовное дело игуменьи только самому архиепископу. Тогда десятильник обратился к воеводе с тем, чтобы он посадил на время ярыжку в тюрьму, но воевода отказал ему в этом. Что значил после этого суд приказных

⁴ А. М. Ю. Ден. ст., кн. № 11801, л. 254. См. гр. Мих. Ф. к Киприану от 1623 г. 15 декабря.

людей архиепископа? И чем эти приказные строже относились к своим обязанностям, тем сибирское население более их ненавидело и на их нравственный надзор не обращало никакого внимания, и продолжало жить так же, как и жило прежде. Киприан скоро оставил тобольскую архиепископскую кафедру и, вероятно, с полным сознанием, что его заботы поднять нравственное состояние сибирского населения были совершенно бесплодны. И действительно, чтобы убедиться в этом, стоит только взглянуть в документы, относящиеся к последующему времени.

Что же касается миссии Киприана — распространения слова Божия между неверными, — то за отсутствием материала мы не можем судить о том, насколько она была успешна. Мы выше упоминали, что царь и патриарх возлагали на Киприана особенные надежды в деле распространения христианства между сибирскими инородцами и давали ему для этого большие средства. И тобольским новоидами Михаил Федорович предписывал: «Как архиепископ Киприан приедет в Тобольск и если иноземцы — татары, остяки, самоеды и вогулы захотят креститься в православную веру греческого закона, а в их платьях крестить нельзя и архиепископ станет присылать к вам за платьем для тех людей, то вы посылали б: лучшим людям сукна на одну-ради, на страфильных, а меньшим людям сукна летчину, кафтаны, шапки, рубашки, порты и сапоги; покупали б (эти вещи) у торговых людей и платили за них деньги из нашей казны...»⁶.

Несомненно, что отдельные случаи крещения инородцев во время Киприана бывали, и число поокрещенцев все более и более увеличивалось, но мы не можем сказать, насколько этот архиепископ лично способствовал обращению ко Христу сибирских язычников и магометан. Знали только, что со времени Киприана начал вводиться в Сибирь обычай — отдавать новоокрещенцев в монастыри «под начело» для научения их истинам христианской религии. Очевидно, что этот архиепископ, заботясь об устройстве сибирских монастырей и ходатайствуя пред царем о материальном обеспечении оных, смотрел на монастыри глазами свя-

⁶ А. М. Ю. Дев. ст., кн. № 11801, л. 41. См. тр. Мих. Федор. в Тобольск от 1621 г. 15 янв.

тителя Гурия как на рассадники христианского просвещения между иноверцами; «да орют сердца людей, — писал Гурий о монахах Грозному, — и да сеют в них семя слова Божия»⁸. Положим, что сибирские монастыри по своему нравственному состоянию в то время не были похожи на те, которые основаны Гурием в бывшем Казанском царстве и монахи сибирские слишком были далеки от того идеального о них представления, которое имел этот святитель, но тем не менее, будучи руководимы таким энергичным архиепископом, каким был Киприан, и сибирские монахи могли бы оказать услугу делу распространения христианства между сибирскими инородцами и сами подняться до той нравственной высоты, которая требуется от монашествующей братии. Но, к сожалению, Киприан пробыл в Tobольске только около трех лет и за это короткое время, конечно, не мог нравственно очистить сибирские монастыри и внушить им заботу о христианском просвещении язычников и магометан, а его ближайшие преемники и сами мало об этом заботились. Знаем также, что Киприан был очень доступен сибирским инородцам, и едва только он приехал в Tobольск, как целые толпы татар, остяков и вогулов начали приходить к нему с разными просьбами. Эта доступность архиепископа могла сближать его с инородцами и давать ему возможность беседовать с ними о их религиозных заблуждениях и приводить их к вере во Христа. Киприан был очень внимателен к разным осякам, вогулам и татарам и, как мы выше видели, доносил в Москву о многих жалобах на притеснения, которые они терпят от воевод и разных приказных людей. В этих донесениях он однажды писал: «Сибирские воеводы выбирают толмачей по себе, для своего пристрастия и всякое насильство и продажи делаются от толмачей вместе с ними; татары, вогулы и осяки бьют целом воеводам и приводят новых толмачей, но воеводы последних не принимают и старых не отдают; вследствие таких воеводских притеснений многие инородцы побросали свои дома и разбежались в дальние места и даже новокрепцы оставляют свои дворы и жен, изменяют и бежат к калмыкам». Само собою понятно, что подобное «печало-

⁸ Ист. Р. Церкви Макария, т. IV, стр. 342.

вание» Киприана было не по сердцу сибирским воеводам, и, кажется, тобольский воевода Годунов скоро отнял у него толмачей, чрез которых он только мог объясняться с инородцами. По крайней мере уже чрез год после приведенного доведения Киприан жаловался Михаилу Федоровичу, что «приходят к нему на двор всякие люди — вогулы, остяки, татары и калмыки, а толмача нет», и просил разрешения выбрать для него толмача из посадских людей*.

Теперь спрашивается, куда же девались прежние толмачи, чрез которых Киприан беседовал с разными инородцами в первый год своего пребывания в Tobольске? Отсутствии толмачей при нем в последующее время и можно объяснить только вмешательством воеводы Годунова, запрещением с его стороны разным людям «толмачить» при архиепископе. При таком положении трудно было ожидать от Киприана особенных успехов в деле обращения ко Христу разных сибирских язычников и магометан!

Киприан вникал и в нужды русского населения и делал о них подробные доведения в Москву. «Приходят разных городов торговые люди, — писал он вскоре по прибытии в Tobольск, — и бьют челом на воевод, что во всех городах, из Мангазеи едучи, от воевод им задержание великое и продажа делается: в Мангазее они дают десятую поплнину, а в Березове, и в Tobольске, и в Тюмени, и в Яланчине (Туринск), и в Берхотурге и в Соликамске и в Сольвычегодске товары у них распевают и пересматривают и лучшие выбирают на себя и во всяком городе задержание им бывает по месяцу и больше и они терпят от этого большие убытки; поплнину с товаров берут большую и сказывают, что это на государя... И им от воеводских насилий и от продаж и от задержания впредь в сибирские города ни с какими товарами ездить невозможно...». Доносил также Киприан и о посадских людях, и о крестьянах, и о тех притеснениях, которые они испытывают от воевод, подьячих и разных приказных людей. Так что если бы все эти сведения, заключающиеся в отписках этого архиепископа к Михаилу Федоровичу и патриарху собрать в одно целое, то можно было бы, даже не имея под руками других документов, составить довольно ясное представление о положении в Сибири русских людей и

* А. М. Ю. Ден. ст., кн. № 11801, л. 259.

инородцев и о разных сибирских властях в его время. Вообще Киприан по приезде в Тобольск скоро ориентировался в общественных делах Сибири, легко замечал недостатки в них и не только умелю рукою описывал их правительству, но и предлагал меры к уничтожению этих недостатков. Товари, например, о разных злоупотреблениях в Сибири, вследствие которых страдает и русское, и инородческое население и вместе с тем «государева казна», он замечает: «В сибирских городах подьячие живут годов по 20 и больше и живучи разбогатели, дворы и деревни поставлены у них большие, а воевод они не слушают и всякое насилие всем людям делают большое... и если только из всех сибирских городов подьячих не переменить, то впрямь быть смуте великой...»*. Нам даже кажется, что так называемый «распорядок» воеводы Сулепова, т.е. его распоряжения о поцдинах с торговых и промышленных людей, имевшие целью улучшение состояния торговли и промыслов в Сибири, о обходе ясака с инородцев, его меры для развития земледелия в этом краю и т.п. во многом соответствовали донесениям Киприана об этих предметах московскому правительству. Этот архиепископ внимал во все стороны жизни сибирского населения, всякое земское и государево дело не чуждо было ему, и потому правительство очень ценило его донесения. Так, в одной царской грамоте к Киприану от 1621 года ноября читаем: «Ты, богомолец наш, то учинил гораздо, что о нашем деле радешь и всяких людей нужу рассматриваешь и нам о том ведомо чинишь...». Царь и патриарх особенно доверили Киприану и даже обращались к нему за советом по разным делам, касавшимся Сибири. Например, в 1621 году бывший томский воевода Федор Боборыкин подал обширный проект, в котором предлагал правительству уничтожить сибирские города Березов, Сургут и Кетск, уменьшить число служилых людей в Туринске и в Томске, доказывая, что в таком случае содержание служилых людей в Сибири сократится наполовину, а «прибыль государя» увеличится в несколько раз, и пр. Правительство, выслушав мнения об этом проекте нескольких воевод, бывших в разных сибирских городах, отправило все дело к Киприану и просило его высказать о нем свое мнение**.

* Ibid., л. 148.

** Ibid., л. 156—172. См. гр. Мих. Федор. к Киприану от 1621 г. дек. 19 дня.

В заключение обзора деятельности первого Сибирского архиепископа следует еще упомянуть, что он же и положил начало сибирскому летописанию. «Во второе лето своего архиепископства, — говорит один летописец, — вспомнив об атамане Ермаке Тимофееве и о дружине его «храбровавших» в Сибири над нечестивыми агарянами, повелел он пастырь добрый расспросить ермаковых казаков, как они с атаманом Ермаком пришли в Сибирь и где у них с погаными были бои...»*. Сведения, сообщенные Ермаковыми сподвижниками, были записаны и послужили главным материалом для некоторых сибирских летописцев при составлении ими описаний похода славного Ермака с дружиною. По повелению того же архиепископа Ермак и его сподвижники, погибшие в битвах с татарами, были внесены в синодик для вечного их поминовения.

Мы упомянули, что с прибытием нового воеводы в Tobольск положение Киприана улучшилось, но он уже устал от борьбы, которую вел с Годуновым, с своим штатом и служилыми людьми, ему уже стало тягостно архиепископское служение в Сибири. Вследствие этого летом 1623 года Киприан отправил просьбу к патриарху Филарету Никитичу о разрешении ему побывать в Москве, чтобы «видеть очи государя». В ответ на эту просьбу Киприан уже в начале сентября того же года получил следующую грамоту от царя Михаила. «Писал к отцу нашему Филарету Никитичу, что ты нам служишь и о наших делах радуешь и самовольников унимаешь, а о том скорбишь, что ты долго наших очей не видал и мы советовав с отцом нашим Ф.Н. тебя пожаловали — тебе быть к Москве видеть наши государские очи и ты б, богомолец наш, как к тебе сия наша грамота придет, ехал к нам к Москве видеть государские очи по зимнему пути, или как твое время будет, а с собою ваял бы людей сколько тебе надобно, да ризницу, да дякоу певчих и подьяков, а о подводах на чем тебе из Tobольска ехать к Москве послана к тебе от нас подорожная, велено тебе дать 30 подвод и к боярину нашему Ю.И. Суздальскому с товарищами от нас писано и велено тебе из Tobольска отпустить к Москве по твоей воле и подводы дать по подорожной...»**.

* Русская Вивл., т. III. См. «Записки к Истории Сибири».

** А. М. Ю. Дев. ст., кн. № 11801, л. 267—268. См. гр. к Киприану от 10 сентября 1623 г.

Однако Киприан почему-то не спешил воспользоваться этим разрешением, и он был в Тобольске еще в феврале 1624 года. Но мы вполне доверяем известиям сибирских летописцев, что Киприан прибыл из Тобольска 5 февраля 1624 года, и возражение против этого Миллера считаем неосновательным, потому что в сборнике царских грамот к сибирским архиепископам мы уже не встречаем грамот к Киприану после 3 февраля 1624 года, и значит, Михаил Федорович уже получил определенные сведения о выезде этого архиепископа из Тобольска*.

В октябре 1623 года Киприан получил новую грамоту от царя, которою велено ему взять с собою в Москву извetchиков на него чернецов Феодосия, Христофора, Андриана, Авраамия, попа Якова и двух подьячих. «А для береженья твоего, — писал Михаил Федорович, — и для послушанья дворовых твоих людей велено боярину нашему и воеводам и дьякам послать с тобою, богомольцем нашим, из Тобольска до Москвы сына боярского доброго, чтоб тебе от дворовых твоих людей в дороге безбедно и непослушанья и сопротивления не было...». Последняя царская грамота к Киприану помечена 3 числом февраля 1624 года; в ней Михаил Федорович писал о том, чтобы Киприан не брал с собою попа Якова, а сам произвел дознание о его поступках и определил ему соответственное наказание. «А будет тебя сия наша грамота не застанет в Тобольске... а прежняя (от 15 декабря) застала, то ты б богомолец наш тех попов Якова и Алексея велел держать у себя под запрещением по правилам св. отец, а сам ехал бы к нам в Москву...**». Оставив свою сибирскую паству, Киприан более уже не возвращался к ней. По приезде в Москву он скоро был назначен митрополитом Крутицким и это место занимал до октября 1626 года: в это время он вместе с патриархом свидетельствовал

* Миллер утверждает, что Киприан прибыл в Тобольск в вес 1624 г., и в подтверждение своего мнения ссылается на грамоты Киприана, разосланные им к сибирским воеводам — грамоты о бракосочетании Михаила Федоровича с М.В. Долгорукою, совершившемся 19 сентября 1624 г. (см. Ежемес. сообщения 1624 г. т. IV, 413 стр.). Но дело в том, что Киприан, уезжая из Тобольска, не оставлял еще свою архиепископскую кафедру, а заведовал ею до назначения ему преемника и, стало быть, должен был сноситься с своею паствою и в то время, когда уже находился в Москве.

** А. М. Ю. Ден. ст., кн. № 11801. См. л. 264—266, 268—271.

драгоценный подарок, присланный персидским шахом — Срачицу Христову (некая часть полотна по пяди в ширину и длину), был свидетелем многих исцелений от этой святыни и составил стихиры и канон на праздник Ризы Господней. С 1626 года и до конца своей жизни Киприан занимал митрополию новгородскую, он умер 17 декабря 1634 года*.

* Ежемес. сочин. Июль 1761 г., стр. 239.

**Сибирские архиепископы:
Макарий, Нектарий, Герасим
(1625—1650 гг.)**

I

Вторым Сибирским архиепископом был Макарий. Он происходил из дворян Кучиных и до получения архиепископской кафедры был игуменом в костромском Богоявленском монастыре*. Об игуменской его деятельности мы не имеем сведений и потому ничего не можем сказать о том, чем руководились царь Михаил и патриарх Филарет, поручая ему управление Сибирской епархией, еще мало устроенной и нуждающейся в пастыре твердом и энергичном. Судя же по его десятилетней деятельности в Сибири, можно сказать, что выбор сделан не вполне удачно: он ничем не напоминал своего предшественника Киприана.

Посвященный в сан архиепископа 19 декабря 1624 года, Макарий скоро отправился в далекое путешествие и прибыл в Тобольск 1 апреля следующего года**.

Он сначала остановился в мужском Знаменском монастыре, находившемся в подгорной части Тобольска, а на следующий день имел торжественный вход в самый город. В старину шествие на гору сибирских пресвященных сопровождалось особой церемонией, заведенной, как думает прот. А. Сулоцкий[†], именно вторым Сибирским архиепископом Макарием. Насколько это мнение верно — трудно судить; мы знаем, что и архиепископа Киприана московское правительство приказывало воеводам встречать самым торжественным образом. Но несомненно, что как Макарий, так и все последующие архиепископы, прибыв к Тобольску, останавливались сначала в Знаменском монастыре и непременно на другой день, если не мешали какие-нибудь случайные обстоятельства, торжественно входили на гору, в город; такой обычай существовал около 200 лет, и первый архиепископ, отказавшийся от него, был

* Дрвн. Росс. Вильв., ч. III, стр. 143.

** А. М. Ю. Дек., ст. № 11801, л. 306. См. описку Макария.

Амвросий I⁹ (1806 г.). Упомянутый прот. Сулоцкий в своей статье «Встреча в старину архиереев в Тобольске» так описывает эту церемонию: «В назначенный день и час начинается в соборе благовест в большой колокол; туда собиралось все городское духовенство и, по облачении, со крестами и хорутаями, шло в Знаменский монастырь. По приходе его, аладыка входил в монастырскую церковь, облачался иногда в полное, а чаще в малое облачение, принимал пастырский жезл, выходил из церкви и, осенив собравшийся на монастырской ограде народ, начинал шествие на гору, совершенно походившее на самый торжественный крестный ход; на колокольнях соборной, монастырской и всех градских церквей звонили во все колокола, певчие пели приличные случаю священные песни, священники шли попарно, младшие вперед, дьяконы с кадилами, вне-реди их несли кресты и хоруты; пред процессией и позади процессии шел и по сторонам толпился народ всех званий и возрастов и обоих полов; многие из народа старались принять от архипастыря благословение и облобызывать его десницу. Поднявшись на гору, некоторые из пресвященных на площади перед собором служили благодарственный молебен и затем уже вступали в собор и там слушали литургию, говорили наступительное в управление епархией слово, а по окончании служения, со славою продолжаемы были в архиерейский дом»^{*}.

Второму архиепископу не было уже нужды много заботиться о хозяйственных делах дома Софии Премудрости Божией; он приехал уже на готовое гнездо; его предшественник Киприан оставил ему вполне устроенное хозяйство и, можно даже сказать, богатое. В 1625 году царь Михаил Федорович приказал тобольским воеводам переписать в Тобольске в соборной церкви Софии Премудрости Божией всякое церковное строение и колокола, и в архиепископском доме в хорах образы, в казне деньги и судки оловянные и медные, погребные и поваренные, и всякое домовое строение, в житницах хлебные всякие запасы и на конюшнем дворе всякую животину, и в Тобольском и в Тюменском уездах Софийские домовые села и деревни и пр.^{**} Из этих переписных книг, дошедших до нас, оказывается, что Софийский дом в Тобольске, благодаря заботам Киприана, был полной чашей всякого добра: в изобилии

^{*} Чтения в Общ. Ист. и Др., кн. III, стр. 55.

^{**} Р. И. Б., т. 8, стр. 385.

домовая, кухонная и погребная утварь, домашнее белье, конюшенная сбруя, всякая одежда и пр. Большинство из этих предметов жалованы Киприану царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом. Так, в переписных книгах значится «государской дачи»: разные судки, мисы, блюда, сковороды, котлы, скатерти, мантии, рясы, шапки и пр.; дачи патриарха Филарета — 2 мантии, каптгарь песцовый, опушенный бобрим, ковш, обложенный серебром; дачи инокини Марфы — пшуба соболья. Кроме того, и сам Киприан делал «софийского казной» мантии, ряски, шапки и пр. Часть из этого добра Киприан взял с собой при отъезде в Москву, а остальное доставалось его преемнику. Далее Макарий унаследовал две слободы и несколько деревень с громадным количеством земли и с 68 крестьянами, 133 «кабальных» записи в деньгах и хлебе, по которым нужно было взыскать довольно крупную по тому времени денежную сумму — 1405 рублей и более 300 ч. хлеба. Житницы Софийского дома не были пусты: в одних тобольских житницах к приезду Макария находилось до 1200 ч. разного хлеба, а сколько его было еще в слободах и деревнях?

Словом, преемник Киприана мог жить вполне прилично. Но сам второй Сибирский архиепископ далеко не был таким хозяином, как его предшественник. Хотя он пробыл на кафедре более десяти лет, но хозяйство Софийского дома при нем не особенно расширилось, как можно было ожидать. Ему уже не было надобности увеличивать поземельную собственность, которой и без того было слишком много, а все его хозяйственные заботы должны были клониться к усилению рабочих рук в софийском хозяйстве. Между тем при нем четыре деревни, основанные Киприаном, совершенно запустели и крестьяне разбрелись. Макарий успел основать только одну деревню на «старой Сибири», да и то только с одним крестьянским двором. В Тавдинской слободе при нем прибавилось два крестьянина, но Усть-Ишимская слобода обязана этому архиепископу увеличением своих жителей на 32 человека. Кроме того, Макарий приобрел в дом Софии Премудрости Восточной оброчных крестьян — в Тюмени 16 и 17 в Тобольске; да при нем в Софийский дом заложилось 14 посадских людей, 6 в Туринске и 8 в То-

⁴ Напр., крестьянами Тавдинской слободы в 1624 г. собрано до 900 копен рязного хлеба, пятая часть этого сбора шла в архиеп. дом. А. М. Ю. Сиб. пр., № 7. Материалы для истории города Тобольска Найденова.

больше*. Эти приобретения за 10 лет должны казаться ничтожными, если взять во внимание те средства для расширения архиепископского хозяйства, которые оставил Макарию Киприан. Старые слуги последнего даже возмущались невниманием нового архиепископа к хозяйству Софийского дома и жаловались на это царю. Так, казначей Савватий в своей челобитной об отпуске из Сибири пишет: «Волочился я нищий в софийском дому во всяких службах при Киприане архиепископе и при Макарье; а ныне я не силен и в службах волочиться не могу, и *вида неправду и неустроение в дому софийском, что он идет не прибыти*»^{**}. Эта челобитная была уважена, и Савватий получил отпуск в Москву. В то же самое время, именно в июне 1626 года, послана царю и патриарху жалоба на Макария от боярских детей, служивших Киприану. «Будучи в Сибири», — писали они, — у нашего государского богомольца, у архиепископа Киприана, наше государское хлебное и денежное жалование получали все сполна, кроме его придах, и всякую нужду и скорбь с ним терпели вместе, пашни раздирали и огороды и хоромы ставили своею силою, а нашего государского повеления ни в чем не ослушались, и мятежа будучи у Соф. Пр. Б., никакого не поднимали, а как приехал в Сибирь архиепископ Макарий, то начал делать нам притеснения, налести и насилия, хлебного и денежного жалования с самого своего приезда и по сие время нам холопам нашим не давал и апрель давать не хочет, а голодом и наготою нас морит и говорит нам: ни один де мне человек не нужен, которые при архиепископе Киприане из Москвы пришли, я де привез своих людей; и тем, государи, людям дает денежное и хлебное жалование, которое нам указано по вашему государскому окладному списку, а насилия и гонения архиепископа Макария над нами известны всяким чинов людям в Tobольске и во всей Сибири. А бывший, государи, казначей Герасим пред поездкою в Москву, отмерил архиепископу Макарию хлеба 1905 ч. на лето, кроме нашей пахоты и работы. А с той земли, которую мы раздирали при арх. Киприане, обмолотили в 1625 г. более 2 т. ч. разнаго хлеба и в житницы вспали и тому хлебу у него трата великая. Пашня, которую при Киприане раздирали своими людьми, вся заложена и апрель пахать не хочет же. А сколько крестьян и от

* См. мое изслед. «Заселение Сибирь», стр. 125.

** Р. И. Б., т. 8, л. 348.

крестьян хлеба и сколько в казне денег, и лошадей и рогатого... и то все в отписную книгу не написано и вам великим государем не показано, ради своей корысти. А что, государи, денег нашел в казне и те деньги не все записаны и казначей Савватий заставил посильно руку приложить, что будто после арх. Киприана нашел денег только 30 р.*. Эта челобитная выставляет нового Сибирского архиепископа не только плохим хозяином, но и жестоким человеком и даже корыстолюбивым, что он, не радея об архиепископском хозяйстве, в то же время преследует свои личные материальные интересы и притом в ущерб хозяйству Софийского дома. Но Макария нельзя назвать корыстолюбивым: между другими сибирскими архиепископами он резко выделялся, между прочим, тем, что не любил докучать царю просительными челобитными; в то время как другие ежегодно, а иногда в год по несколько раз писали слезные прошения царю то об увеличении денежного и хлебного жалования, то об увеличении поземельной собственности Софийского дома, от Макария мы не встретили ни одной подобной челобитной. Совершенно справедливо, что этот архиепископ не был таким хозяином, как его предшественник Киприан, но боярским детям нечего было скорбеть об этом: они получали за свою службу определенное жалование и лично нисколько не были заинтересованы в успехах софийского хозяйства. А если боярские дети жаловались на Макария, то настоящая причина этих жалоб лежала совсем в другом; на нее указывает также челобитная боярских детей: Макарий привез в Tobolsk своих слуг и пожелал отделаться от тех, которые служили его предшественнику. Так, он старца Савватия лишил должности казначея, старца Герасима — должности эконома при Софийском доме, назначив на их места старцев, привезенных им из Руси, а боярским детям перестал давать денежное и хлебное жалование и тем принудил их проситься на иную службу**.

II

Что же сказать об архиепископской деятельности итого Сибирского архиепископа? Материал, которым мы располагаем, довольно скудный, чтобы обстоятельно можно

* Р. И. Б., т. 8, дд. 345—346.

** Совершенно ложно боярские дети обвиняют Макария в неправиль-

было ответить на этот вопрос; но тем не менее мы постараемся сгруппировать здесь те данные о его деятельности, которые нам удалось найти в архиве. Макарий прибыл в Тобольск даже без наказа, которым он должен был руководиться при управлении своей епархией; таковой ему прислан только в июне 1625 года. Наказ предписывал ему вести не только церковные дела в Сибири, но иметь выспий надзор и за делами гражданскими: круг его обязанностей столь же обширен, как и первого Сибирского архиепископа Киприана⁴.

ном составлении переписных книг; перепись производилась особыми дозорщиками по выбору воевод, и архиепископ на это дело не имел никакого влияния. Так, перепись софийского имущества в самом Тобольске по назначению воеводы Ю. Сулешова с товарищами производил письменный голова Гр. Злобидов и подьячий С. Покусов; в Тавдинской слободе по назначению преемников Сулешова производили перепись боярские дети Павлоцкий и Лутовинов, а в Усть-Ишимской слободе боярский сын Толбузин. Один экземпляр этих переписных книг воеводы послали в Москву и другой вручили самому Макарию. Что же касается наличных денег в софийской казне, оставшихся после Киприана, то документы вполне оправдывают показание Макария, что с них было к его приезду только 36 р. Сам казначей Савватий в своей жалобе на Макария ничего не говорит о том, что будто бы этот архиепископ наскоро заставил его приложить руку к отчету, как утверждают в своей челобитной боярские дети. А «росписи расходов денежной казны дома С. Пр. Б. старца Савватия казначея», дошедшая до нас, свидетельствует, что действительно в софийской казне Макарий нашел наличных денег только 35 р. 23 а. В этой росписи Савватий пишет, что он получил в 1624 г. мая 7 дня на разные расходы 368 р. 23 а. 4 д., из этих денег он выдал по окладу годовое денежное жалованье протопопу с братьей, дьяконом и приказным людям; уплатил годовым работникам, нанятым в Софийский дом с первого Воскресенья после великого дня 1624 г. по то же Воскресенье 1625 г. 28 р. 28 а. 4 д., нанял дворовских 15 человек на день по 2 а. человеку; купил кобылицу буланую за 4 р. 13 а. 2 д.; коня вороного за 4 р. 25 а., купил лошадей в кабалу соф. паш. крестьянину за 4 р.; нанял на сенокос 20 человек ярыжных на три недели за 27 р. и пр. Если сложить все расходы, упомянутые в этой росписи, и вычесть из денежной суммы, полученной Савватием, то действительно в остатке получится только 35 р. 23 а. См. А. М. Ю. Дежнев, ст., л. № 11801, 108.

⁴ Из наказов, данных московским правительством сибирским архиепископам, кажется, только наказ Макарию дошел до нас; а потому ввиду особенной важности этого источника мы считаем нужным воспроизвести его здесь буквально. «Лета 1133 февр. 8 а. по государеву, цареву и великого князя Михаила Фёдоровича всея Руси указу и по благословению великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича и всея Руси, память архиепископу Макарию Сибирскому и Тобольскому. Как же даст Бог приидет в первый сибирский город на Верхотурье, и ему челати себя за горо-

Но положение Макария было несравненно лучше, чем его предшественника, и в нравственном отношении: тогдашним тобольским воеводой был Ю. Сулецов, который здравно понимал свои воеводские обязанности, с уважением относился к архи-

дом встретить со кресты в том же месте, где была встреча первому архиепископу Киприяну, и идти в соборную церковь, и петь молебны, и молить Бога о многочисленном здравии великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, и отца его государя, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского вои Руси, и матери его великой государыни инокини Марфы Ивановны и сохранения града до того дни. У соборные церкви архиепископу Макарию и обидио служить. А как с Верхотурья пойдет в Тобольск, и пройдет в Туринский острог, а из Туринского острогу в город Тюмень и ему потому в тех городах ислети себя за городом встретить со кресты в тех же местах, где была встреча преждему архиепископу Киприяну и, иже в соборную церковь, петь молебны, и в те дни, как придет, в соборных церквях и обидио служить потому, как на Верхотурье. А как придет в Тобольск, и ему потому ислети себя встретить со кресты за градом воиному народу тут же, как была встреча прежде архиеп. Киприяну и, пришел во град, и идти в соборную церковь и петь молебны с каноном, и молить Бога о многочисленном здравии великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича вои Руси, и отца его государя, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и вои Руси, и матери его великого государя, инокини Марфы Ивановны и вои святити, и обидио служить и, будучи, архимандритов и игуменов, и протопопов, и попов, и дьяконов получать во благочинии и пребывать по божественным правилам также, и народ иже искушати, чтобы жили в исправлении закона христианского по заповедям Божиим и св. Апостолов и св. отец, и архимандритов, и игуменов, и протопопов, и попов, и дьяконов, и чтецов и иже причет церковный судити во всяких духовных делах, и боярину и воеводам, князю Д. Тим. Трубецкому с товарищи, а то не иступати; также и мирских людей во всяких духовных делах судити и исправляти по божественным канонам, а боярину и воеводам и дьякам у него в то потому не иступати. А которые татарские похотят крестити своею волю, а не из неволи, и ему, архиепископу, тех татар велити крестити, и лучших держать у себя во архиепископии и получать всему христианскому закону, и почитать их, как мочю, а иных распускати крестити в монастырь. А как воокрещенные из год начала выйдут, и архиепископу их авети к себе ести по чисту и их почитать. А которые татарские учнут и зему немом ударити приходить, и тех потому же велити кормити и поити, как мочю, и говорить приходить, и тех потому велити кормити и поити, как мочю, и говорить с ними кротостию, и приводити их ко христианскому закону, разсваривати с ними тихи, со умирением, с милостию с ними не говорить. А которые татар учнут крестити, и тех надобе славы переменить новое и о том послати ему, архиепископу, к боярину воеводам и к дьячкам. А будет, учнут ко крещению приходить многие люди, и архиепископу о том писати ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу и святейшему патриарху Филарету Никитичу и их государев указ, чем их пожаловать, с том к нему будет точнее. А который татарин доидет до нины и убежит к нему, архиепископу, от сплы, от каковы не будет, опичи камены, и похочет креститися, и ему тех

епископскому сану и сознавал, что только при согласной деятельности духовной и светской властей и возможно будет под-
нять нравственное состояние распущенного сибирского населе-
ния и устроить общественный порядок в этой «далекой вотчи-

татар принимать и держать у себя бережно, и о том писати ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси и к отцу ево... Филарету Никитичу Московскому и всея Руси; подлинно, кто от каковыя вины прибежит, а до их государ. указу тех не крестить; а что татарина боярину и воеводам и дьякам до указа иного не отдавати. А которого татарина в какие вины, oprичь больша измены, велит боярин и воеводы и дьяки казнить, а придет об нем к архиепископу ные татарове бити челою о печалованьи, и архиепископу тех послати оправдывати, и по совету боярина и воевод и дьяков имати тех людей за себя, хоть и будет и крестница не похотят, и их к тому не волею не нудить; а на смерть их боярину и воеводам и дьякам не выдавать, а держать их у себя архиепископу в крепости до государева указа, де о том писати к государю царю Михаилу Федоровичу и святейшему патриарху Филарету Никитичу всея Руси. Де держати архиепископу а боярином и воеводами и дьяки совет о великих государевых делах, oprичь кровавых и убийственных дел. А на которых татар у них будет оная не великая, а похотят которых острас-
тить казние, а до казни не дойдет, и оной, боярин и воеводы и дьяки о тех сказывали ему, архиепископу, а ему от них тех от вины отщипывати, хотя будет, о ком и челобиты не будет. И всяким обычая, как возможно, так архиепископу татар к себе приучати, и приводить их ко крещению с любовью, а страхом и жестокою к крещению никак не прижидати. А услышит архиепископ, какое безчинство в сибирских людех и детех бояр-ских и в посадских во всяких людех, или в самих боярине и воеводах и в дьяках какое безчинство к закону христианскому учидит, и архиепископу их о том поучати со умилением, а не учнут слушати, и архиепископу им говорити за запрещением, а не уймутца за его роучение и запрещением, и архиепископу тогда писати о тех их безчинствах ко государю царю и вели-
кому князю Михаилу Федоровичу всея Руси и ко отцу его государю, великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Москов-скому и всея Руси в Москве. А о которых будет о государевых и всяких думных делах учнут с ним, архиепископом, боярин и воеводы и дьяки советовати и архиепископу о том с ними советовати, и мысля, свои им во всякие дела давати, oprичь убийственных и кровавых всяких дел, в том боярские и воеводские мысли ни как ни с кем не говорити, а боярину и воеводам князь Д. Тимофеевич Трубецкой, а государеве наказы о том писанов. А о бережные архиепископу, боярину и воеводам и дьякам говорити по часту, что бы они от огня и от корчем держали бережные всякое, и в ночи же дети боярские и всякие люди с огнем не сидели, и сядеи бы у них нормы кормленного пиять не было, и в день бы жили смирен, не бражничали и по городу и в воротах держали потомууж береж-
ные великое. А уведомит архиепископ у боярина и воевод и у дьяков в городе какое небережение и людям от него нечистоту и злолоту нечеловечно и архиепископу о том боярину и воеводам и дьякам говорити дважды и трижды, чтоб одиналично они того берегли, и было б у них бережные и людям нечистоты и намоты не было; а не послушает боярин и воеводы и дьяки архиепископа, а архиепископу о том писати ко государю царю и

не московского государя». Он не только не возбуждал служилых людей против архиепископа, как это делал воевода Голунов относительно Киприана, но сам подавал Макарию челобитные на них*. Такие отношения главного сибирского воеводы к архиепископу должны были поднять в Сибири нравственный авторитет последнего и улучшить отношения других сибирских воевод к представителям церковной власти. Вследствие этого при Макарии мы не видим ни столкновений этого архиепископа с воеводами, ни мятежей против него служилых людей, как было при Киприане. Напротив, сибирские воеводы даже заискивают архиепископа, стараются заслужить его внимание и показать пред ним «свою службу государю». Так, например, верхотурские воеводы в 1627 году прислали к Макарию «роспись служб своих и прибылей, какие они учинили государю», с просьбой довести об этом до сведения царя Михаила Федоровича**. Сулепова теперь уже не было в Тобольске, на место его в 1626 году прислан другой боярин, но видно, что здравые отношения, установленные им к архиепископской власти в Сибири, продолжались и при его преемниках до самой смерти Макария; по крайней мере мы уже не встречаем в документах жалоб от этого архиепископа на вмешательство воевод в духовные дела, как это было при Киприане. Впрочем, и сам Макарий, как человек спокойный и мало деятельный, менее подавал поводов к столкновениям с воеводами, чем его энергичный предшественник. Но и второму Сибирскому архиепископу приходилось столь же часто жаловаться царю и патриарху то на недостаток священников и дьяконов в Сибири, то на распушенность нравов в его епархии, как и Киприану. Русские владения в Сибири год от году все более и более развивались, население увеличивалось, основывались по разным местам новые острожки и слободы, в них строились церкви, а в священнослужителях чувствовался прежний недостаток. Вместе с архиепископом Киприаном получили отпуск из Сибири и несколько свя-

великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси и ко его отцу Филарету Никитовичу... в правду, как ся... что делает. А полковный государя указ за приписью дьяка Ив. Грязева». Такову привез Верх. сын боярский Андрей Перхуров в 133 г. июля в 17 день. См. «Описание госуд. архива стар. дел» П. Иванова. М., 1850 г.; А. М. Ю. Дев., ст. № 11801.
* Р. И. В., т. 8, л. 329.
** А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 5, л. 71.

ценников, а новых московское правительство не прислало, и заменить выбывших было совсем нечем. Так что когда Макарий прибыл в Тобольск, то оказалось, что даже в этом городе некоторые церкви не имели священников и оставались, по тогдашнему выражению, «без пения». И вот новый архиепископ в первых же грамотах к царю и патриарху бьет челом «о полах для многих церквей»*. Правительству трудно было удовлетворить подобные челобитные, что видно уже из того, что они повторялись почти ежегодно. На Руси мало было охотников попов ехать в Сибирь, а из тех, которые посылались «по указу», один убежит неизвестно куда, другой вследствие особенно-го хозяйства в Москве скоро получит отпуск, а иной священник так «заворует», что его, несмотря на крайний недостаток в духовенстве, приходилось или на целые месяцы сажать в тюрьму на цепь, или совсем лишать священнического сана; немногие из этих присланных были истинными служителями церкви. Между тем из городов и монастырей полет Макарию челобитные о белых и черных полах и дьяконах. Даже в Тобольском Знаменском монастыре, сравнительно богатом, чувствовался недостаток в священнослужителях; так, в 1625 году игумен этого монастыря просил другого черного попа, а в девичий Успенский — белого попа, дьячка и пономаря**. Из Мангазеи в 1628 году писали, что тамошние жители построили храм во имя Усп. Пр. Б., а святить оный нечем — нет дьякона, а храм уже три года стоит без пения***.

В 1634 году архиепископ Макарий послал следующую грамоту к царю Михаилу Федоровичу: «В прошлом, государь, и в нынешнем году пишу к тебе, богомольцу моему государеву, из городов и острогов твои государевы воеводы о белых полах — что в городах и острогах черными и белыми полами скудно: которые де черные и белые попы были и те судом Божиим померли. А мне богомольцу моему, из Тобольска в город и остроги посылать не кого: в Знаменском монастыре один черный поп, а в ружных храмах только по одному белому. А иные, государь, попы по твоему государеву указу взяты из Тобольска и из других городов в Москву, а иные попы померли, а *енюв, государь, из мирских людей*

* А. М. Ю. Денж. ст., л. 313. См. гр. Макария в 1625 г.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 13, л. 165.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 16, л. 250.

в попы никто не ставится и в твоих государевых городах и острогах многие люди помирают без покаяния и без причастия». В заключение челобитной Макарий просил прислать белых и черных попов: в Тюмень и Верхотурье по 2 попа, в Енисейск, Туруханский острог, Березов, Сургут и в Таборинскую слободу — по одному попу. Эта просьба Сибирского архиепископа заставила московское правительство серьезно заняться вопросом о священнослужителях для Сибири, чтобы удовлетворить религиозные нужды тамошнего населения. Но так как охотников было мало, то посылать «по указу» было ненадежно, а правительство решилось прибегнуть к тому же средству, которое оно практиковало при наборе в Сибирь служилых людей и крестьян: именно возложить на духовное сословие известной епархии в виде повинности прибор из своей среды священников и дьяконов и отправку их в Сибирь. Получив же упомянутую челобитную Макария, Михаил Федорович указал архиепископу Вологодскому и Великопермскому Варлааму «прибрать» в его архиепископии в Тобольск и другие сибирские города архимандрита протопопу, пять черных попов и 10 или 12 белых, а если «наизыск будет и их всех отпустить в Сибирь, потому что в Сибирь попов надобно много». При этом предписывалось выбирать черных и белых попов «людей добрых, крепкожилых, духовных учителей, которые были бы по преданию и по правилам святых апостолов и святых отцов, а не бражников и из иноземцев в числе их никого отнюдь не было бы...». Но прошло довольно времени, а от Варлаама не приходило в Москву никакого известия об этом деле. Тогда послана была новая подтвердительная грамота, чтобы он поспешил прибором, и при этом делался выговор за нерадение. Но Вологодский архиепископ был не виноват: несмотря на то, что «посадские и волостные попы учинили меж себя дать подмугу по 30 и 40 рублей тем попам, которые согласятся ехать в Сибирь, но многие попы для такого дальнего проезду разбежались, не желая оставлять своих домов». Узнав об этом, государь указал Варлааму объявить: «кто в Сибирь выбраны будут, тем будет на платье жалованье из нашей казны, подможных денег на платье и на харчи архимандриту 40 руб., протопопу 35 руб., черным и белым попам по 30 руб. человеку, да

кроме того казенный корм в дороге и казенный подводы им и под их жен, детей и работников...». Эта казенная «подмога», однако, не исключала той, которую обещали дать посадские и волостные попы белым попам, а монастыри — черным попам. Так что эти переселенцы в Сибирь получили подъемных денег довольно большую по тому времени сумму, а в Сибири обещана им «руга» — денежное и хлебное жалование по окладу. Только после этого вызвались несколько лиц из белого духовенства отправиться в дальнюю государеву вотчину. Из списка этих переселенцев видно, что в Вологодской епархии прибраны архимандрит, протопоп, 5 белых попов и 3 черных. С белыми попами ехали их жены и дети, разные свойственники и работники, с архимандритом — келейники да четыре человека людей, с черными попами — их братья, племянники и несколько людей; всех переселенцев отправлялось в Сибирь 60 человек. Кроме того, в самой Москве «написались своею волею ехать в Сибирь черных 2 попа, да белых попов 6»^{4*}. Относительно последних попов заметим следующее. Хотя они вызвались ехать в Сибирь «своею волею», однако ввиду бывших случаев бегства правительство не особенно доверяло им и взяло с них поручные записи в том, что они с дороги в Сибирь не убегут и прибудут в Тобольск, а если кто, читаем в такой записи, «в Тобольск не стает, то пеня — что укажет государь и государевы подъемные деньги на тех, которые из поручников будут на лицо»^{4*}. На этот раз все 17 попов и

^{4*} Р. И. Б., т. 11, № 164.

^{4*} Вот две такие поручные записи, которые мы нашли в Сибирском приказе. 1) Се из Филарет черной поп да из поп Григорей Кирилов да из Макарей Кирилов явовой поп да из Семен Савин поп ругались мы приказу большого дворца сотнику Ивану Кругликову дружка по дружке в том что дано нам государева жалованья на подъем по 30 р. человеку и стати нам в Сибири в Тобольском городе а женами и с детьми а будет кто из нас едучи в Сибирь с дороги убежит и кто из нас в Тобольску не стает и на нас по сей записи пеня государева М.Ф. и государева подъемных деньги а пеня нам что государь укажет а все мы за один человек ион из нас будет в лицах на том государева пеня и государева подъемные деньги а на то послуси Харитон Иванов а записи писки Миккифорко Романов лета 7143 г. 2) Се из черной поп Филарет да из поп Григорей Кирилов да из явовой поп Макарий Кирилов да из поп Семен Савин все мы сибирские попы поручились сами приказу большого дворца приставу Ивану Кругликову по Иван поп Павлове сани на по Алакуме поп Григорьев в том что им попом за нашею порукою ехать в государеву

архимандрит Герасим благополучно прибыли в Тобольск и немедленно получили соответственные назначения. Так, архимандрит Герасим назначен в Тобольский мужской монастырь на место умершего в 1635 году архимандрита Тарасия, а с ним и черные попы Нафанаил и Герасим, черный поп Меркурий — в Тобольский женский монастырь, черный поп Птирим и белые попы Стефан и Афанасий — в Березов, белый поп Иван — в Мангазею, белый поп Аввакум — в Сургут, белый поп Ермолай — в Таборинскую слободу, белый поп Симеон — в село Каменное, белый поп — в Чубарову слободу, белый поп Ипатий — в Томск, белый поп Кирилл — в Красноярск, белый поп Кирьяк — в Кетский острог и пр.* Заботясь об удовлетворении религиозных потребностей своей паствы, Макарию приходилось еще бороться с ее нравственной распущенностью, и нельзя сказать, что его десятилетняя пастырская деятельность имела влияние на улучшение нравов сибирского населения. Да и невозможно было ожидать этого улучшения, когда Сибирь год от году все более и более наполнялась разными преступниками — ворами и разбойниками, людьми совершенно испорченными в нравственном отношении. А тут еще соблазнительная жизнь ссыльных иностранцев — лютеран — и местного языческого и магометанского населения. Примеры соблазнительны и особенно для мало образованного человека, и если сибирские архиепископы жалуются, что многие сибиряки не посят крестов, не соблюдают постов, имеют по две и по три жены и т.п., то разве в этих пороках не сказывается постороннее влияние? И Макарий в своих отписках царю делает самые резкие отзывы о жизни сибирского населения, и преимущественно служилого. «В Тоболь-

вотчину в Сибирь и стати им за нашу порукою в городе в Тобольске взяли они попы за нашу порукою на подьема по 30 р. денег а буде они попы поп Иван на Аввакум за нашу порукою в государственной вотчине в Сибирь в городе Тобольске не станут и на нас поручниках пеня государя М.Ф. а пеня что государь укажет и наши поручниковы головы в их голову место и те государевы подьемные деньги и кой из нас поручников будет в дингах и на том государевы пеня и порука и те государевы подьемные деньги а на те посулы Сергей Мелентьев а запись писал Федка Андреев лета 7143 года. А. М. Ю. Пр. Сиб., ст. № 165, а. 17.

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 165, и. 81. См. «Рескрипты московским в 1635 г. московским и вологодским попам, кто в которой церкви по росписи арх. Макария».

ске, государь, — жалуется этот архиепископ в 1627 г., — казачьи дети матерей своих бьют и давят, а иные казаки на Руси жен своих пометали, а в Сибири поймают иных жен: а у иных казаков в Сибири на том городе жена, а на другом другая, а иные, государь, казаки велят женам своим блуд делать с чужими мужьями, а иные поедучи на твою государеву службу оставляют жен своих на блуд иным казакам и гулящим людям и от такого, государь, их блудного, пребеззаконного содомского житья быть невозможно. В той же отписке Макария мы находим и пример крайней нравственной распущенности: подьячий Агафон, хотя и женат, «в мире многих девиц, вдовиц и замужних жен обездети и опозорил насильством своим, да еще ворует с мужеским полом»*. Сибирские монастыри также не представляют отрадного явления, и на монахов жалуется иторой Сибирский архиепископ. Тобольский мужской монастырь, который находился на глазах архиепископа, да и тот вел соблазнительную жизнь. Сообщая в 1634 году царю Михаилу Федоровичу о смерти архимандрита этого монастыря Тарасия, Макарий пишет, что между местными старцами нет ни одного, который был бы достоин занять это место, и просит прислать архимандрита из Москвы. «Я приказал ведать монастырь старцу Аркадию и черному попу Гелактону, — замечает он, — но черницы не слушаются их, бегают из монастыря, бродят по дворам и за монастырем ночуют**». И не следует предполагать, что будто умерший архимандрит был человеком, достойным звания, и что поэтому на его место нужно особенно благочестивого старца! Мы знаем, что этот Тарасий участвовал в смутах против архиепископа Киприана, а монахи Тобольского Знаменского монастыря в 1627 году жаловались на него Макарию, что он вместе с казначеями корыстуется монастырскими деньгами и запасами и просили счесть их по книгам. И обвинение в краже денег оказалось справедливым: недочету было более 40 рублей***. Если так вели себя монахи Тобольского монастыря, то о монахах других монастырей и говорить нечего.

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 13, лл. 153 и 163. См. отписку Макария в 1627 г. (листы переписаны, начиная на 153 л., а продолжение на 163 л.).

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 165, лл. 5—8.

*** Ibid., ст. № 13, л. 149.

Например, жители Мангазеи и Туруханского зимовья в 1634 году жаловались царю и патриарху на чернеца Ефрема, обвиняя последнего в самых разнообразных преступлениях. Этот чернец, между прочим, прославился кляузными и ябедничеством настолько, что его боялись везде, где он только ни появлялся. Из Березова чернеца Ефрема прислали в Мангазею в Троицкий монастырь, но воевода тамошний «блюдясь от него деловых речей», отправил его в Туруханское зимовье. Здесь начальник зимовья «блюдясь ябедничества» Ефрема, вошел с ним в дружбу и велел старосте церковному выстроить ему на церковные деньги келью за 25 рублей, давать ему хлеб, деньги на платье, дрова и соль; в два года на Ефрема вышло церковных денег более 145 рублей. «А та церковная казна, — писали челобитчики, — собирается нами сиротами на церковное украшение... Да он же старец Ефрем угрожает многим из нашей братии торговым и промышленным людям, всяким бездельным ябедничеством и бездельным поклепом... И в 1633 году тот старец купил якутского парня — в крещении Христофора и того парня бил и жег огнем и мучил безмерными муками, приказывая ему наговаривать на налпу братию кражи и духовные дела. Да в нынешнем 1634 году февраля 19 жег этого парня огнем и убил до смерти. А в 1633 г. когда мы промыслили на Енисее рыбу и с нами была жена, а у ней сын Терешка и тот Терешка утон, то старец стал называть утонувшего своим племянником и подал в съезжую избу жалобу в 49 р. на промышленного человека Ивашку Тарутину и приставу память писал своею рукою». А так как в то время всякая кляуза стоила ответчику не только многих хлопот, но и денег, как бы она ни была бессмысленна, то Ивашка Тарутин, чтобы подешевле отделаться от претензий упомянутого старца, вошел с ним в сделку и уплатил 5 рублей. И на много других преступлений старца Ефрема указывает челобитная жителей Мангазеи и Туруханского зимовья*. Первый Сибирский архиепископ Киприан много заботился о поднятии нравственного уровня сибирских монахов, но толку от этого было мало: и при Макарии монахи сибирских монастырей вели себя не лучше! И этот архи-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 656.

епископ, подобно Киприану, в начале своей пастырской деятельности в Сибири хотел ввести более строгие правила в монастырскую жизнь, сменял слабых архимандритов и игуменов и заменял их людьми более нравственными и строгими. Но что из этого выходило? Ответом на этот вопрос может служить следующий факт. В 1625 году Макарий, получив сведения о распущенности монахов Томского Успенского монастыря, сменил тамошнего игумена Евстрата и назначил на его место Феодосия, приказав последнему постыжее относиться к монастырской жизни и с разбором принимать в монастырь монахов и вкладчиков. А следствием этого распоряжения было то, что вся братия и монастырские дворовые люди разбежались, и монастырь запустел*. Трудно было архиепископам бороться с распущенностью сибирских монастырей, когда последние наполнялись разными «сылными» монахами, иногда людьми совершенно испорченными. В 1632 году игумен Соловецкого монастыря жаловался царю и патриарху на двух своих монахов, «что один чернец новокрещенец полях живет в монастыре самовольством, безчинство и воровство чинит многое, а унять его монастырским смирением невозможно; а другой чернец и иноческий чин пострижен, а до пострижения в православную веру нигде не крещен». По этой жалобе государь и патриарх указали: «сослать монахов в сибирские монастыри: первого в Тобольский Знаменский монастырь, а второго в Никольский Верхотурский — и устроить их царским жалованием, как и прочую братию**». В 1625 году Макарий получил следующую грамоту от Михаила Федоровича. «Был в Нижнем Новгороде чернец Павел Коровкин и нижегородских посадских людей своим воровством и ябедничеством продавал напрасно и затей на многих людей возводил напрасно же. А когда он был в миру, то на многих посадских людей Балаховского уезда подавал напрасные иски для своей бездельной корысти... и за воровство много раз был пытан и бит кнутом... После того он жил в чернецах в Москве и на многих людей клепал воровством и продавал напрасно и за воровство послан в Горницкий монастырь, но из монастыря

* Ж. М. Н. Пр., ч. LXXXI, стр. 25. См. «Материалы для истории христианского просвещения Сибири».

** Р. И. Б., т. II, № 153.

ушел в Балахонский уезд и там делал смуту... А теперь он посылается в Тобольск к тебе архиепископу и ты послал бы его в монастырь, в какой пригоже и велел держать его под началом и быть ему в службе, в которой пригодится*². И подобные ссылки были не редкостью: в 1627 году в один тобольский монастырь приславо восемь старцев-колодников. Если взять во внимание, что в 1627 году в этом монастыре было 30 человек монашествующей братии, то смело можно утверждать, что половина этих монахов состояла из ссыльных, часть из тех служилых людей, «которые ученье и старые и государственной службы служить не могут» и которых воеводы велат постригать в монахи «для смертного часу», и только, может быть, немногие поступили в тот монастырь по призванию к монашеской жизни**³. А судя по некоторым данным, то же самое можно сказать и о других сибирских монастырях. Эти ссыльные вносили нравственный разврат в сибирские монастыри, и от него невозможно было избавиться до тех пор, пока практиковалась ссылка. Если монастыри Европейской Руси не в состоянии были исправить таких испорченных натур, как вышеупомянутый чернец Павел Коронки, то что же могли сделать с ними монастыри сибирские?! И в ссылке они продолжали быть тем же, чем были прежде: «чинили всякое воровство и устраивали разныя смуты». Не лучше монастырских старцев вели себя и старцы Софийского дома, т.е. архиепископские, и на них не раз приходилось Макарию писать жалобы царю и патриарху. Так, в 1627 году Макарий жаловался на своего келейного старца Семиона, который, украв архиепископскую печать, приложил оную к отпустной грамоте, чтобы возвратиться на Русь. А про старца Корнила Макарий писал: «Обыграл он зернию работных людей и за такое воровство и посадил его в тюрьму на цепь», но Корнил изломал цепь, подкопался под стену и ночью убежал со двора в деревню приказного человека Максима Трубчинина. Здесь он жил под овином четыре дни и в это время подговорил Максимовых служащих женок бежать с собою; но Максим об этом узнал, поймал Корнила и посадил на ночь в житницу и тот старец ел в житнице мясо и сыры, а делалось то,

² А. М. Ю. Дев., ст. № 11801, л. 225.

^{**} А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 13, л. 164.

государь, » Оспожин пост...»*. А в 1635 году тобольский воевода доносил Михаилу Федоровичу: «Софийские соборы не и дворовые люди, будучи в Москве, били челом государю о жалованье на 1634 г. и им выдали; но они уже получили оно в Тобольске, а потому воевода попа Илью посадил в тюрьму на неделю, дворовых людей и в числе их сына боярского М. Трубчанинова велел бить батогами, «чтоб вперед на то смотря неповадно было иным так воровать государственное жалованье вдвое»**. Мы выше упоминали о жалобах второго Сибирского архиепископа на распространение многоженства среди сибирских служилых людей, а из документов оказывается, что эти жалобы были вполне справедливы. Хотя в Сибири и чувствовался недостаток в женщинах, но служилые люди умели обходить этот недостаток и заводили себе по две и по три жены: одни находили их на Руси, другие крестили пленных инородков и женились на них, а иные отнимали жен у пашенных крестьян. Сибирь была так велика, что скрыть многоженство было очень легко. Из Тобольска ежегодно воеводы посылали по 50 человек казаков и стрельцов, например, в Мангазею и в Туруханское зимовье на годовую службу. Некоторые из этих служилых людей были женаты, оставляли своих жен в Тобольске, а на месте новой службы выбирали себе русскую женщину или крещеную инородку и женились на ней. Священнику трудно было узнать, женатого ли он венчает или холостого человека; для этого он в то время почти не имел никаких средств. Не раз, впрочем, случалось, что священники сибирские и заведомо венчали женатых служилых людей, то будучи к тому принуждаемы, то подкуплены. Так, в 1626 году архиепископ Макарий обвенчал ночью подьячего Максима Перфирьева с женою Поддея Фирсова, а у подьячего еще жива жена и живет в Верхотурье. Когда же дело это открылось и назначено было следствие, то на допросе священник объявил, что он обвенчал Максима Перфирьева по велению енисейского воеводы Андрея Ошанина, «боясь его Ондреева убийства». Андрей Ошанин показывал, что он не виновен в этом деле, а поп Кирилл сам был святом и без всякого принуждения с его стороны обвенчал Макси-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 13, лл. 153—152.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 656.

ма за 10 рублей денег и 10 четвертей хлеба*. И случаи женитьбы сибирских служилых людей от живой жены — не редкость. В 1628 году тот же архиепископ писал царю: «Казаки, выехав из сибирских городов за Верхотурский волок, в городах и селах женятся, а женься — тут жен своих бросают и, приехав в Москву, женятся на иных женах, а иные у мужей жен уводят... И привезши, государь, в сибирские города тех своих жен продают своей же братии, а иные, государь, их жены приезжают в Сибирь после, а они — мужья их — на других поженились...»². Если сибирские служилые люди имели возможность жениться по нескольку раз и торговать своими женами, зато сибирское крестьянство в высшей степени бедствовало от недостатка женщин. И. Н. Оглоблин³ в своей статье «Женский вопрос в Сибири в XVII в.» приводит интересные челобитные от енисейских папшенных крестьян. В 1627 году крестьянин Иваншка Семенов от имени двадцати товарищей бил челом государю: «Все мы люди одинокие и холостые... как, государь, с твоей государевой пащни придем — хлеба печем и яству варим, и толчем и мелем сами, отдыху нет ни на мал час! А как бы, государь, у нас сирот твоих женишки были и мы бы хотя избной работы не знали... Им обещали прислать из Тобольска гулящих женок, но и до сих пор не присылают — жениться не на ком, а без женишек, государь, нам быть никак не возможно...». В заключение челобитной крестьяне взывают к милосердию государя: «Омилуйся! Пожалуй нас сирот твоих бедных... веди нам прислать из Тобольска гулящих женок, на ком жениться». Михаил Федорович смиловался и приказал тобольским воеводам из Тобольска и других сибирских городов послать в Енисейский острог для папшенных крестьян женок гулящих, свободных вдов и девок. Но исполнять подобные приказания, оказалось, очень трудно: свободных женщин не нашли в Сибири, и крестьяне енисейские по-прежнему оставались без жен. Через три года они послали новую челобитную, и опять с тем же отчаянным припевом: «Мы люди, государь, одинокие — жен и детей у нас нет... сами мелем, печем и

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 16, лл. 370—373.

² «Женский вопрос в Сибири в XVII в.» И. Оглоблин в Истор. Вест. 1890 г., № 7.

варим, а в кою пору бываем на твоей государственой службе в издѣлье или гонѣе и в ту пору дворяшки наши пусты стоят... смилуйся, пожалуй» и т.д.³. Московское правительство, всегда относившееся с особенным вниманием к нуждам сибирских крестьян, разными мерами старалось помочь горю последних: то приказывало воеводам отбирать у служилых людей пленных калмычек, татарок, вогулок и других сибирских инородков, крестить их и выдавать замуж за русских людей, то пересылало из Руси в Сибирь с тою же целью разных гулящих женок и девок. Может быть, под влиянием челобитных енисейских крестьян Михаила Федорович в 1631 году велел воеводе Григорию Шестакову прибрать в разных русских городах 150 женок и послать их в Сибирь, но Сибирь еще пугала русских людей, и немногие добровольно бросали родину и пускались «за камень» в неизвестную даль. На грамоту царя воевода отвечал, что он мог прибрать только 5 женок⁴. А пленные инородки редко попадали в руки крестьян: ими прежде всего пользовались те, которые захватывали их в плен, т.е. служилые люди.

Что же касается распространения христианства в Сибири при Макарии, то оно шло тем же путем, как и при первом Сибирском архиепископе: оно принималось отдельными лицами мужского и женского пола, и притом более по нужде, чем по убеждению. Нового чего-нибудь, кроме того, что мы писали об этом предмете в статье «Учреждение Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан», мы не можем сказать. Однако здесь мы не можем не отметить того факта, что второй Сибирский архиепископ очень строго относился к делу крещения инородцев: его убеждения в этом отношении значительно расходились со взглядами правительства, выраженными в данном ему наказе. Так, последний предписывал: «А который татарин дойдет до вины и убежит к нему архиепископу от опалы, от каковы не будет, опричь измены и *поточет креститься*, и ему тех татар примати и держати у себя бережно, но и о том писать к государю... и к отцу его св. патриарку... подлинно, кто от каковы вины прибежит, а до их государского указу не крестить; а того татарина боярину и воеводам и

³ Ibid, стр. 197—198.

⁴ См. наше исследование «Заселение Сибири...», стр. 218.

дьком до указа никого не отдавати...». Из этого пункта наказа ясно видно, что крещение избавляло инородца от наказания за совершенное им преступление, если только это преступление не было изменою; требовалось одно: что бы инородец сам выразил желание принять христианство, а какие мотивы побуждали его к крещению — до этого правительству не было дела. Оно разрешило архиепископу крестить всех желающих, хотя бы это желание и было вынужденное, например, уложением о наказаниях. Но Макарий держался иных убеждений. Как бы в ответ на приведенный пункт наказа он в одной своей отписке к царю и патриарху, упомянув о желании одного магометанина принять крещение, вынужденном некоторыми угрозами его владельца, замечает: «А в правилах де апостольских и отеческих писано — велено принимать ко крещению вольных людей — чтоб ни от смерти, ни от беды, ни от напасти для того, что примет крещение и причащение, да опять заворовав обусурманился»*. Может быть, под влиянием такого же взгляда на крещение инородцев один сибирский священник во времена Макария отказывался крестить в православную веру литовцев и татар.

В 1627 году воевода Кузнецкого острога жаловался царю на тамошнего попа Ивана, что последний не хочет крестить литвина Ф. Мосальского с товарищами и татарку Тойбику, а только дал им молитву и велел ходить в церковь: «У меня де литве и татарам крещенья нет», — говорил воеводе этот священник. «Да Кузнецкаго острога, — писал тот же воевода, — твои государевы юртовские татары молодые люди, которые знают русский язык и в твою государеву службу годятся, хотят креститься в православную веру, и их крестить некому»**. Трудно допустить, чтобы упомянутый священник так поступал из одного своего каприза! Мне кажется, что в оправдание его можно привести следующие соображения. Во-первых, относительно крещения литовцев следует заметить, что вопрос о переименовании христиан не-православного вероисповедания в то время не был еще вполне определенно решен: патриарх Филарет высказывался против вторичного крещения. Может быть, и кузнецкий свя-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 16, л. 75.

** Р. И. Б., т. 8, № XXXIII.

ценник был такого же мнения и потому считал достаточным одних положенных молитв для католиков литовцев, желающих присоединиться к православной церкви. Что же касается татар, которых тоже священник Иван отказывался крестить, то не зависело ли это от строгости отношений к делу крещения инородцев? В Сибири нередко случалось, что татары, остяки, вогулы и пр., приняв крещение и причащение и получив за это государево жалование, немедленно же изменяли христианству или, как выражается Макарий, «заговоров опять обусурманится». Разве эти случаи не должны были заставить сибирских священников строже относиться к язычникам-магометанам, ищущим крещения?! Но какой смысл имел поступок кузнецкого священника, который, отказываясь крестить татар, в то же время дает им молитвы и разрешает ходить в церковь? Прежде чем отвечать на этот вопрос, мы считаем нужным сообщить, что нам не раз приходилось встречаться с подобными же действиями и других сибирских священников. Так, в документах того времени читаем: «крещеный татарин», «татарин не крещен, а молитва дана», «дву девочкам (инородцам) молитва дана». На основании этих известий, часто повторяющихся в отписках сибирских воевод, не следует ли предположить, что эта молитва, даваемая инородцам, выражавшим желание креститься, имела подготовительное значение вроде древнего оглашения; она давала права таким инородцам слушать христианское богослужение, готовить себя таким образом к принятию новой веры. И если оглашенный своим поведением доказывал искренность своего желания креститься, то только тогда над ним совершалось и самое таинство.

Правительство московское запрещает сибирским священникам давать инородцам молитвы без крещения, называя подобные действия священников поруганием православной христианской веры⁴. Но видно, что некоторые священники не разделяли этого правительственного мнения и имели на это основание: разве не большим было поруганием христианской веры, когда инородцы, приняв крещение и причащение, чрез несколько дней убежали в свои юрты и по-прежнему молились своим языческим кумирам?! В зак-

⁴ Р. И. Б., т. 8, стр. 558.

ключение обзора деятельности второго Сибирского архиепископа упомянем еще об одной грамоте к нему царя Михаила Федоровича, присланной в 1626 году. Эта грамота касается интересного предмета — ризы Господней, — и ввиду редкости подобных документов мы считаем нужным напечатать ее здесь целиком. «От царя Михаила Федоровича в нашу отчину в Сибирь богомольцу нашему Макарию архиепископу сибирскому и тобольскому: в прошлом во 133 г. марта в 11 де приходил посол к нам и к отцу нашему Ф.Н. из Кизыл-баш от великаго государя Аббас-шаха⁹⁹ грузинец Урсайбек и правил нам и отцу нашему великому государю патриарху Ф.Н. от шаха поклон, а после поклона посол Урсайбек поднес к отцу нашему Ф.Н. ковчег золот с камением с лалами и з бырюзами, а молил: государь мой Аббас Шагово величество прислал к тебе великому светителю ковчег золот с каменьем а в ней великаго и славнаго Христа срачица и отец наш великий государь Ф.Н. тот ковчег принял и того ж дни на своем дворе отец наш Ф.Н. с богомольныи нашими с Киприаном митрополитом сарским и подонским с Нектарием архиепископом греком и с архимариты и игумены и протопопы того ковчега осматривали и по досмотру в том ковчеге часть некая, а в длину и поперег пяди полотняна кабы красновата походила на меди или будет от давних лет лице изменила, а тканя волну и марта в 18 де отец наш Ф.Н. говорил нам что та святыня что называют Христоваю срачицею прислана от иноверного царя Аббас шаха и безистиннаго свидетельства тое святыни за истину принят пристрастно а чтоб тое святыню свидетельствовати чудесь пети молебн и ходити с нею к болящим и полатати на них и просити всецедраго и человеколюбиваго в троицы славимаго Бога чтоб милосердый Бог тое святыню уверил яко же весть светая его воля понеже истиннаго свидетельства о той святыни несть а не верных слов без испытаня во свидетельство не приемлетца и мы и отец наш Ф.Н. уложили отцу нашему Ф.Н. и митрополиту и архиепископу и архимаритом и игуменом и протопопом и в монастырех старцом приняти пост и воздвигнути молитву и поститися седмицу чтоб Господь Бог о той святыни проявил свою святую волю како можем учинить о той святыни; и благодатию и человеколюбием и не изреченною милостию Господа Бога Спаса

Нашего Иисуса Христа и до совершения седмицы учало быть исцеление а кому в который день от какие болезни исцеление от рязы Господни еже есть хитро было и тому роспись подлинная послана и тебе богомольцу нашему с сего нашего грамотою за печатью отца нашего Ф. Н. и тебе богомольцу нашему велети к себе быти в соборную церковь новоядам нашим князю Андрею Андреевичу Хованскому¹⁰⁰ да Мирону Андреевичу Веньяминону¹⁰¹ да дьяком нашим Ивану Федорову да Степану Угодцкому и архимаритом и игуменом и всему священному собору и дворяном и детям боярским и гостем и торговым людем и велети в соборной церкви у Софiei премудрости слова Божия чести протодьякону на анбоне во услышание всем людем нашу грамоту и отца нашего Ф. Н. грамоту и свиток которой тебе послан за печатью отца нашего Ф. Н. а прочетчи грамоты и свиток велети пети молебн з звоном и о всем учинити бы тебе как писано отца нашего в грамоте и свитке которой к тебе послан за печатью отца нашего Ф. Н. Писан на Москве лета 7134 г. генваря в 9 день»¹⁰².

Подобные грамоты разосланы были по всему Русскому государству, а также и в Сибирь к архиепископу Макарию. Но свитка, упоминаемого в приведенной грамоте и содержащего в себе перечень чудес и исцелений от рязы Господней, до нас не сохранилось. В грамоте Тверского архиепископа к игумену Колязинского Макарьевского монастыря сообщается на основании росписи патриарха Филарета Никитича, что таких чудес и исцелений было с 23-го марта 1625 года по 24 января 1626 года всего 71¹⁰³. Впрочем, об этих чудесах и исцелениях в указанное время можно найти подробные сведения в другом документе, напечатанном в приложениях ко второму тому Дворцовых Разрядов¹⁰⁴. Второй Сибирский архиепископ и умер в Тобольске. В «Записках к Сибирской Истории» о смерти Макария находим следующее известие: «1635 г. июля в 24 день, в пятък, в 14 дни, в третьей четверти, преставился в Тобольску пресв. Макарий, архиеп. Сибирский и Тобольский; а на своем свитательском престоле был в Тобольске 10 лет и полчетверти месяца и 9 дней...

¹⁰⁰ А. М. Ю. Дев., ст. № 11801, лл. 290—303.

¹⁰¹ А. А. З., т. III, № 168.

¹⁰² Двор. Разр., т. II. См. с 788 с. по 822 стр.

Погребение Макарию было Нектарием архиепископом в 1636 г. мая 31 дня*². Гроб его поставлен в так называемой сенной церкви, построенной при Тобольском архиепископском доме самим Макарием в 1625 году.

III

После смерти Макария Сибирская епархия почти год оставалась без архипастыря. Царю Михаилу Федоровичу и новому русскому патриарху Иовафу¹⁶² долго пришлось искать человека, достойного занять Тобольскую архиепископскую кафедру, и только в следующем году выбор их пал на игумена Ниловой пустыни Нектария. Это был монах по призванию: уроженец Осташкова, в мире Николай, еще 12 лет поступил в только что основанный в конце XVI века монастырь на острове Столбенском, где покоились мощи преподобного Нила, первого подвижника на этом острове. Постригшись в монахи под именем Нектария, он вел строгую подвижническую жизнь и, вероятно, под руководством своего собрата монаха Арсения Глухого, известного справщика церковных книг при Михаиле Федоровиче, знавшего греческий и латинский языки, риторику и философию, получил высшее по тому времени духовное образование. Памятником такого образования служит его послание, автограф которого хранится в Ниловой пустыни, именно «Послание сибирского архиепископа Нектария», а в доказательство строгой его монашеской жизни можно указать на то, что он сам никогда не пил вина и запретил пить другим монахам. «По заповеди блаженной памяти строителя Нектария, бывшего архиепископа сибирского, в пустыне Нила чудотворца Столбенского хмельному б питью не быть», — писал митрополит Новгородский Питирим в Ниловский Столбенский монастырь¹⁶³. А будучи в Сибири, Нектарий просил Михаила Федоровича, чтобы тобольские воеводы вместо положенных на архиепископский дом ста ведер водки давали 50 пудов меда, и государь разрешил подобную замену. Своим образованием и подвижнической жизнью Нектарий обратил внимание: в 1620 году, 33 лет от роду, он был избран в строители Ниловой пустыни, а Новгородским митрополитом удостоен сана игумена. Биограф

* Др. Росс. Вивл., ч. III, стр. 153.

¹⁶² А. А. 3., т. IV, № 165.

сибирских архиепископов Н. Абрамов в своей статье «Нектарий, третий Сибирский и Тобольский архиепископ» рассказывает следующее: в 1628 г. игумен Циловой пустыни Нектарий по какому-то случаю приехал в Москву, представился царю Михаилу Федоровичу и предсказал последнему рождение его сына, впоследствии царя Алексея Михайловича. С этого времени царь Михаил обратил внимание на Циллову пустынь и на ее игумена, а когда тобольская кафедра сделалась свободной, то предложил занять ее именно Нектарием. Как ни лестно было это предложение, но Нектарий неохотно расставался с своей пустыней и только повинувшись воле царя и патриарха согласился принять архиепископский сан и отправиться на тобольскую кафедру^{*}. После хиротонии в архиепископа в 1636 году 4 февраля Нектарий скоро отправился в Сибирь и первого апреля благополучно прибыл в Тобольский Знаменский монастырь, а на другой день имел торжественный вход на гору, в город^{**}. Третий Сибирский архиепископ оказался прекрасным хозяином: его заботы о развитии хозяйства Софийского дома доходили до стеснительности и были столь настойчивы, что неприятно поражали даже само московское правительство; да и на историка эта страсть к стеснительности производит неприятное впечатление, тем более что Нектарий, как мы упоминали, отличался строгим подвижническою жизнью. После смерти Макария по распоряжению правительства боярским сыном Верекиным произведена перепись вотчин, крестьян и вообще движимого и недвижимого имущества дома Софии Премудрости Божией. Из этой переписи Нектарий увидел, что крестьяне четырех деревень архиепископских «разбрелись неизвестно куда». Вследствие этого первой его хозяйственной заботой было отыскать беглецов и посадить их на прежние места; заботы его увенчались полнейшим успехом: с его приезда опять начинают свое существование упомянутые деревни. Вместе с тем он начал призывать в софийские деревни новых крестьян, обещая им льготы и подмогу; на его призыв, как увидим, откликнулись очень многие: одни садились на паши, другие на оброк, а некоторые записывались в софийские закладчики. Но в то время, как хозяйственная деятельность Нектария шла так успешно, правительство наносило ему один удар за другим. Прежде

^{*} Странник 1866 г., февр., стр. 68—69.

^{**} Др. Росс. Ваял., ч. III, стр. 156.

всего денежное жалование Софийскому дому было уменьшено до половины: вместо 690 рублей 65 коп. велено давать только 321 руб. 65 коп. Затем в 1638 году прислан указ тобольскому воеводе, чтобы с следующего года давать Софийскому дому вместо хлебного жалования деньгами, а с 1642 года совсем прекратить хлебную руту. Этот указ велено показать Нектария «чтобы он вперед на государево жалование не надеялся и стриглся своею папинею, потому что после Макария за Софийским домом осталось много крестьян и ими папину можно завести и малую». Но, вероятно, Нектарий знал, что эти распоряжения исходят не столько от царя, сколько от правителей Сибирского приказа, знал, что религиознейший Михаил Федорович не может так обижать дом Софии Премудрости Божией. Поэтому немедленно же одно за другим послал к царю два слезных прошения. В одном из них он бил челом, что ему строить свою папину нечем, «пашенных крестьяншек и бобылков за Софийским домом мало». Но так как в Москве из переписи Вревкина знали, что и земли, и крестьян у архиепископа достаточно, то Нектарий в своей челобитной жаловался, «что в этой переписи пашенные крестьяне писаны вдвое, отцы с детьми, дети малы и не папшут, с Ницмиской и Тавдинской слобод иде хлеб не великий, а оброчные дают в софийскую казну только по 50 коп. в год». В другом прошении Нектарий писал: «Нынче (1639 г.), государь, мне богомольцу твоему и софийским соборьянам и дворовым людям дают за твое государево жалование за хлеб деньги — за четверть ржи по полтине, а на торгу, государь, твою казенную четверть (4 меры) покупают по 1 руб. 21 коп. и против, государь, торговой цены дают менее половины между тем софийские соборьяне и дворовые люди постоянно жалуются ему, что они, покупая хлеб дорогою ценою, в конце погибли и одолжали великими долгами». Затем архиепископ просил, чтоб давали в дом Софии Премудрости Божией хлебную руту по-прежнему хлебом, а не деньгами. В заключении челобитной читаем обыкновенный жалобный припев сибирских архиепископов: «Государь, смилуйся, пожалуй, чтоб от хлебной скудости нам нищим твоим богомольцам в конце не погибнуть и врозь не разбредись и твое царское богомолье без службы не было бы». Михаил Федорович не мог устоять против такой челобитной и велел снова давать Софийскому дому хлебную руту, впрочем, только до 1642 года. Теперь посмот

рим, насколько справедливы были жалобы Нектария на нищету Софийского дома. Может быть, и в самом деле «государевы богомольцы дальной сибирской вотчины», несмотря на их громадную поземельную собственность и достаточное количество крестьян, бедствовали и терпели нужду в самом необходимом? Совершенно справедливо, что хлеб в Сибири в 1639 году значительно поднялся в цене по случаю неурожая в этом году, справедливо и то, что воеводы, выдавая Софийскому дому хлебную руту деньгами, обчитывали ружников в свою пользу: воеводам указано «давать деньгами по прямой сибирской торговой цене, какою ценою в котором году учнут хлеб на торгу покупать», а они давали за четверть только по 50 коп. вместо 1 руб. 25 коп. Но дело в том, что Софийскому дому не было никакой надобности обращаться за покупкой хлеба к торговым людям: в его житницах всегда находились громадные запасы хлеба, а в погребах и кладовых было в изобилии всяких питий и яств. Данные об этих запасах столь интересны, что мы считаем нужным выписать здесь опяе из переписных книг.

В 1636 году в Софийском доме были следующие запасы: разного хлеба — 39100 п., масла коровьего, — 65 п., соли — 418 п., меду пресного — 132 п., хмелю — 19 п., вина горячего — 236 в., меду кислого — 79 в., пива простого — 224 в., пива поддельного — 35 в., вина церковного — 13 в., ромаиен красной — 1/4 в.; уксуу — 20 в., масла конопляного — 6 в., масла орехового 1/4 в., воску — 6 п., жиру рыбьего — 10 ф., лимонов — 110 шт.

В сушилах: осетров — 202 шт., стерлядей — 163, нельм — 243, щук — 260, семг — 7, икры черной — 1/4 п.

Просольной рыбы: щук — 1343 шт., нельм — 50, стерлядей — 120, язей — 301, окуней — 140, осетров — 17.

Добавим к этому, что у Софийского дома было в это же время 32 рабочие лошади и множество рогатого скота. Для каждого очевидно, что этим одним запасом «нищие богомольцы», которых с деловыми людьми в 1636 году было 70 человек, могли не только прокормить себя, но вместе с тем в течение двух лет могли кормить всю армию Ермака, с которою он завоевал Сибирское царство. Трудно предположить, чтобы при таких запасах можно было этим богомольцам голодать, или чтоб они действительно имели намерение «брести врозь». Но ведь это только запасы, остатки от

ежегодных приходов. В том же году они должны были получить из казны хлеба 6180 пудов, меду 60 пудов, вина горячего 100 ведер, за рыбные пояди 110 руб. 13 коп., денежного жалованья 321 руб. 65 коп. Несправедливо также жаловался архиепископ Нектарий, что с вотчин Софийского дома «идет не великий хлеб». Из переписных книг Веревкина видно, что в 1636 году с одной Ницмынской слободы привезено в Тобольск в софийские житницы разного хлеба 4535 пудов. Таковы были средства Софийского дома до вступления Нектария на сибирскую кафедру. Но при нем эти средства должны были значительно увеличиться: каждый год селились на софийских вотчинах новые крестьяне, и значит, каждый год усиливалось хлебопашество, а вместе с тем и количество «пятинного хлеба», собираемого софийскими владельцами, все более и более увеличивалось. По переписи, произведенной после оставления Нектарием сибирской архиепископской кафедры, т.е. в 1640 году, за Софийским домом числилось крестьян: в деревнях Комарицкой, Матвеевской, Кисилевской и Бессоновской — 58 чел., в Ницмынской слободе — 182 чел., в Тавдинской — 79 чел., да бобылей в Тобольске, Тюмени, Туринске и Верхотурье — 111 чел., всего 427 человек мужского пола, тогда как Нектарий унаследовал от Макария только 138 человек. Кроме того, своему преемнику, архиепископу Герасиму, он оставил разного хлеба 3858 четвертей, ссудных и заемных кабал и памятей 756, денег по этим кабалам 1906 р. 26 к., хлеба 2323 ч., 61 лошадь, да массу рогатого скота и всяких съестных припасов и питий. Что Софийскому дому не было надобности обращаться за покупкой хлеба к торговым людям, можно уже судить по тому, что в 1639 году во время неурожая архиепископ Нектарий нашел возможность дать из софийских житниц в долг самому правительству 1500 четвертей ржи и 500 четвертей овса.

IV

Далеко не с таким усердием Нектарий занимался своими архиепископскими делами, как хозяйственными. Н. Абрамов в вышеупомянутой статье об этом архиепископе замечает, что «он управлял Сибирской епархией недолго, но

и в этот срок успел внушить к себе почтение и любовь пасты и ознаменовать ревность свою к благу церкви многими полезными и достопамятными действиями»⁸. С этим отзывом мы решительно не согласны: в нем только одно справедливо, что Нектарий управлял епархией недолго, а все остальное — вымысел самого биографа. В своей статье он не приводит этих «многих полезных и достопамятных действий», а пишет о предметах большей частью несколько не относящихся к пастырскому служению Нектария, например, об основании в Сибири в то время городов и сел, приводит выписи из синодика о победе Ермака над Кучумом, о гибели Ермака с товарищи и т.п.; мы же и в документах не нашли ничего такого, что оправдывало бы отзыв о Нектарии этого писателя. Несомненные исторические данные не только не свидетельствуют о почтении и любви сибирской пасты к своему архипастырю, а, напротив, говорят, что Нектарий в первый же год пребывания в Tobольске возбудил против себя общую ненависть воевод, дьяков и подьячих, боярских детей, монахов, своих старцев и дворовых людей; в подтверждение того мы можем указать на массу доносов на Нектария от лиц разного звания и положения. Правда, эти доносы оказывались неосновательными, и сами доносчики сознавались в ложности своих обвинений Нектария «во многих государевых делах», но тем не менее самое появление множества доносов уж никак не может свидетельствовать о почтении и любви сибирской пасты к своему архипастырю. Вполне естественно, что Нектарий, как строгий монах, не мог ужиться с развращенным сибирским населением: после слабого Макария, снисходительно относившегося к правам своей пасты, строгость его преемника не по вкусу пришлась сибирякам. Разве архиепископские боярские дети, старцы, дворовые люди и клир могли простить Нектария, например, замену казенного вина медом, о чем мы упоминали выше: прежде архиепископский дом одной казенной водки выпивал 100 ведер в год, а теперь вместо этого государева жалованья давали ему только мед.

Трудно было Нектария управлять Сибирской епархией: с 12 лет он жил вне мира, в Ниловой пустыне, вел строгую подвижническую жизнь, и вдруг такого человека уго-

⁸ См. стр. 83.

но было царю Михаилу и патриарху Иовсафу назначить архиепископом на тобольскую кафедру! Ему Тобольск показался сущим адом: старший воевода Темкин-Ростовский¹⁰³ был в непримиримой вражде с младшим Волынским¹⁰⁴; тот и другой обращаются к новому архиепископу с разными кляузами друг на друга. Нектарий принимает сторону одного и тем вооружает против себя другого, а этот последний не стесняется в средствах, чтобы досадить ему: побуждает своих странников шуметь на архиепископа, ругать его «всякою неподобною бранью». Старцы, монахи, попы, боярские дети и др. ведут безобразную жизнь, кляузничают друг на друга, а Нектарию приходится разбирать их: он хочет «смирить» виновного, а последний кричит на него «государено слово и дело», бежит в съезжую избу и требует, чтобы воеводы выслушали его иногда самые нелепые обвинения. Нелегко было Нектарию, отвыкшему от мирской жизни, ориентироваться в подобных делах, и он сам сознавался царю, что не умеет управиться с людьми: «Я человек пустынный и всякия мирския дела мне не за обычай», — писал этот архиепископ Михаилу Федоровичу. Но архиепископу невозможно было жить только келейной жизнью; круг его обязанностей слишком велик и ему необходимо было считаться со всякими мирскими делами, а для этого нужен такт, умение быть вовремя строгим или снисходительным. Между тем Нектарий, как видно, отнесся ко всем как строгий монах и думал управлять сибирской паствой точно так же, как он управлял монахами в Ниловой пустыни. Вот где лежала причина общей к нему ненависти и многочисленных на него кляуз. На Нектария жаловался рязничий черный дьячок Илья, который прислан в Тобольск «для научения архиепископа святительскому чину», жаловался черный поп Макарий, жаловались боярские дети Павел Хмелевский и Савва Французанин, а заводчиками разных кляуз были второй воевода и дьяки. «Да и софийские, государь, — писал Нектарий Михаилу Федоровичу, — дворовые люди, старцы, дети боярские и певчие дьяки, кроме старого дьяка Саввы Есипова¹⁰⁵, ужыпляют на меня богомольца твоего и угрожают доводными составными всякими делами...»¹⁰⁶. А почему эти люди жаловались? Черный дья-

¹⁰³ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 571, неумерован.

кон Илья «много безчинства делает», «приходит в церковь многие дни пьян и делает безчинство», а когда Нектарий хотел послать их «на смирение», то они начали говорить на него государево дело. Про Павла Хмелевского, ссыльного литвина, Нектарий писал царю следующее: «В нынешнем 1637 года января 24 дня прибежали ко мне пред церковь двое ребят бить челом на ссыльного литвина Павла Хмелевского боярского сына в духовном и великом деле — один бит и весь в крови, а другой жжен огнем. Я велел распрощать их и они сказали: живут де они у Павла Хмелевского, одного зовут Грипкою, а другого Ивашкою и тот де Павел для злого богомерзкого блудного греха бьет и мучит их неовинно...». Нектарий допросил об этом духовного отца, и последний подтвердил, что Павел Хмелевский бил и жег огнем тех ребят за то, что не соглашались с ним на тот содомский грех. «Я много раз, — доносил Нектарий, — послал за Павлом, чтобы он пришел для допросу, но он учинился силен и к скаске не пошел... А ныне по твоему государеву указу велено Хмелевского отпустить в Москву и он похваляется на меня всяким дурном»⁸. С первого взгляда кажется странным то, что Нектарий не мог заставить Павла Хмелевского явиться к себе на суд, так как воеводам строго предписывалось давать архиепископам пристава на ослушников по первому их требованию. Положим, что Нектарий был во вражде со вторым тобольским воеводой и от него, конечно, не мог получить сведения, но главный воевода Темкин-Ростовский, по-видимому, не враждовал с Нектарием и, стало быть, мог приказать пристава силой привести виновника на суд архиепископа. А между тем, как видно из донесения самого архиепископа, этого не случилось. Почему же? Дело в том, что в Московском государстве господствовали такие оригинальные порядки, которые давали возможность каждому виновному избавиться от всякой власти, будь этой властью воевода или архиепископ: стоит ему только объявить на того и другого государево слово и дело, и власть их тогда теряет свойственный ему авторитет до тех пор, пока не явится на этот счет указ государя. Лучше всего эти порядки можно показать на деле об извете одного ссыльного француза Саввы на архиепископа Некта-

⁸ Там.

рия и воеводу Темкина-Ростовского. Это интересное дело началось следующим образом. В 1637 году упомянутый француз является к главному тобольскому воеводе Темкину-Ростовскому и говорит: «Там где я родился есть руда серебрянная, медная и железная и рудное дело мне хорошо известно; пожалуй, отпусти меня в Верхотурский уезд к железной руде, а я государю прибыль сделаю и государь тебя похвалит». На это воевода отвечал: «Государь потерял казну под Смоленском (неудачный поход Шеина) — немцам бл... детям роздал, а после того в медной же руде потерял казну чрез немцев же, а я так терять не хочу». Потом Савва Французанин просил отпустить в Тюмень, но воевода выгнал его вон. Ссыльный оскорбился и затеял злобу на воеводу. Вскоре после этого один боярский сын Рукин подал воеводам иск на 86 рублей на того же ссыльного французца. Но последний, зная взаимную вражду воевод, решил воспользоваться этим обстоятельством для оттяжки своего дела. Так как ответчик не надеялся на Темкина Ростовского, то ему нужно было, выражаясь по-нашему, отвести его, но каким образом? Оказывается, что в тогдaшнее время это делалось очень просто. Савва Французанин заявил, что знает за воеводой государево слово и дело и вслед затем подал на него письменный извет второму воеводе Андрею Волинскому и дьякам. Но последние не посмели сделать допрос Темкину-Ростовскому относительно обвинения его в государственном деле и передали извет архиепископу Нектария, а изветчик Савва просит последнего переслать его извет в Москву к царю. Только Нектарий, вероятно, по дружбе к Темкину-Ростовскому долго не посылал этот извет к царю Михаилу Федоровичу. Тогда Савва Французанин, предполагая, что Нектарий держит сторону главного воеводы и что он не только не перешлет его челобитную в Москву, а даже может написать царю против него, затеял и на Нектария государево слово. «Когда мы сидели в съезней избе, — писали царю второй воевода и дьяки, — то услышали крик, что бьют и режут, и потом входит Савва Французанин и говорит, что за ним великое государево слово дело и патриаршее духовное на Нектария...». Второй воевода и дьяки обязаны были сделать допрос и для этой цели зовут в съезжую избе главного воеводу Темкина-Ростовского, но после-

дний, узнав, в чем дело, на допрос не пошел, говоря, что «Савва и на него сказал государево дело, а потому мне допросить его не уметь», т.е. Темкин-Ростовский не мог быть судьей в деле того, кто на него выкрикнул слово и дело. Замечательно в данном случае то, что московское правительство признавало подобный порядок ведения дел нормальным и после этого по делу Саввы Французанина уже вело переписку не с главным воеводой, а с его товарищами, и в царских грамотах к последним имя Темкина-Ростовского не упоминалось, а равным образом и товарищи главного воеводы отвечали царю по тому же делу только от себя — главный воевода как бы не существовал, его значение уничтожилось извещением. Вот почему Нектарий а) не мог уже просить главного воеводу ни сделать допрос Савве Французанину относительно извета на него, ни посадить извetchика под арест и б) не мог сам сделать допрос об извете того же лица на Темкина-Ростовского. А когда архиепископ за этим обратился к товарищам главного воеводы, то они по недружбе к нему отказали, говоря, что «таких по прежним обычаям сажать в тюрьму нельзя». Между тем Савва, сказавши на Нектария слово и дело, подал второму воеводе А. Волынскому и дьякам письменный на него извет на французском языке. Нектарий просил перевести этот извет на русский язык, а Андрей Волынский и дьяки отвечали ему, что в Тобольске нет человека, который знал бы французский язык. Но это была ложь: в Тобольске были люди, знавшие французский язык. Нектарий писал Михаилу Федоровичу, что такие знатоки есть и могут перевести с французского языка на русский, но Волынский и дьяки по вражде к нему и «наровя тому немчину» не позволяли того сделать. Да и сами эти власти писали царю, что они не давали перевести извета на архиепископа не вследствие отсутствия лиц в Тобольске умевших это сделать, а потому, чтобы Нектарий наперед не узнал, в чем заключается содержание извета, «чтоб он не ведал твое государево дело, мы послали то письмо к тебе государю...». Оно было послано в подлиннике и в переводе на русский язык и заключает в себе следующее: «A la tres grande Maiestie Micael Tedrovitz l'empereur de moscou et de toute la roussie...». После такого обращения Савва жалуется, что он подал архиепископу Нектария че-

лобитную к царю с изветом на воеводу Темкина-Ростовского, но, несмотря на то, что он уже давно отдал челобитную архиепископу до сих пор не отсылает ее. «Пожалуй, государь, быть мне в Москве и я расскажу про злые неправды воеводы и про злые дела архиепископа. А я французско-земли дворянин, присланный из голландской земли от князя Мориса; крестил меня ростовский митрополит, а им. мне Сава. Грамота обо мне находится в посольском приказе и в ней объявится моя службишка» (последним словом русский человек перевел фразу «mon fidelle service»). Между тем смышленый Француз был на свободе и оставался совершенно безнаказанным. Второй воевода и дьяки явно его покровительствовали, а другой власти над ними теперь в Тобольске не было. В это дело вмешались были боярские дети, так как главный воевода и архиепископ вследствие вышеупомянутых обстоятельств не могли сделать ему допрос, а товарищи не хотели, то некоторые из боярских детей предлагали поставить Савву Французанина пред всем на родом и расспросить его, другие же кричали, что следует этого «ведомаго вора убить или бросить в Иртыш». Но Волынский и дьяки опять вступились за смышленого, а потому из вмешательства боярских детей ничего не вышло. Точно так же и вследствие тех же обстоятельств архиепископ Нектарий не мог найти управы в Тобольске и на Павла Хмелевского, обвиненного в самом ужасном преступлении. Через год после начала дела Нектарий жаловался Михаилу Федоровичу: «В прошлом году писал я на Павла Хмелевского за его нечестное житие и что он меня богомольца твоего бранил всякою неподобною бранью, смилуйся, пожалуй дай оборону...». Не мог Нектарий найти управы в Тобольске и на других изветчиков и разных преступников. Не раз он писал государю о защите против врагов и ослушников, не раз и государь предписывал тобольским воеводам дать удовлетворение архиепископу, но вследствие вражды воевод исполнения этих предписаний не было. Это вынудило Нектария написать Михаилу Федоровичу самую отчаянную челобитную: после разных жалоб он заключил челобитную таким образом: «Пожалуй, государь, меня богомольца твоего, вели мне быть в Ниловой пустыни, или где ты укажешь, а мне в Сибири от таких заводных доводов быть от

нюдь невозможно никакими обычаями...». Только после этого государь указал: Савву Французанина выслать из Тобольска в Тюмень, а Павла Хмелевского в Красноярск, но с сохранением службы и денежного и хлебного жалованья*.

Немало беспокойств и неприятностей доставляли Нектарию и монахи Тобольского Знаменского монастыря то своим «нейстовым житьем», то своими кляузами друг на друга. Мы выше упомянули, что половина монахов этого монастыря состояла из разных ссыльных преступников, а из одного документа, относящегося ко времени архиепископа в Сибири Нектария, оказывается, что большинство этих ссыльных были литовцы. В Сибирском приказе мы нашли «Выписи из изветного дела тобольского города Знаменского монастыря ссыльного чернеца Малаха...», которая сообщает в высшей степени интересные данные о ссыльных монахах. Малах — это тот самый чернец, который в 1632 году прислан был в Тобольск из Соловецкого монастыря за «безчинство и многое воронство». В 1637 году он объявил за собой государево слово и дело и его потребовали к допросу в съезжую избу. Здесь Малах сказал, что он то царское дело не скажет никому в Тобольске, а только в Москве; тогда воеводы спросили ответчика с «пристрастием», и у него язык развязался. Прежде всего он заявил, что недаёт царское дело на ссыльных литовских старцев Знаменского монастыря — на чернота Гелактиона, келаря Аркадия и на старцев Капитона и Михаила. Из этого уже видно, какой элемент господствовал в Тобольском мужском монастыре: в нем были один черный поп и один келарь, да и те из ссыльных литовских старцев. Далее Малах рассказывает воеводам следующее. Когда стало известно в Тобольске, что посланы государевы ратные люди на службу под Смоленск, то он, Малах, сказал черному попу Гелактиону: «Для чего де в Знаменском монастыре не поют молебнов, чтоб Бог поручил Смоленск государю...», а Гелактион отвечал: «Пошли де государевы люди под Смоленск и им по их де правде так и будет и, показав ему Малаху в келье перст (кукиш), — вот де что им будет...». «А почему, — снова спросил Малах, — Бога не молят о государском здорovie?». На это Гелактион отве-

* Ibid.

чал: «А тебя кто об этом спрашивает?». Малах: «Получают де они государево жалованье, а за государево многолетнее здравие Бога не молят: в понедельник, среду и пятницу молебном не поют против того, как на Руси это делается». Гелактион: «Послали де ратных людей под Смоленск патриарх, да старцев сын (т.е. Михаил Федорович), захотели де литвы взять — вот де что им будет...», и снова Гелактион показал перст в келье. Малах: «Я про эти речи Гелактиона прежде де не посмел сказать воеводе Голицыну, потому что ссыльный человек, архимандрита же в то время в монастыре не было, а когда заявил о них келарю Аркадию, то Аркадий сказал: «Чорт де тебя спрашивает — знал бы себя, от чорта де ты приехал...». Затем извет Малаха касается других старцев: Капитона и Михаила. «Приносили они от Нектария, — рассказывает изветчик, — яству попу Гелактиону, которого Нектарий архиепископ ссылал в енисейский острог, а Гелактион принял яству и поил их до вечера, а я в то время сидел за монастырскими воротами; Капитон и Малах вышли к нему пьяны и Капитон сказал мне: отца де их духовного Гелактиона посылают в енисейский острог за тебя худого доводчика, а ты Малах забыл свою веру и набрался де русского сабачьего духу. А старец Михаил к этому еще добавил: «Судил де его Малаха Суздальский архиепископ Иосиф и тот де своей веры не забыл, а хотел ехать в Литву и с ним хотели же ехать их (литовцев) человек десятков пять и шесть, да вывернулся такой же доводчик, как Малах, рассказал про то и их разослали в Сибирь...»*.

В этом деле упоминаются семь литовцев, живших в Толболомском мужском монастыре, а другие документы указывают, что такого же происхождения были и старцы Нафаня и Герасим. Хотя они и принимали православие, но в душе оставались католиками, с презрением относились к иноческим правилам русских православных монастырей и к самим русским, вели беспутную жизнь, а потому никакие меры архиепископов не в состоянии были поднять нравственный уровень сибирских монастырей до тех пор, пока последние наполнялись ссыльными.

Вражда к Нектарию отразилась и на отношениях к нему других сибирских воевод: последние так же, как и при

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 81, лл. 390—406.

Киприане, начинают вмешиваться в духовные архиепископские дела, не обращают никакого внимания на грамоты Нектария и покрывают всякие духовные преступления. Особенно возмущало Нектария то, что воеводы сибирские без государева указа и без сношения с ним отпускали из Сибири на Русь черных и белых попов, в которых и без того была крайняя нужда. Так, в 1638 году архиепископ Нектарий жаловался царю на мангазейского воеводу Бориса Пушкина за то, что он «для своей бездельной корысти» без архиепископского ведома и без государева указа отпустил на Русь тамошнего священника. «И ныне, государь, — писал Нектарий, — в Мангазее попа нет, богомолье стоит без службы, служилые и всяких чинов люди умирают без покаяния и без причастия, а младенцы без крещения. Да тот же поп Иван, которому была приказана мангазейская и туруханская десятина и всякия духовныя и церковныя дела, свез с собою на Русь всякия десятинные и церковныя данные, софийские соборные деньги и книги, а в Сибири попами скудно и посылать в Мангазею некого»^{*}. А как была велика нужда в духовенстве, об этом можно судить уже по тому, что в Сибири рады были всяким попам, даже вора и грабителям, лишь бы только они служили в церкви. В подтверждение этого можно было привести много данных из документов Сибирского приказа, но мы здесь упомянем о двух случаях. В 1638 году игумен Верхотурского Никольского монастыря Иона, заручившись отпуском от воеводы, ограбил монастырскую казну и убежал в Соликамск. Нектарий просил царя отыскать этого беглеца и опять прислать в Сибирь, потому что «игуменами и черными попами скудно»; в той же грамоте он писал, что и из иных сибирских городов воеводы отпускают на Русь игуменов и белых попов**». В Сибири были и попы-самозванцы, которые никогда не были посвящены в священнический сан, а являлись туда под именем попов ради корыстных целей, и тем не менее и такими дорожили, если они служили в церкви. Архиепископ Нектарий в грамоте к Михаилу Федоровичу от 1639 года пишет про одного мангазейского попа следующее. В 1635 году при Макарии приехал с Мезени белый поп

* А. М. 10 Сиб. гр., ст. № 165, л. 101.

** Ibid. Разб. сводб. № 323.

Евстафий и служил в Мангазее, но попады не имел, как не имел и никакого вида и архиерейского благословения на служение; в том же году он убежал на Русь. Да и прежде, при архиепископе Кириане, тот же Евстафий появлялся в Мангазее, служил некоторое время в качестве попа и затем убежал за камень. Что же это за личность и с какой целью названный поп почти ежегодно приезжал в Мангазею и так же часто бежал на Русь? Из грамоты Нектария оказывается, что Евстафий, «будучи в Сибири, торговал соборами и на промыслы соборные посылал от себя промышленных людей»⁴. Дело в том, что с торговых людей бралась в казну десятая поплина как за торговлю, так за промыслы, а духовные лица и особенно священники пользовались в этом отношении некоторыми привилегиями. И вот, вероятно, какой-нибудь торговый человек, чтобы воспользоваться этой привилегией, назвался попом, служил в мангазейской церкви и в то же время занимался промыслами, а как только наловит соборей, то убегает на Русь, продает их там и снова появляется в Мангазее, и т.д. Интереснее всего то, что Нектарий, хотя и имел такие сведения об Евстафии, но тем не менее дорожил им: когда в 1639 году этот мнимый поп попросил у него отпуска на Русь, то Нектарий не дал и просил царя приказать Евстафию по-прежнему служить в мангазейской церкви, так как «в Сибири, государь, попами скудно», и государь указал, велел «тому попу быть в Сибири».

Вот все сведения, которые мы нашли в разных документах о жизни и деятельности третьего Сибирского архиепископа, никаких многих «достолавных действий» Нектария, о которых говорит Н. Абрамов, мы не могли отметить. Совершенно несправедливо предполагает этот писатель, что будто бы при Нектарии заведено самостоятельное иконописание при архиепископском доме и при сибирских монастырях. Иконописцы присылались в Тобольск и Верхотурье из Руси по указу государя и притом только на время; так было при Кириане, Макарии, и никаких новостей на этот счет мы не встречаем при архиепископе Нектарии. Знаем, что при нем из Сольвычегодска и Устюга Великого присланы иконописцы, но только на время, для написания

⁴ Ibid. Разб. столб. № 327.

некоторых икон*. О них Нектарий писал Михаилу Федоровичу: «Присланные два иконника написали за 38 рублей к Софии Премудрости Божией иконы «падницы» и теперь вели, государь, дать им подводы на обратный проезд**». Но Абрамов совершенно верно замечает: «Хотя тело Нектария далеко погребено от Сибири, но имя и память о нем будут незабвенны»***. Именно потому, думаем мы, что с его именем связан праздник чудотворной иконы Абалакской Божией Матери^{IV} — первой местной святыни, столь почитаемой в Сибири. В «Записках к Сибирской истории» об установлении этого праздника находим следующее известие: в 1636 году, в 25 день июля, в Тобольске явилась одной жене пресвятая Богородица с чудотворцем Николаем, повелевая сказать о своем святом явлении архиепископу, воеводам и всем христолюбивым людям, чтоб во имя ее святого, честного и славного знамения, которое было в Новгороде, воздвигнули в Тобольском уезде в селе Абалак другую церковь подле Преображения церкви; и по тому ее пресвятой Богородицы святому явлению церковь в Абалаке воздвигнута в 1637 году; а по тому ее святому явлению и образ был написан вскоре и поставлен в той же новоизданной церкви; и были в то время от образа иконы пресвятой Богородицы многие чудеса и до сего дни; и так установилось ее празднество****. Самый образ был написан протодьяконом Матвеем, тем самым, который прибыл в Тобольск с первым Сибирским архиепископом Киприаном*****.

Нектарий и четырех лет не пробыл в Сибири. Мы упоминали выше, что этот архиепископ с неохотой ехал на место нового служения, а прибыв в Тобольск, он особенно должен был почувствовать тягость своего положения вследствие тех неприятных отношений, которые установились между ним и тобольскими властями и населением. Поэтому уже со второго года своего служения в Сибири он начал просить Михаила Федоровича об отпуске его в Нилкову пустынь. В 1639 году Не-

* Доп. к А. Н., т. IV, № 185.

** А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 324.

*** Странник, 1866 г., февр., стр. 70.

**** Др. Росс. Визл., ч. II, стр. 156.

***** В нашей статье «Открытие Тобольской епархии...» акралась опиб-ка: на стр. 21 в прим. 3 напечатано — «при архиепископе Макарии», читай: «при Нектарии».

ктарий послал царю следующую челобитную. «Вял я, Ржевского уезда, Новгородского митрополия, из Нилова пустыни и послан в Сибирь в архиепископы. И я, богомалец твой, стар и болен, а постригся в Нилове пустыне тому 39 лет и отец мой духовный игумен Герасим у престола Господня, в олтаре благословил меня и запретил с клятвою, чтобы мне из Ниловой пустыни не выйти до смерти живота своего. А будет де ты в кой монастырь или город пойдешь жить до своей смерти и не будет де на тебе милость Божия и мое благословение отца твоего духовного и в оном веке лица Божия не увидишь... Пожалуй меня, богомалца твоего, отпустить из Сибири на обещание мое в Нилову пустынь ради заповедей отца моего духовного и моих различных скорбей и болезней...»^{*} Эта челобитная была уважена, и Михаил Федорович разрешил Нектария оставить Тобольскую кафедру и возвратиться в Нилову пустынь. Из одной отписки тобольских воевод видно, что Нектарий выехал из Тобольска «1640 г. января 8 дня, на подъем ему дано 32 подвод»^{**}. Хотя Нектарий и жаловался царю на свою старость и немощь, но на самом деле он был еще не стар — ему в 1640 году было только 52 года — и настолько имел крепкий организм, что после оставления тобольской кафедры прожил еще 26 лет. Прибыл в Москву, он «сложил с себя святительский сан», смирения ради облекся в черную магию и скоро отправился в Нилову пустынь, которой и управлял до самой смерти. В 1666 году он по делам пустыни был в Москве и здесь преставился в Чудовом монастыре на 79-м году от рождения, завещав похоронить себя в столь любимой им Ниловой пустыни. «По преставлении Нектария, — передает один сибирский летописец, — тело его провожал за земляной город сам великий государь и со властями, а в Нилон для погребения послан был Тверской архиепископ»^{***}.

V

Преемником Нектария на тобольской архиепископской кафедре был Герасим. Об этом четвертом Сибирском архиепископе его биограф Н. Абрамов замечает, что «о жизни и

^{*} А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 322.

^{**} Ibid, ст. № 303.

^{***} Др. Росс. Визл., ч. III, стр. 162.

действиях сего преосвященного по управлению епархией не сохранилось ни устных преданий, ни письменных актов: предания от времени исчезли; дела тобольского архиерейского приказа, из которых можно было извлечь надлежащая сведения, сгорели в пожар 1659 года⁴. Хотя и мы не можем похвалиться обилием соответственного материала, но тем не менее исторические документы, извлеченные нами из Сибирского приказа, проливают яркий свет на личность архиепископа Герасима и дают достаточно сведений, чтобы судить о его деятельности в Сибири.

До посвящения в архиепископа Сибирского и Тобольского Герасим жил в одном из новгородских монастырей — Тихвинском — и управлял этим монастырем в сане игумена. Московское правительство преимущественно назначало на тобольскую кафедру уроженцев Новгородской области: из шести первых Тобольских архиепископов, несомненно, пять принадлежали по рождению и воспитанию к Великому Новгороду. Все они отличались высшим духовным образованием и, за исключением Макария, обладали твердым и энергичным характером. На высшее образование архиепископа Герасима указывает уже одно то, что он получил свое в училище при Новгородском архиепископском доме, давшем Московской Руси много просвещенных и деятельных людей. И будучи в Сибири, этот святитель не бросал книжных занятий: новые книги, напечатанные в Москве, немедленно выписывались им в Тобольск. Н. Абрамов сообщает, что в библиотеке Тобольской архиерейской ризницы до сего времени хранятся несколько книг, принадлежащих архиепископу Герасиму. «Весьма примечательна, — говорит он, — рукописная книга, писанная полууставом: «Алфавит неудобно разумеваемых речей, иже обретаются во святых книгах словенского языка». Она разделяется на две части: в первой грамматика, во второй алфавит слов арабских, армянских, греческих, еврейских, египетских, эфиопских, иверских, индийских, польских и проч. и проч. с изъяснением русскими. По нижним полям in-fol. рукою преосвященного Герасима сделана красивая и твердая надпись: «Сия книга, глаголемая алфавит, сибирского архиеп. Герасима 1645 г.» Там же, в библиотеке ризницы, находятся следующие книги, относящиеся ко времени сего преосвященного: «Четвероевангелие толковное св. Иоанна

⁴ Странник, 1866 г., авг., стр. 49.

Златоуста, напечатанное в Москве 1640 года; Беседы св. Иоанна Златоуста на евангелие Иоанна, печат. в Москве 1645 г.; Толкование на четыре евангелиста Феофилакта архиеп. Болгарского, печат. в Москве 1649 г.*. К этому добавим и мы с своей стороны, что самые отписки Герасима к царю и патриарху свидетельствуют о его образовании: они писаны хорошим тогдашним русским языком и очень толково изложены.

Посвященный в сан архиепископа в 1640 году 31 мая, Герасим скоро отправился на место нового служения. Упомянутый Абрамов говорит, что этот архиепископ «при отправлении в Сибирь взял с собою из Новгородской епархии несколько ученых монахов, как для проповеди Слова Божия инородцам, так и для обучения юношества и приготовления священно- и церковнослужителей...». Но это не более, как вымысел писателя, которому нечего сказать! Из одной царской грамоты оказывается, что с ним ехали в Тобольск только дворовые люди, в числе коих были его близкие родственники, которые, как увидим скоро, играли важную роль в хозяйственной деятельности четвертого Сибирского архиепископа**.

Герасим ехал в Сибирь не с пустыми руками: «на поставленные ему дано с казенного двора на царское место и патриаршее место бархатов и суков по казенной цене на 69 руб. 78 коп., да из Сибирского приказа в займы 1000 р.»***. Путь его в Сибирь лежал чрез Коломну, Переяславль Р., Касимов, Муром, Н. Новгород, Кузьмодемьянск, Казань, Лашев и Соликамск; этот путь он совершал по рекам на струе «с чердаком, кровлей и переделами...», а от Соликамска Герасиму велено ехать сухим путем до самого Тобольска. Судя по тому, что Герасим прибыл к Тобольску 31 декабря 1640 года, а выехал из Москвы еще в то время, когда был водяной путь, можно сказать, что путешествие его было слишком продолжительно.

1 января 1641 года Герасим торжественно вошел в Тобольск и в тот же день, как он сам писал царю, «в соборной церкви С. Пр. Б. молебны пел, воду святил, литургию служил со всем собором, молил Бога за царя, царицу... и пр.»****.

* Ibid, стр. 61—62.

** А. М. Ю. Свб. пр., разб. ст. № 307.

*** Ibid. Разб. ст. № 310.

**** Ibid. № 309.

С первых же дней своей жизни в Тобольске архиепископ Герасим начал усиленно заниматься хозяйственными делами Софийского дома. Из переписных книг «софийской домово́й и архиепископской казны и всякому домовому строению и в софийских вотчинах казны и всякаго строения», подписанных самим Нектарием и врученных Герасиму, видно, что архиепископское хозяйство после Нектария находилось в блестящем состоянии. Ввиду постоянных жалоб Герасима на нищету Софийского дома мы считаем нужным познакомить читателей с данными указанных переписных книг. Нектарий оставил своему преемнику: 3 мантии, 3 шубы, 2 раски, 2 свитки, 4 шапки, 3 кlobука, 200 аршин разных материй — бархату, атласу, сукна и холста, пять ковров, два дорогих покрывала, несколько пар сафьянных и телчачьих бапмаков и сапог, 50 золотых, 4 певки золота, 6 цевков серебра, разных сосудов серебряных 12, два жемчужных ожерелья — мужское и женское, двое часов железных с боем, 65 серебряных пуговиц, разной домово́й утвари медной, оловянной и деревянной — 654 предмета, в числе этих предметов, между прочим, упомянуто 56 «сковородок», т. е. сковородок, 33 скатерти и, кроме того, «всякой иной медной и железной дворовой посуды»; голову сахару и много разных приностей и зелей; 20 осетров, 9 цук вяленых и 2000 свежих, 1000 карасей, 20 иельм и четверть сухих снедков; бочку вина реискаго, $1\frac{1}{4}$ бочки пива пресного и простого, бочку меду кислого в 43 ведра, 150 пудов меду пресного, три пуда воску, одиннадцать пудов хмелю и 400 п. соли; разного хлеба в житницах 3858 четвертей, коней 29, жеребцов 12, кобылиц 20, три жеребенка, 17 коров, два быка и 14 телат. Да кроме всего этого, Нектарий оставил 756 осудных и земных кабал и павитей на пашенных крестьян и всяких людей, по которым Герасим мог взывать денег 1906 рублей и хлеба 2323 четверти. «А денег, — читаем в переписных книгах, — ничего не написано — все вышли в расход на домовое мельничное строение и на пашенных крестьян»*. Прибавьте еще к этому, что по переписным книгам после Нектария за Софийским домом значилось тысячи десятин земли и 427 крестьян, и вы увидите, насколько основательны жалобы архиепископа Герасима на бедность Софийского дома.

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 17.

Тем не менее чрез несколько дней после своего прибытия в Тобольск этот архиепископ послал в Москву протопопа Андрея со святою водою и с просфорами, и с челобитною «о многих софийских домашних нуждах». Но царь Михаил Федорович, имея под руками упомянутые переписные книги, с недоверием отнесся к жалобам Сибирского архиепископа на нужды и ответил на них молчанием. До нас дошла челобитная протопопа Андрея, в которой он писал, что его уже высылают из Москвы в Тобольск, а между тем государева указа на отписку государева богомольца Герасима о многих нуждах нет никакого⁵. Этого указа и не последовало, и посол Герасима возвратился в Тобольск ни с чем. Зато послана была к тобольскому воеводе совершенно неожиданная для Софийского дома царская грамота, которой предписывалось вымочь с Герасима не только заемные деньги 1000 рублей, но и за струг 39 р. 75 к., и за бархаты, и сузья 69 р. 80 к., которые даны Герасиму «на поставные» на государено и патриаршее место⁶. Это была первая неприятность, следовавшая из Москвы, для четвертого Сибирского архиепископа. Но московское правительство, кажется, забыло или думало, что Софийский дом забыл его собственный долг: в 1639 году при Нектарии во время страшного неурожая в Сибири правительство заняло у Софийского дома 1500 четвертей ржи и 500 четвертей хлеба на жалованье служилым людям. Об этом долге узнал Герасим и в ответ на царскую грамоту послал в Москву челобитную, в которой, жалуясь на нищету Софийского дома, просил те заемные деньги зачесть за хлеб, вятый займы казной при архиепископе Нектарии. «А мне, — писал Герасим, — платить тех денег нечем, потому что в софийской казне после Нектария денег ничего не осталось. Доходы же с городов, острогов и с слобод собираются в софийскую казну малые — всего в год дани только 161 р. и тех денег с великою скудостью едва ставится на домовые расходы»⁷. Эта челобитная была уважена, хотя и не вполне: тобольским воеводам велено зачесть архиепископу Герасиму за заемные в Москве деньги хлеб, занятый у Нектария, рассчитывая четверть ржи по 60 к. и овес по 22 к. — всего 1000

⁵ А. М. Ю. Сиб. ир., разб. ст. № 312.

⁶ Ibid, № 310.

⁷ Ibid, № 316.

рублей, а остальные 112 рублей взять с Герасима по прежнему курсу^{*}. Затем неприятности для Софийского дома шли одна за другой: из Москвы один за другим присылались в Тобольск указы, которыми наносились самые существенные удары хозяйственным стремлениям нового Сибирского архиепископа. В 1641 году Михаил Федорович указал, чтобы с 1642 года хлебной руки не давать Софийскому дому, а пусть архиепископ «строится своею пашней». Но еще большее значение для софийского хозяйства имело то распоряжение правительства, которым велено было воеводам отобрать на государя разных софийских закладчиков. Еще в конце 1639 года туринские и посажские люди и пашенные крестьяне были челом Михайлу Федоровичу, «что в Туринском остроге и в Туринском уезде живут на государевой земле архиепископские закладчики — 6 человек с женами и детьми; пахнут на себя пашню, косят сено, а государевых людей теснят и с своих дворов и пашен денежного оброку и выдельного хлеба в государеву казну не платят». В заключение челобитной просили, чтобы эти закладчики «тязнули» вместе с ними всякие государевы подати. В ответ на эту челобитную в конце 1640 года прислан туринскому воеводе указ, которым велено тех закладчиков отписать на государя и впредь тем, которые живут на посажах, ничьими закладчиками не называться. Вероятно, узнав об этом указе, и тобольские посажские люди жаловались на 14 человек софийских закладчиков, что последние живут в Тобольске на государевой земле, торгуют в своих лавках и на площади, промышляют всякими промыслами, а с ними, с посажскими людьми, никаких государевых служб не служат и оброку в казну не платят, и затем тобольские челобитчики просили того же, что и туринские. Из этих челобитных, между прочим, видно, что положение архиепископских закладчиков было очень выгодное: заплативши в дом Софии Премудрости Божией небольшой оброк, они уже были свободны от всяких казенных податей и повинностей. Однако не всегда было так, не все архиепископы довольствовались от своих закладчиков одним оброком: Герасим, отличавшийся особенной страстью к стажанию, требовал от них и других повинностей и смотрел на софийских закладчиков, как на своих крепостных людей. Те же тоболь-

^{*} РГБ, № 319.

ские архиепископские закладчики — 14 человек, о которых упоминается в челобитной посадских людей, в конце 1641 года подали царю Михаилу Федоровичу на Герасима следующую жалобу. Упомянув в ней о том, что «одни из них жаловались за Макария, а другие за Нектария, чтобы они заступались за них во всяких обидах», челобитчики пишут: «Се ныне стало невозможным жить за архиепископом, притеснения и налоги великие, как от самого архиепископа, так и его дворовых людей; детей наших берут насильно к себе во двор, дочерей наших насильно выдают замуж за своих папшенных крестьян, а за твоих государевых людей отдавать не велят, накладывают на нас сирот налоги не в меру, заставляют насильно пахать свои папшни, архиепископ торговать не велит и из Тобольска не пускает, а мы люди торговые, а не папшенные... и от тех притеснений, государь, один из нашей братии сбежал, бросив жену и детей, другой, Михалко огородник, от его мученья удавился, и одного закладчика жена от его же архиепископского мученья удавилась...». В заключение этой жалобы закладчики просили жить за государем и вместе с посадскими людьми «тянуть службу и тягло». Что в этой челобитной нет преувеличений, мы не сомневаемся: только жестокие притеснения Герасима могли заставить закладчиков желать изменения своего положения, потому что вообще закладчикам и крестьянам как в Европейской России, так и в Сибири за Софийским домом и за монастырями жилось лучше, чем за государем. Воеводы сибирские не раз отписывали царю, что с Сольвычегодска, Соликамска и других городов приходят в Сибирь крестьяне с женами и детьми, селятся на государственной земле, но сейчас же закладываются за архиепископский Софийский дом, за монастыри и боярских детей, а на государя папшни не папшут и никаких податей не платят.

Вследствие приведенной выше челобитной тобольскому воеводе прислан государев указ, которым велено тех закладчиков взять в посад и быть им за государем и вместе с тобольскими посадскими людьми платить казенные подати и служить всякие государевы службы. Таким образом, Софийский дом при Герасиме лишился 20 закладчиков. Но этот архиепископ с необыкновенной энергией стремился к расширению софийского хозяйства и был настолько настойчив в своих стремлениях,

что мог побороть всякие в хозяйственных делах препятствия, откуда ни шли бы последние. Указ об отобрании софийских закладчиков подал ему повод послать Михаилу Федоровичу одну за другой две самые слезные челобитные. В одной из них Герасим писал, что ему и его дворовым людям с 1642 года не указано давать хлебного жалованья, а велено заводить свой папши; но ему заводить папши нечем и нечем, так как у него взято в Тобольске 14 человек и в Туринске 6 человек. Государь смилосердился и велел выдать Софийскому дому хлебную ругу и после 1642 года в течение трех лет. В другой челобитной Герасим просил, чтоб государь возвратил в дом Софии Премудрости Божией вышеупомянутых туринских и тобольских закладчиков, «чтоб софийская домовая папши не залегла, дом Софии Премудрости Божией не оскудел и чтоб дворовые люди *от холода не разбрелись врозь*». Чем кончилось дело о закладчиках, мы не знаем. В одном докладе, поданном Алексею Михайловичу, сказано: «велено тех закладчиков взять на государя, но взяты ль, того неизвестно». Вообще религиозный Михаил Федорович слишком снисходительно относился к своим сибирским богомольцам, и если иногда издавал указы, запрещающие Софийскому дому увеличивать число крестьян и количество поземельной собственности, то по первой же челобитной Сибирского архиепископа немедленно изменял оные. Это ясно будет видно, если мы обратимся к хозяйственной деятельности архиепископа Герасима. В 1641 году Тюменского Преображенского монастыря черный поп с братией дали вклад в дом Софии Премудрости Божией свою займку, выходящуюся в Тюменском уезде, по нижнему течению Туры, за Щучьим озером и за речкой Терентьевой, впадающей в Туру, займку в 150 десятин пахотной земли и на 500 копеек сенокосов. По распоряжению тобольского воеводы эти земли были отведены Софийскому дому, как того желали вкладчики, и записаны в книги. Тогда Герасим бил челом государю об утверждении в правах владения той займкой. Но в Москве посмотрели на эту уступку иначе, чем тобольский воевода. Михаил Федорович, выслушав о ней доклад, решил, что Герасим «то делает не по делу, что хочет иметь в Софийский дом монастырския земли — вклад, ему владеть теми землями, какими владели прежние архиепископы, а до монастырских земель ему нет никакого дела». На основании этого решения послана (в 1643 г.) тобольскому воеводе грамо-

та, чтоб он ни под каким видом не отдавал вышеупомянутых земель в дом Софии Премудрости Божией и вперед «смотрел бы накрепко, чтобы никто никаких земель архиепископу вновь не давал и архиепископ бы ничьих земель вновь не захватывал». Очевидно, правительству поняло, что Софийским домом просто овладела страсть к стяжанию, к увеличению земель без всякой надобности, ибо и без этой заимки за домом Софии Премудрости Божией числилось по переписным книгам громадное количество поземельной собственности — несколько тысяч четей. Это первый указ, ограничивающий права сибирских архиепископов на расширение софийских владений в Сибири. Но это ограничение, как мы сейчас увидим, было только на бумаге, а не на деле.

Вероятно, Герасим предвидел подобный исход дела в Москве и, не дожидаясь оного, постарался разными средствами укрепить за Софийским домом право владения вкладом Преображенского монастыря: в 1642 году он поселил на тех землях 20 семейств софийских крестьян, построил там острожек и церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Узнав же о царской грамоте, Герасим немедленно, именно в августе 1643 года, послал Михаилу Федоровичу челобитную, в которой, ссылаясь на поселение в новом селе крестьян и на постройку там «государева богомолья», просил дать грамоту за красною печатью, чтоб та земля была крепка за Софийским домом. Вместе с тем в той же челобитной Герасим просил, чтоб и на будущее время государь велел отводить в дом Софии Премудрости Божией те земли, какие он приищет, так как прежней за Софийским домом мало (?) и его дворовым людям хлеба пахать негде. И что же? Михаил Федорович пожаловал и указал (в окт. 1643 г.) тобольскому воеводе не отнимать у софийских богомольцев уступленных Тюменским монастырем земель, потому что там уже стоит «государево богомолье храм Покрова Пресвятой Богородицы». Таково было начало и таковы были обстоятельства, сопровождавшие основание на левом берегу Туры, недалеко от впадения этой реки в Тобол, слободы Покровской.

Несмотря на царское запрещение Софийскому дому впредь не увеличивать земель «некоторыми делы», под Покровскую слободу отведен новый значительный кусок земли. В 1644 году архиепископ Герасим бид челом государю, что в 1645 году государеву богомолью — Софийскому дому не велено давать хлеб

ного жалованья, и он, архиепископ, теперь заводит пашню, чем бы ему и дворовым людям прокормиться и не умереть с голоду, а под Покровским селом уступленной Тюменским Преображенским монастырем земли мало и новых крестьян посадить негде. Вследствие этого Герасим просил отвести к этому селу земли и сенные покосы, которые лежат вниз по Тоболу, по речке Усалке и по речке Иске на обе стороны. Государь пожаловал. Но в то же время (декабрь 1644 г.) тобольскому воеводе послана подтвердительная грамота, чтобы впредь в Софийский дом и в сибирские монастыри ни русские, ни татары, ни остяки никаких земель, сенных покосов и угодий не давали, а какие земли после этого указа найдутся за Сибирским архиепископом или за сибирскими монастырями городов тобольского разряда, то отбирать на государя бесповоротно и безденежно, и чтоб тобольский воевода и другие воеводы смотрели за этим «крепко накрепко». Однако Герасим нисколько не смутился и подтвердительным указом: он привык уже считать такие запрещения мертвой буквой и знал, что слезные челобитные от «софийскаго государева богомолья» имеют большое влияние на религиозных московских государей. В следующем году едва только Алексей Михайлович вступил на престол, как Герасим бил ему челом, что «земля Усть-Ницынской слободы выпахалась, а смежная с ней земля за рекой Мостовою около 300 десятин пустая и в дачах ни за кем не была», и просил отвести в дом Софии Премудрости Божией эту землю. И государь пожаловал и в то время послал указ, чтобы впредь и т.д.*

Вообще за Софийским тобольским домом нужно признать большое колонизационное значение — он был самым энергичным фактором в истории заселения Сибири. В каких-нибудь 25 лет после своего основания этот дом построил в разных местах несколько слобод и деревень и населил их крестьянами. Правительство уже вступает в борьбу с ним: ограничивает его право относительно увеличения земельной собственности и крестьян, приказывает воеводам отбирать от Софийского дома лишние земли и лишних крестьян на государя «бесповоротно и безденежно». И тем не менее и при этих неблагоприятных условиях Софийский дом, благодаря энергии архиепископов, делает новые заимки, увеличивает год от году число крестьян и находит средства укреплять за собой приобретения, сделанные

* См. наше исслед. «Заселение Сибири...», стр. 130—135.

против самых строгих царских указов. Не всегда эти указы однако, оставались мертвой буквой: во второй половине XVII века два раза самим делом отбирались на государя крестьяне как от Софийского дома, так и некоторых сибирских монастырей. Но уже самый факт, что правительству приходилось силой выгонять крестьян из архиепископских владений и сажать их на землях государевых, указывает на то, насколько было лучше крестьянам жить за Софийским домом, чем за государем. Мы не нашли переписных книг вотчин Софийского дома после Герасима, но, судя по его энергичной и настойчивой хозяйственной деятельности, можно сказать, что в деле развития софийского хозяйства четвертому Сибирскому архиепископу принадлежит выдающаяся роль.

Немало печали и забот причинил Герасиму пожар в Тобольске в 1643 году. С 13 на 14 августа загорелась нагорная часть города, и жертвой этого пожара сделались, между прочим, Софийский дом, соборная и две другие церкви, бывшие на архиепископском дворе. Герасим переехал жить в Знаменский монастырь и начал заботиться о постройке нового собора и нового архиепископского дома. Еще в 1644 году тобольском воеводе князю Гр. Куракину⁹⁷ прислана была грамота от Михаила Федоровича, которой велено «в Тобольске после пожарного времени воздвигнуть соборную церковь Софии Премудрости Божией на старом месте и в такую же меру, какова была прежняя церковь, а деньги за лес и плотникам давать из казенных тобольских доходов»*. Из того же документа видно, что соборная церковь была заложена именно при воеводе Куракине и не позже 1645 года, так как этот воевода в январе 1644 года уже уехал из Тобольска. Поэтому летописец сибирский, на котором и основывается Н. Абрамов, совершенно несправедливо записал, что новый собор Софии Премудрости Божией заложен только 24 мая 1646 года**. Собор строился долго, более четырех лет, и освящен только 13 августа 1648 года; одновременно с ним началась постройка и архиепископского дома, но когда она окончена — мы этого не знаем. Новый собор имел два придела и 13 глав, а величина его, вероятно, была такая же, как и прежнего, построенного Киприяном, но место для него выбрано иное, вопреки царской грамоте 1644 года. Воево-

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 246, л. 279.

** Стрелник 1666, авг., стр. 31; Др. Росс. Визд., ч. III, стр. 173.

да Гагарин¹⁰⁸ и архиепископ Герасим в 1646 году отписывали в Москву, что новая церковь Софии Премудрости Божией заложена на том месте, где до пожара находилась церковь Спаса Нерукотворенного: «а на прежнем церковном месте той соборной церкви поставить было нельзя за теснотою и потому, что с прежнего места не было выходу к площади...».

Дальнейшие наши сведения о четвертом Сибирском архиепископе касаются уже его отношений к тобольским воеводам, софийским дворовым людям и т.п. Пред нами лежит несколько документов из Сибирского приказа: царская грамота, отписки самого Герасима, изветы на него разных людей; в них мы находим о жизни этого архиепископа интересные сведения, которыми и поделимся с нашими читателями. На основании этих исторических данных мы можем сказать, что Герасим не пользовался уважением тобольского населения; он сам не раз жаловался царю и патриарху на вражду к себе воевод, софийских дворовых людей, старцев и тобольских жильцов. И нужно заметить, что причины этой вражды в значительной степени лежали в самом архиепископе. Несомненно, Герасим был человеком жестокого нрава. Мы выше упоминали о жалобе софийских закладчиков на жестокости Герасима, последствием чего были даже самоубийства некоторых из них, и высказали основания, почему этой жалобе следует верить. Другие документы подтверждают то же самое. Например, протодакон соборной церкви Матвей Мартынов, тот самый, который написал св. икону Абалакской Божьей Матери, за обмолвку при произнесении многолетия государю был посажен Герасимом на цепь в мукосейню и только по случаю дня ангела царя Алексея Михайловича был наконец помилован. Это наказание нужно считать слишком жестоким именно потому, что протодакону Матвею, как отписывал царю сам Герасим, в это время было более 80 лет и такому дряхлому старику естественно было сделать обмолвку — произнести на многолетию вместо имени царя Алексея имя покойного государя. На жестокость Герасима жаловались софийские дворовые люди и даже сами воеводы. Григорий Куракин с товарищами пред самым отъездом из Тобольска послал царю две челобитные, в которых жаловался на поведение архиепископа Герасима. Мы не нашли этих документов в архиве, но о смысле жалоб воевод можно судить по челобитным царю самого архиепископа. В одной из

них Герасим, упоминая о «доводных воровских статьях», которые на него возводит, замечает: «А я твой государев богомолец, и в молодых летах будучи и в мире живучи никаких воровских статей не держался и не за каким дурном не кажимал, а теперь, государь, уже к старости приближаюсь, так каксе мне дурно делать, или помыслить про тебя государя, или какое иное безчине заводить?...». Далее Герасим пишет, что он уже пятый год терпит в Сибири всякое бесчестие и позор от разных крамольников, и если до сего времени не бил челом государю на тех воров, то надеялся, что они укротятся и перестанут сочинять «воровские злые заводы»; между тем они еще больше прежнего вооружились против него и всячески позорят, бесчестят и напрасно оглашают... Теперь «терпение стало уже не в меру: по вся дни от их воровских умыслов угроз зело стражду и мучусь с великой скорби и печали: земля дальняя, а люди, государь, своеобразные и тяжкосердые — все ссыльные, стражду от них аки овца посреди волков...»^{*}. На эту челобитную государь отвечал, что Герасим не упоминает имен тех, которые его бесчестят, не упоминает их воровских дел и преступлений, и когда он об этом напишет, то на этот счет будет указ...^{**} Из другой челобитной Герасима видно, что воеводы жаловались царю на его «жестокое смирение» разных чинов людей. В оправдание свое этот архиепископ пишет: «Никому, государь, от меня, твоего государева богомольца, жестокого смирения не бывает, никого ничем я не оскорбляю, а если и доводится кого помирить за неистовство, да и то с пощадою, а не жестоко...». Писались на Герасима и иного рода изветы. Так, чернец Герасим обвинял архиепископа в том, что он мирволит некоторым своим дворовым людям и особенно родственникам, которые, опираясь на его высокое покровительство, делают всякие беззакония: родной брат Герасима Гаврило Черницын бил черного дьяка Андрияна «пинками и ослопами» за то, что знал про духовные дела Герасима; племянники архиепископские — дьяк его Иван Манзю (Мильин чернец) да Гаврилов сын Степан Черницын беспрестанно курят у себя вино и продают его всяким людям; дворовый человек Андриюшка Хлепия держит у себя табак, сам пьет (курит) его и продает другим; архиепископские дворовые люди Алешка Немой да Васья Соснин покарли в Знаменском

^{*} А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 139, л. 269.

^{**} Ibid. з. 723.

монастыре монастырскую казну и с тою кражей были пойманы, но старцы Знаменского монастыря, опасаясь архиепископа, тех воров в съезжую избе не водили... «А тех воров архиепископ взял к себе — Ваську Соскина назвал себе сыном и поставил его дьяконом, а другого вора Алешку держит у себя в хлебе и никакого наказания им не учинил... да и другие архиепископские дворовые люди воровали на посаде в Тобольске в разных местах, а он Герасим, ведая их воровство, потакает им в том и за них стоит...»². Действительно, Герасим прибыл в Тобольск не один, а с целым родом и племенем, и, может быть, в этом, помимо личных недостатков, заключалось его несчастье: его родственники были люди жадные и не брезговали никакими средствами, чтобы нажиться. Герасим не мог быть строгим и справедливым к ним: он ждал на чужой стороне поскреби людей, по его выражению, «снохобычных и жестокосердых», нуждался в их поддержке в разных делах, а они, опираясь на его защиту, злоупотребляли своим положением, притесняли других и вели разгульную жизнь. И если Герасим, как мы видели, отличался страстью к стяжанию, то, очевидно, ему было для кого собирать богатство. Зато несомненно, что родственники Герасима своим поведением в значительной степени подрывали его нравственный авторитет и возбуждали против него гнев у других жителей Тобольска. Правую руку у этого архиепископа был его племянник Иван Мильзин: он заведовал всеми хозяйственными делами и дворовыми людьми и был дьяком в архиепископском приказе. Но что за человек Мильзин? Об этом мы можем судить по одной челобитной к царю преемника Герасима архиепископа Симеона. Нужно заметить, что после смерти Герасима тобольская кафедра оставалась незанятой полтора года и во все это время Мильзин управлял архиепископским Софийским домом. Когда же прибыл в Тобольск Симеон, то он нашел дом Софии Премудрости Божией совершенно ограбленным. «Хлеб всякий, — жаловался Алексею Михайловичу Симеон, — мед пресный и вино горечее, всякая питья и всякую посуду разносил к себе и с племенем и друзьями всякими софийским добром делился, да кроме того он Мильзин приходил с друзьями и племенем, с женами в архиепископский дом, пили, ели и прохладжались в архиепископских кельях и вследствие этого так разорил софийский дом, что я,

² А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 139, лл. 481—484.

богомлец твой, по приезде в Тобольск не нашел никакой посу-ды ни в кельях, ни в поварне и нечем было воды зачерпнуть, а денег в казне не осталось ни одной деньги...»^{*}.

Мы привели исторические сведения далеко не в пользу Герасима и которые рисуют его с дурной стороны. Правда, к извещениям на сибирских архиепископов нужно относиться осторожно и критически: эти документы в большинстве случаев и малой доли не заключают в себе правды. Но если мы иначе относимся к извещениям на Герасима, то, между прочим, и потому, что им верили и царь, и патриарх. Получив вышеупомянутые отписки тобольских воевод о поведении Герасима, патриарх Иосиф по повелению Алексея Михайловича писал к этому архиепископу, чтобы он «впредь от такого дурна унял-ся». Значит, в Москве верили в «нехотное поведение» Герасима, если сочли нужным делать ему такое резкое замечание! Между тем как извещения на других архиепископов большей частью кончались тем, что правительство выдавало им этих извещников головою. По всему видно, что Герасим не пользовался уважением также и в Москве, и в Тобольске: его предшественники часто получали от царя и патриарха награды и подарки в виде драгоценных пананий и крестов, мантий, рас, шуб и т.п., но Герасима в этом отношении совершенно обо-дили.

По поводу грамоты патриарха Иосифа Герасим написал царю Алексею Михайловичу объяснение; оно очень пространно, а потому мы приведем здесь только более интересные места из него. Сначала Герасим говорит о причинах ссоры его с воеводами: последние ради своей бездельной корысти начали вмешиваться в духовные архиепископские дела, а он за это укорял их, говорил им, что они делают то «насилием» против царских указов, а воеводы на такие указы отвечали жалобами царю на нехотное житье архиепископа. «А мое грешное житье, — пишет Герасим, — известно всему софийскому собору и софийским дворовым людям... Не мною то, государь, грешным началось и не мною кончилось, что злокозненный враг супостат дуп наших изначала и безпрестанно воюет на христианский род, а паче же на наш духовный чин своими злокозненными различными ухищрениями и нынче один архиепископ в Сибири от таких воров и крамольников и ложных извещников не пробыв без

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 100.

позору и без оглашения...». Затем Герасим говорит, что писались такие изветы на Киприана и на Нектария, а если на Макария они не извещали своих ложных заводов, так потому, что не смели: «боялись большого страха и жестокого наказания блаженной памяти отца твоего Митх. Фед. и деда твоего патриарха Филарета Никитича, что они государи таких воров и крамольников на святительский чин не попустили... А Нектарий архиепископ, пожив в Сибири некоторое время и узнав их злонаправные обычаи, воровские, бездельные и всякие их крамольные заводы, упросид у государя милости: по государеву жалованью уклонился от их воровских заводов в монастырь на свое обещание... А таких, государь, воров и крамольников и ложных составников, как в твоей дальней отчине в Сибири, нет нигде во всей твоей государственой державе». В заключение этого объяснения архиепископ Герасим просил государя не верить отпискам воевод, а «про мое всякое неистовство вели, государь, сыскать в Тобольске всем священным чином и всякими жителями людьми тобольского города, oprичь воров и крамольников...»⁴. Но правительство равнодушно отнеслось к этому объяснению и не делало «сыска», как того требовал Герасим.

Следует также заметить, что архиепископ Герасим, страстно занятый хозяйственными делами, кажется, с небрежением отписался к своим архирейским делам. Его предшественники то и дело жаловались царю на недостаток духовенства в Сибири и почти ежегодно били челом о присылке священников из других русских епархий. Ничего подобного мы не встречаем со стороны Герасима. Его отписки к царю наполнены или жалобами на воевод, боярских детей, дворовых людей, или объяснениями по поводу изветов на него разных лиц, или извещениями «о смирении» того или другого виновного в духовном деле тюрьмой, мукосейней, батогами и пр., но просьб о присылке священников совершенно не встречаем. И не следует думать, что в архиепископство Герасима Сибирь в этом отношении была удовлетворена. Преемник его Симеон едва только прибыл в Тобольск, как начал уже жаловаться на недостаток черных и белых попов в Сибирской епархии и просил выслать их из Руси. Но и в отписках Герасима мы находим много интересных сведений касательно нравов тогдашнего сибирского населения. Так, в 1645 году била ему челом «девка Авдотьица на отца своего

⁴ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 246, лл. 226—232.

Вогдашку-ссыланного с Костромы посадского человека в том, что тот отец ее требует от ней, чтоб она жила с ним блудным грехом и несколько раз тащил ее на постель и хотел изнасиловать, а в противном случае угрожал выдать ее замуж за зенищика». Свидетели вполне подтвердили показание Авдотьицы. Сообщая об этом деле патриарху, Герасим просил от него указа, как поступить ему в данном случае с Авдотьицей и ее виновным отцом. Хотя это дело духовное, но патриарх Иосиф почему-то не решился поставить своего решения, а отослал дело в царский приказ. На обороте отписки Герасима мы находим следующее интересное решение этого дела... «Сент. 8 д. по патриаршей отписки государю царю Ал. Мих. докладывал боярин и дворецкий князь А.М. Лыков, и того ж дня государевым царевым... словом приказал боярин и князь Н.И. Одоевский¹⁰⁹ дьяку Гр. Протопопову написать к тобольским воеводам государеву... грамоту и велеть: того Вогдашку за воровство и безчинство бить кнутом по торгам нещадно и послать в тюрьму, а дочери его Авдотье дать из тобольских казенных доходов три рубля денег и выдать ее замуж, за кого она похочет...»^{*}. В одной отписке Герасима читаем следующее: «В 1645 г. дьякон соборной церкви Кирилло Иванюх хотел зарезать в Тобольске посадского человека Пятюгу, но потом повинился тому Пятюгу и написал своею рукою письмо, а в письме написал: помнить мне дьякону Кирилу, что хотел зарезать посадского человека Пятюгу с его братом Ортошкою и ныне я дьякон Кирил его Пятюгу зарезать не хочу и впредь мне дьякону на него никакого дурна не думать; то письмо дьяконово Пятюга подал в съезжую избу твоим гос. воеводам...». Вследствие жалобы Пятюга тобольские воеводы отдали дьякона «за пристава». Но за виновного вступился его отец — соликамский священник Иванище Елизарьев и прислал Герасиму в Тобольск грозное письмо, в котором, между прочим, писал: «Отпусти к нам в Соликамск сына нашего Кирила, поигрался нашим сыном — да время пожаловать, знай, что и ты святитель не ангел и нам Господь Бог поможет и государь пожалует и добрые люди вступятся, а только не отпустишь, то и тебе не легче будет нашего, *тогда и мы станем отдавать празднику сотворять*...»^{**}. Интересна отписка Герасима относительно последнего остяцкого кодского

^{*} А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 1183.

^{**} А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 240, лл. 212—220.

князя Дмитрия Алачева¹⁰. Его отец Михаил, сын Игичея, принявши христианскую веру, пристроил в своей вотчине Коде церковь во имя Живоначальной Троицы и пожертвовал туда разные священные сосуды и книги; на серебряном потире была даже надпись, что серебряные сосуды даны в церковь Живоначальной Троицы кн. Михаилом Алачевым 1629 г. 1 сентября. Сам Михаил постоянно жил в Тобольске и здесь построил церковь во имя Живоначальной Троицы; он и умер в этом городе. Его сын Дмитрий, отправившись однажды в Коду, отграбил тамошнюю церковь, которая долгое время оставалась без пения за отсутствием священника, а затем начал распродавать в Тобольске разные священные сосуды и книги. Об этом-то деле и сообщает парю в своей отписке архиепископ Герасим. «В нынеш. 1644 г., — писал Герасим, — ведомо мне учинилось, что князь Дмитрий пограбя в церквах Божиих отца своего церковные сереб. сосуды и служебныя книги, начал продавать их в Тобольске. Я велел ему принести то церковное строение к себе посмотреть будто для купли и он принес — потир, три блюда, звезду, копие и лжину, да книг печатных — 12 миней, 2 октыя, а гриды — поспую и цветную продал самарским ямщикам. И те сосуды, книги я взял и положил в софийскую казну до твоего государева указа, а отдать ему не смел, чтоб он кн. Дмитрий не осквернил, не продал бы их иноверцам; русским же людям тех сереб. сосудов выменять некому, потому что в Сибири люди все бедные и места церковныя все скудныя...». На эту отписку Герасима последовал из Москвы такой указ: «Велено из Сибири кн. Дмитрия Мих. Алачева с матерью, женой и детьми отпустить в Москву, отчину его Коду отписать на государя, а пограбленные церковные сосуды и книги отослать в Коду, в церковь Живоначальной Троицы...»¹¹. «И с того времени, — замечает сибирский летописец, — князь Дмитрий в Сибирь не бывал, в Москве и скончался, быв у великого царя в стольниках; а вместо Коды дана ему вотчина Дена, на р. Вычегде, близ Яренского городка»¹².

В заключение нашей статьи о четвертом Сибирском архиепископе считаем нужным еще сказать, что Герасим оставил в Сибири память по себе не только книгами, принадлежавшими ему и хранящимися до сего времени в Тобольске, но и некото-

¹⁰ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 134, л. 20—25.

¹² Др. Росс. Вивл., ч. III, стр. 166.

рыми другими предметами. Этот архиепископ занимался иконописанием, и плодом этих занятий был образ св. Николая, писанный Герасимом в 1645 году, хранится до сего времени в Междугорском Ивановском монастыре. «Из церковных и архиерейских принадлежностей, оставшихся после архиепископа Герасима, — сообщает Н. Абрамов, — сохраняются до настоящего времени в тобольской архиепископской ризнице: потир и дискос серебряные, под золотом с вырезкою на них: лета 7156 (1648) устроен бысть сей святой потир и дискос во св. соборной и апостольской церкви Софии Премудрости Божией в богохранимом граде Тобольске, по вере смиренного Герасима архиепископа сибирского и тобольского, на память своея души и своих родителей. Весу 6 ф. 31 зол.; панагия однозолотая, с вырезкою на ней: лета 7150 (1642 г.) мая в 20 день смиренный Герасим, милостию Божией архиепископ сибирский и тобольский. В этой панагии 132 разных дорогих камней, в числе их 20 алмазов и один изумруд»^{*}.

Умер Герасим в 1650 году. О его кончине летописец замечает: «16 июля, во вторник в восьмой час дня преставился в Тобольске преосвященный Герасим; а был на своем святительском престоле в Тобольске несъедно 9 лет и полтретья месяца. А погребение Герасиму было Симеоном архиепископом Сибирским и Тобольским в 1652 г. мая 13 дня»^{**}.

^{*} Страницы 1866 г., февр., стр. 61.

^{**} Др. Росс. Визл., ч. III, стр. 178.

Комментарии

В настоящем томе собраны работы П.Н. Будицкого, печатавшиеся в периодике, а также издававшиеся отдельными оттисками.

При подготовке издания к печати были устранены фактические ошибки в отдельных названиях, ряд ошибок, которые передают колорит допечатных типографских процессов, сохранены. Некоторые неточности, которые трудно понять читателю, вынесены в комментарии. Превалила упреки в непоследовательности в подходе к разного рода ошибкам, творческий коллектив тем не менее пошел на это.

Сохранены сноски в том виде, в котором они были в прижизненных изданиях работ П.Н. Будицкого. Большая часть из них не несет никакой информации для современного читателя: ссылки на разного рода архивы того времени сегодня вряд ли могут быть полезны из-за изменения номеров фондов и т.д. Учитывая, что сноски в работах историка-сибироведа — это часть его текста, они были сохранены.

Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.)

Печатается по изданию: *Будицкий П.Н.* К истории Сибири: Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645)/Записки Императорского Харьковского университета. Харьков, 1893. Кн. 1. С. 33—98.

Вклад П.Н. Будицкого в изучение сибирского города XVII века оценивается историографами очень высоко. Его работы явились «своеобразным диалектическим скачком» в изучении ранней истории русских городов Западной Сибири (Д.Я. Рейн). Заслуга Будицкого — возведение в четкий обзор запутанного течения архивных документов, детальный анализ различных фактов во взаимосвязи их друг с другом, благодаря чему ему удалось дать подробные и убедительные картины хозяйственной жизни сибирских городов и уездов. «Самое лучшее» из произведений Будицкого, по мнению известного историка

С. В. Вакрушева, это статья «Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.)». До выхода данной работы не было ни одного специального научного труда по истории этого города. Характерная черта исследований П. Н. Будицкого — отсутствие интереса к традиционным в до-революционном сибиреведении темам смут, быта и культурной жизни. В наслоне для работ П. Н. Будицкого характерны жизненные конкретность, точность, скрупулезность и беспристрастность. Так, он неоднократно поправлял и уточнял непреклонного авторитета сибирских историков Г. Ф. Маллера, что было не только смело, но и убедительно, доказательно.

¹ Обдорья — территория близ устья реки Оби. Название восходит к коми-зырянскому «Обдор», что означает «край, местность у Оби». Слово Оби, вероятнее всего, имеет древнеиранское или индоиранское происхождение (в иранских языках «об» (ab, ap) означает «вода, река, поток», а в балтийских, древнеиндийских и древнегреческих языках реконструируется основа «ap» — «вода, река»). В языках коми, ханты и манси имеется немало слов индоиранского и иранского происхождения, заимствованных ими у южных племен, обитавших в евразийских степях и лесостепях во II тыс. до н. э.—начале I тыс. н. э. Менее убедительна версия о коми-зырянской принадлежности топонимов «об» («сугоб, глубокий снег» или «тета»).

«Обдор», или Обдорское хантыйское княжество, упоминается в русских летописях и документах в XV—XVII вв. С 1505 года к титулу великих князей Московских добавилось «князь Обдорский».

² «Мангазея» первоначально относилась к территории близ устья реки Тага. Известный историк Сибири Г. Ф. Маллер связывал происхождение этого топонима с названием знатного рода Монтекаси (Монткаси и — «Земля монткаси»). В 1601 году на берегу Тага был построен русский город Мангазея — административный и торговый центр, место сбора ясака с «инородцев». В 1673 году из-за резкого снижения добычи пушных зверей в Мангазейском уезде город пришел в упадок и был заброшен. Жители города переселились в Носуе Мангазею (Турханское зимовье), или Турханское. В настоящее время немцы называют место, где располагалась Мангазея, Тахаравы-хард — «Разрушенный город».

³ Обдорск, или Обдорский острог, был построен в 1595 году береговскими служилыми людьми под руководством воеводы Никифора Траханинова на правом берегу Оби при впадении в нее реки Полуй. До этого там находился хантыйский городок Пулунг илит вил — «Городок на носу (мысе)», известный в русских источниках как Носовой городок. Обдорск был важным административным и торговым центром уезда, местом сбора ясака и таможенных пошлин. В 1933 году село Обдорское было переименовано в город Салехард (именное Салы харден — тот же «Носовой город»).

⁴ Споры о местонахождении игорской земли и этнической (языковой) принадлежности народа игры не утихают в научной среде и по сей день. Будицкий коснулся этой проблемы попутно, доказывая реальность освоения новгородцами к XI веку морского пути в Нижнее Приобье. Последнее утверждение его выглядит достаточно убедительно, чего нельзя сказать о версии самодской (самодийской) принадлежности игры. Во-первых, в приводимом Будицким ниже рассказе новгородского путешественника Гюрия Роговича игры совершенно четко описываются в языковых отношении по сравнению с «язык нем», т. е. нем-

попяти. Во вторых, летописные русские источники в XIV—XV веках уже четко локализируют территорию югры в Нижнем Приобье и даже в бассейне Северной Сосы. В третьих, Вуцинский, как и некоторые современные исследователи, почему-то совершенно вытесняет из виду факт, свидетельствующий об угорской принадлежности этнонима «югра»: венгерское самоназвание «хунгар» соотносится с названием угров, угров-саавров, встречающихся в западноевропейских письменных источниках раннего средневежья. Прокси интрос, ханты и манси входили в состав угроязычных племен, обитавших в равнин железном веке в лесостепях и степях Западной Сибири.

Очевидно, этнопоним «югра» имеет южно-уральские и южно-сибирские истоки и «перекочевал» в Нижнее Приобье и на Северный Урал в начале I тыс. н.э. вместе с потоками степных угров. В XIV—XV веках это имя носило одно из территориальных объединений обских угров, обитавших в бассейне Северной Сосы (возможно, и на примыкающих территориях).

¹ Здесь Вуцинский не совсем точен: вымичи, т.е. жители реки Выми, притока Вычегды, как и некоторые другие территориальные группы Северной Руси, принявшие активное участие в освоении Сибири (вымичжане — жители берегов Вычегды, выломане — выходцы с реки Выломан, высолочи — выходцы с реки Сысолы), были коми. Кроме того, устожане, жители Великого Устюга и окружающих его земель, сложились в результате слияния выходцев из южнорусских земель, Ростово-Суздальского княжества при участии коми.

² Шар — морской пролив, речной рукав. В русском языке появилось из коми-зырян («шар» — пролив). Ближе по звучанию и смыслу слова известны и в других финно-угорских языках. Возможно, данный термин имеет иранское происхождение, так как он встречается в иранских и тюркских языках (в последних немало иранских заимствований). Югорский Шар находится между островом Найган и Югорским полуостровом и соединяет Баренцево и Карское моря.

³ Лукоморье — морская лука, излучина, изгиб берега моря. Этот топоним известен в фольклоре Русского Севера, откуда его заимствовала А.С. Пушкин. Его местоположение угадывается учеными и краеведами с побережьем Баренцева или Карского морей близ Приполярного Урала.

⁴ Коломевка — старинное русское большетонное речное судно (обычно беспалубное), поднимало до 12 тысяч пудов груза. В длину достигало 15—20 сажень, в ширину — 2—4 сажени.

⁵ Пантуев городок упоминается в недавно опубликованных путевых записках Г.Ф. Миллера, путешествовавшего по Сибири в 30—40-х годах XVIII столетия. Он располагался на правом берегу Оби, недалеко от ее устья, там, где сейчас находится пос. Ансарка. Миллер застал на месте Воксарского городка (Woksaŋŋi-waŋŋŋ) лишь одну остяцкую хижину. Река Воксария по-хантийски называлась Woksaŋŋi-jab-luŋŋŋ, т.е. «Лисья народа река». Миллер привел и другое название реки — Rapŋŋi-ja, что позволяет соотнести Воксарский городок с упоминаемым в русских источниках начала XVIII века Пантуевым городком. Этимология этого названия неясна, но не исключено его происхождение от хантийского «пан» — песок («Песчаная река, Песчаного места река»). Более чем вероятно принадлежность жителей Пантуева городка к хантийскому роду Панто, который был ассимилирован сибирскими тундрными ненцами во второй половине XIX века.

- ¹⁰ Остяцкий князь Василий Обдорский (вероятно, крещеный) был враждебно настроен по отношению к русским. В 1607 году он вместе с лопарским князем Шатровом Лугувым и кодским наследным «принцем» Ойней Юрьевым возглавлял антирусское восстание. После неудачной попытки взятия Березова объединенным войском восставших нижнеобских остяков, будучи предан собственным сыном Мамруком, Василий был казнен в Березове. Лишь в 1610 году родственникам двенадцати руководителей и активных участников восстания было разрешено снять тела казненных с виселиц и похоронить их.
- ¹¹ В русских документах XVI—XVII веков заложники именовались аманатами (арабское *amnat* — «залог, заложенный») попало в русский язык из «арских» языков). Обычно русские помские люди, взяв в плен близкого родственника (чаще всего — сына) главы местного рода или племени, содержали его в остроге (городке) как гаранта собственной безопасности и выплаты государственного ясака (налога).
- ¹² Режма или режа — означает «протока». Этот термин фигурирует в качестве гидронима в «мангазейских» документах и «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова (1701 г.). Происхождение термина неясно. Возможно, он связан с диалектными юмь-зырянскими «режа» — обрыв. В то же время не исключена связь с иранской глагольной основой «рез» — течь, литься и русским «резать».
- ¹³ Каяк — русское грузовое судно типа полубарки с двускатной крышей, каяктей в корме и загнутым носом. Грузоподъемность в различных районах варьировала от 2 до 35 тысяч пудов, длина — от 8 до 12 саженей, ширина — 3—4,5 сажени.
- ¹⁴ Одекуй — стелняные бусы.
- ¹⁵ Руклядь — домашнее имущество. Мягкая руклядь — пушнина.
- ¹⁶ Юкола — сушеная рыба.
- ¹⁷ Порса — рыбная мука, получавшаяся в результате измельчения толкушкой мелкой сушеной рыбы вместе с костями.
- ¹⁸ «Цынкают» — заболевают цингой. Цинга в прежние времена — на стоящий бич северян. Зимой из-за недостатка в пище витамина С люди часто заболевали цингой, при этом у них кровоточили десны, выпали зубы, нарушалось пищеварение и резко снижалась сопротивляемость организма инфекциям. Традиция сыроедения, т.е. потребление в пищу сырых рыбы и мяса, у северных народов появлялась как средство против цинги, так как в этой пище содержится и витамин С.
- ¹⁹ Енисейские остяки (как их называли русские) — неверный термин, так как на самом деле каты (самоназвание жителей берегов Енисея) не были родственны обским остякам (ас-их — «обской народ») — ханты.
- ²⁰ Тунгусы — устаревшее название чукочков.
- ²¹ Сапец — правильно сопец — руль, кормило, правило.
- ²² Садак — от тюркского *yađaq* — старинное название лука и колчана со стрелами, на которые (лук и колчан) надевались чехлы, либо только чехол на лук (кожаный, бархатный), украшенный шнуром, серебряными или золотыми накладками, камнями.
- ²³ «Железцы стрельные» — вероятно, наконечники стрел.
- ²⁴ Соборы и Кыртаская таможенные заставы были устроены в начале XVII века соответственно на левом притоке Оби реке Соби и на Северной Сосве, немного выше по течению от Березова. Обе заставы стояли на речных путях в Сибирь и должны были обеспечивать сбор таможенных пошлин с торговцев.
- ²⁵ «Собольи пушки» — шкурки с животом.

³⁴ Юрий Крижанич (1617—1683 гг.) — хорватский историк, общественный деятель, проповедник идеи панславизма (объединения славянских народов). В 1661 году приехал в Россию, после чего был послан (сослан) царем Алексеем Михайловичем в Тобольск. Результатом его вынужденного пребывания в Сибири явились «Поместовление о Сибири...», вышедшее в 1681 году на латинском языке. Крижанич собрал множество сведений о географии, климате, народах Сибири, путях сообщения и истории заселения края русскими. Из сибирской ссылки ему удалось освободиться лишь после смерти Алексея Михайловича в 1676 году.

Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г.

Печатается по изданию: *Вуцинский Л.Н.* К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. 28 с.

³⁵ Пегая орда — название военно-политического объединения средневеких селкупов, прекратившего свое существование в 1598 году, когда войско князя Вояи было разбито объединенным отрядом русских служилых людей и коцских остяков. Пегая орда занимала территорию вдоль Оби от Бардакова княжества (район современного Сургута) до Нарыма, включая бассейны притоков Оби: Ваха, Выхватана, Тума и Парабела. После поражения часть селкупского населения мигрировала на север (реки Таг и Турухан), а Баскитинско-Васюковское Приобье заселили ханты, вышедшие из Бардакова княжества (с Агана, Югана). Часть населения бывшей Пегой орды осталась жить в Нарымском Приобье. Обращает на себя внимание необычность самого названия этого объединения (княжества для союза нескольких княжеств): ни одно военное политическое образование коренного населения Западной Сибири в русских письменных источниках XV—XVII веков не называлось ордой. Даже осыские Золотой Орды — татарское Сибирское ханство именовалось Сибирской землей (царством, страной). Почти все княжества обских угров носили названия, связанные с топонимами: Обдорское, Лаптевское, Камаксское, Колтоное, Бесогорское, Пильмское и т.д. Значит «Пегая» с легкой руки Г.Ф. Миллера объясняется тем, что жители орды были «леги телом». Эта версия, как и другие, близкие к ней, выглядит малоубедительной. Более вероятно происхождение данного эпитета в результате адаптации какого-то местного этнонима или топонима в русском языке. Такое явление было исторически обусловлено и распространено в пору русского освоения Сибири.

В связи с этим можно попытаться раскрыть значение названия из языка остяков Бардакова княжества, от которых русские получали первые сведения об их восточных соседях. В казахско-русском словаре М.А. Кастрика слово «кит» означает «чужой, другой», а «киты, киты» — левый. Оба эти слова близки не только фонетически, но и в смысловом отношении: в мировоззрении ханты, как и многих других народов, эпитет «левый, левый» имел и негативный оттенок, означая одновременно что-то нечистое, неправильное. Отсюда вытекает, что для ханты эпитет Пегая означал «чужая», тем самым подчеркивалась исключая, исключительная принадлежность восточных соседей ханты Бардакова княжества. Достоверность этой версии подтверждает

степи ¹⁷ был одним фактом: аналогичная модель номинации инициальных соседней использовалась нижеобскими ханты, которые называли некое «кравани» («кра» — другой).

Наименование «орда», вернее всего, возникло от хантыйского «ордем (урдем)», означавшего «делить», и означало часть территории (Оби). Таким образом, для ханты название Печая орда значило «Чужая часть (сторона)», или «Чужой, другой народ».

¹⁸ Базыновская (Базыоновская) волость находилась на Иртыше, примыкая с юга к Самарской. Поднее волость именовалась Темечевской (Темдечевской). Название по поселению Базынов-путот (С.К. Патаманов), что обозначало «Деревня Базына». В одном из русских документов начала XVII века упоминается «ниязец» Бозлян. В настоящее время на месте этого поселения находится село Базыны (30 километров к юго-востоку от Ханты-Мансийска).

¹⁹ Лунпукольская (Лунпокольская) волость находилась на правобережье Оби, близ устья р. Тым. В 1594 году эта территория входила в состав Печей орды.

²⁰ Неясно, где Будицкий встретил этот вариант (Югорская) названия Юганской волости. В научной литературе он не употребляется. Вероятно, это результат опечатки в документах XVII века.

²¹ В 1597 году не было «бунта всей югорской земли». За два года до этого липинские остяки и самоды (ненцы) во главе с князем Шатроном Лугуныем более полугода безуспешно осаждали Березов, но при приближении отряда тобольских служилых людей во главе с соратником Ермака атаманом Черкаслом Александром были вынуждены снять осаду. Позднее, в 1607 году, Шатрон Лугуя вместе с оборонным князем Василием снова осаждал Березов. После поражения оба предводителя восстания были схвачены и казнены в Вережове.

²² Лепша, лесовые — лесная охота, охотничий промысел.

²³ Ларинская волость находилась на Оби, выше по течению от ее левого притока Васюганна. Эта территория входила в состав Печей орды.

Крещение остяков и вогулов при Петре Великом

Печатается по изданию: Будицкий П.Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков: Типография губернского правления, 1893. 94 с.

²⁴ Здесь и ниже рассуждения автора об Удорин, или Юнгории, запутаны и спорны. Он необоснованно отождествляет Удорин и Югорию («Юнгорию»). Удория — местность, расположенная к западу от реки Печоры и к северу от реки Вычегды в бассейне реки Вашки (Удэра — «местность у реки» на коми языке). Здесь к XIV веку сформировалась локальная группа древних коми, в состав которой вошли также мансий и самый этнический компоненты. В 1444 году правящий Стефан Первостроитель Пяттириг крестил удорин-идолопоклонников.

Расположение древней Югры вдоль восточных склонов Северного, Приполярного и Полярного Урала, о котором говорит Будицкий, до сих пор не подтверждается сколько-нибудь серьезными научными аргументами (см. прим. 4).

⁸² Стефан Пермский (ок. 1240–1245 — 26.04.1296 г.) — деятель Русской Православной Церкви (РПЦ) второй половины XIV века, церковный писатель. Уроженец Великого Устюга, сын русского и зырянки (коми). Постригся в монахи в Ростове, где получил образование. В 1279 году направляется для проповеди слов Христа на Вычегду, в земли коми, где в совершенстве овладев зырянским языком. Это послужило толчком к переводческой деятельности и созданию зырянской азбуки. Вместе с проповедью основ христианского учения на реках Вычегды, Выми и в других местах Стефан строил церкви и часовни, уничтожая языческие кумиры. В 1282 году по благословению митрополита Московского Алексия хадотонган во епископа новой Пермской епархии. В народной памяти св. Стефан остался как создатель нового алфавита, «и иже-тоиже иже-тои».

⁸³ Герасим Пермский (точные год рождения и год смерти неизвестны) — третий Пермский епископ, ревностно трудившийся на ниве укрепления и прославления основ христианства. Его стараниями коведились храмы, устраивались баты духовенства. Паряду с ростом православия, расширением миссионерского проповедничества и любям мирян существовали проблемы, в силу которых подвергалась опасности жизнь русского проповедника. Во время обряда инавия Герасим был залуком рукою вогула (манси), которого он принял на воспитание. По версии автора «Иконописного Подлинника», это деяние было совершено его домоподданым. П.Н. Бутковский ошибочно называет его «первым епископом Пермь», ссылаясь на статью Н.А. Абрамова в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (ЖМНП, СПб, 1854, ч. 83). Канонизирован Русской Православной Церковью.

⁸⁴ Питером Пермский (?—1455) — четвертый епископ Великой Пермь (с 1447 г.), церковный писатель и миссионер, обративший в христианство многих манси. Составитель «Краткого описания жития св. Александрия» (см.: Духовный вестник, СПб, 1862). Убит вогульским вождем Асыком в Усть-Виме в 1455 году во время миссионерской деятельности. Присоединен к лику святых РПЦ. Дни памяти его считаются 29 января и 19 августа.

⁸⁵ Асыка — князь Пелымского вогульского (мансийского) княжества, располагавшегося на восточных склонах Урала. Известен забитым на пермские и вычегдские земли. Яркий противник христианизации. В 1467 году во время ответного похода пермско-вычегдского отряда на пелымцев «вогуличи» он был захвачен в плен, но сумел бежать. В 1468 году войско Асыки напало на Пермь Великую, были убиты пермский князь Михея и его сыновья. После успешного похода московской рати под руководством воеводы князя Ф. Курбского и И. Салтыкова-Травкина на пелымцев (1468 г.) сын Асыки князь Юмшан принял зависимость от великого князя Московского Ивана III. В 1485 году Юмшан побывал на аудиенции у Ивана III и обжаловал «дань данети великому князю». К этому времени Асыка, вероятно, уже умер, но всяком случае в русских документах и летописях он уже не упоминается.

⁸⁶ Сведения о противостоянии пермяк-идолопоклонников во главе с великим Пам-отвином (Памом) и крестителя пермяки (древних коми) иеромонаха Стефана содержатся в «Слове о житии и учении св. Стефана...», написанном Епифанием Премудрым в конце XIV века. «Житие» и Вычегдско-Пермская летопись однозначно определяют Пам-отвина и его сторонников как пермяки (коми), поэтому отождествление Будинским последних с «жигорскими останками» нельзя признать верным.

⁴⁰ Иван III Васильевич (22.01.1440—27.10.1505) — великий князь Московский с 1462 года, старший сын Василия II (Васильевича) Темного. Выдающийся государственный деятель, дипломат. При его правлении завершилось формирование территории Русского централизованного государства и начала складываться система приказного управления. При нем сильно возросло значение дворянства и получило развитие поместное землевладение. Важнейшим его достижением была ликвидация зависимости Московской Руси от ордынца.

⁴¹ Здесь неточность: Березов был основан через год после Палыма, т.е. в 1594 году.

⁴² Алчачымы — княжеский род конца XVI—середины XVII вв. хантыйского Кодакского княжества, расположенного на правом берегу Оби между рекой Ендырь и Северной Сосьвой. Русское правительство использовало род Алчачымов в своих административно-хозяйственных и политических целях. Последний князь Дмитрий Михайлович в 1643 году был вызван в Москву, заточен в дворцовое, получил вотчину на Лене, в Коми крае, а Кода была присоединена к Русскому государству. К концу XVII века род Алчачымов угас.

⁴³ Кодакский (Кондинский) Троицкий монастырь основан в 1653 году в селе Кондинском (ныне — Октябрьское Ханты-Мансийского автономного округа). В течение 130 лет (1657—1891) был мужским. Расположен на правом берегу Оби. Указом Синода от 12 апреля 1891 г. (№ 5830) монастырь был обращен в женскую общину с подчинением Иоанно-Владимирскому монастырю, что под Tobльском. 21 июля того же года несколько монахинь отбыли в Кондинск. Настоятельница была назначена монахиня Анна Дружинина. В число насельниц общины входили пять монахинь, пять раскофных послушниц и пять «белниц». История монастыря богата событиями, имевшими всероссийское значение. В сентябре 1909 года Кондинская Троицкая женская община вновь была обращена в самостоятельный женский трехклассный общежительный монастырь.

⁴⁴ Троицкая церковь в селе Кодакском была построена князем Михаилом (Игнатьевичем) Алчачымы. Описания ее внешнего и внутреннего вида не сохранились из-за пожара. Старинная церковь была восстановлена, но ее минимом из-за ветхости была снесена в момент закладки монастырской обители.

⁴⁵ Михаил Федорович Романов (12 (22).07.1596—13 (23).07.1645) — сын Федора (Фильарета) Романова. На Земском соборе 21 февраля 1613 года был избран первым русским царем. По своим личным качествам был человеком небольшого ума, нерешительным и к тому же болезненным. Фактически государством управлял его отец патриарх (до своей смерти в 1633 г.). При Михаиле Федоровиче были заключены Столбовской мир (1617) и Деулинское перемирие (1618).

⁴⁶ Речь идет о нерыбных сельнуках, которых до конца XIX века ошибочно называли «остяками» (или «остяко-самоедами»).

⁴⁷ Указ великих государей Иоанна и Петра Алексеевичей и сестры их цесаревны Софии в Сибирь о крещении в православную веру и о «розсыле и навазании из них тех, кои обобра поминком или разори кого-либо, бежали и просят о крещении их, дабы тем освободиться от наказания: Именитой с бирским приговором».

⁴⁸ Происхождение этнонима «остяки» до сих пор многие авторы связывают с татарским «уштек, уштяк» — «дикий, непокорный». Более вероятна другая версия, согласно которой этноним «остяк» произошел

от самоназвания обских ханты: ас-ях — «обские люди, обской народ». Аналогичная ситуация сложилась и с этнонимом «ногулы», который, как правило, объясняется на языке коми, где он переводится как «дикий». В то же время известный археолог и этнограф В.Н. Чернецов считал, что этноним «вокал, выкли», встречающийся в исторических преданиях обских уртов, имеет хантыйское происхождение. Известный топонимист А.К. Матвеев, отмечая обилие географических названий, образованных от слова «ногул», приводит хантыйский вариант этнонима — «охаля», который применялся в отношении манси. Этнограф Е.П. Мартынова отмечает, что у нижнеобских ханты до сих пор сохранился этноним «охаля», который идентифицируется ими как «чужбинские манси или ханты».

В целом следует подчеркнуть, что связь этнонимов «остяки» и «ногулы» соответственно с татарским и коми словами со значением «дикий», по всей вероятности, вторична. Слово «дикий» является эпитетом к данным этнонимам, а не их переводом с коми и татарского языков. Исходное значение этих названий связано, вероятнее всего, с древними самоназваниями северных обско-угорских групп.

¹⁰ Манси, манц — этноним, который означал «говорящие». Восходит к древнему названию предков венгров и манси — «монта», «манса». У венгров этот термин трансформировался в «мадьар» — «говорящие люди». Этнонимом с подобным значением носили и у других народов, что является результатом противопоставления «свой — чужой», «говорящий — немой».

¹¹ В фольклоре ханты «арях» — дикий народ, который жил в Нижнем Прииртышье и Среднем Приобье до появления там хантыйского населения. «Арьях» ханты переводят как «Песенный, былинный народ». Этническая принадлежность «арях» неясна, но есть основания считать, что этот народ был ассимилирован предками современных ханты.

¹² Енисейские остяки — устаревшее русское название кетов. По происхождению и языку кеты не родственны ханты.

¹³ Здесь и ниже сведения о бытовухах обских уртов и их религиозной обрядности, приводимые И.Н. Вуциным, почти дословно повторяют данные из сочинения Григория Новицкого (о нем см. ниже).

¹⁴ Новяцкий Григорий Ильич (год рождения неизвестен, умер в 20-е годы XVIII века) — малорос, автор «Краткого описания о народе остяцком» (1715). Получил образование в Киево-Могилянской академии. В 1712 году сослан в Сибирь, где наблюдал жизнь ханты (остяков) и манси (ногулов), опросившая в миссионерской поездке митрополита Филофена Лецинского в Березовский край. Погиб во время посещения Ковдинской волости (на р. Конде).

¹⁵ Неумеренное выражение речи идет о татуировках, которые у обских уртов носили характер налечивающего или оградительного (от болезней, злых духов) знака. Возможно, некоторые татуировки были родовыми, фамильными знаками (символами).

¹⁶ Кастрен Матвас (Матвей) Александрович (Александр) (2.12.1813 — 7.05.1852) — финский языковед и этнограф. Предпринял ряд путешествий по северной части Европейской России, Уралу, Западной и Южной Сибири (1845–1849). Исследовал, в частности, хантыйский, самодийские и другие языки. Автор работ по мифологии и этнографии Сибири.

¹⁷ Паллас Петр Симон (1741–1811) — немецкий естествоиспытатель, географ, с 1767 года работавший в России по приглашению Екатерины II.

ны И. В 1768–1774 годах Паллас возглавлял академическую комбинированную экспедицию по Центральной России, Уралу, Сибири и Забайкалью. В результате этой экспедиции появились два знаменитых труда Палласа: «Русско-азиатская зоография» и пятитомное «Путешествие по разным провинциям Российского государства».

¹⁷ Елянь (Еляня) — название духа (божества?) у северных ханты и манси, зафиксированное учеными и краеведами во второй половине XIX — начале XX веков. А.П. Зенько полагает, что Елянь — зипит некоего божества — покровителя войны, чье имя его важнейшим атрибутом являлось оружие, а предники, устраивавшиеся в его честь, сопровождались пляской мужчин с копьями и саблями. Значение слова А.П. Зенько, сославшись на И.Н. Смирнова (1904 г.), определяет как «священный». В связи с этим следует отметить, что близкое по звучанию слово с таким значением у ханты и манси отсутствует, но есть у ненцев — «елля».

В то же время известный финский этнограф К.Ф. Каралайнен считал еляней помощниками и охранителями, слугами местных духов-покровителей. Отличительной чертой изображений еляней, по его мнению, являлись остроконечность, имитирующая шпиль мачты. Эти изображения отличались небольшими размерами и имели вид палочек или камышей, на которых вырезались лишь лица и головы. Вслед за О. Финшем (1882 г.), лично наблюдавшим обряды почитания еляней на хантыйских святилищах, где их количество достигало нескольких десятков, К.Ф. Каралайнен считал, что еляни не являлись собственно идолами, а приносились в жертву верховному духу. Кроме того, интересно, что еляней никогда не одевали, им не приносили даров как идолам духов.

К.П. Мартинова вслед за С.И. Руденко (1916 г.) считает, что еляни — духи, покровительствующие рыболовам и охотникам. Изображения еляней в случае их успешной «службы» по истечении трех лет уносили на ближайшее святилище, а взамен изготавливали новые.

В пользу последних трактовок значения еляней, возможно, свидетельствует наличие в лексиконе ханты слова «елле (елле)» — «щипка», что вполне согласуется с небольшими размерами изображений еляней и почти полным отсутствием у них каких-либо деталей тела (кроме головы).

¹⁸ Все же Новицкий, видимо, прав, считая толгас «хай» не более чем междометием, т.е. у ненцев «хай» не означает Бог. Ненецкое «ххх» означает «идол, дух». Сам же факт заимствования ханты этого религиозного термина у ненцев сомнителен.

¹⁹ Иноким (Иван Савельев) (1621–1690) — десятый Патриарх Московский и всея Руси (1674–1690). Московский дворянин, ведущий род из Великого Новгорода. В 1655 г. оставил военную службу и принял монашество. В 1664 г. — архимандрит Чудова монастыря, с 1672 г. — митрополит Новгородский. После падения в 1666 г. Патриарха Никоны (Пимфы Минина, 1605–1681) сблизился с царем Алексеем Михайловичем (1629–1676). Отстаивал независимость духовенства от светской власти. 26 июля 1674 года возведен на патриарший престол.

²⁰ Адриан (Андрей) (1627–1700) — одиннадцатый и последний доселевавший Патриарх Московский и всея Руси (1690–1700). Преподнесен церковной старшиной, активно критиковал реформы Петра I. Оставил обширное литературное наследие, включающее проповеди, обличения. Поддерживал общерусское летописание, поспешившие новыми сводами. В борьбе со староверами предпочитал репрессивные

- меры. После смерти его патриаршество было заменено синодальной формой церковного правления.
- ⁴⁰ Игнатий (Римский-Корсаков, ок. 1639–13.05.1701) — митрополит Сибирский и Тобольский (1692–1700). О его мирском имени судят легенды. По первым (вплоть до 1988 г.) — Иван Степанович, по другой — Илья Александрович. Выходец из дворян, при царе Алексее Михайловиче был священником. Присутствовал на синоде в Олонецком монастыре. С 1685 года — архимандрит. Хиротония в митрополита Сибирского состоялась 3 апреля 1692 года. Прибыл в Тобольск 12 февраля 1693 года. Был ярким обличителем злачества, раскола и сектистства. Большое участие принимал в делах христианизации народов Тобольского Севера. Остаток своей жизни провел в Московском Симоновском монастыре, где и погребен. Известный духовный писатель, обличитель раскола.
- ⁴¹ Кирилл (Староусенин) (вторая половина XVI ст. — 17.12.1635) — первый архиепископ Сибирский и Тобольский (8.08.1620–15.02.1624). Был архимандритом Хутынского монастыря. Возведен на тобольскую кафедру с согласия патриарха Филарета по указу царя Алексея Михайловича. Хиротонисан в архиепископы 8 сентября 1620 года. Дети погребены в Тобольске — 19 июня 1691 г. 15 февраля 1624 года вызван в Москву и возведен в сан митрополита.
- ⁴² Филарет (Федор Никитич Романов, ок. 1554–1633) — четвертый Патриарх Московский и всея Руси (1618–1633), крупный государственный деятель, отец царя Михаила Федоровича и старший сын боярина Никиты Романовича Юрьева, брата первой жены Ивана Грозного Анастасии, соперник Бориса Годунова при дворе, которым на время подступившим в Москве в конце 1610-х годов начался 1601 гг. Принимал участие в свержении Василия Шуйского (1610). Как духовный деятель укрепил власть и авторитет Московской патриархии. Принял решение об учреждении Тобольской и Сибирской архиепископий (1620).
- ⁴³ Виниус Андрей Андреевич (1641–1717) — русский государственный деятель, дворянин. В 1694–1695 гг. управлял Сибирским приказом, строил заводы на Урале. Один из ближайших соратников Петра I в ранние годы его царствования.
- ⁴⁴ Абрам Николай Алексеевич (17.04.1812 — 3.05.1870) — известный сибирский краевед, историк. Образование получил в уездном народном училище (1823–1825) и Тобольской духовной семинарии (1826–1832). Преподавал в духовном училище (1832–1836). С 1842 г. — оконоитель Березовского, Ялуторовского и Томского уездов. С 1853 г. — столоначальник Главного Управления Запавдси Сибир (г. Омск). Действительный член Русского Географического общества (РГО) (с 5 ноября 1858 г.). Один из первых и ведущих знатоков природной истории Сибири, особенно Тобольской губернии и епархии (более 100 публикаций). Другой известный церковный историк Сибири — А.И. Сулоцкий писал о нем: «После Абрамова едва ли скоро явится такой знаток Сибири и такой охотник писать о ней, каков он был».
- ⁴⁵ Иован Максимович (Иован Тобольский) (в миру — Иван Максимович Васильковский, род. в декабре 1651 г., умер 10 июля 1715 г.) — десятый митрополит Тобольской епархии, носивший титул «Митрополит Тобольский и всея Сибири». Уроженец города Нежина Черниговской губернии. Из дворян. Учился в Киевской духовной академии. Принял монашество в Киево-Печерской лавре. В 1677 году 24-милетным иеромонахом Иован был избран посланником к царю Федору Алексеевичу. Св-

дений с 1677 по 1695 годы о его деятельности нет. С 1695 года — архимандрит Черниговского Елецкого монастыря. 10 января 1697 г. — архиепископ Черниговский. 23 марта 1711 года хиротонисан в митрополиты Тобольской епархии. Прибыл в Тобольск 14 (по другим сведениям — 11) августа 1711 года. Видный деятель русского православия, духовный писатель и проповедник, оставивший большое литературное наследие. Канонизирован в 1916 году, последний русский святой досоветского времени 10 (23) июня. Его мощи и по сей день привлекают богомольцев в древнюю столицу Сибири.

¹¹ Шаровы курты — искаженное название Шаргородских курт. Исконное звучание топонима — Шаркар (в переводе с коми языка — «Город на ручье (речке)». До конца XVI века Шаркар был центральным городом Кудского княжества, княжеской резиденцией. Там же находилась и «кумьрина» (светилица) общегородского значения, посвященная Ортыку (Орт-ики — одно из имен сына верховного божества обских угров Торума — Мир-Ванты-жу). В настоящее время рядом с древним городищем находится пос. Шаргалы (Октябрьский район Ханты-Мансийского автономного округа).

¹² Правильнее «Кошущини». В Ремезовской летописи упоминается хантыйский (мансийский?) ханько Кошук и его городок, который был с боем взят дружиной Ермака. В XVII—XIX веках в состав Кошукской инородческой волости в низовьях реки Талды (левый приток Тобола) входило 12 поселений. Ныне на месте городка — село Кошук (Тывдинский район Свердловской области).

¹³ Нахрачи — бывшая княжеская резиденция и культовый центр нижнекондинских ханты. В 1963 году село Нахрачинское было переименовано в Кошдакское.

¹⁴ Сатыгинская волость находилась в среднем течении реки Конды, левого притока Иртыша. Селение Сатыга, названное по имени легендарного мансийского (хантыйского?) князя начала XVIII века Сатыги, располагалось на северном берегу одноименного тумана — проточного озера.

¹⁵ Василий Мангазейский (Василий Отыганаев, ?—1600) — праведник, к которому была допущена уступка со стороны высшей духовной власти о признании его Угодником Божиим без официальной канонизации. Служил приказчиком у состоятельного купца в Мангазее. Обвинен последним в краже и убит. С 1649 года чествуется как подвижник благочестия. Днем памяти святителя считается 10 мая.

¹⁶ Антоний I (Стаховский) (св. нет — 27.03.1740) — митрополит Тобольский и Сибирский (14.02.1721—27.03.1740). Выпускник Киевской духовной академии. В 1701—1709 гг. — кафедральный наместник в Чернигове. С 1709 года — архимандрит и настоятель Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. В течение восьми лет, с 1713 по 1721 годы, был архиепископом Черниговским. В 1721 году возведен в сан митрополита Тобольского и Сибирского. Прибыл в Тобольск 7 декабря 1721 года. Многогранной была его деятельность на поприще христианизации народов Тобольского Севера и борьбы с расколом.

¹⁷ Ретюна дудя (лат.) — железное луко.

¹⁸ Генкин (де Генкин), Вилли Иванович (Георг Вилгельм) (1676—1750) — специалист по горному и металлургическому производству, генерал-лейтенант. Голландец по происхождению, в России с 1698 года на службе. Участвовал в Северной войне (1700—1721). Активно проводил в жизнь политику Петра I. С 1722 по 1734 гг. — начальник уральских горных заводов.

¹⁴ Долгорукий Михаил Владимирович (14.11.1667 — 11.11.1750) — тобольский губернатор (1724—1728), князь, государственный деятель, д.т.с. (1729). Из рода Долгоруких, брат В.В. Долгорукого. Стольник (1685). Участвовал в Крымском походе 1689 г. С апреля 1729 г. — член Верховного тайного совета.

Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Кириил

Печатается по изданию: *Вуцицкий П.Н.* Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Кириил. Харьков: Типография губернского правления, 1891. 58 с.

¹⁵ Владимир (Владимир Святославович) (?—1015) — святой, князь Новгородский (с 969), великий князь Киевский (с 980). Добился объединения всех восточнославянских племен. В 988 году положил начало процессу христианизации древнерусского общества, избрав христианство в качестве государственной религии. Осуществил эту акцию с помощью византийского духовенства. Объявлен РПЦ равноапостольным и канонизирован в середине XIII века по велению Александра Невского.

¹⁷ Ярослав I (Ярослав Мудрый, 978—1054) — великий князь Киевский, сын Владимира Святославовича. Был основателем первых русских монастырей. Ярослав является основателем Русской Православной Церкви.

¹⁸ Ижора — западнофинская народность, жившая по берегам Невы. Земля, на которой обитала ижора, называлась Ижорской, или Игрийей, Игчерман-ландией (при Петре Великом). Территория Ижорской земли входила в состав владений Новгорода Великого, а после 1478 года была присоединена к Московскому государству. К XVII веку ижорцы были полностью ассимилированы севернорусским населением.

¹⁹ Карелы (самоназвание — карьелли) — народ в России прибалтийско-финской подгруппы финно-угорской группы уральской языковой семьи. Относятся к беломорско-балтийской расе большой европеоидной расы, в некоторых группах прослеживается слабая монголоидная примесь. Карелы сформировались на основе абортинных племен Южной Карелии и Юго-Восточной Финляндии. В XI веке карелы стали проливаться на север и заняли свою современную территорию, поглотив часть савонов. Первое упоминание названия «карелы» в русских летописях относится к 1143 году. В настоящее время их насчитывается около 140 тысяч человек, имеют собственную автономию.

²⁰ Чудь — изначально отожеств. название одного из «лимерских» западно-финских племен. Упоминается в «Повести временных лет» как северный сосед восточнославянских племен. Исчезает с исторической арены в начале II тысячелетия. Очевидно, чудь была ассимилирована словенцами. Район обитания этого племени реконструируется по топонимам, в частности, по названию Чудского озера. Позднее — общее название, применявшееся русскими в отношении финноязычного населения Европейского Севера. Впоследствии не только русские, но и сами потомки чудских народов стали применять это название для обозначения древнего населения этих территорий.

Пронимая с чуди сохранились в севернорусских землях (Новгород, Архангельск, Устюг), у коми-зырян, коми-пермяков и народецких индейцев. В них чудь — языческий народ, убегающий от христиан или погрешавший себя в землянках. В коми-языке «чудь, чуйд» означает

«путливый, болливый». У коми-зырян чужь иногда ассоциируется с собственными предками-язычниками.

⁴¹ Олонецкий край — территория бассейна реки Олонки в Приладожье, где обитали западнофинские племена, в частности — весь (предки современных вепсов).

⁴² Лопари, или саамы — народ, издревле обитающий на севере Скандинавии и Колском полуострове. Язык саамов относится к финно-угорской группе уральской языковой семьи, распадается на ряд сильно различающихся диалектов. Традиционные занятия саамов — охота на дикого оленя, оленеводство.

⁴³ Лепландия — устаревшее название территории, заселенной лопарями (саами). Название означает «Страна лыпов».

⁴⁴ Зосима — преподобный, один из основателей Соловецкого монастыря (7—1478). Был канонизирован собором в 1547 году. Память его отмечается 17 апреля. В 1566 г., 8 августа, его мощи были перенесены в придел соборного храма, посвященного преподобным Зосиме и Савватию.

⁴⁵ Савватий — преподобный, один из основателей Соловецкого монастыря (7—27.09.1435). Ище место для совершенного уединения и безмолвной молитвы и уединя о существовании в Белом море большого пустынного острова, отправился туда. Первоначально поселился у часовни на реке Выге, где встретил монаха Германа, жившего в лесу. Недолго 12 километров до места нынешнего расположения монастыря, близ озера поставил келью. Уже после кичичим здесь был построен монастырь, получивший название Соловецкого.

⁴⁶ Герман — преподобный соловецкий (7—1479), родом из Тотмы. Вместе с рыбаками в 1428 г. отправился на пустынный Соловецкий остров, где встретился с Савватием, постриженным Валаамской обители. После смерти последнего подвизался с преподобным Зосимом. Встретившись, он диктовал клирику о своих подвизаниях по пустынножителству, на жизнеописание. Около 50 лет прожил Герман на Соловецком острове. День его памяти празднуется 30 июля. Мощи покоятся в Соловецком монастыре.

⁴⁷ Иона (7—1471) — с 1458 г. епископ Пермский. Избран в епископы из простых монахов. С успехом продолжал обращение в христианство язычников, живших по Каме и Чусовой. В начале проповеди ему пришлось потерпеть много лишений и страданий от обращенных в православие. На месте истребленных кумирниц им были построены церкви и при последних открыты училища. В 1459 году Иона значится в числе русских иерархов, писавших увещание к епископам литовским оставшимся верными православью. День памяти его — 29 января.

⁴⁸ Гурий (ок. 1500—1563) (в миру Григорий Руготин) — архиепископ Казанский, святой. Память его празднуется 6 декабря, а днем обретения мощей является 5 октября. Был управляющим у кн. Ивана Пемного. Окаменевший в преступной связи с его женою, был посажен в подземелье, где находился два года. Во время заключения переписывал «Азбуки», а вымученные деньги раздавал нищим. По освобождении поступил в Иосифо-Волоколамский монастырь, а затем служил игуменом этого монастыря. По воле Ивана Грозного два года настоятельством в Селижарском монастыре. В 1555 г. собором русских святителей был посвящен на вновь учрежденную архиепископскую кафедру в Казани. Активно принимал участие в христианизации инородцев. Мощи его покоятся в Благовещенском соборе Казани.

⁴⁹ Иван IV Васильевич (Иван Грозный) (25.08.1530—18.03.1584) — царь Московский, сын великого князя Василия III. Сыграл большую роль в

- укреплении сильной централизованной власти в России. Был образованнейшим человеком своего времени. В исторической науке деятельность Ивана Грозного получила разноречивую оценку.
- ⁸ Симеон — архиепископ, митрополит кафедры Сибирской и Тобольской епархий в 1651—1664 гг. Выходец из Нижегородской епархии (?—?). Был построен в монахи в Макарьев-Жестоводском монастыре. Хиротонисан в архиепископа Сибирского 9 марта 1651 года в Московском Успенском соборе в присутствии царя Алексея Михайловича. Прибыл в Тобольск 20 декабря 1651 г. В 1664 году Симеон был вызван в Москву и 16 февраля вышел в отставку. До 1676 г. находился в Макарьев-Жестоводском, а затем Чудском монастырях. В Сибири оставил о себе память как ревнитель христианского благочестия и устроитель церковного благочиния.
- ⁹ Туринский Покровский монастырь основан в 1604 году. Первоначально находился при Покровской приходской церкви. В нем жили монахи и монахини без настоятеля в деревянных кельях. В 1624 г. архиепископ Котляков определил настоятелем игумена Монаха, который при содействии архитеастры изыскал средства для постройки Никольского монастыря, куда перешли монахи. Последний был наделен землями и угодьями от царя Петра Алексеевича. С 1764 года монастырь назывался Никольвским. В 1822 г. он был обращен в женский.
- ¹⁰ Годунов Матфей Михайлович — боярин, тобольский воевода (1620—1629) при царе Михаиле Фёдоровиче.
- ¹¹ Варлаам I (Ретов) — Ростовский митрополит (?—1603), из игуменов Кирилло-Белозерского монастыря. В январе 1587 года посвящен на кафедру Ростовскую. Присутствовал на Московском соборе 1589 г., когда решался вопрос об учреждении патриаршества в России. Вместе с митрополитом Московским Иовом и Новгородским архиепископом Александром был предложен в кандидаты на патриаршество. В день избрания Иова в патриархи Варлаам был поставлен митрополитом. С того времени епископы Ростовские стали именоваться митрополитами Ростовскими и Ярославскими.
- ¹² Тобольский Знаменский монастырь основан в низине посде города, на правом берегу Иртыша, в устье небольшой реки Абрамовки в 1526 году. В 1670 году монастырь переименован в честь Пятницы и окружен четью Тобольска. На новом месте монастырь существовал недолго — не более 13 лет. В 1673 году при архиепископе Котлякове вновь переименован в нижнюю часть города и поставлен за татарскими юртами. В 1659 году монастырь сгорел дотла от молнии. После этого пожара 26 мая 1677 года вновь был истреблен очередным пожаром. И лишь после пожара 1685 года в царствование Ивана и Петра Алексеевичей началось новое строительство. Но каменное воплощение он получил после 1767 года. В 1673 году рядом с Каменским храмом был заложен корпус теплого придела в честь Знамения Божьей Матери, давшего название монастырю. Тобольский Знаменский мужской монастырь в XVII—XVIII веках — один из известных в Сибири. На его территории в 1803 году открылась первая в Сибири духовная школа — Тобольская духовная семинария.
- ¹³ Сулязов Юрий (Юрье) Янышевич (Вышевич) (?—1643) — тобольский воевода, боярин. В 1624—1625 гг. предпринял статистическое обследование ряда земель Западной Сибири и установил тесное соотношение крестьянских наделов с размерами обрабатываемой ими государственной пашни, увеличил при этом татарские повинности. Ввел зачет земельных участков служилых людей на их земном жаловании. Унифицировал денежные оклады служилых людей. Княжеский род Сулязовых произо-

ходил из крымских татар, где члены его занимали важные посты в XVI—XVII вв. До назначения в Тобольск Юрий Яншевич был воеводой в Новгороде, являясь мужем Марфы Салтыковой, племянницы Марфы Романовой. После возведения на престол Михаила Романова за ним окончательно утверждается титул стольника.

Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим (1625г. — 1850 г.)

Печатается по изданию: *Буцинский П.Н.* Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим (1625г. — 1850 г.). Харьков: Типография губернского правления, 1891. 68 с.

⁹⁰ Суворовский Александр Иванович (1812—16 (3).05.1884) — протоиерей, законоучитель Сибирского кадетского корпуса, известный церковный историк Сибири. Образование получил в Ярославской духовной семинарии и С.-Петербургской духовной академии (1833—1837). Со степенным кандидатом богословия был определен в 1848 году учителем церковной истории и греческого языка в Тобольскую духовную семинарию. В Тобольске сблизился с историками П.А. Славновым, Н.А. Абрамовым, Г.А. Бардашниковым, полком П.П. Ершовым, лингвистами. В 1884 г. переехал в Омск, где работал в кадетском корпусе с И.Я. Словцовым. Ученеко занимался научной деятельностью, был в числе учредителей Общества исследования Восточной Сибири, в с 1877 г. — член учредитель. ЗСОИРГО. Крупный специалист по истории христианства в Сибири. Его перу принадлежит около 100 печатных работ, появлявшихся во многих российских журналах и научных изданиях. Говоря о тобольском периоде, он замечает: «Так мало стесняемо за десятилетнюю службу в Тобольске... оттого, что 1) я оказался, не пренебрегая бы моим писанием гг. журналистам, не отпустил бы они моих статей с презрением; 2) печатать свои сочинения на собственный счет тогда я не имел средств». 30 января 1885 года возведен в степень магистра богословских наук. Имел двух сыновей и трех дочерей. Перечень его сочинений опубликован в № 11 «Тобольских епархиальных ведомостей» за 1884 год.

⁹¹ Амвросий I (Хельмберг) (около 1750—4.07.1825) — уроженец города Лубны Полтавской губернии. Окончил Киевскую духовную академию. С 1792 г. — архимандрит Воронежского Алексеевского монастыря, потом — ректор Воронежской духовной семинарии, еще позже — Новгородской. С 20 ноября 1797 г. — епископ Уфимский и Оренбургский. После шестилетнего служения (25 мая 1806 г.) возведен в сан архиепископа и переведен в Тобольск. Четыре года возглавлял дрезную Сибирскую кафедру.

⁹² Ослобин Николай Николаевич (1852 — год смерти неизвестен) — русский историк-археолог. Окончил Петербургский археологический институт. Служил архивариумом при Московском архиве Министерства юстиции. В 1895—1901 гг. завершил великоскопский археологический труд в четырех томах «Обозрение столбца и книг Сибирского приказа (1592—1768)», сохраняющий поныне значение важнейшего справочного издания по фонду сибирских материалов. В 1898 году книга была удостоена премии Академии наук. Автор многих историко-географических трудов. Впервые в сибирской историографии отразил народные движения в XVII веке.

¹⁹⁰ Аббас (1571— янв. 1629) — шах Ирана (с 1587) из династии Сефевидов. Главное внимание уделял укреплению централизованной власти и проведению внутренних реформ. Не раз обменивался посольствами с Россией. Покровительствовал европейским купцам и миссионерам. При его правлении Иран достиг наибольшей политической силы, а шахин — чем его называли Великим.

¹⁹¹ Хованский Андрей Андреевич — князь, тобольский воевода (1626—1627), сменил на этом посту боярина Д.Г. Трубецкого.

¹⁹² Веньяминов Мирон Андреевич — князь, тобольский воевода (1625—1626).

¹⁹³ Иосиф I — четвертый Патриарх Московский и всея Руси в 1634—1640 годах, преемник Филарета. Был прежде архиепископом Пскова. Одно из его первых дел в качестве Патриарха было жестокое наказание архиепископа Суздальского Иосифа (Куряева) за его недостойное поведение. Издавал «Детскую грамоту», в которой указывал, в каком порядке иерархи должны занимать места при богослужении и на соборах.

¹⁹⁴ Тевкин-Ростопский Михаил Михайлович — стольник, князь, тобольский воевода (1635—1638).

¹⁹⁵ Волынский Андрей Васильевич — стольник, князь, тобольский воевода, управлявший Сибирью вместе с М.М. Темкиным-Ростопкиным.

¹⁹⁶ Есинтов Сава Едымович — подьячий архиепископа Нектария (Телетина), летописец. В 1636 г. составил повесть «О Сибири и Сибирском клятине», известную под названием Восточской летописи. По мнению историков, это одна из старейших сибирских летописей. По свидетельству «Словаря» Ф.А. Брокгауза — летописание доведено до 1621 года и составлено автором «по писанию прежнему» (вероятно, по труду Тобольского архиепископа Кептрона), не дошедшему до нас.

¹⁹⁷ Абацкая икона Знамения Божией Матери, явленная в с. Абакан являе благочестивой Марии, в честь которой в 1637 году архиепископом Нестарием была заложена церковь. Икона иконописана была протодьяконом Софийского кафедрального собора Матвеем Мартыновым (1638), широко известна в Сибири и России как чудотворная. По распоряжению митрополита Корнилия с 1665 года ежегодно 8 июля из Абакана с крестным ходом доставляется в Тобольск для поклонения верующих.

¹⁹⁸ Куранин Григорий Семенович — князь, тобольский воевода (1643—1644), управлял вместе с князем М.С. Тугариным. В годы их воеводства в Тобольске был большой пожар (4 августа 1643 г.), уничтоживший город, соборную и приходскую церкви, архиерейский и воеводский дома, острог.

¹⁹⁹ Тугарин Матвей Петрович (? — 1721) — первый губернатор Сибири (1711—1721). С его именем связан новый поворот таможенной политики в сторону усиления пошленного обложения торговли. В 1713 году пересмотрел Таможенный Устав 1698 г. По этому Уставу в Сибирь вводился дополнительный сбор десятых «перекупной» пошлины при перепродаже товаров. Его управление закончилось грандиозным скандалом о злоупотреблениях сибирских властей, а князь Тугарин, участвовавший в злоупотреблениях, был публично казнен.

²⁰⁰ Одоевский Никита Иванович — князь, боярин, представитель московской бюрократии, судья Сибирского приказа (1643—1646).

С. Пархимович, А. Чернышов.

Оглавление	
Мангазея и Мангазейский уезд (1601 г.–1645 г.).....	5
Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г.	79
Крещение остяков и вогузов при Петре Великом	111
Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан.....	199
Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим (1625—1650 гг.)	251

БУЦИНСКИЙ Петр Никитович
Сочинения в двух томах
Т.2: Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск
 Под ред. С.Г. Пархимовича
 Составитель Ю.Л. Мандрика
 Художник А. Кухтерин Корректор М. Дистанова Оператор ПЭВМ Н. Нозрина
 Сдано в набор 14.02.99 г. Подписано в печать 14.07.99 г. Формат 70х100/16. Гарнитура «SchoolBook». Печать офсетная. Бумага ВХИ «Г». Уч.-изд. л. 14,1. Усл. печ. л. 26,45. Тираж 500 экз. Заказ № 172.
 Предприниматель Мандрика Ю. Л. Лицензия ЛР № 066834 от 23.04.98 г.
 Адрес для переписки: 625002, г. Тюмень, а/я 5579. Тел. (345-2) 25-12-84.
 Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУИПП «Уральский рабочий». 620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.